

ХАРИЗМАТИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ, ИЛИ БЫТЬ, А НЕ КАЗАТЬСЯ! (К ЮБИЛЕЮ ПРОФЕССОРА Л. А. ШКАТОВОЙ)

CHARISMATIC PERSONALITY, OR BE, NOT SEEM TO BE! (ON THE ANNIVERSARY OF PROFESSOR L. A. SHKATOVA)

Людмила Александровна Шкатова — известный в России и за рубежом ученый-языковед, доктор филологических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы, отличник народного просвещения, действительный член Петровской академии наук и искусств, основатель Челябинской терминологической школы. Родилась в 1939 году в городе Чембаре (ныне Белинский) Пензенской области. В 1961 году окончила историко-филологический факультет Челябинского государственного педагогического института, в 1967 году — аспирантуру Института русского языка АН СССР и в том же году успешно защитила кандидатскую диссертацию. С 1961 года Людмила Александровна преподавала в ЧГПИ (сегодня ЮУрГПУ), сначала в должности ассистента, затем доцента и зам. декана филологического факультета. В 1976 году была приглашена на работу в только что открывшийся Челябинский государственный университет, где возглавила историко-филологический факультет, а впоследствии кафедру русского языка. В 1987 году успешно защитила докторскую диссертацию «Терминологические наименования лиц в русском языке (историко-ономасиологический анализ)».

В 1989—1990 годах трудилась на посту проректора по учебной работе ЧелГУ.

Научные интересы Людмилы Александровны многогранны и неисчерпаемы, но в центре внимания ученого всегда находились проблемы языкового сознания, профессиональной номинации и коммуникации, терминологии и лингвокультурологии. По этой тематике ею опубликовано более 300 научных статей, учебных пособий и книг. Под руководством Л. А. Шкатовой были подготовлены к печати коллективные монографии «Русский язык для делового общения», «Этнокультурная специфика языкового сознания», «Языковое сознание: формирование и функционирование». Ею созданы уникальные дистанционные курсы «Риторика», «Русский язык и культура речи», организованы три научные экспедиции по изучению живой речи жителей Южного Урала. Людмила Александровна — замечательный популяризатор науки, с лекциями и тренингами по речевой коммуникации она объехала полстраны.

На протяжении многих лет Людмила Александровна возглавляла Совет по русскому языку и словесности при губернаторе Челябинской области, являлась вице-президентом Челябинской областной организации общества «Знание», ректором Народного университета, входила в ученый совет Российского терминологического общества (РоссТерм), возглавляла докторский диссертационный совет по филологическим наукам в ЧелГУ, была членом совета по защите кандидатских и докторских диссертаций в УрГУ имени А. М. Горького (ныне УрФУ), главным редактором научного направления «Филология. Искусствоведение» Вестника ЧелГУ, председателем Кирилло-Мефодиевского просветительского общества.

По инициативе Людмилы Александровны и при ее непосредственном участии в 1999 году на основе договора с Институтом языкознания РАН в Челябинском государственном университете была создана вузовская академическая лаборатория межкультурных коммуникаций. Л. А. Шкатова выступила инициатором и председателем оргкомитета ряда международных и всероссийских научных конференций, в том числе конференции «Русский язык как государственный». По ее предложению с 1997 года в ЧелГУ регулярно проводятся Житниковские чтения, посвященные памяти одного из старейших преподавателей вуза В. Ф. Житникова. Как научный руководитель и консультант Людмила Александровна Шкатова дала путевку в жизнь десяткам кандидатов и докторов филологических наук. В ее честь учениками и коллегами изданы два сборника научных трудов (в 2000 и 2009 гг.).

Л. А. Шкатова является Почетным профессором Челябинского государственного университета. Ее самоотверженный труд многократно отмечен грамотами и наградами: Почетной грамотой Министерства просвещения, медалью ордена «За заслуги перед Отечеством», медалью Общества «Знание» России «Подвижнику просвещения», знаком отличия «За заслуги перед Челябинской областью». Международным биографическим центром Англии по итогам XX века Людмила Александровна признана «выдающейся женщиной мира».

Людмила Александровна Шкатова олицетворяет собой лучшие качества учителя, университетского преподавателя и профессора.

Е. И. Голованова

СТИЛИСТИКО-ЯЗЫКОВЫЕ ПАРАМЕТРЫ РЕФЛЕКСИВНОГО САМООТЧЕТА В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ИНТЕРНЕТ-ОТЗЫВОВ О НЕЙРОАКУСТИЧЕСКИХ ПРОГРАММАХ)

Е. Н. Азначеева

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

В статье рассматриваются стилистико-языковые параметры рефлексивных самоотчетов на материале интернет-отзывов о нейроакустических программах. Анализируются самоидентифицирующие высказывания и их модели, описываются эгоцентрические средства как способы выражения авторефлексивности. Анализируется образ «Я» пользователей, дается интерпретация интернет-отзывов с точки зрения дифференцированности описания, доминантной сферы самовосприятия личности, композиционной структуры и лингвокогнитивной специфики.

Ключевые слова: интернет-отзыв, самоидентификация, интроспекция, самооценка, самописание, саморепрезентация.

Введение

В эпоху бурного развития интернет-технологий жанр интернет-отзыва относится к наиболее распространенным. Интернет-отзывы можно классифицировать по нескольким параметрам: предметная область, объект описания (артефакт, природный объект, услуга), ведущая коммуникативная интенция, тип виртуальной языковой личности, установка на стандартизованность или неформальный характер описания, официальный или разговорный стиль и др. В лингвистике наиболее изучены интернет-отзывы пользователей о различных продуктах и услугах — прежде всего, в туристическом бизнесе и косметологии, в которых, помимо информационной, оценочной и функции самопрезентации, важную роль играет также реклама [2; 4].

В «анкете речевых жанров» Т. В. Шмелевой, в основе которой лежат семь жанрообразующих признаков с главным из них — иллюкутивной целью, выделяются четыре типа речевых жанров: информативные, императивные, этикетные и оценочные [13]. При этом Т. В. Шмелева отмечает содержательную близость информативных и оценочных жанров, цель которых — изменить самочувствие коммуникантов, «соотнося их поступки, качества и все другие манифестации с принятой в данном обществе шкалой ценностей» [Там же. С. 92]. В интернет-отзывах информационная и аксиологическая составляющие неразрывно связаны, поэтому их можно рассматривать как промежуточный тип, сочетающий в себе черты информативного и оценочного жанров.

Речевая коммуникация в интернет-пространстве характеризуется рядом особенностей по сравнению

с традиционными формами общения. Непрерывная эволюция и наличие множества переходных форм обуславливают необходимость в использовании новых подходов к классификации жанров интернет-коммуникации [3]. Дискурсивный статус жанра интернет-отзывов в многоуровневой системе интернет-жанров не является до конца определенным. Если исходить из признака производности, который, согласно концепции М. М. Бахтина, является основополагающим при разграничении жанров на первичные и вторичные [1], речевой жанр отзыва является первичным по отношению к рецензии или критической статье, поскольку сохраняет в себе черты неформального устного общения, однако по отношению к спонтанным устным оценочным высказываниям он вторичен. Субмодели интернет-отзывов, обусловленные принадлежностью к разным предметным областям, можно обозначить как субжанры или, используя термин К. Ф. Седова, как жанроиды [9].

От интернет-отзывов на других институциональных веб-страницах отзывы на сайте «Медитативные программы «Advanced Mind Institute» ([URL: https://www.advanced-mind-institute.org](https://www.advanced-mind-institute.org)) отличаются большей выраженностью самопрезентационной функции, так как оценка нейроакустического продукта базируется на самоанализе пользователя и сравнении его психофизиологического и эмоционального состояния до и после использования продукта. По сути, это самодиагностика, осуществляемая адресантом, отсюда его двойная адресованность, основанная не только на внешней, но и на внутренней референции, и авторефлексивность.

Саморепрезентация и авторефлексивность

В лингвистике и других гуманитарных дисциплинах под самопрезентацией обычно понимают самопредставление, целью которого является управление впечатлением о говорящем у адресата, формирование мнения о себе при помощи вербальных средств [5. С. 74]. Основной функцией самопрезентации является контактоустанавливающая функция, базирующаяся, главным образом, на социальной самоидентификации.

Термин «самопрезентация» близок по своему содержанию понятию автореферентности, которая, по словам Е. В. Солодковой, проявляется как соотношенность дискурса «с центральным референтом», то есть с самим интернет-пользователем [10]. По выражению Е. Ч. Дахалаевой, интернет-дискурс «автореферентен практически на всем своем пространстве», он используется, в первую очередь, для самопрезентации, самореализации и самоутверждения [3].

Отмечая новые тенденции, касающиеся функционирования речевых жанров в интернет-коммуникации по сравнению с традиционными жанрами, Л. Ю. Щипицына предлагает выделять шесть групп жанров компьютерно-опосредованной коммуникации: информативные, директивные, фатические, эстетические, презентационные и развлекательные жанры [14. С. 15]. В данной классификации интернет-отзывы могут быть отнесены к презентационным жанрам, которые, согласно Л. Ю. Щипицыной, предназначены для самовыражения, представления данных о себе или своей фирме, своей продукции [Там же]. В зависимости от принадлежности к персональному или институциональному контенту в отзывах доминирует либо презентация какого-либо продукта, либо самопрезентация.

В отличие от понятий презентации и самопрезентации, носящих социальный и «демонстрационный» характер, используемый в когнитивной психологии термин «репрезентация» означает отображение внутреннего мира человека через знаковую систему, фиксацию своих переживаний и впечатлений [12]. Ориентация на внутреннего адресата, которым является сам адресант, предполагает углубленное рефлексивное самосознание личности, свойственное произведениям авторефлексивного дискурса; к ним относятся личные дневниковые записи, психологические самоотчеты, частично мемуарная и автобиографическая литература. К авторефлексивному дискурсу можно отнести также рассматриваемые в данной статье тексты отзывов сайта Института совершенствования сознания, которые содержат итоги

самоисследования пользователей. Описание результатов этого самоанализа мы в данной работе называем авторефлексивной репрезентацией. Этот термин, с нашей точки зрения, в большей мере, чем термин самопрезентация, отражает процесс и результат автокоммуникации, посредством которой, согласно Ю. М. Лотману, совершается диалог человека с самим собой и порождение новой информации, в противоположность обмену информацией с другими коммуникантами [6]. Поскольку объектом восприятия является сам индивид, происходит личностная самоидентификация и самопознание личности. Ориентация на внутреннего адресата проявляется не только в анонимности, но и в несерийном, как правило, однократном, характере отзывов, так что адресант в них ближе к реальному типу личности, чем к вымышленной «маске». К внешним адресатам отзывов относятся разработчики сайтов, которые нуждаются в обратной связи для совершенствования продукции, и другие пользователи.

Интернет-отзывы о нейроакустических программах принадлежат к монологическим жанрам малой формы полифункционального характера. Ведущая интенция — оценка пользователем нейроакустических программ сайта Института совершенствования сознания; следующая — самодиагностика, на основе которой сам адресант и другие пользователи могут сделать выводы об особенностях работы с соответствующей программой; третья интенция (скрытая) — носит рекламный характер и, наконец, четвертая — экспертиза, которая может использоваться разработчиками для усовершенствования продукции. Последняя интенция отличает данные тексты от других интернет-отзывов, так как переводит их адресантов из клиентов и потребителей услуг [11] в категорию экспертов и помощников разработчиков.

Интернет-отзывы составляются в произвольной форме и носят неформальный характер, большинству из них присуща откровенность и даже исповедальность. Однако, авторы занимают при этом рефлексивную позицию по отношению к самим себе, т. е. пытаются быть по возможности беспристрастными. Таким образом, авторефлексивность, в отличие от самопрезентативности, обуславливает установку авторов на достоверность и относительную объективность.

Лингвистические средства выражения самоидентификации пользователей

Содержание интернет-отзывов сайта составляет комплексный самоанализ, касающийся как прошлого, так и актуального состояния индивида. Самооценка в большинстве случаев основывается

на самонаблюдении, в отдельных случаях к этому добавляется ссылка на мнения окружающих, а также на совпадение полученных результатов с ожиданиями, вызванными информацией в аннотациях программ:

Результаты заметны не только мне, но и окружающим; Не хочу переписывать, то что указано в аннотации к программе, так все написано верно. (Здесь и далее авторская орфография, пунктуация и графические особенности сохранены — Е. А.). Таким образом, имеет место совмещение внутренней референции с внешней.

Автореферентность текстов проявляется, прежде всего, во множестве самоидентифицирующих высказываний, в которых субъект и объект повествования совпадают. Это предложения с личными местоимениями в роли подлежащего и глаголами знания, восприятия и эмоций: *Я чувствую уверенность в себе и своём будущем; я стала ярче и качественнее ОСОЗНАВАТЬ и ВОСПРИНИМАТЬ эти чудесные сдвиги))))).*

Особенно явственно самоидентификация выражается при употреблении экзистенциальных предложений тавтологического характера с эксплицитным или имплицитным говорящим, в которых утверждается самотождественность пользователя:

Чувствую что Я это Я.; Стала гораздо спокойнее, и понимать, что я живу.

В этих высказываниях ярче всего выражается переживание субъектом своей самоидентичности, осознание собственной целостности в единстве эмоционального, когнитивного и волевого начала.

Еще одна типичная модель автореферентных высказываний — это бытийное предложение с локативом «у меня», выражающее ощущения и эмоции:

У меня сейчас есть ощущения, что я родилась заново; У меня появилось много как материальных, так и духовных желаний.

Модификация этой модели — негативные предложения с имплицитностью локатива: *Нет ни желаний, ни стремлений; Прошлого уже нет!*

Показателями автореферентности являются также абстрактные существительные с семантикой феноменов, метонимически связанных с личностью субъекта: *жизнь, тело, ощущения, сознание* и др. *В моей жизни через раз хочется сбегать, настолько непросто происходит перестроение моего сознания.*

Наряду с личными и притяжательными местоимениями, типичными являются и другие эгоцентрические языковые единицы, или эгоцентрики, под которыми Е. В. Падучева понимает лексику,

грамматические и синтаксические средства, «семантика которых подразумевает, в качестве одного из участников описываемой ситуации, говорящего» [7]. К ним автор относит дейктические слова (здесь, сейчас, сегодня, завтра, тут, там, этот, тот, вон, вот и др.); показатели субъективной модальности и неопределенности; оценочные слова и экспрессивы разного рода (превосходный, супер); метатекстовые показатели, междометия и другие языковые единицы [Там же].

Для интернет-отзывов сайта типично употребление вводных слов и конструкций с имплицитным говорящим, которые, согласно Е. В. Падучевой, указывают на «субъекта неуверенного знания» [Там же]:

Возможно мне показалось, но кажется есть тенденция на омоложение; Возможно ли такое, но у меня странным образом улучшилась память.

Эгоцентрические слова, выражающие неуверенность и приблизительность, отображают неопределенность и текучесть ощущений субъекта восприятия, наблюдающего за своим собственным сознанием: *всё тело пронзает что — то похожее на электрический ток: Это из объективных (фактов — Е.А.), из субъективных же их очень-очень что-то похожее.*

О сомнениях в адекватности собственных самоописаний свидетельствуют указания говорящих на трудности, связанные с невозможностью точной вербализации пользователями своего физического и эмоционального состояния: *Мне очень сложно описать человеческим языком то, что происходит со мной после знакомства с Работами Института.*

Обилие самоидентифицирующих индексов свидетельствует о личностном отношении авторов к составлению самоописаний, об их стремлении по возможности идентично передать свои впечатления от работы с программами.

Наряду с фиксацией впечатлений, самоидентификация предполагает отчуждение объективированного Я от Я как субъекта восприятия для достижения объективной позиции:

Не каждый раз, но, мне кажется, у меня получается контролировать процесс.

Однако таких высказываний сравнительно немного, в большинстве случаев пользователи пишут о сложностях самопознания. Ввиду этих особенностей можно утверждать, что в интернет-отзывах отражается, в первую очередь, не результат, а процесс достижения личностной самоидентичности пользователей.

Образ адресанта в интернет-отзывах сайта

В большинстве классификаций речевых жанров образ адресанта рассматривается как один из главных критериев при характеристике речевого жанра. В отечественном языкознании большое внимание уделяется профессиональным, гендерным и этническим аспектам исследования языковой личности, т. е. человек рассматривается, в первую очередь, как член социального сообщества. Поскольку одной из главных интенций интернет-отзывов сайта является самоидентификация, в них описывается не «внешний человек» как носитель социальных отношений, а «внутренний человек», прежде всего, его самовосприятие. В рамках концепции структуры личности К. Г. Юнга [15] «внешнего человека» олицетворяет «персона», т. е. элемент, представляющий публичное лицо личности, социальную роль, которую человек играет, следуя требованиям социума, а «внутреннего человека» — «самость», элемент, воплощающий целостность, интегрирующее начало, в котором сосредоточена идентичность человека — то, как он воспринимает себя в различных жизненных ситуациях. В текстах сайта принцип «самости» реализуется как переживание своей идентичности на телесном, эмоциональном, ментальном уровнях, в различных межличностных и событийных ситуациях.

Тексты отзывов отличаются друг от друга по степени дифференцированности самоописания, уровню спонтанного самовыражения или объективации, акцентированию той или иной сферы восприятия, экспрессивности/рациональности, когнитивной сложности/простоты, связности и смысловой целостности/хаотичности, открытости/сдержанности.

Полнота самоописания, его дифференцированность, также как и глубина саморефлексии определяется по количеству сфер самопредставления и слоёв личности, затронутых при самоописании. Больше других представлен психофизиологический слой, посвященный описанию болезней и симптомов. Так как большинство пользователей не являются профессиональными медиками, они часто используют лексику из «наивной физиологии» и экспрессивно-образные высказывания: *Было ощущение, что из ног вытягивают жилы.*

Сравнительно немногие авторы описывают свои перцептивные ощущения, что объясняется сложностью их фиксации и вербализации. В силу специфики работы с программами сайта в самоописаниях преобладают характеристики ощущений, возникающих благодаря рецепторам внутренних органов и сигнали-

зирующих о состоянии внутренней среды организма, которые в систематической классификации видов ощущений Ч. Шеррингтона относятся к interoцептивным. Эти ощущения мало осознаваемы, имеют диффузную форму и чаще всего близки к эмоциональным состояниям [8]. Недифференцированность и полимодальность восприятия часто сочетаются с их пространственной нелокализованностью: *Внутри стало тише и радостнее.*

В ряде интернет-отзывов авторы употребляют терминологию из сферы психоэнергетики (энергия, расслабление, энергетические блоки, тепло, транс, мурашки, поле, блоки): *При прослушивании ощущаю очень сильные покалывания в ногах и руках, волны тепла, такое впечатление, что активизируются энергопотоки в конечностях.*

Некоторые исследователи относят подобные ощущения к вибрационной чувствительности, которая, предположительно, является переходной формой между тактильным и слуховым восприятием [8]. Так, в ряде высказываний выражается чувствительность к колебательным воздействиям: *Во время прослушивания дрожит каждая клеточка, и как будто тебя на волнах качает.*

Описания эмоционального состояния неразрывно связаны с психофизиологическими ощущениями, они отличаются повышенной эмфатичностью, вплоть до экзальтации, временами находящей выражение в стихах авторов.

Ряд пользователей отмечает в качестве результатов работы с программами также изменения, происходящие на событийном плане: *Еще за это время меня уволили с работы))) Видимо, плохое-таки отвалилось.*

Глубоко личностное отношение авторов к программам Института и повышенная эмоциональность проявляются в обилии метафорических образов, оценочных эпитетов, в употреблении экспрессивных синтаксических конструкций, в таких признаках спонтанности, как незаконченные предложения, «авторская» пунктуация и особенности графики, множестве ошибок и опечаток: *При работе в первой Нейроматрицей меня сильно плющило; Вот еще, что ооочень ценного для меня произошло: ЭМОЦИИ! Они стали мягче и ровнее (нет американских горок))).*

С экспрессивными отзывами контрастируют тексты с объективированной рациональной самооценкой, в ряде случаев включающие перечисления результатов с их нумерацией. Некоторые отзывы содержат аргументацию с опорой на данные медицинских исследований, но таких меньшинство.

На относительную объективированность самоописаний, проявляющуюся в эксплицитном отчуждении, расслоении говорящего субъекта на воспринимающего индивида и адресанта текста, указывают также метаязыковые элементы, фиксирующие фазы процесса составления отзыва: *Начну с того <...>; Продолжаю, иногда было трудно, но желания бросить не было.*

Образ адресанта в сайтах представлен в динамике своего развития. Структура типичного отзыва представляет собой следующую схему: приветствие, описание состояния до начала работы с программами, процесс работы с программными продуктами, констатация полученных результатов, благодарность. Отзывы отличаются друг от друга более или менее полной представленностью срединного компонента, т. е. описания самого процесса. В соответствии с этим их можно разделить на два типа: с доминированием композиционно-речевой формы результативного описания или повествования.

В описаниях результативного характера главным является противопоставление физического и эмоционального состояния пользователя до и после использования программы: *Если до программы я был полностью отвернут от мира, то благодаря программе я хоть иногда стал к нему поворачиваться.*

Результативность часто подчеркивается частицами *вот, уже* и временными индексами: *Здравствуйте! ну вот и прошли эти пять месяцев работы с нейроматрицей 2.0. и при этом результат есть.*

В отзывах повествовательного характера работа с программами представляется во временной последовательности от прошлого к настоящему. Они содержат темпоральные индексы, фиксирующие разные фазы процесса и достижения результата. В таких отзывах представлен не только план настоящего, но также ретроспективный план, а иногда и план будущего с проспективными ожиданиями: *Раньше я жила прошлым <...>. В конце 4 уровня — начале 5 уровня возникла полная апатия <...>. Сейчас же я спокойно смотрю вокруг себя <...>. После окончания программы разработчики мне посоветовали сделать в музыке перерыв.*

Динамика развития актуализируется также через концептуальную организацию текстов. Основным концептом, который реализуется практически во всех отзывах, является концепт ИЗМЕНЕНИЕ, со слотами ТРАНСФОРМАЦИЯ, ИЗБАВЛЕНИЕ, УЛУЧШЕНИЕ. Слот ТРАНСФОРМАЦИЯ реализуется в высказываниях, в которых содержится

указание на тотальное изменение самовосприятия индивида: *невозможно передать все изменения, которые происходят со мной и в моей жизни; произошла жесткая переоценка всего того, к чему я стремилась, всех ценностей; <...> ибо каждый день я вижу разницу между мной до знакомства с Вами и мной сейчас!!!*

Типичной моделью предложения с семантикой улучшения здоровья, эмоционального состояния, в межличностных и социальных отношениях является структура с глаголами *стать, становиться, появляться*: *Я стала спокойной, отстраненной от бытового мышления; Походка стала легкой; Жить стало легко и радостно; В душе я стала ребенком; Появилась лёгкость.* На избавление от болезней и проблем указывают высказывания с глаголами *перестать, избавиться, снизиться, уходить*: *Сама не замечая, но перестала сутулиться; <...> избавилась от аллергии, которой много лет страдала.*

Ухудшение здоровья тоже фиксируется в некоторых отзывах, но лишь как временное переходное состояние, как ступень в процессе излечения.

Заключение

Саморепрезентация и авторефлексивность имеют не абсолютный, а ступенчатый характер, и степень их выраженности может служить для дополнительной внутрижанровой дифференциации и спецификации. Речевой жанр интернет-отзыва отличается сочетанием внешней и внутренней адресованности, поскольку, оценивая товар или услугу, пользователь в той или иной степени осуществляет функцию саморепрезентации. Рефлексивный самоотчет в интернет-отзывах сайта Института совершенствования сознания носит преимущественно личностный характер; это обусловлено доминированием внутренней адресованности, или авторефлексивности, выражающейся на языковом уровне во множестве сигналов автореферентности и употреблении лингвистических средств самооценки. Лингвокогнитивная специфика содержания интернет-отзывов на сайте Института связана с манифестацией не «внешнего» человека как члена социума, но «внутреннего человека», в них отражаются различные фазы процесса самоидентификации на психофизиологическом, перцептивном, эмоциональном, ментальном и событийном уровнях. Отзывы потребителей сайта могут служить ценным материалом для лингвистического исследования психических состояний и сознания человека в контексте изучения виртуальной языковой личности и самоидентичности человека.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Постановка проблемы и определение речевых жанров / М. М. Бахтин // Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. — М., 2000. С. 249—258.
2. Говорунова, Л. Ю. Отзыв туриста как новый речевой жанр туристического интернет-дискурса / Л. Ю. Говорунова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2013. — № 1 (292). — С. 198—203.
3. Дахалаева, Е. Ч. Автореферентные жанры интернет-дискурса / Е. Ч. Дахалаева // Вестник Иркутского государственного областного университета. — 2013. — № 4. — С. 24—29.
4. Еремина, М. А. Речевой жанр отзыва в коммуникативном пространстве Интернета / М. А. Еремина // Научный диалог. — 2016. — № 5 (53). — С. 34—45.
5. Лаппо, М. А. Самоидентификация и самопрезентация в разных типах дискурса / М. А. Лаппо // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Психология. — 2012. — Том 6. — № 2. — С. 72—76.
6. Лотман, Ю. М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) / Ю. М. Лотман // Семиосфера. — СПб, 2000. — С. 159—165.
7. Падучева, Е. В. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики / Е. В. Падучева — URL: http://rusgram.ru/pdf/egocentriki_20170428_final_print.pdf
8. Психологический словарь — URL: <http://azps.ru/handbook>
9. Седов, К. Ф. Анатомия жанров бытового общения / К. Ф. Седов // Вопросы стилистики. Человек и текст. — Саратов, 1998. — Вып. 27. — С. 9—20.
10. Солодкова, Е. В. Женский автореферентный дискурс в английском языке: автореф. дис... канд. филол. наук / Е. В. Солодкова. — Иркутск, 2012. — 22 с.
11. Харченко, Е. В., Шкатова Л. А. Клиентурное речевое поведение: межкультурные аспекты / Е. В. Харченко, Л. А. Шкатова // Языковое сознание: формирование и функционирование. — М., 1998. — С. 219—223.
12. Чурилова, Е. Е. Репрезентация самосознания в личных дневниках современных девушек / Е. Е. Чурилова. — М.: Прометей, 2016. — 200 с.
13. Шмелева, Т. В. Модель речевого жанра / Т. В. Шмелева // Жанры речи. — Саратов: Колледж, 1997. — Вып. 1. — С. 88—99.
14. Щипицина, Л. Ю. Классификация жанров компьютерно-опосредованной коммуникации по их функции / Л. Ю. Щипицина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2009. — № 14. — С. 171—178.
15. Юнг, К. Г. Очерки по психологии бессознательного / К. Г. Юнг. — Перевод с английского. — М.: Когито-Центр, 2010. — 352 с.

Сведения об авторе

Азначевва Елена Николаевна — доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германских языков и межкультурной коммуникации, Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, aznacheeva.elena@yandex.ru.

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 10 (432). *Philology Sciences. Iss. 118. Pp. 8—14.*

LINGUISTIC AND STYLISTIC FEATURES OF REFLEXIVE SELF-REPORT IN ONLINE COMMUNICATION (EXEMPLIFIED BY THE FEEDBACK ABOUT NEUROACOUSTIC PROGRAMS AS A SPECIAL SPEECH GENRE)

E. N. Aznacheeva

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. aznacheeva.elena@yandex.ru

The article considers the linguistic features of reflexive self-report in the Internet genre of feedback about neuroacoustic programs. The evaluation of neuroacoustic programs is based on the process and results of clients' self-observation. The conclusion about highly subjective and intimate nature of clients' self-presentation is made, as the dominant signs of self-reflection are manifested in the signals of self-referencing and linguistic self-assessment means. Self-identifying statements and their models are analyzed, egocentric linguistic means

as signs of autoreflexion are described. It is established that the object of self-description is not the image of an “external” person as a member of society, but of an “internal” person at psychophysical, perceptual, emotional, mental and event levels. It is noted that the feedback structure is presented in two compositional speech forms: the description of results and the narrative, which includes various phases of the process of self-perception and self-identification.

Keywords: *speech genre of feedback, self-identification, introspection, self-assessment, self-description, self-representation.*

References

1. Bahtin M. M. Problema rechevyh zhanrov [Problem Statement and Definition of Speech Genres]. *Avtor i geroy: K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk* [Author and hero: to the philosophical foundations of the Humanities]. Moscow, 2000, pp. 249-258. (In Russ.).
2. Govorunova L. Yu. Otzyv turista kak novyj rechevoj zhanr turistichekogo internet-diskursa [Opinion of tourists as a new speech genre of Internet discourse]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of Chelyabinsk University], 2013, no. 1 (292), pp. 198—203. (In Russ.).
3. Dahalaeva, E. Ch. Avtoreferentnye zhanry internet-diskursa [The self-referent genres of the Internet discourse]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of Irkutsk University], 2013, no. 4, pp. 24-29. (In Russ.).
4. Yeremina, M. A. Rechevoj zhanr otzyva v kommunikativnom prostranstve Interneta [Speech genre of feedback in the communicative space of the Internet]. *Nauchnyj dialog* [Scientific dialogue], 2016, no. 5 (53), pp. 34-45. (In Russ.).
5. Lappo, M. A. Samoidentifikaciya i samoprezentaciya v raznyh tipah diskursa [Self-Identification and self-presentation in different types of discourse]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psihologiya* [Bulletin of Novosibirsk University. Physiology Series], 2012, vol. 6, no. 2, pp. 72-76. (In Russ.).
6. Lotman, Yu. M. Avtokommunikaciya: “Ya” i “Drugoj” kak adresaty (O dvuh modelyah kommunikacii v sisteme kul'tury) [Autocommunication: “I” and “Other” as addressees (On two models of communication in the system of culture)]. *Semiosfera* [Universe of the mind], St.Petersburg, 2000, pp.159-165. (In Russ.).
7. Paducheva, E. V. *Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoj grammatiki* [Materials for the project of corpus description of Russian grammar]. Available at: http://rusgram.ru/pdf/egocentriki_20170428_final_print.pdf, accessed 30.08.2019. (In Russ.).
8. *Psihologicheskij slovar'* [Dictionary of psychology]. Available at: <http://azps.ru/handbook>, accessed 30.08.2019. (In Russ.).
9. Sedov K. F. Anatomiya zhanrov bytovogo obshcheniya [Anatomy of the genres of everyday communication] / K. F. Sedov // *Voprosy stilistiki. Chelovek i tekst*. [The Issues of Stylistics. Person and text]. Saratov, 1998, iss. 27, pp. 9-20. (In Russ.).
10. Solodkova E. V. Zhenskij avtoreferentnyj diskurs v anglijskom yazyke: avtoref. dis... kand. filol. nauk. [The female self-referent discourse in the English language: abstract. dis... Cand. Philol. science]. Irkutsk, 2012. 22 p. (In Russ.).
11. Kharchenko E. V., Shkatova L. A. Klienturnoe rechevoe povedenie: mezhkul'turnye aspekty [Client-oriented speech behavior: intercultural aspects] *Yazykovoje soznanie: formirovanie i funkcionirovanie* [Language consciousness: formation and functioning], Moscow, 1998, pp. 219-223. (In Russ.).
12. Churilova E. E. *Reprezentaciya samosoznaniya v lichnyh dnevnikah sovremennykh devushek* [Representation of self-consciousness in the personal diaries of modern girls], M., Prometej, 2016. 200 p. (In Russ.).
13. Shmeleva T. V. Model' rechevogo zhanra [Model of the speech genre] / T. V. Shmeleva // *Zhanry rechi* [Speech genres]. Saratov : Kolledzh, 1997. Vyp. 1, pp. 88-99. (In Russ.).
14. Schipitsina L. Yu. Klassifikaciya zhanrov komp'yuterno-oposredovanoj kommunikacii po ih funkcii [Classification of computer-mediated communication genres by their function]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena* [Proceedings of the Russian state pedagogical University. A. I. Herzen], 2009. no. 14, pp. 171-178. (In Russ.).
15. Yung K. G. *Ocherki po psikhologii bessoznatel'nogo* [Essays on the psychology of the unconscious], K. G. Yung, Perevod s anglijskogo, M., Cogito Centre, 2010. 352 p. (In Russ.).

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АНТРОПОМОРФНОЙ МЕТАФОРЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ВИРТУАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

Н. Г. Асмус

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

В статье проводится исследование метафорических моделей понятийной сферы «компьютер» на примере англоязычного виртуального дискурса. В качестве исходных понятийных областей выступают человек, животное, и такие абстрактные понятия, как мечта, роскошь, развлечение. Концептуализация понятийной сферы происходит по ряду следующих характеристик: физические данные (скелет, физическая сила, память) и социальные параметры (стиль, статус, семья).

Ключевые слова: *метафорическое моделирование, метафорическая модель, фрейм, слот, компьютер.*

Современные средства коммуникации и информационные технологии способствуют не только созданию принципиально новых способов получения и обработки информации, но и возникновению нового культурного и языкового пространства, новой лингвистической реальности. Можно с уверенностью говорить о том, что Интернет помимо информационной обладает и коммуникативной функцией. Этот особый тип коммуникации не имеет временных и пространственных ограничений и является одной из характерных особенностей виртуального пространства. Ввиду всеобщей распространенности этого явления исследование различных видов коммуникации и коммуникативного пространства в сети Интернет становится остроактуальным [5].

Современное информационное общество формирует особый тип культуры, в котором составляющими элементами станут знания об информационной среде, законах ее функционирования, умение ориентироваться в информационных потоках. Информационная культура пока еще является показателем не общей, а, скорее, профессиональной культуры, но со временем станет важным фактором развития каждой личности [2. С. 5]. Именно законы информационного пространства определяют культурную среду современного цивилизованного человека. Возможность и способность человека существовать в этом пространстве — это нормы современной культуры цивилизации [6]. Поэтому можно утверждать, что современная информационная среда — это новая форма бытия человека.

Интернет представляет собой особую коммуникативную среду, особое место реализации языка, никогда ранее не существовавшее, и вызывает огромный интерес, поскольку изучение коммуникативного аспекта языка, его функционирования

в лингвокультурологической среде, а не в отрыве от реальной речевой действительности, становится сегодня все более актуальным [7. С. 308]. Под понятием виртуальный текст мы понимаем текст, погруженный в ситуацию виртуального общения и созданный при помощи особых технических средств и программ. Говоря о целях виртуального текста, следует отметить, что он обладает всем разнообразием функциональных целей, присущих реальному тексту: коммуникативные, игровые, учебные, психотерапевтические, социализирующие, манипуляционные и т. п. [3. С. 47].

Метафора как способ постижения действительности постоянно проникает в новые области знаний. Сегодня метафора стала предметом пристального изучения когнитивной науки. В центре внимания когнитивной лингвистики находится объяснение тех постоянных корреляций и связей, что обнаруживаются между структурами языка и структурами знания [4. С. 9]. Одной из основных проблем, которую изучает когнитивная лингвистика, является категоризация окружающей действительности, где важное место занимает метафора «как проявление аналоговых возможностей человеческого разума» [1. С. 13]. В одной из своих работ А. П. Чудинов определяет метафору как «своего рода схему», находящуюся в «понятийной системе мышления», в соответствии с которой человек мыслит и действует [8. С. 36].

Согласно теории концептуальной метафоры, основой для метафоризации служит процесс взаимодействия структур знаний двух концептуальных плоскостей — сферы-источника и сферы-мишени. Обе плоскости формируются в результате познания окружающего мира. Сфера-источник основана на сенсорном опыте и является конкретной,

а сфера-мишень абстрактна. Элементы сферы-источника структурируют абстрактные элементы сферы-мишени как результат одностороннего метафорического переноса. Основным источником знаний, составляющим концептуальные плоскости, является опыт взаимодействия человека и окружающего мира. Иными словами, основу метафоры составляют не лексические значения слов, а концепты — оперативные содержательные единицы «памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, отраженные в человеческой психике» [1. С. 19].

Виртуальный дискурс как целостное коммуникативно-когнитивное пространство моделируется посредством использования различных метафорических моделей. Использование метафорических моделей позволяет говорить о более глубоком междискурсивном взаимодействии, включающем, с одной стороны, осознание четкой дифференциации дискурсивных областей, с другой, осознание синтетичности мира как внешнего, так и внутреннего, единства мира в его многообразии.

Метафорическое моделирование понятийной сферы «компьютер» является одним из важных средств категоризации, концептуализации и оценки действительности в виртуальном дискурсе. Целенаправленный анализ функционирующих в интернете метафорических моделей способствует выявлению тенденций развития виртуального дискурса и помогает описать специфику функционирования языка.

Исследование метафорических моделей понятийной сферы «компьютер» базируется на изучении доминантных моделей, их фреймов и слотов.

Целью нашего исследования является определение понятийной сферы-источника метафоры в соответствии с принципами антропоцентричности и антропометричности. Опираясь на методику А. П. Чудинова, мы определим исходную понятийную область, затем новую понятийную область, типовые для данной модели сценарии, фреймы и слоты. Основными критериями для данной классификации моделей являются: систематизация моделей по сфере-источнику метафорической экспансии, отдельные фреймы сферы-источника, сфера-мишень. В настоящем исследовании мы рассматриваем метафорические модели, относящиеся ко всем компонентам концептуальной сферы «компьютер».

Выделенная нами модель отражает отношение общества к компьютеру и указывает на его место в нашей жизни. Мы выделили антропоморфную метафорическую модель в концептуальной сфе-

ре «компьютер»: «Компьютер — это живой организм». Выделяя ряд фреймов и слотов, в этой модели мы сравниваем компьютер с человеком, а именно с его внутренними органами и внешним видом, и выделяем соответствующие фреймы: части тела, внешность, пол и т. д. и слоты: рука, скелет, мозг, память, рост, пол и т. д.

Материалом для нашего исследования послужили более 200 англоязычных интернет-статей по компьютерной тематике, взятые с таких сайтов, как www.computerhope.com, www.forbes.com, www.amazon.com, www.computerhistory.org, www.webroot.com, www.smartcom.co, www.pcworld.com, www.kaspersky.com, www.gadgetvalue.com и др.

Метафорическая модель “Computer is a living organism”\ «Компьютер — это живой организм»

Большое количество метафор в описании компьютера обусловлено сравнением этого технического средства с живым организмом. Возможно, это связано с отношением современных людей к компьютеру не просто как к вычислительному устройству, а как к живому существу (помощнику), ставшему неотъемлемым атрибутом жизни, у которого мы проводим большую часть нашего времени.

В данной модели исходной понятийной областью является «живой организм» как сфера-источник метафорической экспансии. Новой понятийной областью является «компьютер», который описывается в понятиях «части тела, внешность, жизненный цикл и т. п.».

Относящиеся к метафорической модели “Computer is a living organism” (Компьютер — это живой организм) фреймы характеризуют понятийную сферу «Компьютер» как живое существо, составные части которого сравниваются с органами человека.

Мы рассматриваем «компьютер» как живой организм, исходя из ряда признаков. Так, например, описываются «здоровье» и «болезни» компьютеров (различные вирусы, вредоносные программы), которые следует лечить с помощью специалиста. У компьютера, как и у живых существ, есть многочисленные «родственники» (аналоги, представители других марок) и «социальный статус» (дешевые и дорогие версии). Как и при описании человека, особое внимание уделяется описанию «внешности» и «стиля», «внутренних составляющих». Метафоры употребляются в данных описаниях, чтобы сделать их более доступными, простыми, с одной стороны, и, с другой стороны, из-за особой привязанности человека к компьютеру.

Вышеупомянутые признаки можно разделить на две группы:

- физические качества: части тела, внешний вид, пол, физическая сила, интеллект, характер;
- социальные качества: социальный статус, образ жизни, семья.

1. Фрейм “Body” — «Тело (организм) в целом»

В английском языке Body означает не просто «тело, корпус», а «организм» в целом, совокупность всех его составляющих. Данный фрейм описывает «компьютер» как единое целое, не вдаваясь в отдельные детали. Например, “Central Body Computer shows two different load control concepts”. (Центральный компьютер показывает две разные концепции контроля за загрузкой). В данном примере мы не стали переводить «body», т. к. из контекста понятно, что речь идет о главном/центральном компьютере.

Слот “Skeleton” — «Скелет»

Согласно Merriam-Webster’s Learner’s Dictionary, одно из значений skeleton — “a supporting framework” (опорная структура). Материнская плата является такой опорной структурой для всего компьютера. Например, “The motherboard is like the skin and skeleton of the computer. It holds every part together and makes sure each part can work with one another”. (Материнская плата, как кожа и скелет компьютера, соединяет вместе все части и позволяет им взаимодействовать между собой). Из данного примера мы можем заключить, что материнская плата состоит не только из скелета, но и из кожи компьютера или так называемой оболочки, которую мы рассмотрим в следующем слоте.

Слот “Skin” — «Кожа», «Оболочка»

Согласно Merriam-Webster’s Learner’s Dictionary The, “skin” — “a usually thin, closely adhering outer layer” (Как правило, тонкий, тесно прилегающий наружный слой) [9]. Это определение хорошо иллюстрирует то, что из себя представляет computer skin, в русском языке этот продукт получил название виниловая наклейка. Это своего рода тонкая пленка, оболочка, или можно метафорично сказать «кожа», имеющая определенное художественное оформление, и также, как и кожа для человека, она осуществляет защитную функцию для компьютера, т. к. клеится на его верхнюю крышку, тем самым защищая компьютер от ударов и царапин. Например, “Made of ultrathin and super-durable 3M vinyl, Zazzle 15” Laptop For Mac & PC skins feature patented air re-

lease technology for a smooth, zero-bubble surface that protects your device from everyday scratches and scuffs without adding bulk”. (Изготовленные из сверхтонкого и супер-прочного 3М винила, наклейки Zazzle для ноутбуков Mac и PC с диагональю 15 дюймов представляют запатентованную технологию выпуска воздуха для осуществления гладкого наклеивания пленки без пузырей, которая защищает устройство от повседневных царапин, потертостей, не добавляя объема ноутбуку).

Слот “Head” — «Голова»

В компьютерной лексике head имеет несколько значений: 1) “foremost in rank or importance” — «главный по важности». Например, “Linux command, see the head command page for further information about this command” (Команда Linux, см. главную командную страницу для получения дополнительной информации об этой команде). В данном примере мы видим, что слово head подчеркивает важность страницы и означает, что именно она является официальной/главной страницей компании.

2) “The uppermost or forwardmost part of the body of a vertebrate” — «верхняя или передняя часть тела позвоночных». Например, “The disk read/write heads have gone through a number of changes over the years”. (За годы магнитная головка подверглась многим изменениям). В данном примере округлая форма устройства напоминает нам голову человека, поэтому оно называется disk read head, если быть точнее, на русский язык эта часть устройства переводится как головка, тем самым подчеркивая его небольшой размер.

Слот “Brain” — «Мозг»

Для анализа наших примеров мы нашли следующее определение слову brain в словаре Меррием-Вебстер: “the brain as the center of thought, understanding, etc.; mind; intellect” — «мозг как центр мыслей, понимания и т. п. разум, интеллект».

Например, “Brain-computer interfaces allow you to manipulate computers and machinery with your thoughts”. (Интерфейс мозгового компьютера позволяет управлять компьютерами и машиной с помощью силы мысли). В данном примере говорится о компьютере, который установлен непосредственно в мозгу человека, а в следующем примере термин «мозг компьютера» используется в переносном значении, а именно в значении процессора. Пример: “The brain of the computer: CPU, because the computer won’t function without it”. (Мозг компьютера — процессор, потому что компьютер не сможет работать без него).

Слот “Mouth” — «Рот»

В нашем примере mouth употребляется в переносном значении, в русском языке computer mouth соответствует дисководу — отверстию для считывания дисков. Например, *“The mouth of the computer: Optical Drive, because it reads data”*. («Рот компьютера — это оптический привод, потому что он считывает данные»). Во рту человека находится множество вкусовых рецепторов, которые определяют вкус еды точно также, как составляющие части компьютера считывают информацию с диска, когда он попадает в дисковод.

Слот “Heart” — «Сердце»

Рассматривая наши примеры, мы взяли следующее определение heart в словаре Меррием-Вебстер: «the center of the total personality» — «центр личности» или в нашем примере «центр компьютера» [10]. Пример, *“Just like the heart has to pump blood throughout the body, the power supply has to make sure there is enough power for all the parts in the computer or it will not work”*. (Точно также как сердце качает кровь по всему телу, блок питания должен контролировать, достаточно ли мощности всем частям компьютера, иначе они не будут работать). В данном примере мы рассматриваем heart (блок питания) как неотъемлемую часть компьютера, обеспечивающую его функционирование.

Слот “Stomach” — «Желудок»

Для наших примеров мы взяли следующее определение: stomach — “an organ for storing, diluting, and digesting food” — «орган для хранения, расщепления и переваривания пищи». Например, *“The stomach of the computer: Power Supply, because it supplies electricity to the computer”*. (Желудок компьютера — это блок питания, потому что он поставляет электроэнергию в компьютер). Точно также как желудок человека перерабатывает пищу, которая впоследствии дает нам энергию, блок питания регулирует потоки поступающей в него энергии и направляет их в нужное русло.

Слот “Arm” — «Рука»

Arm с английского языка переводится как «верхняя конечность человека, а именно часть между плечом и запястьем». Это проиллюстрировано следующим примером: *“The Flo monitor arm lets you put your screen exactly where you want it with a minimum of effort and a maximum of precision”*. (Кронштейн-рука от компании The Flo по-

зволяет вам разместить экран с минимальным усилием и максимальной точностью именно там, где вы хотите). В данном случае кронштейн выполнен в виде руки (часть от запястья до плеча) с изгибом в зоне локтя, что позволяет наклонять телевизор в разные стороны.

Слот “Hand” — «Кисть»

Рука как часть тела в английском языке представлена словами hand — кисть и arm — плечо, предплечье. В компьютерной лексике метафоры, связанные со словами hand и arm, несут разную семантическую нагрузку, что объясняется различиями функций, которые выполняют эти органы. Например, *“Royalty free vector stock logo icon of a 3d shiny white computer hand cursor”*. (Белый светящийся компьютерный курсор в виде руки является 3D Royalty free (вид лицензии) вектором, логотипом и значком). Данный курсор имеет форму кисти, что оправдывает его название на английском.

Слот “Memory” — «Память»

(оперативно запоминающее устройство)

Согласно Merriam-Webster’s Learner’s Dictionary, одно из значений memory — “the mental capacity of retaining and reviving facts, events” (умственные способности сохранять и воспроизводить факты, события). Например, *«RAM (Random Access Memory) is the part of the computer that stores information the computer needs while it is operating»*. (ОЗУ (оперативно запоминающее устройство) является частью компьютера, которая хранит информацию, нужную компьютеру во время работы). У компьютера, как и у человека, существует несколько видов памяти: внешняя (ВЗУ — предназначена для длительного хранения информации независимо от того, включен или выключен компьютер) и внутренняя (оперативная память — хранится только во время работы компьютера). Эти два вида памяти можно сравнить с кратковременной и долговременной памятью человека.

2. Фрейм “Appearance” — «Внешность»

Метафорическое описание компьютера может базироваться на переосмыслении концептуальной характеристики «внешний вид» понятийной области «человек» и ее переносе в понятийную область компьютера. На языковом уровне данная метафора реализуется за счет следующих лексических единиц: brilliant look, elegant style, которые обычно используются для описания внешности человека.

Вышеизложенная мысль хорошо проиллюстрирована в следующих примерах: “3M *elegant style Melany Dry Erase board at discounted prices*” (Клавиатура Melany Dry Erase от компании 3M, выполненная в элегантном стиле, теперь доступна по сниженным ценам). “*Combined with a good power supply, new Antec Nine has a full-tower high quality steel case*” (В сочетании с отличным блоком питания, новая модель Antec Nine имеет высококачественный стальной корпус «Большой Брат»). “*Thicker plastic and steel PC case usually mean a higher price*” (Утолщенный пластиковый и стальной корпус ПК обычно продается по более высокой цене).

Слот “Skin” — «Кожа», «Оболочка», «Виниловая наклейка»

Мы уже сравнивали кожу человека с виниловой наклейкой на компьютер в предыдущем фрейме, однако там мы рассматривали skin с точки зрения ее защитной функции, а здесь мы затронем ее эстетическую сторону. Сейчас можно приобрести абсолютно любую наклейку на любой вкус, с героями любимых сериалов и фильмов, с высококачественными картинками живой природы и даже с собственной фотографией. Например, “*Printed and laminated with the highest quality standards and precision fitted for your 17” Laptop For Mac & PC, this custom skin will look sharp and brilliant with your designs, photos, and text*”. (Виниловая наклейка, напечатанная и заламинированная по самым высоким стандартам качества, а также идеально подходящая под размер вашего ноутбука Mac и PC с диагональю 17 дюймов, будет выглядеть броско и блистательно с использованием вашего дизайна, фотографии и текста).

Слот “Color” — «Цвет»

Всего в мире существует 3 «большие расы» и около 30 «малых рас». Для представителей каждой из рас характерен свой цвет кожи. Здесь мы можем провести аналогию с компьютером, который может похвастаться широкой линейкой цветов. Отличие заключается в том, что для человека эти цвета строго ограничены, отличия составляют лишь оттенки кожи, а для компьютера существует бесконечное многообразие цветов и оттенков, и с каждым годом производители удивляют нас все новыми необычными цветами, например неоновыми. Приведем пример, “*Hot Neon Pink Rubberized Hard Case Cover for Apple MacBook Pro 15.4” with Retina Display Model just for 24,95 dollars*”. (Яркий Неоновый Розовый Прорезиненные Чехол для Apple MacBook Pro с диагональю в 15,4 дюйма и ретиновым дисплеем всего за 24,95 доллара\1272 рубля).

Слот “Accessories” — «Аксессуары»

У компьютера, как и у человека, есть множество аксессуаров, дополнительных приспособлений для его защиты или украшения. Например, “*Shop for computer accessories, computer monitors, computer screens, computer cases, computer speakers, USB flash drives and computer keyboards for less price*». (www.bestbuy.com) (Покупайте компьютерные аксессуары, мониторы, экраны, корпуса, колонки, флэш-карты и компьютерные клавиатуры теперь по сниженной цене).

3. Фрейм “Gender” — «Пол»

В следующих примерах актуализируется концептуальная характеристика «пол» понятийной области «человек». На языковом уровне данная метафора реализуется за счет следующих лексических единиц: female gender, male gender, которые обычно используются для описания внешности человека, а также нехарактерный для человека нейтральный род, который в английском языке используется для описания животных.

Слот “Female gender” — «Женский пол»

Очень много шуток основано на сравнении женщины с неодушевленными вещами, к таким вещам относится и компьютер. Обычно в таких шутках сравниваются черты, присущие как женщине, так и компьютеру, в данном случае это логика или процесс мышления. Компьютер — это сложная вычислительная машина и для того, чтобы понять, как он работает, требуется много времени, точно также как и на то, чтобы понять логику женщины, как считают многие. Например, “*Computers like women — only creator can understand their internal logic*”. (Компьютер как женщина — только создатель может понять их истинную логику).

Слот “Male gender” — «Мужской пол»

Мужчин, как и женщин, тоже сравнивают с компьютером и их логику также ставят под сомнение. К тому же, сравнивая их с компьютером, упоминают их забывчивость, неспособность воспроизводить какие-то конкретные воспоминания прошлого. Например, “*Men are like computers — hard to figure out and never have enough memory*”. (Мужчины как компьютеры — их тяжело понять и они никогда не могут все запомнить).

Слот “Neutral gender” — «Нейтральный пол»

Пол компьютера и других технических устройств стал все чаще ставиться под сомнение, особенно в 21 веке, когда искусственный интеллект развивается

быстрыми темпами. Существует вероятность того, что в будущем компьютеры перестанут быть зависимыми от человека, и станут равными ему. Например, *“Are Machines Gender Neutral? Gender-Stereotypic Responses to Computers With Voices”* (Машины — это нейтральный пол? Половые стереотипы о природе компьютеров с голосом).

4. Фрейм “Lifecycle” — «Жизненный цикл»

Подобно живому организму компьютеры проходят весь цикл развития, начиная от рождения и заканчивая смертью. Как и люди, они умирают от болезней, вирусов, эпидемий.

Слот “Birth” — «Рождение»

1957 г. считают годом «рождения» первого компьютера. С тех пор ученые и техники совершенствуют их, выпуская все новые, улучшенные версии. Каждая новая версия может считаться рождением нового продукта. Например, *“Electronic World War II acted as midwife to the birth of the early electronic computers were one-of-a-kind machines built for specific tasks”*. (Электронная “Вторая мировая война” выступила в качестве акушерки для рождения самых первых электронно-вычислительных машин, единственных машин в своем роде, созданных для решения конкретных задач).

Слот “Growth” — «Рост», «Развитие»

Все организмы на планете растут и развиваются. Компьютер, являясь предметом неживой природы, проходит все этапы развития, но с течением времени его размеры уменьшаются, компьютер становится легче. Если в 1950-е годы компьютер едва мог поместиться в комнату, то сейчас мы можем носить их в кармане брюк.

Например, *“The growth of the computers and the computer industry has exploded in the last 10-15 years”*. (За последние 10-15 лет совершился прорыв в развитии компьютеров и компьютерной индустрии).

Слот “Death” — «Смерть»

Все вещи невечны, и у компьютера есть свой срок функционирования. При правильном обращении мы можем продлить жизнь компьютера, хотя у нас не всегда это получается. Например, *“Death of the PC: Time to Kiss Your Computer Goodbye?”* (Смерть ПК: Пришло ли время поцеловать свой компьютер на прощание?).

Зачастую ПК подвергаются вредоносным вирусам из Интернета, с которыми тяжело бороться. Примеры, *“Designed to relentlessly replicate, computer viruses infect your programs and files, alter the*

way your computer operates or stop it from working altogether”. (Предназначенные для неустанного размножения, компьютерные вирусы заражают программы и файлы, изменяя тем самым способ работы вашего компьютера, или вовсе ломают его).

“Find out how you can protect yourself against computer viruses and computer worms that self-replicate to infect multiple computers via computer networks”. (Узнайте, как вы можете защитить себя от компьютерных вирусов и компьютерных червей, которые могут заразить множество компьютеров в компьютерных сетях).

5. Фрейм “Relatives” — «Родственники»

У компьютера, также как и у человека, существует много родственников\ аналогов. Некоторые из них близкие, находящиеся с ним в одной стране, как, например Apple и Microsoft, некоторые дальние, например, Sony и Samsung. Есть старшие родственники\ старые модели компьютеров, например, Altair 8800, первый компьютер от Microsoft, а есть молодое поколение компьютеров, как, например, Macbook Air от компании Apple. Мы ждем выхода новых моделей компьютеров точно также, как рождение детей. Например, *“Apple is going to introduce its second-generation iPad Air on October 16, with pre-orders beginning on October 17. It includes a thinner design, Touch ID, an A8X processor, and an improved camera”*. (14 октября компания Apple представит свой новый iPad Air второго поколения, с 17 октября начнется запись предварительных заказов. Новый iPad Air имеет более тонкую конструкцию, функцию Touch ID, процессор A8X и улучшенную камеру).

Слот “Predecessor” — «Предшественники»

У компьютера, как и у человека, есть предшественники, которые уступают ему в развитии различных навыков и способностей. Например, *“An abacus is an ancient calculating tool or counting frame. It is a predecessor to the modern calculator or computer”* (Счеты — это древний инструмент вычисления или подсчета. Это предшественник современного калькулятора или компьютера).

Слот “Descendants” — «Потомки»

Развитие информационных технологий не стоит на месте, и каждый год эта индустрия радуется все новыми, более совершенными и многофункциональными компьютерами. Например, *“iPad Air is considered to be a descendant of all previous Apple products”*. (iPad Air считается потомком всех предыдущих продуктов от компании Apple).

6. Фрейм “Physiology” — «Физиология»

Физиология — это наука, изучающая жизнедеятельность целого организма и его частей, а также их механические, физические и биохимические функции. В данном фрейме мы будем рассматривать физические свойства компьютера, его механизмы и функции.

Слот “Appetite” — «Аппетит»

Зачастую мы одушевляем компьютер, приписывая ему черты живого организма. В следующем примере проиллюстрирована функция компьютера случайно стирать (перерабатывать) файлы: *“The computer ate my file”* (Компьютер съел мой файл).

Слот “Dream” — «Сон»

Как и любой живой организм, компьютер также нуждается в отдыхе, иначе его перегрузка скажется на общей работоспособности системы. Именно поэтому в каждый компьютер встроена функция сна для того, чтобы он не тратил свою энергию, когда человек не работает за ним. Например, *“Tetris effect appears on your computer right after it falls in dream”*. (Заставка в виде игры тетрис появляется на вашем компьютере сразу после того, как он перейдет в спящий режим).

Слот “Physical strength” — «Физическая сила»

В данном примере метафорическое переосмысление получает характеристика «физическая сила». *“Tech Talk: Tapping Computer Power to Promote Physical Therapy”*. (Разговор о технике: Использование блока питания для физиотерапии); *The first step in security is considering the physical security of the PC*. (Первым шагом в безопасности станет физическая защищенность ПК). Таким образом, концептуальная метафора базируется на аналогии между силой человека и мощностью компьютера.

Слот “Mentality” — «Интеллект»

В нижеизложенном примере метафорическому переносу в понятийную область «компьютер» подвергается концептуальная характеристика «интеллект» понятийной области «человек», которая актуализируется за счет использования следующих лексических единиц: “mentality” (интеллект), “clever”, “intelligent” (умный). Например, *“At Smart computer systems understand how people interact with computers and how to apply that knowledge in practical solutions to meet their needs”* (В смарт-компьютерах система анализирует взаимодействие человека и компьютера и применяет эти знания в

практических целях для удовлетворения потребностей человека). *“Intellect computers provide a full local service second to none”*. (Компьютеры с искусственным интеллектом обеспечивают полное первоклассное обслуживание).

На основе проанализированного материала мы выявили частотность употребления данных фреймов в английских виртуальных текстах за 2015-2019 гг. Можно сделать вывод о том, что фрейм “Parts of the body” является наиболее часто употребляемым в английских виртуальных текстах (что составляет 40%). Это объясняется тем фактом, что данный фрейм является наиболее структурированным и включает в себя наибольшее число слотов. Вторым по частотности стал фрейм “Appearance”, который составляет 18%. Это указывает на то, что компьютер развивается, становится неотъемлемой частью нашей жизни, и тем самым мы приписываем ему человеческие черты и качества. Наоборот, наименее популярным стал фрейм «Физиология», т. к. все-таки компьютер остается неодушевленным предметом, и поэтому сложно найти процессы, которые бы протекали в нем так же, как и в организме человека.

Как показывает анализ концептуальных метафор, используемых в Интернет-текстах, в качестве исходных понятийных областей, как правило, выступают человек, животное, и такие абстрактные понятия, как мечта, роскошь, развлечения. В качестве новой области оказывается понятийная область «компьютер».

В метафорической модели «Компьютер — это живой организм» прослеживается следующая закономерность: концептуализация понятийной сферы «компьютер» происходит по ряду следующих характеристик: физические данные (скелет, физическая сила, память) и социальные параметры (стиль жизни, статус, семья). Здесь мы сравниваем составляющие компьютера с органами человека, прослеживаем его жизненный цикл, а также смотрим на социальную сторону вопроса, например, сравниваем различные бренды компьютеров с родственниками человека, а новые разработки и устаревшие технологии с его потомками и предшественниками.

Итак, настоящее исследование показало, что при метафорическом моделировании понятийной сферы «компьютер» используются простые и конкретные образы. Благодаря доступности и упрощенности образов повышается продуктивность и потенциал употребляемых моделей.

Список литературы

1. Будаев, Э. В. Метафора в политическом интердискурсе / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. — Екатеринбург: Урал. гос. пед. университет, 2006.
2. Виноградов, В. А. Создание информационной культуры для Европы / В. А. Виноградов, Л. В. Скворцов // Теория и практика общественно-научной информатики: VI конференция ЕКССИД, г. Кентербери, Великобритания, 23-25 марта 1991 г. — № 2 — С. 5-29.
3. Горошко, Е. И. Интернет -- жанр и функционирование языка в Интернете: попытки рефлексии / Е. И. Горошко // Жанры речи. — 2009. — № 6 (Жанр и язык). — С.11-127.
4. Кубрякова, Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. — М., 2004.
5. Лутовинова, О. В. Прецедентные персонажи виртуального дискурса / О. В. Лутовинова // Электронный вестник центра переподготовки и повышения квалификации по филологии и лингвострановедению. — 2007. — № 5. — URL: <http://www.evcpk.ru/article.php?id=232>, дата обращения: 21.08.2019.
6. Пронина, Л. А. Современная информационная среда как новая форма бытия человека / Л. А. Пронина // Аналитика культурологии. — URL: <http://www.analiculturolog.ru>, дата обращения: 10.08.2019.
7. Трофимова, Г. Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России: Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты / Г. Н. Трофимова. — М.: Изд-во РУДН, 2004.
8. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры / А. П. Чудинов. — Екатеринбург, 2001.
9. Amazon. — URL: <http://www.amazon.com>, дата обращения: 21.08.2019.
10. Computer History Museum. — URL: <https://www.computerhistory.org>, дата обращения: 20.08.2019.
11. Computer hope's free computer help. — URL: <http://www.computerhope.com>, дата обращения: 18.08.2019.
12. Forbes Magazine. — URL: <http://www.forbes.com/forbes/>, дата обращения: 18.08.2019.
13. Gadget Value. — URL: <https://www.gadgetvalue.com>, дата обращения: 25.08.2019.
14. Kaspersky. — URL: <http://www.kaspersky.com>, дата обращения: 29.08.2019.
15. Merriam-Webster's Learner's Dictionary. — URL: <http://www.learnersdictionary.com/>, дата обращения: 20.08.2019.
16. Merriam-Webster Online: Dictionary and Thesaurus. — URL: [merriam-webster.com](http://www.merriam-webster.com), дата обращения: 22.08.2019.
17. PCWorld — News, tips and reviews from the experts on PC's. — URL: <http://www.pcworld.com>, дата обращения: 28.08.2019.
18. Webroot. Smarter cybersecurity. — URL: <https://www.webroot.com>, дата обращения: 25.08.2019.

Сведения об авторе

Асмус Нина Геннадьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета. Челябинск, Россия. nasmus@74.ru, 89823449878.

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 10 (432). *Philology Sciences. Iss. 118. Pp. 15—23.*

FUNCTIONING OF THE ANTHROPOMORPHIC METAPHOR IN THE ENGLISH VIRTUAL DISCOURSE

N. G. Asmus

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. nasmus@74.ru

The article investigates the metaphorical models of the conceptual sphere “computer” as exemplified by the English virtual discourse. As the analysis of conceptual metaphors used in Internet texts shows, the initial conceptual areas are man, animal, and such abstract concepts as dream, luxury, entertainment. Conceptualization occurs on a number of the following characteristics: physical data (skeleton, physical strength, memory) and social parameters (style, status, family). Here we compare the components of a computer with human or-

gans, trace its life cycle, and look at the social side of the issue, for example, we compare different brands of computers with relatives of a person, and new developments and outdated technologies with his descendants and predecessors. The present study has shown that the metaphorical modeling of the conceptual sphere “computer” uses simple and specific images. The availability and simplification of images increases the productivity and potential of the models used.

The key words: *metaphorical modeling, metaphorical model, frame, slot, computer.*

References

1. Budaev E. V., Chudinov A. P. *Metafora v politicheskom interdiskurse* [Metaphor in political interdiscourse]. Ekaterinburg, 2006. (In Russ.).
2. Vinogradov V. A., Skvorcov L. V. Sozdanie informacionnoj kultury dlya evropy [Creation of information culture for Europe]. *Teoriya i praktika obshchestveno-nauchnoi informatiki* [Theory and practice of social and scientific Informatics], Canterbury, United Kingdom, 23-25 March 1991, no 2, pp. 5-29. (In Russ.).
3. Goroshko E. I. Internet zhanr i funkcionirovanie yazyka v internete: popytki refleksii [Internet-genre and functioning of language on the Internet: attempts of reflection]. *Zhanry rechi* [Speech genres], 2009, no 6, pp. 11-127. (In Russ.).
4. Kubryakova E. S. *Yazyk i znanie. Na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoj tochki zreniya. Rol yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge. On the way to gaining knowledge about language: parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world], Moscow, 1984. (In Russ.).
5. Lutovinova O. V. Precedentnye personazhi virtualnogo diskursa [Precedent characters in the virtual discourse]. *Ehlektronnyj vestnik centra perepodgotovki i povysheniya kvalifikacii po filologii i lingvostranovedeniyu* [Electronic Bulletin of the center for retraining and advanced training in Philology and linguistics.], 2007, no 5. Available at: <http://www.evcppk.ru/article.php?id=232>, accessed 20.08.2019. (In Russ.).
6. Pronina L. A. Sovremennaya informacionnaya sreda kak novaya forma bytiya cheloveka [Modern information environment as a new form of human existence]. *Analitika kulturologii* [Analytics of cultural studies]. Available at: <http://www.analiculturolog.ru>, accessed 17.08.2019. (In Russ.).
7. Trofimova G. N. *Yazykovoi vkus internet ehpopi v rossii: Funkcionirovanie russkogo yazyka v internete : konceptualno-sushchnostnye dominanty* [Language taste of the Internet age in Russia: Functioning of the Russian language on the Internet: conceptual and essential dominants]. Moscow, 2004. (In Russ.).
8. Chudinov A. P. *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoi metafory* [Russia in the metaphorical mirror: a cognitive study of political metaphor]. Ekaterinburg, 2001. (In Russ.).
9. *Amazon*. Available at: <http://www.amazon.com>, accessed 21.08.2019. (In Eng.).
10. *Computer History Museum*. Available at: <https://www.computerhistory.org>, accessed 20.08.2019. (In Eng.).
11. *Computer hope's free computer help*. Available at: <http://www.computerhope.com>, accessed 18.08.2019. (In Eng.).
12. *Forbes Magazine*. Available at: <http://www.forbes.com/forbes/>, accessed 18.08.2019. (In Eng.).
13. *vGadget Value*. Available at: <https://www.gadgetvalue.com>, accessed 25.08.2019. (In Eng.).
14. *Kaspersky*. Available at: <http://www.kaspersky.com>, accessed 29.08.2019. (In Eng.).
15. *Merriam-Webster's Learner's Dictionary*. Available at: <http://www.learnersdictionary.com/>, accessed 20.08.2019. (In Eng.).
16. *Merriam-Webster Online: Dictionary and Thesaurus*. Available at: <http://www.merriam-webster.com/>, accessed 20.08.2019. (In Eng.).
17. *PCWorld - News, tips and reviews from the experts on PC's*. Available at: <http://www.pcworld.com>, accessed 28.08.2019. (In Eng.).
18. *Webroot. Smarter cybersecurity*. Available at: <https://www.webroot.com>, accessed 25.08.2019. (In Eng.).

ГРАММАТИЧЕСКИЕ И ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАМЕНЫ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Е. Ю. Андреева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

В данной статье рассмотрены основные типы грамматических и лексических замен, возникающих при переводе англоязычного художественного произведения на русский язык (на примере романа Питера Курта «Анастасия. Загадка великой княжны», автор перевода И. В. Гюббенет). Приведены иллюстрации лексических и грамматических трансформаций из англоязычной и русской версий романа.

Ключевые слова: *перевод, художественный перевод, трансформация, грамматическая замена, лексическая замена*

Вводные замечания

В современной лингвистике, занимающейся осмыслением переводческой деятельности, существует немало количеств подходов к переводу художественного текста с английского языка на русский. Профессор О. В. Александрова подчёркивает, что вопросы, связанные с переводом художественных произведений, были и остаются в центре внимания учёных-языковедов. Дело в том, что данный тип текстов не только несёт сведения об определённом времени, жизни и культурных ценностях общества, но также даёт возможность узнать о внутреннем мире людей, живущих в тот или иной исторический период [1]. Как отмечает исследователь Т. А. Казакова, перевод текста художественной литературы включает в себе творческую модификацию оригинального текста «с использованием всех необходимых выразительных возможностей переводящего, сопровождаемого возможно более полной передачей литературных особенностей оригинала» [4. С. 47].

Однако перед тем, как начать перевод того или иного произведения с одного языка на другой, необходимо принять во внимание ряд особенностей, касающихся преобразования оригинального текста в текст на иностранном языке, который был бы эквивалентен исходному. С одной стороны, переводчик должен принимать в расчёт тот факт, что «для перевода существенной является эквивалентность значений не отдельных слов и даже не изолированных предложений, но всего переводимого текста (речевого произведения) в целом по отношению ко всему тексту перевода» [3. С. 15]. С другой стороны, также нельзя упускать из виду и то, что в процессе перевода текста с одного языка на другой неизбежными являются

потери. Речь идёт о неполной передаче значений, выражаемых текстом оригинала.

Понятие «трансформация» при переводе

При переводе художественного текста с одного языка на другой очень важным является понятие «трансформация». Данный термин широко используется в современной лингвистике и переводоведении с целью анализа отношений между исходными и конечными языковыми выражениями ввиду замены в процессе перевода одной формы выражения другой. Учёный Р. К. Миньяр-Белоручев определяет трансформацию следующим образом: «Трансформация – основа большинства приёмов перевода. Заключается в изменении формальных (лексические или грамматические трансформации) или семантических (семантические трансформации) компонентов исходного текста при сохранении информации, предназначенной для передачи» [7. С. 174]. Более того, основа трансформации заключена в замене «формальных (лексические и грамматические трансформации) или семантических (семантические трансформации) компонентов исходного текста» [8. С. 201]. При этом информация, которая предназначена для передачи, безусловно, должна быть сохранена. Исследователь А. Д. Швейцер придерживается мнения, что «термин “трансформация” используется в переводоведении в метафорическом смысле. На самом деле речь идёт об отношении между исходными и конечными языковыми выражениями, о замене в процессе перевода одной формы выражения другой» [9. С. 118].

Выдающийся теоретик и практик перевода В. Н. Комиссаров говорит о том, что переводческими трансформациями считаются модифика-

ции, помогающие переводящему осуществить «переход от единиц оригинала к единицам перевода» [5. С. 172]. Вследствие того, что переводческие трансформации производятся с единицами языка, которые имеют и план содержания, и план выражения, они обладают формально-семантическим характером. Таким образом, они преобразуют как форму, так и значение исходных единиц.

Виды трансформаций

В современной теории перевода существуют различные точки зрения относительно разделения трансформаций на типы, однако многие исследователи придерживаются мнения о том, что базовыми являются грамматический и лексический виды преобразований, которые, в свою очередь, разделяются на подтипы. Необходимо отметить, что данная классификация считается условной, так как на практике «чисто грамматические» или же «чисто лексические» переводческие трансформации встречаются крайне редко. Чаще всего они переплетаются друг с другом, превращаясь в так называемые «комплексные» преобразования. Выдающийся лингвист и теоретик перевода Л. С. Бархударов разделяет все виды трансформаций на четыре простейших типа, «а именно: перестановки, замены, добавления и опущения» [2. С. 190].

В своём исследовании Л. С. Бархударов делает вывод о том, что наиболее распространённым видом переводческой трансформации являются замены, которые в свою очередь делятся на грамматические и лексические. Более того, учёный говорит о том, что переводчик часто заменяет не только отдельно взятые единицы, но и подвергает модификации целые комплексы (лексические и грамматические) [3]. Все перечисленные типы замен будут подробно рассмотрены при сопоставлении англоязычного текста романа Питера Курта «Anastasia. The Riddle of Anna Anderson» [10] с его переводом на русский язык, выполненным И. В. Гюббенет [6].

Грамматические замены

Говоря о грамматических заменах в процессе перевода, следует выделить следующие из них:

А) замены форм слова:

1) замена числа существительного: *I didn't know anything at all about the life and mysterious death of the last Romanovs, nor, when I began to read about it, did the question of Anna Anderson's true identity interest me nearly so much as the larger drama of Nicholas and Alexandra, the Rasputin scandal,*

and the bloody progress of the Bolshevik Revolution [10. С. vii]. / *Тогда мне ничего не было известно о жизни и таинственной смерти последних Романовых. Да и когда я начал знакомиться с этими фактами, подлинность личности Анны, Анны Андерсон, интересовала меня гораздо меньше, чем драма Николая и Александры, скандалы с Распутиным и кровавый триумф большевистской революции* [6. С. 8];

*The answer to the riddle of Anastasia does not lie in Russia, but in the heart of of the Romanov family, where pride and appearances overruled compassion and condemned a human being to life in a bitter universe of **imputation** and **doubt*** [10. С. ix]. / *Разгадка Анастасии не в России, но в самой семье Романовых, где гордость и внешние приличия возобладали над состраданием и обрекли человеческое создание на одинокое существование в полном горечи мире **обвинений** и **сомнений*** [6. С. 10-11].;

2) замена времени у глагола: *...the curse of the Romanovs **appears to be** that that they are unable to speak an open word with one another* [10. С. x]. / *... проклятие дома Романовых **заключалось** в том, что они никогда не могли откровенно говорить друг с другом* [6. С. 11].

Б) замены частей речи:

1) прономинализация (замена существительного местоимением): *When the assassins moved her body, **the Grand Duchess** regained consciousness, saw herself surrounded by pools of blood and the bodies of her family, and screamed* [10. С. xiv]. / *Когда убийцы дотронулись до неё, **она** пришла в себя, увидев вокруг лужи крови и трупы родных, закричала* [6. С. 16].

2) замена местоимения существительным: *One of her mother's friends recalled that **she** «might have been composed of quicksilver»* [10. С. xi]. / *Одна из подруг её матери вспоминала, что **девушка** была «живая, как ртуть...»* [6. С. 12].

3) замена прилагательного на существительное (и наоборот): *There is a story told about Grand Duke Boris of Russia, <...> who sat in a drawing room **in Paris** at the end of the 1920s and heard one Russian cousin dismiss Anna Anderson as a demented **Polish** factory worker with delusions of grandeur* [10. С. ix]. / *Существует рассказ о великом князе Борисе Владимировиче. <...> Сидя в одной из **парижских** гостиниц в конце 20-х годов, он слышал, как кто-то из родни отозвался об Анне Андерсон как о фабричной работнице **из Польши**, страдающей манией величия* [6. С. 11]; *Irene of **Prussia** did not*

stay for explanations [10. С. 52]. / Ирена Прусская объяснениями никого не удостоила [6. С. 69].

4) замена отглагольного существительного (имени деятеля с суффиксом -er) на личную форму глагола: *She was no publicity seeker...* [10. С. 10]. / Она не искала известности... [6. С. 24]. Или же просто замена существительного личной формой глагола: *But Kleist was a buffoon all around* [10. С. 55]. / Кляйст во многом провинился [6. С. 72].

В) замены членов предложения:

1) замена английской пассивной конструкции активной конструкцией в русском варианте произведения: *They were tutored in history, mathematics, and the natural sciences* [10. С. xi]. / Они изучали историю, математику и естественные науки [6. С. 12]; «*Fräulein Anny was forever afraid that she would be kidnapped by the Bolsheviks,*» *Baron von Kleist's daughter Gerda explained* [10. С. 31]. / ««Фройляйн Анни» всё время боялась, что большевики её похитят», — объясняла дочь барона фон Кляйста Герда [6. С. 47].

2) замена подлежащего английского предложения обстоятельством при переводе на русский язык: *An examination conducted at the asylum on March 30, 1920, recorded her weight at one hundred and ten pounds, her height at just under five feet two* [10. С. 5]. / При осмотре, проведённом в клинике 30 марта 1920 года, был зарегистрирован её вес — 110 фунтов <...> и рост — 5 футов 2 дюйма <...> [6. С. 19]. *The report continued: Very reserved. Refuses to give her name, family, age or occupation* [10. С. 5]. / Дальше в описании говорилось: «Очень сдержанна. Отказывается назвать имя, возраст и занятие» [6. С. 19].

Г) замены синтаксического характера в сложном предложении:

1) замена простого предложения сложным: *She only remembered staring at the water and reflecting that water had always fascinated her...* [10. С. 3]. / Она помнила только, что смотрела на воду и думала о том, что вода всегда имела для неё особую притягательную силу... [6. С. 17].

2) соединение двух простых (или сложного и простого) предложений в одно сложное: *Fräulein Unbekannt had said all she had to say. Once more Schwabe offered her the box of chocolates...* [10. С. 21]. / Большие фройляйн Унбекант было нечего сказать, и Швабе снова предложил ей коробку шоколада... [6. С. 36].

3) замена сложного предложения простым: *How would it be if they sent for her "fiancé"?* [10. С. 6] / Не послать ли им за её «женихом»? [6. С.

20]; ... *he was the only friend we had* [10. С. 55]. / ... он был наш единственный друг... [6. С. 72].

4) замена главного предложения придаточным: *She was "fond of teasing when she was in a good humor", but "could be very unapproachable, even haughty."* [10. С. 19] / Когда она «в хорошем настроении», она «любит поддразнивать людей», но может быть «недоступной и даже надменной» [6. С. 34].

5) замена сочинительной связи подчинительной: *Zinaida Tolstoy, her curiosity undiminished despite Baroness Buxhoeveden's negative verdict, remembered that she...* [10. С. 30]. / Зинаида Толстая, чьё любопытство не уменьшилось, несмотря на вердикт баронессы Буксгевден, вспоминала, что она... [6. С. 46].

6) замена союзной связи бессоюзной: *The soldiers dispatched to Tobolsk by Alexander Kerensky had been orderly and respectful, on the whole, even sympathetic to the Romanovs' plight, but the new Bolshevik detachments were not* [10. С. xi]. / Солдаты, посланные в Тобольск Керенским, были дисциплинированы и уважительны, большевики из новой охраны такими качествами не отличались [6. С. 13].

Проанализировав грамматические преобразования при переводе романа "Anastasia. The Riddle of Anna Anderson" можно сделать вывод о том, что с их помощью переводчику удаётся передать содержание оригинальной версии произведения с заменой типичных для английского языка форм слов и предложений (к примеру, число имён существительных, пассивные конструкции и т. д.) на более привычные русские эквиваленты (преобладание форм множественного числа при описании исторических событий, активные конструкции, бессоюзная связь и т. д.). Кроме того, следует отметить, что порядок слов в русском предложении чаще всего определяется факторами, связанными с «коммуникативным членением». При этом «новое» (слово или группа слов, которые несут информацию, сообщаемую впервые) как правило оказывается в конце предложения, в то время как «данное» (слово или группа слов, несущие известную из предшествующего контекста информацию) располагается в начале предложения.

Лексические замены

Среди наиболее частотных типов лексических замен при переводе произведения с английского языка на русский можно выделить следующие из них:

1) конкретизация: *"I cannot say", said Anastasia* [10. С. 37]. / «Не знаю», - отвечала Анастасия [6. С. 53]. (конкретизация глаголов речи); *She*

was nothing if not contradictory [10. С. 30]. / Она **казалась** сотканной из противоречий [6. С. 46]. (конкретизация глагола be); *Over and again the Siberian witnesses tell a common story – of house-to-house searches, spontaneous interrogation, and open threats of retribution if any of the citizenry was found harboring “female members of the Romanov family”* [10. С. 44]. / Свидетели из Сибири многократно повторяли **одно и то же**: повсеместные обыски, допросы и очные ставки и прямые угрозы возмездия, если окажется, что местные жители укрывают «женщин из романовской семьи» [6. С. 61]. (контекстуальная конкретизация)

2) генерализация: *She did not know how long the journey out of Russia had taken them – “weeks and weeks” – and she remembered little about it...* [10. С. 37]. / Она не знала, сколько времени они выбрали из России, - «**много недель**», - и мало что помнила... [6. С. 53]; *Franz Jaenicke confirmed later that he had lost a great deal of money by refusing the offers that regularly came his way to write about Anastasia* [10. С. 55]. / Франц Енике подтверждал, что **много потерял**, отказываясь от предложений, которые делались ему **в отношении Анастасии** [6. С. 72].

3) замена следствия причиной: *This time Schwabe did not stay behind* [10. С. 25]. / На этот раз Швабе **последовал** за ней [6. С. 41].

4) антонимический перевод: *Glumly Inspector Grünberg reported that Irene had been “deeply of-*

fended” by Anastasia’s behavior – “and with good reason...”. [10. С. 52] / Инспектор Грюнберг **рачно сообщил**, что она была «глубоко оскорблена» **поведением Анастасии**, – «и **не без причин...**» [6. С. 69].

Рассмотрев лексические замены при переводе романа с английского языка на русский можно заключить, что данный вид трансформации необходим для соблюдения норм русского языка, а также обусловлен стилистически. Автор перевода стремится избежать повторов, а также достичь большей образности.

Заключение

Итак, проанализировав примеры грамматических и лексических трансформаций, возникающих при сопоставлении англоязычной версии романа “Anastasia. The Riddle of Anna Anderson” и его перевода на русский язык («Анастасия. Загадка великой княжны»), можно сделать вывод о том, что понятие «трансформация» представляет собой одно из ключевых понятий современной лингвистики и переводоведения. Именно разнообразные грамматические и лексические межъязыковые преобразования помогают переводчику достичь адекватности перевода, а также передать экспрессивно-стилистические особенности текста оригинала, несмотря на наличие расхождений в формальных и семантических системах английского и русского языков.

Список литературы

1. Александрова, О. В. Когнитивно-прагматические основы построения художественного дискурса. Сб.: Когнитивные исследования языка. Выпуск XXII. Язык и сознание в междисциплинарной парадигме исследований / О. В. Александрова. — М. — Тамбов — С.-Петербург, 2015. — С. 313—315.
2. Бархударов, Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л. С. Бархударов. — М., «Советский писатель», 1975. — 238с.
3. Бархударов, Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода / Л. С. Бархударов. Изд. 2-е. — М.: Издательство ЛКИ, 2008. — 240 с.
4. Казакова, Т. А. Художественный перевод. Учебное пособие. Институт внешнеэкономических связей, экономики и права / Т. А. Казакова. — С.-Петербург, 2002. — 113 с.
5. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В. Н. Комиссаров. — М.: Высшая школа, 1990. — 253 с.
6. Курт, П. Анастасия. Загадка великой княжны. [Anastasia. The Riddle of the Grand Duchess] Пер. с англ. И. В. Гюббенет / П. Курт. М.: Издательство Захаров, 2015. — 448 с.
7. Миньяр-Белоручев, Р. К. Как стать переводчиком? / Р. К. Миньяр-Белоручев. — М.: «Готика», 1999. — 176 с.
8. Миньяр-Белоручев, Р. К. Теория и методы перевода / Р. К. Миньяр-Белоручев. — М.: Московский Лицей, 1996. — 208 с.
9. Швейцер, А. Д. Теория перевода / А. Д. Швейцер. — М., 1988. — 256 с.
10. Kurth, P. Anastasia: The Riddle of Anna Anderson / P. Kurth. — Boston: Little, Brown & Co, 1986. 450 с.

Сведения об авторе

Андреева Екатерина Юрьевна — аспирант Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, кафедра английского языкознания, Москва, Россия. KATERINA88557@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 10 (432). *Philology Sciences. Iss. 118. Pp. 24—28.*

GRAMMAR AND LEXICAL SUBSTITUTIONS IN TRANSLATION OF THE LITERARY TEXT

E. Yu. Andreeva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. KATERINA88557@yandex.ru

The paper reveals the basic types of grammar and lexical substitution which take place during the translation of the English literary text into Russian (by the example of the novel “Anastasia. The Riddle of Anna Anderson”, translated by Irina Vladimirovna G’ubbenet). One of the major notions of the article is the notion of “transformation”. The main goal of the article is to describe the most important grammatical, syntactic and lexical means which help to transmit the original content and are used by the translator in the Russian version of the novel. The author of the paper concludes that different subtypes of grammar and lexical substitutions resulting from the linguistic standards help to convey the content of the book adequately. The examples are given from the English and Russian version of the novel.

Keywords: *translation, literary translation, transformation, grammar substitution, lexical substitution.*

References

1. Aleksandrova, O. V. Kognitivno-pragmaticcheskie osnovy postroeniya hudozhestvennogo diskursa [Cognitive-pragmatic foundations of building artistic discourse]. Sb.: *Kognitivnye issledovaniya yazyka [Cognitive language studies]. Vypusk XXII. Yazyk i soznanie v mezhdisciplinarnoj paradigme issledovanij [Language and Consciousness in an Interdisciplinary Research Paradigm]*, M. — Tambov — S.-Peterburg, 2015, pp. 313-315. (In Russ.).
2. Barhudarov, L. S. *Yazyk i perevod (Voprosy obshchej i chastnoj teorii perevoda)* [Language and translation (Questions of general and particular theory of translation)], M., «Sovetskij pisatel’», 1975. 238 p. (In Russ.).
3. Barhudarov, L. S. *Yazyk i perevod: Voprosy obshchej i chastnoj teorii perevoda* [Language and translation: Questions of general and special theory of translation], Izd. 2-e. M.: Izdatel’stvo LKI, 2008. 240 p. (In Russ.).
4. Kazakova, T. A. *Hudozhestvennyj perevod* [Literary translation]. Uchebnoe posobie. Institut vneshneekonomicheskikh svyazej, ekonomiki i prava, St. Petersburg, 2002. 113 p. (In Russ.).
5. Komissarov, V. N. *Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty)* [Translation theory (linguistic aspects)], M., Vysshaya shkola, 1990. 253 p. (In Russ.).
6. Kurth, P. *Anastasiya. Zagadka velikoj knyazhny* [Anastasia. The Riddle of the Grand Duchess], translated by I. V. Gyubbenet, M., Izdatel’stvo Zaharov, 2015. 448 p. (In Russ.).
7. Min’yar-Beloruhev, R. K. *Kak stat’ perevodchikom?* [How to become a translator?], M., «Gotika», 1999. 176 p. (In Russ.).
8. Min’yar-Beloruhev, R. K. *Teoriya i metody perevoda* [Theory and translation methods], M.: Moskovskij Licej, 1996. 208 p. (In Russ.).
9. Shvejcer, A. D. *Teoriya perevoda* [Translation theory], M., 1988. 256 p. (In Russ.).
10. Kurth, P. *Anastasia: The Riddle of Anna Anderson*, Boston, Little, Brown & Co, 1986. 450 p.

К ВОПРОСУ РАЗГРАНИЧЕНИЯ СУГГЕСТИВНОЙ И СМЯГЧАЮЩЕЙ ФУНКЦИИ ЧАСТИЦ В НЕМЕЦКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ

Р. Ф. Бегматова

Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Узбекистан

В статье проводится сравнительное исследование суггестивной и смягчающей категории, а также рассматривается вопрос о разграничении суггестивной и смягчающей функции частиц, определяются термины «суггестия» и «смягчение» и раскрывается их лингвистический механизм. Дан анализ научных изысканий и взглядов исследователей и изложены личные взгляды автора. Автор делает попытку по-новому раскрыть вопрос смягчения и суггестии частиц в немецком и узбекском языках как эффективной стратегии воздействия.

Ключевые слова: *митигативное средство, суггестия, суггестивное воздействие, имплицитный смысл, функциональная нагруженность, смягчающая функция.*

В общем языкознании степень изученности служебных слов по сравнению со знаменательными словами находится на более низком уровне. В последние годы функциональность частиц активно рассматривается как один из актуальных вопросов, так как частицы употребляются как средство воздействия в текстах различной стилевой направленности. В немецком языкознании относительно частиц не употребляется термин *служебная часть речи*, а используются такие обобщающие термины, как *функциональные слова* (funktionswoerter), *неизменяемые слова* (unflektiert), *синсемантика* (synsemantik), что определяется функциональным разнообразием частиц в немецком языке.

С целью конкретизации системы частиц, составляющих особую часть речи в немецком языке, а также анализа их сходства и различий с частицами узбекского языка, мы остановимся на их некоторых особенностях.

Известно, что одна из функций частиц — суггестивная функция. Она приобретает актуальное значение при изучении языковых явлений в рамках антропоцентрических исследований. Говоря словами Ж. Вандриеса, «язык есть орудие воздействия и имеет практическое назначение, поэтому для того, чтобы хорошо понять язык, необходимо изучить его связи со всей совокупностью человеческой деятельности, с жизнью». По мнению Е. Г. Толкуновой, на человека воздействуют три психологических средства: информация, внушение, суггестия [9]. Большинство психологов и психолингвистов сходятся в разграничении таких способов вербально-психологического влияния, как *убеждение, внушение и суггестия*.

Нельзя смешивать эти понятия в связи с существованием важных различий между ними.

Убеждение — воздействие при использовании логических высказываний, тезисов и аргументов, силлогизмов. Внушение — как правило, эмоциональное словесное воздействие, использующее такие прагматические типы высказываний, как просьба, наставление, уговаривание, упрашивание, наущение, психическое программирование (кодирующие формулы, восклицания, аффективно-эмоциональные фразы, аффирмации-экзерситивы, «вставленные команды»), а также уместные риторические фигуры. Суггестия — это скрытое, имплицитное внушение не с помощью речевых актов (прагматических типов высказывания), а с помощью специфических лингвистических средств, их имплицитных смыслов и коннотаций, вызывающих эмоционально-волевые переживания. Суггестия протекает без явных просьб, увещаний, фактов и доказательств, но с помощью «побочных смыслов и выводов» лингвистических единиц.

Слово «суггестия» (lat. Suggestio), взято из латинского языка и означающее «намеки», «добавление». Суггестия сходна с гипнозом и внушением в том, что оказывается воздействие и контроль по отношению к личности, возможно, самостоятельно не мыслящей и, возможно, с целью нахождения ее слабой стороны [1], [10]. Смежные с гипнозом стороны суггестии изучаются в психологии, а в языковедении раскрываются ее лингвистические механизмы.

Явление суггестии неразрывно связано с риторикой, стилистикой, психолингвистикой, которые считаются лингвистическими науками. Известно, что в языкознании суггестивный механизм составляют лингвистические единицы (высказывания).

В частности, Е. Г. Толкунова оценивает как суггестивное воздействие способ оказания влияния на слушателя с помощью слова без вербального латента (маркера, выражающего суггестивное значение), критической оценки [9]. На наш взгляд, возможность оказания такого воздействия является суггестивной функцией частиц.

Суггестивные функции частиц в немецком языке были упомянуты в работах русских германистов А. Е. Заикина, С. Ю. Полуйковой, в русском языкознании — В. И. Муминова, В. А. Порошиной. Общелингвистическую суггестию изучали И. Ю. Черепанова, А. Ж. Машимбаева.

Функция воздействия языка признана многими учеными. В частности, В. И. Муминов видит суггестивные свойства частиц в неполном и неясном изложении мысли. Речевая суггестивность и суггестивное влияние осуществляются не только логичностью речи, но и активным участием частиц. [4]

Далее, анализируя суггестивную функцию частиц *von, тут, как, что*, В. И. Муминов приходит к выводу, что суггестия — это воздействие, оказываемое на подсознание и психологическое состояние адресата. Действительно, к средствам суггестивного воздействия на адресата относятся и частицы.

Мы постараемся доказать с помощью эмпирических материалов наличие суггестивной функции частиц. Для того, чтобы достичь эту цель, мы будем пользоваться методом транспозиции, которое используется в определении функционального значения с помощью перестановки гибридных лингвистических средств.

Например:

— *Bist du auch nicht getäuscht mit der Hausnummer?*

— *Беш йил ёш аёлга узоқ муддат экан, мени кечир...* — *ёлборганди хотини.*

Менчи, мен?!

Сенинг ўрнингда мен кечирардим сен ҳам кечиринг керак!

Мен эркакман ахир! [13]

А я, а я? ...

На твоём месте я простила бы. Ты должен простить.

Но я ведь мужчина! ... [14]. (Перевод Н. В. Владимировой)

Во втором примере герой произведения требует, во-первых, чтобы его правильно поняли, во-вторых, пытается мягко воздействовать и уменьшить категоричность используемого прагматического типа высказывания с помощью частицы.

Как видно из приведённых примеров, частицы служат для имплицитного суггестивного воздействия на адресата.

С. Ю. Полуйкова относит обозначающие возможность модальные частицы, наряду с модальными глаголами, к эффективным лексическим, грамматическим языковым единицам оказания суггестивного влияния на адресата: «*Vielleicht können Sie mit Ihrem Kind diese Gefühle ansprechen?*» — и указывает на наличие у них латентной стратегии заблаговременного программирования. Она отмечает, что суггестия — это один из видов речевого воздействия, она скрытая и замаскированная [5]. Исходя из этого, суггестивная функция частиц может использоваться как коммуникативная стратегия достижения прагматической цели.

Таким образом, суггестию можно рассматривать, с одной стороны, как воздействие на психологическое состояние адресата, а с другой стороны — как коммуникативную стратегию достижения прагматической цели.

А. Е. Заикин подчеркивает, что модальные частицы *auch, doch, etwa, vielleicht, wohl, schon* придают предложению суггестивный характер, а суггестивная функция риторических вопросов и частицы *doch*, наряду с побуждением адресата к утверждению услышанной им информации, служит признаком того, что он ждет не отрицательный, а положительный ответ [3]. В целом можно отметить, что в работах вышечисленных ученых раскрываются отличающиеся друг от друга тонкости выражения суггестивной функции частиц.

В русском языкознании суггестивная функция частиц рассматривается как стилистическая функция. В немецком языкознании она считается прагматической функцией [4] и по отношению к ней не применяется термин *суггестия*. Мы считаем суггестивную функцию *психологической*, так как частицы являются лингвистическим признаком психологического воздействия, оказываемого на подсознание человека.

Приведем еще пример. В немецком языке есть суггестивный вопрос, который задается при желании говорящего получить желаемый ответ. Например, частица *vielleicht* означает такую интенцию:

3. *Hättest du vielleicht lieber Bier?* (*Наливающим во время ужина по очереди коньяк и вино хозяин, увидев, что один из гостей от них отказывался, произнес: «Может, вы любите пиво?»*)

Слово *vielleicht* в немецком языке может использоваться в качестве модального слова, при

этом в качестве частицы оно является безударным. В качестве частицы *vielleicht* в основном используется в вопросительных предложениях без вопроса. Если предложение представляет собой вопрос или восклицание, то данная частица заменяется партиклем *etwa*. В этом случае *etwa* выделяется интонационно. Его можно заменить частицей *denn*. В случае замены появится значение нетерпеливости, побуждения к негативному ответу. *Vielleicht* же приводит к дружелюбному звучанию выражения и ответ остается открытым, зависящим от усмотрения гостя [4]. Здесь уместно назвать суггестией семантическую функцию частицы *vielleicht*.

В узбекском языке частицы также могут выполнять семантическую функцию:

4. «Ахир шунча иш қилинганлигига қарамай, грипнинг давоси топилгани йўқ-ку! Битта игна ёки ҳандори билан ё бўлмаса чақалоқликда қилинадиган эмлашлар билан грип касаллиги бутунлай йўқ қилинмаган-ку» [13]

Упрекали порой: «Ну что такое грип? Разве так трудно выписать витамины и два простеньких лекарства? Это удел бездарных неумех» [14]. (перевод Н. В. Владимировой)

В лингвистической литературе нередко наряду с термином «функция суггестии» встречается термин «смягчающая функция». Смягчающая функция описывается как коммуникативная категория, ее вербализирующие средства многократно анализировались и на примере одного языка, и в сравнении с другими.

Коммуникативная смягчительная категория, по Ю. П. Нечаяу в различных жанрах академического дискурса немецкого и английского языков делится на два вида: лингвистическую и прагматическую. Выдвигается предположение, что в английском языке лексические средства по количеству встречаются чаще, а в немецком языке больше используются грамматические средства [7]. В лингвистике смягчающая функция языковых единиц называется митигативной.

В качестве митигативных средств в академическом дискурсе немецкого (как и английского) языка используются: а) лексические средства *vielleicht*, *wahrscheinlich*, *ein bisschen*; б) грамматические средства модальных глаголов и условного наклонения; в) прагматические средства дискурсивных маркеров *eigentlich*, *also*. При этом в немецком и английском языках смягчение больше связано с выражением общительности, с интерактивностью. Чем выше уровень интерактивности, тем сильнее смягчение [7].

Среди выполняющих функцию смягчения единиц частицы занимают особое место. В частности, они приводят к живому и мягкому общению. В кругу делящихся на многие группы частиц только смягчительные частицы отличаются востребованностью. При этом понимание содержания интенсивных, вопросительных и фокусных, отрицательных частиц не представляет сложности [11].

Известно, что побудительное волеизъявление адресанта может передаваться при помощи повеления. В составе таких предложений частицы в своей смягчающей функции позволяют говорящему мягко, в деликатной форме выразить свой приказ, требование, просьбу и т. п. Как отмечает У. Сулеева, в смягчении категориальных значений приказа, побуждения в кумыкском языке, например, эффективным считается частица *чы* (чи), которая часто используется в художественной литературе, что придает повелительной структуре выразительность, живость и дополнительное содержание [8].

По мнению Ю. П. Нечая, в немецком языке эмоционально-экспрессивные частицы всегда имеют абстрактное значение [3]. Мы полагаем, что такие частицы служат основой выполнения смягчающей функции.

Изучая функциональность модальных частиц, И. В. Ружицкий отмечает, что характерные для русского языка модальные частицы чаще встречаются в речи русскоговорящих. Он уделяет внимание частицам *то* и *же*, которые в вопросительных предложениях, наряду с несколькими комплексными задачами, усиливают смягчение, интерес, раскаяние и стремление [6]. Смягчающие твердость в содержании вопросительных предложений русского языка лингвистические пары *не... ли*, *не ... бы* встречаются в предложениях, обозначающих просьбу, и считаются формулой общительности [3].

В узбекском языке термин *смягчение* слово впервые было употреблено А. Абдуллаевым, который описывает их словами *мулойимлик*, *хушмуомалик* (общительность, любезность). Слово *хушмуомалик* (общительность) является названием признака и используется по отношению к человеку, который пользуется большим уважением.

5. Фарида индамай қулоқ бериб ўтирди-ўтирдида, ниҳоят, тилга кирди: «Майли, Носиржон, кўнглингиздагини ҳам ёзинг. Фақат биз талаб қилган мақолардан кейин ёзинг. Унутмангки, шахсан сизнинг ҳаётингизга мазмун берадигани ҳам ўша биз сиздан сўраётган иш. Кўнгилдаги эса ...

эх-хе, кўнгилга қўйиб берсангиз, нималарни тусамайди, дейсиз. Лекин бу ёқда яшаи керак-ку, Носиржон...» [13].

Фарида долго молча слушала его и, наконец, сказала: «Ладно, Носыржон, пишите и о том, что задумали, но после тех статей, которые нам нужны. И не забывайте, что лично вашей жизни смысл даёт та работа, которая вам поручена. А то, что хочется ... если дать волю желанию, сердцу, то чего только ему не захочется. Но жить-то нужно, Носыржон!...» [14]. (перевод Н. В. Владимировой)

В узбекском языке частицы смягчающего характера активно участвуют также для выражения просьбы, желания, сожаления, проклятия и благоговения, что определяет их этноспецифический характер. Например:

6. Ман этилган дарахтнинг меваси жадаям-жудаям ширин туюлди хотинга...

— Богимиздаги энг-энг ширин мевани келтирдим сенга! — деди хотин Одамга.

— Қандай мева экан бу? — қўлига олиб айлан-тириб кўрди олмани Одам. Таъқиқланган дарахтники бўлмасин тагин? —Йўқ! — Кескин эътироз билдирди Одам. Қара атрофимизда бошқа мевалар тўлиб-тошиб ётибди-ку, нега айнан шуни, Худованд ман қилганини ейишим керак экан?...

— Бу бошқача-да. Боғнинг биронта меваси тенглаша олмайди бу билан, — хотини одамнинг қўлидан олиб кўзларига яқин тутди... Одам шундай хаёл ва тараддуд билан хотини қўлида ял-ял ёниб турган олмани қандай тишлаб қўйганини ўзи ҳам сезмай қолди [13].

Запретный плод пришелся по вкусу жене. ...

— Я принесла тебе самый вкусный плод, какой только есть в саду, -сказала жена Адаму...

— Какой же это плод? — он взял в руки яблоко и повертел его. — А не с запретного ли оно дерева? Нет, — резко возразил Адам. — Посмотри, вокруг нас полно всяких плодов. Почему же я должен есть эти, запрещенные Создателем?

— Так это другое, особенное, ни один плод в саду не может сравниться с ним. Жена взяла яблоко и поднесла к глазам Адама. Адам в нерешительности взял из рук жены сверкающее яблоко и не заметил, как надкусил его [14]. (Перевод Н. В. Владимировой)

Не только конкретное недовольствие, но и усиление недовольствия, несогласие достигается употреблением частицы ку. Адам выражает своё недо-

вольство тем, что не хочет есть яблоко, предлагаемое женой.

О. Базаров считает частицу -да в узбекском языке полифункциональной, то есть способной выполнять три функции: усилительную, усилительно-ограничительную и утвердительную. На наш взгляд, к полифункциональности частицы -да присоединяется ещё одна, так называемая смягчительная функция, которую можно определить с помощью контекстного анализа.

Следует отметить, что в целом смягчающая функция частиц ярко проявляется в художественной и разговорной речи всех языков. Например, в узбекском языке:

7. Худонинг уйида чуқинаётган Лариса хола ўтганларни бирин-сирин ёдга олиб ... навбат яқин дугоналаридан Матлубага етганда иккиланиб қолди. «Ахир у мусулмон бўлса, мен эса насроний. Ҳақиқа дуо қилсам бўлармикан?» ... Мулоҳаза қила-қила ахийри бир қарорга келди: «Ахир динларимиз ҳар хил бўлсада дилларимиз яқин эди-ку. Ахир мен хам Матлуба бир умр сизинган Худога илтижо қилияпман-ку [13].

Когда очередь дошла до близкой подруги Матлюбы, тетя Лариса засомневалась. «Она была мусульманкой, я — христианка, можно ли мне молиться о ее душе?» ... после долгих размышлений, она решила: «Веры у нас разные, но сердца наши были близки. Ведь я молюсь тому же Богу, которому всю жизнь молилась Матлюба»... [14] (Перевод Н. В. Владимировой).

В тексте отражается межрелигиозное отношение между христианкой Ларисой и мусульманкой Матлюбой. Лариса хочет помолиться, несмотря на различные веры, за давнюю знакомую умершую подругу Матлюбу. Употреблением повторно частицы -ку она как бы убеждает себя в правильности своих намерений.

Таким образом, частицы могут выполнять как суггестивную, так и смягчающую функцию. При этом семантика суггестивности и смягчения обусловливается их функциональной нагруженностью: суггестивность предполагает выражение частицами воздействия на адресата с целью получения положительного ответа (положительной реакции), а смягчающая функция частиц отражает стремление адресата более мягко, деликатно выразить побудительное волеизъявление типа приказа, требования, повеления.

Список литературы

1. Краткий словарь иностранных слов. / Под ред. И. В. Лехина и проф. Ф. Н. Петрова. Государственное издательство иностранных и национальных словарей. — М., 1952. — 382 с.
2. Муминов, В. И. Стилистические функции частиц в романе Ф. М. Достоевского «Идиот». — Южно-Сахалинск, 2011. — 240 с.
3. Нечай, Ю. П. Семантико-синтаксические средства выражения эмоционально-экспрессивных значений частиц в немецком и русском языках (сопоставительный анализ): Дисс. докт. филол. наук. — Краснодар, 1999. — 135 с.
4. Порошина, В. А. Выделительно-ограничительные частицы и их стилистические функции в языке былин. Дисс... канд. филол. наук. — Петрозаводск, 2005. — 194 с.
5. Полуйкова, С. Ю. Средства суггестивного речевого воздействия в современном просветительском послании. // Вестник Пермского университета. Вып. 3 (19) 2012. — С. 45—50.
6. Ружицкий, И. В. Модальные частицы как один из способов реализации прагматического уровня языковой личности. // Язык, сознание, коммуникация: Сб. Статей. — Макс Пресс, 2001. — Вып. 16. — С. 13—19.
7. Рыжук, Е. А. Коммуникативная категория смягчения в академическом дискурсе (на материале английского и немецкого языков). — Красноярск, 2016. — 91 с.
8. Сулеева, У. М. Частицы кумыкского языка. Дисс... канд. филол. наук. — Махачкала, 2000. — 50 с.
9. Толкунова, Е. Г. Семантическое описание современных русских рекламных текстов (суггестологический аспект): Дисс... канд. филол. наук. — Барнаул, 1998. — 184 с.
10. Glück, H. (Her.) Metzler Lexikon Sprachen. Stuttgart: Metzler. 2000. — 817 S Ружицкий И. В. Модальные частицы как один из способов реализации прагматического уровня языковой личности. // Язык, сознание, коммуникация: Сб. Статей. — Макс Пресс, 2001. — Вып. 16. С. 13—19.
11. Hentschel, E., Weydt, H. Handbuch der deutschen Grammatik. — Berlin: Walter de Gruyter, 1994.
12. Ўзбек тилининг изоҳли лўғати. 5 жилдли. / А. Мадвалиев таҳрири ост. — Т.: Ўзбекистон нашриёти, 2006.-1-жилд. — 345 б.
13. Ҳамдам, У. Исён ва итоат // Янги аср авлоди. — Tashkent, 2003. — 140 с.
14. Ҳамдам, У. Бунт и смирение // «Zar qalam». — Ташкент, 2006. — 123 с.

Сведения об авторе

Бегматова Раъно Фахридиновна — докторант Узбекского государственного университета мировых языков, старший преподаватель кафедры теории и практики немецкого языка, Узбекский государственный университет мировых языков. Ташкент, Узбекистан. rano@rambler.ru

---

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 10 (432). Philology Sciences. Iss. 118. Pp. 29—34.

ON THE ISSUE OF DIFFERENTIATION OF SUGGESTIVE AND SOFTENING FUNCTIONS OF PARTICLES IN THE GERMAN AND UZBEK LANGUAGES

R. F. Begmatova

Uzbek State World Languages University, Uzbekistan, Tashkent. rano@rambler.ru

The article presents a comparative study of the function of particles in the German and Uzbek languages, as well as the issue of differentiation of suggestive and softening function of particles. The terms suggestion and mitigation are construed, and their linguistic mechanism is revealed. In order to specify the system of particles that make up a special part of speech in the German language, to analyze their similarities and differences in the Uzbek language, we focus on some of their features. To research functions of the particles, we use the transposition method. The analysis of literature and the views of researchers are given together with the outline of the author's personal views in the paper.

Keywords: *mitigation tools, suggestion, suggestive influence, implicit meaning, functional loading, softening function.*

References

1. *Kratkiy slovar inostrannyx slov* [Short dictionary of foreign words], Eds. I. V. Lexina i prof. F. N. Petrova, Moscow, 1952. (In Russ.).
2. Glück H. (Her.) *Metzler Lexikon Sprachen*, Stuttgart, Metzler, 2000. 817 S.
3. Muminov W. I. *Stilisticheskie funkicii chastic v romane F. M. Dostoevskogo "Idiot"* [Stylistic functions of particles in Dostoevsky's novel "The Idiot"]. Yuzhno-Sakhalinsk, 2011. 240 p. (In Russ.).
4. Nechay Yu. P. *Semantiko-sintakticheskie sredstva virajeniya emotsionalno-ekspressivnykh znacheniy chastits v nemetskom i russskom yazykakh (sopostavitelny analiz)* [Semantic-syntactical means of expressing emotional-expressive meanings of particles in German and Russian (comparative analysis): Diss... Doc. Philol. sciences]. Krasnodar, 1999. 135 p. (In Russ.).
5. Poluykova S. Yu. *Sredstva suggestivnogo rechevogo vozdeystviya v sovremennom prosvetitel'skom poslanii* [Means of suggestive speech influence in the modern educational message]. *Vestnik Permskogo universiteta* [Bulletin of Perm State University Issue. Three.], 2012, No. 3 (19), pp. 45-50. (In Russ.).
6. Poroshina W. A. *Videlitel'no-ogranichitel'nye chastici i ix stilisticheskie funkicii v yasike bilin* [Emphatic-restrictive particles and their stylistic functions in the language of epics. Dis... kand. Philol. sciences], Dissertatsiya, Petrozavodsk, 2005. 194 p. (In Russ.).
7. Ruzhitskiy I. W. *Modalnye chastitsy kak odin iz sposobov realizatsii pragmatitseskogo urovnya yazikovoy lichnosti* [Modal particles as one of the ways of realization of pragmatic level of linguistic personality]. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, consciousness, communication: Collection of Articles], Max Prass, 2001, no. 16., pp. 13-19. (In Russ.).
8. Ryzhuk E. A. *Kommunikativnaya kategoriya cmyagcheniya v akademicheskom diskurse (na materiale anglieskogo i nemetskogo yazykov)* [Communicative category of softening in academic discourse (by the material of English and German languages)], Krasnoyarsk, 2016. 91 p. (In Russ.).
9. Hentschel E., Weydt H. *Handbuch der deutschen Grammatik*, Berlin, Walter de Gruyter, 1994.
10. Suleeva U. M. *Chastitsy kumykskogo yazika* [The particles of the Kumyk language. Dis... Cand. Philol. sciences], Makhachkala, 2000. 149 p. (In Russ.).
11. Tolkunova E. G. *Semanticheskoe opisanie sovremennyx russkix reklamnyx tekstov* [Semantic description of the modern Russian advertising texts (a suggestological aspect)]: Diss... Cand. Philol. Sciences, Barnaul, 1998. 184 p. (In Russ.).
12. *Uzbek tilining izohli lugati* [Dictionary of Uzbek Language]. 5 zildli. A. Madvoliev tahriri ostida [Editor A. Madvaliyev], Tashkent, 2006, 1-zhild. 345 p. (In Uzb.).
13. Hamdam U. *Isyon va itoat. Yangi asr avlodi*, Tashkent, 2003. 140 p. (In Uzb.).
14. Hamdam U. *Bunt i Smirenje // Zar Qalam*, Tashkent, 2006. 123 p. (In Russ.).

САМОПРИНИЖЕНИЕ В СЕМЕЙНОМ ОБЩЕНИИ: АКСИОЛОГЕМА ИЛИ СТЕРЕОТИП?

В. И. Бортников

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00382 А «Речевой быт семьи: аксиологическая реальность и методы исследования (на материале живой речи уральского города)».

Посвящается юбилею проф. Л. А. Шкатовой

В статье на материале семейных диалогов рассматривается феномен гипертрофированного умаления, принижения себя. В русле ономазиологической методики анализа терминов, предложенной Л. А. Шкатовой, обосновано использование термина «самопринижение». Осуществлена интерпретация самопринижения в инициальных и ответных репликах анализируемых диалогов с позиций речевой стереотипизации, коммуникативных стратегий и тактик, а также лингвоаксиологии.

Ключевые слова: самопринижение, семейное общение, стереотип, аксиологема, коммуникативные стратегии и тактики

1. Введение. Проблема терминологического обозначения исследуемого явления

Как и любое человеческое качество, скромность может иметь разную степень проявления. Смещение по шкале интенсивности в меньшую сторону (*Вы ведете себя нескромно, молодой человек; От скромности не умрет* (ирон. — «О том, кто слишком самоуверен, нескромен [15. С. 892]») и пр.) квалифицируется в русской лингвокультуре как однозначное отклонение от нормы. Однако и смещение в большую сторону, чрезмерное проявление скромности также вызывает осуждение или насмешку. Классический пример — резкое увеличение психологической дистанции с собеседником в рассказе А. П. Чехова «Толстый и тонкий» после того, как бывшие товарищи узнали, у кого из них какой чин. Хотя таких «абсолютных» проявлений «гиперскромности» в классических текстах русской литературы вряд ли найдется много, всё же отдельные примеры персонажей приведены в статье «СКРОМНЫЙ» «Словаря русского языка» (МАС) под ред. А. П. Евгеньевой: не в меру скромны Фенечка из «Отцов и детей» И. С. Тургенева; Шаблова из «Поздней любви» А. Н. Островского; швея Горюшина из «Жизни Матвея Кожемякина» М. Горького и др. [13. Т. IV. С. 122], что может вызывать непонимание, осуждение со стороны других персонажей и автора.

В рамках специальных исследований отмечается, что в русской лингвокультуре «осуждается чрезмерная скромность, граничащая с робостью...» [7. С. 3—4]. «Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов»

под ред. Н. Ю. Шведовой определяет «робость» в первом значении как отадекватное образование от «робкий» (т. е. «несмелый, боязливый, опасливый» [15. С. 834]), а во втором — как «ощущение страха, боязни» [Там же]. По-видимому, «робость» можно считать номинацией психолого-поведенческой, обозначающей качество, которое имеет не только речевое проявление. Применительно же к речевому общению гипертрофированное принижение себя, своей роли или участия в какой-либо деятельности, а вместе с тем и принадлежащих говорящему материальных объектов описываются в данной работе термином «самопринижение».

Проблема терминологического обозначения описываемого явления следует из примеров его проявления в речи (здесь и ниже речевые проявления самопринижения обозначаются полужирным курсивом; все примеры, кроме отмеченных особо, заимствованы из личной картотеки автора либо из картотеки кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ):

Пример 1 (Из рекламы)

Ситуативный контекст: А — девушка, Б — ее мать.

Дома, на кухне. Б. у плиты, что-то жарит.

А (*вбегают, машет рукой около носа, как при сильном неприятном запахе*). Мама / вы опять за старое!

Б (*что-то жует*). Что не так?

А (*выразительно*). Ну на каком вы МАСЛЕ это делаете?

Б (*жует, говорит неразборчиво*). Сливочном [шлвшном] /

А. Сливочное! Ну там же сплошной холестерин!
Вредно очень //

Б. *Умные все стали!* (ивыряет лопаточку для жарки, отходит от плиты, задом к А) *Вам не угодил* //

А (обнимает Б сзади). Угодишь / угодишь!

(*Умные все стали!* — импликация: ‘а я не такая, т. е. глупая, бестолковая’. За принижением себя, после демонстративного жеста и паузы, «стрелка переводится» на собеседника: *Вам не угодил* — ‘сколько я ни стараюсь, все равно вы не оцените’. Видя, что Б. расстроена, А. ее обнимает и утешает.)

Пример 2

Ситуативный контекст: В. — молодой человек, 26 лет, преподаватель, филолог; А. — жена В., 26 лет, преподаватель, филолог; И. Л. — бабушка В., 83 года, пенсионер

Дома у И. Л.

И. Л. А пироги куда дели? *Выбросили вчера?*

В. Ну как выбросили / бабушка / съели / конечно / вкусные ведь / зачем выбрасывать //

<...>

И. Л. (подкладывая пирогов на тарелку В.) *Говном тебя всяким кормлю / гадости всякие у меня ешь //*

В. Ни разу не ел / бабушка / (жуя) очень вкусно //

Пример 3

Ситуативный контекст: В. — молодой человек, 26 лет, преподаватель, филолог; А. — жена В., 26 лет, преподаватель, филолог; Т. Ю. — мать А., теща В., 67 лет, пенсионер

Дома у Т. Ю.

Т. Ю. А вот вам пирожки / *невкусные* / наверно //

А. Вкусные / мама / у тебя всегда вкусные //

<...>

Т. Ю. *Ванна у меня грязная* / сейчас [щас] помою //

В. Да ладно //

«Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов» под ред. Н. Ю. Шведовой содержит лексемы «САМОУНИЖЕ’НИЕ, -я, ср. (книжн.). Унижение самого себя» [15. С. 854] и «САМОУНИЧИЖЕ’НИЕ, -я, ср. (книжн.). Уничужение самого себя» [Там же]. Можно ли утверждать, что в каждом из выделенных выше примеров говорящий унижает либо уничивает самого себя? Едва ли. Обе лексические единицы (без аффиксоида *само-*) трактуются через оскорбление, потерю достоинства, ср.:

УНИЖЕ’НИЕ, -я, ср. 1. см. унижить, -ся. 2. Оскорбление, унижающее достоинство. *Терпеть унижения. Подвергать унижениям.* [15. С. 1029]

УНИ’ЗИТЬ, -йжу, -йзишь; -йженный; сов., *кого-что*. Оскорбить чью-н. гордость, чувство собствен-

ного достоинства. У. *насмешкой*. || *несов. унижа́ть*, -аю, -аешь. || *сущ. униже́ние*, -я, ср. [Там же]

УНИ’ЗИТЬСЯ, -йжусь, -йзишься; сов. Уронить своё достоинство, поставить себя в унижительное положение. У. *до лжи*. [Там же]

УНИЧИЖА’ТЬ, -аю, -аешь; *несов., кого-что* (книжн.). Унижать, оскорблять. || *сов. уничижи́ть*, -жу́, -жишь; -жённ^{ый} (-ён, -ена́). || *сущ. уничиже́ние*, -я, ср. [Там же]

Эти толкования подтверждаются словоупотреблениями в границах и других функциональных стилей, ср.: «Оскорбление выражается в отрицательной оценке личности, унижающей честь и достоинство этой личности, оценке, выраженной в неприличной форме» [3. С. 116]. Ничего подобного оскорблению собственного достоинства, а значит, и самоунижению, очевидно, в приведенных фрагментах говорящие не выражают.

На предлагаемый термин «самопринижение» наводят толкования *уничужения* и *унижения* в «Словаре русского языка» (МАС) под ред. А. П. Евгеньевой: *унижение* — ‘умаление, принижение чьих-л. заслуг, достоинств, роли, значения’ [13. Т. IV. С. 497], *уничужение* — ‘принижение человеческого достоинства, унижение кого-л.’ [13. Т. IV. С. 498]. Приведем толкования синонимов, через которые даны приведенные словарные дефиниции: *принижение* — ‘умаление значения кого — чего-л.’ [13. Т. III. С. 427], *умаление* — ‘снижение, преуменьшение роли, значения кого — чего-л.’ [13. Т. IV. С. 489] (все 4 толкования приведены по значению производящих глаголов). Как видим, все эти синонимы толкуются друг через друга.

В пользу выбора термина «самопринижение» говорит, помимо отсутствия других синонимов в толковании (*преуменьшение, снижение*), непродуктивных для прибавления *само-* (ср. **самопреуменьшение, *самоснижение*), еще и наличие приставки *при-* со значением ‘неполнота действия’. Тем самым, как представляется, лексема «самопринижение» до некоторой степени теряет негативную окраску, возникающую вследствие отрицательно-оценочных коннотативных сем (ср. корневую морфему *низ*), а кроме того, само понятие лишается семантики ‘предельности’ и начинает претендовать на «соответствие требованиям, предъявляемым к терминам» [21. С. 36] — по Л. А. Шкатовой, это системность, независимость от контекста, точность, краткость, воспроизводимость, эстетичность, нормативность, употребительность.

По поводу отношения предлагаемого термина «самопринижение» и перечисленных качеств хотелось бы сделать несколько попутных замечаний. Как представляется, системным и независи-

мым от контекста его делает соответствие модели «само- + отглагол. сущ. на -ениj-(э) с возможным образованием возвратного глагола», ср.:

самоунижение < *унижение* < *унизить*
(*унизить* > *унизиться*) [14. Т. 1. С. 670]
самоумаление < *умаление* < *умалить*
(*умалить* > *умалиться*) [14. Т. 1. С. 569]
самопринижение < *принижение* < *принизить*
(*принизить* > *принизиться*, см. [14. Т. 1. С. 670])

Хотя «самопринижение» и не фиксируется «Словообразовательным словарем русского языка» под ред. А. Н. Тихонова, в современных научных трудах этот термин по частотности не только не уступает «самоумалению», но даже более употребителен (см. [2]). Особо следует вернуться к приведенному выше толкованию «самоунижения» как «унижения себя», «самоуничужения» как «уничужения себя» [15. С. 854]. Из 6 значений *само...* в «самопринижении» реализуется первое — «направленности чего-н. на себя, исхождения от себя или осуществления для себя» [Там же. С. 851]. Итак, «самопринижение» может интерпретироваться как свернутый, т. е. краткий вариант словосочетания «принижение себя» (но не для себя). Сказанным подтверждаются качества краткости и воспроизводимости предлагаемого термина.

Нормам современного русского языка термин, как представляется, не противоречит; оценка же точности и эстетичности термина «самопринижение», как представляется, дело будущего. Таким образом, по соответствию если не всем, то большинству указанных Л. А. Шкатовой требований условно предлагаемое обозначение «самопринижение» может быть признано терминологическим.

2. Коммуникативно-константная интерпретация самопринижения (самопринижение в зеркале речевых стереотипов)

Исследователями не раз отмечалась повторяемость речевых ситуаций и, как следствие, возможность изучения разговорной речи через посредство стереотипов. Еще в конце 1980-х гг. отмечалось: «Одна из главных примет городского быта — насыщенность общения, повторяемость ситуаций, в которых оказывается горожанин» [22. С. 20]; «Отдельные стереотипы поведения установлены в семейном и школьном быту, однако они составляют лишь незначительную часть разнообразной коммуникации в этой области» [Там же. С. 24]. Стереотипы (в современной литературе встречается также термин «константы» [1]) могут интерпретироваться как «готовые речевые формулы

не только с точки зрения их морфолого-синтаксической структуры, но с точки зрения их лексической наполненности» [22. С. 24].

Думается, что и примеры самопринижения в семейном общении можно выявить через посредство определенных речевых формул. Наиболее очевидный пример — фраза *Какой/Какая (же) я...*, продолженная отрицательной автономинацией (приведем примеры из Национального корпуса русского языка):

Пример 4

А. Господи! Человека встретила! Ну почему / почему? Ой / *какая же я дура!* Ой!

П. А что ты хотела? Чтобы я князем или графом оказался? (URL: <http://www.ruscorpora.ru/>)

Пример 5

Г. Ой / девочки / *какая же я страшенькая...*
Ж., К., Д. [говорят одновременно] Ну что...
Да ну брось ты! (URL: <http://www.ruscorpora.ru/>)

Из собранных нами примерно 200 контекстов, содержащих реплики-самопринижения, около половины было идентифицировано по выделенной формуле. Отметим, что данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ), хотя и дают возможность автоматического поиска, требуют дальнейшей выборки вручную: примерно четверть результатов запроса *Какой/Какая (же) я...* в устном и диалектном подкорпусах заканчиваются положительной автономинацией (*Какая же я молодец!*), а кроме того, результаты выборки не всегда четко показывают, семейный ли дискурс перед нами. В связи с приведенным выше замечанием Л. А. Шкатовой об узости, частности семейных стереотипов добавим, что самопринижение можно встретить и в выделяемых исследователем «воспитательном вузовском дискурсе», «партнерском дискурсе» и пр. [31. С. 71—72]:

Пример 6

Ситуативный контекст: Р., Л. — студентки.
Разговор на перемене перед коллоквиумом.

Л. Ты же на прошлом отвечала?

Р. Я еще хочу.

Л. Молодец / ты прям ботаник!

Р. Да какой из меня ботаник!

Л. Ты лучше всех отвечаешь / учишься...

Р. Ну и что с того?

Л. Значит ботаник. [1. С. 274]

Применительно к профессиональному общению Л. А. Шкатова указывает: «Моделирование речевого поведения является результатом активного обсуждения типичных ситуаций... и вариантов речевых конструкций» [25. С. 99]. В спонтанном разговорном общении вариантами *Какой/Какая (же) я...* являются,

как видим, *Какой/Какая из меня...* (с уже невозможным «положительным» продолжением) и более общие реплики типа *Если бы!*, *Ну и что?*, а также *Ерунда!*, *Чепуха!* и т. п. Эти речевые стереотипы дифференцируются по их размещению в коммуникативном пространстве диалога: *Какой/Какая (же) я...*, *Какой/Какая из меня...* и их возможные разновидности (*Я такой/такая...*, *Ну какой/какая (же) я...*, *Я могу ошибаться, но...* и т. д.) могут входить в состав как инициальных реплик, так и реплик-реакций; более же общие фразы *Если бы!*, *Ну и что?*, очевидно, могут выполнять роль лишь реплик-реакций. Представляется возможным говорить об инициальном (примеры 4, 5) и ответном (пример 6) самопринижении. Логика такого деления требует одного существенного уточнения: реплика, содержащая ответное самопринижение, может также становиться инициальной для следующих реплик, особенно если она содержит вопрос (ср. *Ну и что?* в примере 6 — собеседник вынужден ответить, еще раз подтвердить, что **Р.** — *ботаник*, иначе возникнет коммуникативная неудача).

Рассмотрим приведенные примеры в аспекте коммуникативных стратегий и тактик. Признавая стратегию «специфическим способом речевого поведения, осуществляемым под контролем «глобального поведения»» [4. С. 137], а тактику — «одним или несколькими действиями, которые способствуют реализации стратегии» [Там же. С. 143], отметим, что самопринижение, по крайней мере в приведенных примерах, следует признать коммуникативной тактикой. Действительно, это частный способ «нарваться на комплимент» (пример 5 — инициальное самопринижение) или, наоборот, ответа на комплимент путем его отрицания (пример 6 — ответное самопринижение). Однако самопринижение, по-видимому, может «вырасти» в целую стратегию, когда на нем строится вся речевая партия говорящего. Таким образом, как представляется, исчерпывается противоречие существующим исследованиям, отмеченным выше (см., например, [12]), где самопринижение описывается как стратегия. Ведь и самопрезентация, частным воплощением которой является самопринижение, также может быть и стратегией, и тактикой [12. С. 66].

Каковы же коммуникативные интенции говорящего, прибегающего к самопринижению? Иначе говоря, каким стратегиям «служит» данная тактика? Из выделяемых О. С. Иссерс [4] стратегий: уговаривания, дискредитации (семантический тип), комплимента, самопрезентации (прагматический тип), контроля над инициативой (диалогический тип) и перераспределения межличностного пространства (риторический тип) — комплимент и самопрезентация выделены

выше; дискредитация была упомянута вскользь в связи с негативной автономизацией (речь идет об автодискредитации, или самодискредитации). Как видно, самопринижение как тактика используется в рамках стратегий семантического и прагматического типов; изучение самопринижения в составе диалогических и риторических стратегий требует накопления материала (в результатах нашей выборки отсутствует и потому в данной статье не осуществляется).

Объединяет указанные семантические и прагматические речевые стратегии, помимо всего прочего, их аксиологическая наполненность, не нейтральная тональность: уговаривание, комплимент и самопрезентация так или иначе апеллируют к положительной оценке, дискредитация — к отрицательной. Дискредитация себя, как уже упоминалось, инициирует положительную оценку со стороны другого. Следовательно, особого рассмотрения заслуживает вопрос о самопринижении как аксиологеме русского повседневного, и в частности семейного, общения (см. также: [1; 6]).

3. Самопринижение как аксиологема семейной коммуникации

Лингвоаксиологические исследования разговорной речи и вообще оформление лингвоаксиологии в отдельную научную отрасль принято относить к началу 2000-х гг. Однако отдельные ценностные смыслы повседневного общения идентифицировались исследователями и раньше — например, в сб. «Живая речь уральского города» (Свердловск, 1988) в статье Л. А. Шкатовой читаем: «...отмечено, что в часы пик, когда продается большое количество одних и тех же газет («Программа радио и телевидения», «Вечерний Челябинск»), наиболее типичной и признанной формой общения «киоскер — покупатель» является взаимное молчание: молча протягиваются деньги, молча подается газета. Любая попытка вступить в разговор воспринимается очередью, да и самим киоскером, нервозно, как нарушение неписаного правила. В другое время, когда продается та же «Вечерка», но народ уже «схлынул», невербальное поведение осуждается: *Вам что? «Вечерку»? Так бы и сказали!; Девочка, тебе чего? «Вечерку»? А что ж молчишь? Сказать что ли не можешь?»* [22. С. 25] Зафиксированные автором факты речи киоскеров следует признать аксиологически маркированными: негативную оценку получает молчание со стороны покупателей. Позднее такие единицы аксиосферы, не способствующие солидаризации коммуникантов, получили наименование «дезинтегремы» [20. С. 124] (в данном случае дезинтегремой является молчание при протягивании денег). Соответственно, «интегремами» [11] являются единицы, не противоречащие

нормам поведения и способствующие солидаризации коммуникантов (в приведенном примере — «взаимное молчание») у киоска в часы пик). Интегремы и дезинтегремы объединяются в общем понятии «аксиологема» в соответствии с делением оценок на положительные и отрицательные.

Выделение аксиологем в разных типах общения дает естественным образом разные результаты. В публицистике, выступлениях депутатов, средствах массовой информации, а также в художественной речи отрицательную оценку получает чрезмерно вольное обращение со словом [23. С. 112—113]. В повседневном общении «большую тревогу вызывает и отсутствие фундаментальной проработки путей и средств бесконфликтного взаимодействия людей разных национальностей, проживающих в полиэтническом промышленном городе» [24. С. 123]. В деловом общении могут отрицательно оцениваться «офисный планктон» и его «корпоративная культура» [27. С. 291; см. также 26], а положительно — «философия фирмы» [18. С. 137], бизнес-фольклор и вообще культура делового общения [30. С. 159; см. также: 17; 19; 29]. Религиозный дискурс аксиологически маркирует устройство мира в целом и место человека (и отдельной религиозной организации) в нем в частности [28, см. также 5]. По приведенному ряду примеров видно, что современные лингвокультурологические и лингвопрагматические исследования связаны с ценностными ориентирами всех функциональных стилей, а значит, неизбежно пересекаются с их аксиосферами.

В границах разговорного стиля имеет смысл разграничивать симметричное и асимметричное общение (с точки зрения равенства ролей коммуникантов). Семейное общение, которому соответствует большинство записанных образцов самопринижения, тяготеет, очевидно, к симметричному общению — на это указывает традиционное (несмотря на разницу в возрасте) обращение на *ты*, константы скромности, доброжелательности и откровенности, речевое подерживание и придерживание [1. С. 169—396].

При симметричном общении русский риторический идеал (инвариант ценностного смысла) связан с признанием речевого партнера равным говорящему [11. С. 63], что, по Л. П. Крысину, можно условно изобразить в виде формулы $S_1 = S_2$ [8. С. 136—137]. Инициальное самопринижение субъекта S_1 ведет к разбалансировке равенства в сторону $S_1 < S_2$, что в глазах субъекта S_2 воспринимается как отклонение от нормы, «повышение градуса» собственной значимости. Дабы выровнять нарушаемую симметричность, субъект S_2 вступает в противоречие с S_1 : начинает утешать (см. примеры 1 и 4), говорить ему комплименты (пример 5) и т. д. Из примеров 1—3,

приведенных в начале данной работы, следует, что самопринижение может имплицитно выражаться и через отрицательную оценку собственных качеств, предметов быта, приготовленных блюд. Русская хозяйка, ждущая похвалы и не получающая ее — в силу ли забывчивости гостей, их аппетита, а не только из-за того, что невкусно, — может намеренно использовать тактику самопринижения: Пирог сегодня невкусные; Ванна у меня грязная и т. д. Варианты ответа на вопрос «А пироги куда дели? Выбросили вчера?» — «Отдали собакам», «Да, выбросили», также зафиксированные в семейном кругу автора статьи, — так же, как и «Да, невкусные» (о пирожках), «Да, грязная» (о ванне), — являются дезинтегремами и ведут к коммуникативной неудаче, поскольку разрушают ожидания хозяйки и стимулируют ее к ответной грубости. Равенство субъектов $S_1 = S_2$ (в терминологии Т. В. Матвеевой — «средняя линия» [10]) в этом случае, очевидно, не восстанавливается.

Ответное самопринижение связано, наоборот, с возвышением S_2 со стороны субъекта S_1 и с той же попыткой со стороны S_2 «выровнять градус» общения. Записать ответное самопринижение можно с помощью той же формулы $S_1 < S_2$, но речевой механизм здесь иной: первый коммуникант не принижает себя, а возвычивает второго, например, путем похвалы, комплимента (непосредственный объект — вновь сам коммуникант либо его атрибут: принадлежащая ему вещь и т. п.). Вспомним приведенные выше примеры: на *ты прям ботаник!* (возвышение, см. пример б) собеседник отвечает *Да какой из меня ботаник!* (самопринижение) и т. п. Самопринижение в этих случаях становится интегремой, а потенциальный ответ типа **Да, я ботаник* воспринимался бы странно — как дезинтегрема, или коммуникативная неудача. Вместе с тем, такие варианты ответа возможны как иронические, особенно в семейной коммуникации, и вряд ли приведут к конфликту, поскольку не будут восприняты как личное оскорбление собеседником S_1 (см. с тактикой инициального самопринижения хозяйки — в этом смысле оно более опасно, чем ответное).

4. Выводы

Л. А. Шкатова отмечает: «Разговорная речь склонна к синтезу, хотя и она использует «лишние», дополнительные средства...» [21. С. 108] Эти избыточные с точки зрения языка или логики элементы могут быть соотнесены с определенными речевыми стратегиями: пустословие, самопрезентация, контроль над речевой инициативой и пр. В составе этих и других стратегий носителями русской речевой культуры нередко используется тактика самопринижения — соотносимого

с константой скромности гипертрофированного при-
нижения себя с целью вызвать ответное возвышение
(комплимент) либо нивелировать комплимент иници-
альный. Самопринижение (иначе — самоумаление)
имеет собственные речевые маркеры, соотносимые
с синтаксическими моделями: *(Да, Ну) какой/какая
(же) я..., (Да, Ну) какой/какая (же) из меня..., Я могу
ошибаться, но (по-моему)...* — или несоотносимые
с ними (*Ерунда!*; *Чепуха!* и т. д.). Коммуникативные
акты самопринижения могут рассматриваться как
избыточное речевое явление, поскольку фактически
не несут информативной нагрузки.

Соотнесение самопринижения с речевыми стерео-
типами не дает оснований для выделения семейных
речевых стереотипов в некий отдельный подкласс, поле

или сферу. В этом смысле наблюдение Л. А. Шкатовой
о незначительности поведенческих стереотипов в семье
и школьном быту подтверждается. Вместе с тем, пред-
ставляется возможным говорить о вхождении само-
принижения в аксиосферу русской языковой личности.
Ср.: «...ценностная структура личности «погружена»
в ее архетипы, а те элементы, которыми личность со-
прикасается с окружающим миром — «типичные
действия» — и составляют ее этнический характер,
лежащий в основании характера индивидуального»
[16. С. 15]. По-видимому, стереотипность («типичность
действий») самопринижения проходит определенную
«аксиологизацию» и, становясь ценностью, становится
одним из типовых сценариев воплощения скромности
в русской ментальности.

Список литературы

1. Борисова, И. Н. Русское повседневное общение: прагматика, культурология / И. Н. Борисова, С. Ю. Данилов, Т. В. Матвеева, Н. Н. Розанова, И. В. Шалина. — Екатеринбург: Гум. ун-т, 2018. — 442 с.
2. Бортников, В. И. Самоумаление в неформальном русском общении / В. И. Бортников // Речевые жанры современного общения: тез. докл. междунар. конф. «XI Шмелевские чтения». — М.: ИРЯ РАН, 2015. — С. 25—27.
3. Вепрева, И. Т. Экспертный лингвистический анализ спорного текста: учебно-методическое пособие / И. Т. Вепрева, Н. А. Купина. — Екатеринбург: Урал. федер. ун-т, 2018. — 148 с.
4. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: дис... д-ра филол. наук / О. С. Иссерс. — Екатеринбург, 1999. — 385 с.
5. Ицкович, Т. В. Религиозный функциональный стиль в жанровом аспекте: к постановке проблемы / Т. В. Ицкович // Жанры речи. — 2016. — № 1 (13). — С. 87—93.
6. Ицкович, Т. В. Внутрисемейные диалоги о профессии: лингвоаксиологическая интерпретация / Т. В. Ицкович, Н. А. Купина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2018. — Т. 17. — № 4. — С. 153—162.
7. Кошманова, О. В. Концепт «скромность» в русской, американской и иранской лингвокультурах: автореф. дис... канд. филол. наук / О. В. Кошманова. — Волгоград, 2007. — 20 с.
8. Крысин, Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка / Л. П. Крысин. — М.: Наука, 1989. — 186, [1] с.
9. Купина, Н. А. Октябрьская революция: словарные толкования и аксиологические суждения на шкале времени // Политическая лингвистика. — 2017. — № 5 (65). — С. 35—46.
10. Матвеева, Т. В. По средней линии / Т. В. Матвеева // Экология языка и коммуникативная практика. — 2013. — № 1 (1). — С. 153—164.
11. Михальская, А. К. Русский Сократ. Лекции по сравн.-ист. риторике / А. К. Михальская. — М.: Изд. центр «Академия», 1996. — 189, [1] с.
12. Пикулёва, О. А. Классификации самопрезентации личности: теоретические основания и проблемные аспекты / О. А. Пикулёва // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2013. Т. 5. № 1. С. 63—69.
13. Словарь русского языка в четырех томах / гл. ред. А. П. Евгеньева. — М.: Русский язык, 1981—1984.
14. Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2-х т. Ок. 145 000 слов / А. Н. Тихонов. — М.: Русский язык, 1985. — Т. 1. — 856 с.
15. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. — М.: Издательский центр «Азбуковник», 2011. — 1175 с.
16. Харченко, Е. В. Национально-культурная специфика корпоративного общения русских / Е. В. Харченко, Л. А. Шкатова // Святыни и ценности культуры Урала: сб. материалов I Славянского научного собрания 24 мая 2003 г. — Челябинск: ЧГАКИ, 2004. — С. 14—31.

17. Харченко, Е. В. Новое призвание филологов: лингвистика организации / Е. В. Харченко, Л. А. Шкатова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. — 2012. — Т. 11. — № 9. — С. 235—240.
18. Харченко, Е. В. Новые тенденции в языке и культуре современных российских организаций / Е. В. Харченко, Л. А. Шкатова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2013. — № 1 (292). — С. 136—141.
19. Харченко, Е. В. Когнитивные модели речевого поведения сотрудников российской организации / Е. В. Харченко, Л. А. Шкатова // Когнитивные исследования языка. — 2014. — № 18. — С. 172—175.
20. Шалина, И. В. К проблеме описания методики лингвоаксиологического анализа (на материале диалогического общения носителей просторечной лингвокультуры) / И. В. Шалина, Ю. Б. Пикулева // Научный диалог. — 2016. № 11 (59). — С. 121—132.
21. Шкатова, Л. А. Развитие ономазиологических структур (на примере наименования лиц по профессии в русском языке) / Л. А. Шкатова. — Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1984. — 152 с.
22. Шкатова, Л. А. Специфика городского общения / Л. А. Шкатова // Живая речь уральского города: сб. науч. тр. — Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1988. — С. 19—28.
23. Шкатова, Л. А. Современный русский язык в системе социального взаимодействия / Л. А. Шкатова // Вестник Челябинского государственного университета. — 1993. — Т. 2. — № 1. — С. 112—116.
24. Шкатова, Л. А. Модели речевого поведения горожан в стереотипных ситуациях общения / Л. А. Шкатова // Вестник Челябинского государственного университета. — 1994. — Т. 2. — № 1. — С. 123—126.
25. Шкатова, Л. А. Речевой тренинг / Л. А. Шкатова // Вестник Челябинского государственного университета. — 1997. — Т. 2. — № 2. — С. 98—103.
26. Шкатова, Л. А. Конфликты в организациях: психолингвистический аспект / Л. А. Шкатова // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 11 (192). С. 151—155.
27. Шкатова, Л. А. Профессионал как представитель корпоративной культуры / Л. А. Шкатова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2011. — № 24 (239). — С. 291—293.
28. Шкатова, Л. А. Язык проповедников в неорелигиозной организации / Л. А. Шкатова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2013. — № 37 (328). — С. 115—117.
29. Шкатова, Л. А. Языковые средства и приемы обольщения потребителя (на примере дискурса почтовых отправок коммерческих организаций) / Л. А. Шкатова, Е. В. Харченко // Вестник Челябинского государственного университета. — 2014. — № 6 (335). — С. 102—106.
30. Шкатова, Л. А. Фольклорные тексты в корпоративной культуре современных российских организаций / Л. А. Шкатова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2015. — № 20 (375). — С. 158—162.
31. Шкатова, Л. А. Вузовский дискурс / Л. А. Шкатова // Лингвокультура университета: Коллективная монография / Под ред. С. А. Питиной. — Челябинск: ООО «Энциклопедия», 2016. — С. 67—72

Сведения об авторе

Бортников Владислав Игоревич — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, доцент кафедры иностранных языков и перевода, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. octahedron31079@mail.ru

---

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 10 (432). *Philology Sciences. Iss. 118. Pp. 35—43.*

SELF-DEPRECIATION IN FAMILY COMMUNICATION: AXIOLOGEME OR STEREOTYPE?

V. I. Bortnikov

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia. octahedron31079@mail.ru

The article concentrates on the phenomenon of self-depreciation – that is, on hypertrophied diminution, belittling oneself. In the introduction, based on Prof. L. A. Shkatova’s onomasiological methodology for the terms analysis, the author proposes an explanation of the term “self-depreciation”, and a step-by-step proof

for its existence. The main part of the paper aims at studying self-depreciation from two points of view: as a speech stereotype and as an axiological unit. Within the first aspect, typical speech markers and formulas for the self-depreciation are distinguished found in informal (and, in particular, in family) communication. The second aspect matches self-depreciation in initial and response replicas to the Russian speech ideal in the symmetric communication. The results of the article generally prove L. A. Shkatova's idea on the narrowness of family communicative stereotypes, but state the axiological importance of self-depreciation in the Russians' everyday speech.

Keywords: self-depreciation, family communication, stereotype, axiologeme, communication strategies and tactics

1. Borisova I. N., Danilov S. Yu., Matveeva T. V., Rozanova N. N., Shalina I. V. *Russkoe povsednevnoe obshchenie: pragmatika, kul'turologiya* [Russian everyday communication: pragmatics, cultural studies]. Yekaterinburg, Humanitarian Univ. Publ., 2018. 442 p. (In Russ.).

2. Bortnikov V. I. Samoumalenie v neformal'nom russkom obshchenii [Self-depreciation in informal Russian communication]. *Rechevye zhanry sovremennogo obshcheniya* [Speech Genres of Contemporary Communication]. Moscow, 2015, pp. 25–27. (In Russ.).

3. Vepreva I. T., Kupina N. A. *Ekspertnyj lingvisticheskij analiz spornogo teksta* [Expert linguistic analysis of the controversial text]. Yekaterinburg, Ural Feder. Univ. Publ., 2018. 148 p. (In Russ.).

4. Issers O. S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi: dis... d-ra filol. nauk* [Communicative strategies and tactics of Russian speech. Thesis]. Yekaterinburg, 1999. 385 p. (In Russ.).

5. Itskovich T. V. Religioznyj funktsional'nyj stil' v zhanrovom aspekte: k postanovke problemy [Religious functional style in the genre aspect: problem statement]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], 2016, no. 1 (13), pp. 87–93. (In Russ.).

6. Itskovich T. V., Kupina N. A. Vnutrisemejnye dialogi o professii: lingvoaksiologicheskaya interpretatsiya [Intra-family dialogues about profession: linguoaxiological interpretation]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 4, pp. 153–162. (In Russ.).

7. Koshmanova O. V. *Kontsept «skromnost'» v russkoj, amerikanskoj i iranskoj lingvokul'turakh: avtoref. dis... kand. filol. nauk* [The concept “Modesty” in Russian, American and Iranian linguistic cultures. Abstract of thesis]. Volgograd, 2007. 20 p. (In Russ.).

8. Krysin L. P. *Sotsiolingvisticheskie aspekty izucheniya sovremennogo russkogo yazyka* [Sociolinguistic aspects of the study of the modern Russian language]. Moscow, Nauka, 1989. 186, [1] p. (In Russ.).

9. Kupina N. A. Oktyabr'skaya revolyutsiya: slovarnye tolkovaniya i aksiologicheskie suzhdeniya na shkale vremeni [The October Revolution: dictionary definitions and axiological assertions over the course of time] *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 2017, no. 5 (65), pp. 35–46. (In Russ.).

10. Matveeva T. V. Po srednej linii [Along the middle line]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of language and communicative practice], 2013, no. 1 (1), pp. 153–164. (In Russ.).

11. Mikhal'skaya A. K. *Russkij Sokrat. Lektsii po sravnitel'no-istoricheskoy ritorike* [Russian Socrates. Lectures on Comparative Historic Rhetoric]. Moscow, Akademiya Publ., 1996. 189, [1] p. (In Russ.).

12. Pikuleva O. A. Klassifikatsii samoprezentatsii lichnosti: teoreticheskie osnovaniya i problemnye aspekty [Classifications of self-presentation of personality: theoretical grounds and problematic aspects]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Vestnik of Pushkin Leningrad State University], 2013, vol. 5, no. 1, pp. 63–69. (In Russ.).

13. Evgenjeva A. P. (ed.) *Slovar' russkogo yazyka v chetyrekh tomakh* [Dictionary of the Russian language in four volumes]. Moscow, Russkij yazyk Publ., 1981–1984. (In Russ.).

14. Tikhonov A. N. *Slovoobrazovatel'nyy slovar' russkogo yazyka* [Word-formation dictionary of the Russian language]. Moscow, Russkij yazyk Publ., 1985. Vol. 1. 856 p. (In Russ.).

15. Shvedova N. Yu. (ed.) *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenij o proiskhozhdenii slov* [Explanatory dictionary of the Russian language with the inclusion of information on the origin of words]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2011. 1175 p. (In Russ.).

16. Kharchenko E. V., Shkatova L. A. Natsional'no-kul'turnaya spetsifika korporativnogo obshcheniya russkikh [National and cultural specifics of the Russians' corporate communication]. *Svyatyni i tsennosti kul'tury Urala* [Shrines and cultural values of the Urals]. Cheljabinsk, 2004, pp. 14–31. (In Russ.).

17. Kharchenko E. V., Shkatova L. A. Novoe prizvanie filologov: lingvistika organizatsii [Philologists' new avocation: linguistics of organization]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology], 2012, vol. 11, no. 9, pp. 235–240. (In Russ.).
18. Kharchenko E. V., Shkatova L. A. Novye tendentsii v yazyke i kul'ture sovremennykh rossiyskikh organizatsij [New tendencies in the language and culture of modern Russian organizations]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Cheljabinsk State University Bulletin], 2013, no. 1 (292), pp. 136–141. (In Russ.).
19. Kharchenko E. V., Shkatova L. A. Kognitivnye modeli rechevogo povedeniya sotrudnikov rossijskoy organizatsii [Cognitive models of verbal behavior of the employees of the Russian organization]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], 2014, no. 18, pp. 172–175. (In Russ.).
20. Shalina I. V., Pikuleva Yu. B. K probleme opisaniya metodiki lingvoaksiologicheskogo analiza (na materiale dialogicheskogo obshcheniya nositeley prostorechnoy lingvokul'tury) [On Problem of Description of Linguoaxiological Analysis Method (on Material of Dialogic Communication of Speakers of Vernacular Culture)]. *Nauchnyj dialog* [Scientific Dialogue], 2016, no. 11 (59), pp. 121–132. (In Russ.).
21. Shkatova L. A. *Razvitie onomasiologicheskikh struktur (na primere naimenovaniya lits po professii v russkom yazyke)* [Development of onomasiological structures (based on the names of people by profession in the Russian language)]. Irkutsk: Irkutsk Univ. Publ., 1984. 152 p. (In Russ.).
22. Shkatova L. A. Spetsifika gorodskogo obshcheniya [The specifics of urban communication]. *Zhivaya rech' ural'skogo goroda* [Live Speech of a Russian City]. Sverdlovsk: Ural. Univ. Publ., 1988, pp. 19–28. (In Russ.).
23. Shkatova L. A. Sovremennyy russkiy yazyk v sisteme sotsial'nogo vzaimodeystviya [The modern Russian language in the system of social interaction]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Cheljabinsk State University Bulletin], 1993, vol. 2, no. 1, pp. 112–116. (In Russ.).
24. Shkatova L. A. Modeli rechevogo povedeniya gorozhan v stereotipnykh situatsiyakh obshcheniya [Citizens' behavior patterns in stereotype communicative situations]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Cheljabinsk State University Bulletin], 1994, vol. 2, no. 1, pp. 123–126. (In Russ.).
25. Shkatova L. A. Rechevoy trening [Speech training]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Cheljabinsk State University Bulletin], 1997, vol. 2, no. 2, pp. 98–103. (In Russ.).
26. Shkatova L. A. Konflikty v organizatsiyakh: psikholingvisticheskiy aspekt [Conflicts in organizations: psycholinguistic aspect]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Cheljabinsk State University Bulletin], 2010, no. 11 (192), pp. 151–155. (In Russ.).
27. Shkatova L. A. Professional kak predstavitel' korporativnoy kul'tury [A professional as a representative of corporate culture]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Cheljabinsk State University Bulletin], 2011, no. 24 (239), pp. 291–293. (In Russ.).
28. Shkatova L. A. Yazyk propovednikov v neoreligioznoy organizatsii [The language of preachers in a non-religious organization]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Cheljabinsk State University Bulletin], 2013, no. 37 (328), pp. 115–117. (In Russ.).
29. Shkatova L. A., Kharchenko E. V. Yazykovye sredstva i priemy obol'shcheniya potrebitelya (na primere diskursa pochtovykh otpravleniy kommercheskikh organizatsiy) [Linguistic means and techniques used for attracting consumers (on the basis of commercial organization's mailing discourse)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Cheljabinsk State University Bulletin], 2014, no. 6 (335), pp. 102–106. (In Russ.).
30. Shkatova L. A. Fol'klornye teksty v korporativnoy kul'ture sovremennykh rossiyskikh organizatsij [Folklore texts in the corporate culture of modern Russian organizations]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Cheljabinsk State University Bulletin], 2015, no. 20 (375), pp. 158–162. (In Russ.).
31. Shkatova L. A. Vuzovskiy diskurs [University discourse]. *Lingvokul'tura universiteta* [University Linguoculture]. S. A. Pitina (ed.). Chelyabinsk, Entsiklopediya Publ., 2016, pp. 67–72. (In Russ.).

ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ АКСИОМАТИКА В ОНТОЛОГИИ ЯЗЫКА

В.Э. Будейко

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Филологической деятельности Людмилы Александровны Шкатовой посвящается

Рассматривается общая аксиоматика в онтологии языка на основе диалектического метода, разработанного в XX—XXI вв. Основой предлагаемой онтологии, является реализм в философии языка. Цель её — выявление в языке и в речи концептуальной сущности Бытия как Логоса. Аксиоматика строится на основе выведения диалектической триады (тезис — антитезис — синтез) как способа выражения самой основной сущности диалектического перехода.

Ключевые слова: аксиоматика, диалектический метод, онтология, развитие, язык.

Онтология языка на реалистической основе, с использованием диалектического метода, была заложена трудами К. С. Аксакова, В. фон Гумбольдта, о. Павла Флоренского, о. Сергия Булгакова, А. Ф. Лосева, В. В. Колесова, А. М. Камчатнова. Начала реализма философии языка можно найти в творчестве св. Афанасия Александрийского († 373 г.). Основная цель такой философии — это доказывание всеединства, внутренней онтологической связи всех существ, единства слова и понятия, имени и именуемого, веры и жизни, веры и любви, выявление в языке и речи концептуальной сущности Бытия как Логоса (движение к смыслу концепта «речемысли»).

Жизнь языка многообразна и бесконечна, если не принимать во внимание конец истории человечества. Язык как совокупность знаков сочетает потенциальную бесконечность текстов и эмпирическую их конечность, т. е. синхронное бытие речи. Надо полагать, что единство конечного и бесконечного существует диалектически, иначе объяснить противоречия, накопившиеся в истории языка, невозможно. Диалектика в первоначальном, древнем понимании от др-грч. *διαλεκτική τέχνη* — искусство вести беседу, спор; ибо диалог признавался верным средством излечения от мнولوجического заблуждения. В новейшее время диалектика — это теория различия явлений, вещей вообще, которая требует в то же самое время и отождествления того, что различаемо. Так, язык непрерывно меняется в каких-то пределах с момента своего появления и до последнего дня своей жизни, и всё-таки это — один и тот же язык. В языке отдельные фонемы, звуки, элементы непохожи один на другой, и тем не менее все они пред-

ставляют собой один и тот же вполне целостный язык. В общем, части целого отличны от самого целого, и тем не менее целое есть то новое качество, в котором все составляющие его отдельные качества совпадают в общей нераздельности. Иными словами, диалектика в основном — это учение о бытии и становлении тождественных противоположностей, об их подвижности, превращении одной противоположности в другую, об их единстве и борьбе. Диалектика связана с действительностью, поэтому её категории подвижно переходят одна в другую. Если действительность изменяется, то и диалектика должна оперировать подвижными, изменяющимися категориями. При этом следует уточнить три условия.

Во-первых, когда определяют диалектику как теорию развития, то допускают некоторую неточность, и даже подмену термина, поскольку слово «развитие» указывает на рост, на увеличение, на усложнение в достижении нового качественного уровня, в то время как диалектика предполагает также и процессы увядания, инволюции и даже окончательной гибели. Поэтому точнее будет определять диалектику как теорию о становлении, поскольку становление совершается и в нарастании, и в убывании, и в эволюции, и в инволюции.

Во-вторых, если все диалектические категории всегда находятся в становлении и во взаимном переходе одна в другую, то существует не просто единство противоположностей, а единство и борьба противоположностей.

В-третьих, диалектическое мышление так же действительно, как и сама действительность, потому что и то, и другое суть процессы вечного творчества, хотя и у того, и у другого есть особые свойства

и формы. Мышление не только отражает действительность, но осмысляет её, создаёт возможности её изменения или преобразования. Сущность же диалектического процесса заключается в том, что для диалектики необходимы по меньшей мере две противоположности и объединение противоположностей в самостоятельную цельность. Эта сущность выражена в диалектической триаде: одна противоположность, или тезис (полагание); другая противоположность, отрицающая первую, или антитезис (противополагание); объединение двух противоположностей в общую их цельность, или синтез (совместное полагание). Такая триада не есть абстрактная схема, но способ выражения самой основной сущности диалектического перехода, связанного с действительностью [8. С. 113—118].

Тождество противоположностей объясняется таким образом: дан натуральный ряд чисел: 1, 2, 3, 4, 5... И к каждому последующему числу прибавляется единица, и так — до бесконечности. Такая бесконечность не является диалектической бесконечностью, ибо ей свойственно простое отсутствие конца. Принцип диалектики — принцип тождества противоположностей, поэтому и бесконечность надобно сочетать с тождественной конечностью. Например, отрезок длиной в одну единицу: 0 _____ 1; является конечным отрезком. Но сколько бы ни делить этот отрезок, любую часть его возможно поделить пополам, и так до бесконечности. Это и есть диалектическая бесконечность, равная конечности [4. С. 51].

Известно положение Р. Декарта: *cogito ergo sum*: из безусловной истинности бытия личности следует необходимость личного бытия, потом — абсолютного бытия и потом — действительность физического мира. Аналогично язык важен не сам по себе, а важным оказывается то, что мы о нём мыслим. Иными словами, наша мыслимость (наши идеи) об этом языке и его составляющих есть основа их значимости, ценности, значения. Но если язык содержит сущность, следовательно, он важен сам по себе изначально, как данность, а наша мысль о нём являет развитие этой сущности. Явно и другое: структура, система вне духа народа, человеческой души остаётся безжизненным кладбищем знаков, символов, эмблем, тропов и т. п. Эта душа, этот дух, вливаясь, доводит язык до состояния энергетической (энергичной) плазмы языковой деятельности. Один аспект этого понимания создал основу для введения метафоры-понятия «мёртвые или живые языки». Тогда как второй аспект («живой язык, язык бытия, сущностный язык») был не понят, хотя самое важное в суждениях — понимание.

Но наше индивидуальное понимание конечно, хотя всё конечное только потому и существует, что оно пронизано бесконечностью бытия. Бытие содержит в основе сущность. Сущность является предметом изучения онтологии, где онтология = *др-грч.* ὄν сущее > *род.п.* ὄντος + λόγος учение [3. С. 443]. Ступени восхождения до понимания сущности какого-либо предмета, согласно учению А. Ф. Лосева, могут быть представлены таким образом: имя — миф — символ — пневма — эйдос — не-сущее — сущность.

Когда мы объясняем развитие языка, то предполагаем языковую деятельность человека, который развивается, т. е. без развития человека не может быть развития языка или наоборот, ибо в становлении личности язык является важнейшей причиной. Аналогия, связанная с гипотезой синергетических причин, до совершенного доказывания не дошла, однако связь языка как открытой системы и множества причин, в том числе теоантропологических, склоняет нас к утверждению, что процессы самоорганизации языка тонко, неочевидно, опосредованно связаны с духовным бытием этносов. Этот аспект должен изучаться общей этноантропологией.

Мыслить язык — это отличать его от всего остального, и, вместе с тем, соединять его со всем прочим, что связано с личностью. Отсюда разные подходы, связанные с психолингвистикой, социолингвистикой, этнолингвистикой и т. д. Мыслить и понимать на этом направлении возможные противоречия и противоположности возможно, используя диалектический метод: как умение отыскивать противоположности в действительности, противоречия в жизни.

Важным остаётся вопрос о причинности языка. Почему происходит возникновение, становление, развитие, упадок и гибель национальных языков? Почему возможны упадок и гибель языков (в XXI в. умирают десятки языков ежегодно), если есть факторы самоорганизации, синергетики? Это возможно, потому что фактически возможно понижение уровня духовной деятельности человека и общества, которые осуществляются через язык.

Мыслить о языке — это, значит, полагать основания и выводить следствия. Определяя проблему возникновения, становления, развития, гибели языка того или иного народа, мы выявляем и определяем основание для её разрешения.

Гибель национальных языков происходит в силу гибели национальности. Причина гибели национальности заключается в ассимиляции и этноциде, а также в геноциде, все прочие причины, очевидно,

не определены до конца. Одной из общих причин, наряду с частными этническими причинами, является нарушение духовной жизни того или иного народа, не способного бороться и побеждать в непрерывной борьбе со своими явными и неявными врагами.

Новое время ввело категорию «случайности» в историю языка. Однако значение философии языка как науки — это освобождение от слепоты и рабства бесконечных случайностей в языковой деятельности. Признание случайности — это признание слабости и незрелости философии языка (вспомним древнее: *asylum ignorantiae* — убежище невежества).

Приведём перечень диалектических аксиом, объясняющих онтологию (*слово о сущем, сущесловие*) языка, проясняющих в своём основании некоторые моменты становления языка.

1. Язык находится в состоянии движения, и его движение, определяемое человеческой (прежде всего духовной) деятельностью, есть движение разнокачественное, связанное с теми условиями, в которых существует человек. Это движение изучается в диахронии. Картина движения в языке такова: непрерывность (изменения) невозможна без прерывности (покоя), а прерывность невозможна без непрерывности. Разумеется, язык, включённый в процесс изменчивости бытия, подчиняется законам бытия, ибо очевидной формой бытия является аналоговая форма.

2. Язык находится в состоянии покоя (по сущности, онтологически): раз возникнув, язык остаётся человеческим языком, даже если пройдёт миллион лет, и его морфология изменится, например, из агглютинативной перейдёт в изолирующую, однако это будет всё тот же язык по своей антропологической природе. С точки зрения пансинхронного аспекта язык не может быть «мёртвым» или «живым». Являясь средством постижения действительности, духовной реальности и деятельности духа, язык пребывает в становлении с условием того, что деятельность человеческого духа также осуществляется в становлении, т. е. в процессе непрерывного, континуального становления. В этом смысле неправы те, кто условно и относительно заданной временной сетки координат (относительной хронологии) делит язык, продолжающийся в истории народа, на периоды, объявляя прошедшие периоды языка — мёртвыми. Например, «мёртвый — древний, старый, а живой — современный, новый язык». Это метафоры, искажающие диалектическую онтологию языка.

Такую сетку хронологии следует признать гипостазированной относительностью (абсолютизацией релятивизма). Так, доказывать, например, что греческий язык в V в. до н. э. не тот же самый греческий язык, которым был он в XVI в. н. э., значит, заниматься, идеологической софистикой, ибо софист не тот, кто утверждает необходимую совместность движения и покоя в языке, а тот, кто эту совместность отрицает. В языке присутствует самождественность с саморазличием, поскольку всякая вещь (в самом абстрактном понимании) в этом мире является и всё время разной (в силу изменения действительного мира и его аналоговых форм и формы вообще), и всё время одной и той же, пока она существует в действительности.

3. Поскольку движение, или изменение, и покой, или прерывность, существуют в своём единстве, то язык находится в состоянии подвижного покоя. Изменяясь, язык остаётся всё тем же в своей основе, однако его изменение ведёт во времени к различию (например, в диахроническом аспекте). Таким образом, существующий и мыслимый язык всегда и всюду пребывает в самождественном различии и одновременно в подвижном покое [8. С. 60].

4. Целостность языка является итогом единства противоположностей как явного по своей сущности, по своей взаиморазрывности, взаимной противоположности, по неделимому единству противоположностей. Например, очевидные противоположности — это движение и покой, равновесие и неравновесность, порядок и хаос, устойчивость и неустойчивость, организация и дезорганизация. Часть мирового целого вместе со всеми иными частями целого совпадают в одном единстве, нераздельном и нерушимом, без чего и всякая часть мирового целого перестаёт существовать именно как часть целого. Язык состоит не из правильности, точности, уместности, выразительности, логичности, богатства, ясности, знаковости и структурности, а является тем целым, которое только и создаёт возможность мыслить все его признаки и свойства именно как признаки языка или свойства языка. Иными словами, язык, взятый в целом, тоже есть первоначально единство всех внутренних противоположностей (*ср.* концепцию В. фон Гумбольдта), а уже потом и все эти противоположности в аспекте целого.

5. Единство противоположностей (см. п. 4) направлено определённым образом. И это направление [9. С. 159] подчиняется духовным закономерностям, которые суть вершина и простота самых сложных законов действительного мира. Очевидно,

что язык есть не просто вещь (даже самая абстрактная), а определённым образом устроенная (система, целокупность, символическая, феноменологическая, имплицитная иерархия) для определённых целей. Обращая внимание на причинно-целевую предназначенность (определённость) языка, мы наблюдаем, что язык движется (меняется) и покоится (оставаясь в сущности всё тем же), т. е. пребывая в подвижном покое, язык онтологически есть единство своих противоположностей, его реальная и высшая жизненная (духовная по сущности) предназначенность, что отличает его от «языков животных» и т. п.

Язык связан с человеческой личностью, которая в истории стремится к свободе, совершенствованию и счастью. При том, что в истории языка концепты (см. различие: *conserptum* > *conserpta* как «зёрна смысла» / *conserptus* > *conserpti* как «понимаемые понятия») в самых важных словах человеческой жизни выражались в языке своеобразно (особенно в национальных языках, например: сущность, бытие, время, истина, правда, слово, вера, любовь, письмо, душа, совесть, вечность, святость, грех, язык) [7. С. 5]. Однако без абсолютного основания этих категорий не может быть их относительности в истории понимания. Основанием абсолютного и относительного является диалектика свободы (от ошибки, от греха) и необходимости, совершенствования и упадка (смерти), счастья и беды (горя). Эта диалектика достижима в каждый условный и относительный момент человеческой жизни. Человек призван помнить о своём великом предназначении в достижении общечеловеческой свободы, совершенствования, счастья, такого общественного идеала, когда свободное развитие каждого становится условием свободного развития всех (в философии понимания всеединства).

6. Единство и борьба противоположностей в языке, которые явлены подвижно, сообразно порядку (космосу) или хаосу (конечной точкой которого будет смерть языка). В духовном же отношении борьба добра со злом, правды с ложью, порядка с хаосом, жизни со смертью сосредоточена в человеческой личности (согласно идеи Ф. М. Достоевского). Именно поэтому в языке всё мыслимое и существующее есть единство и борьба противоположностей.

Всякий предмет мысли в языке и всякое явление языковой деятельности (в единстве формы и содержания) обязательно является как единством, так и борьбой противоположностей, как бездеятельным отражением того, что творится в дей-

ствительности (в жизни всего), так и деятельной насыщенностью явлений, требующих в одних случаях своего признания, а в иных — своего отрицания, т. е. борьбы с ними.

Такое единство и борьба противоположностей находятся в своём становлении. Это единство есть наисложнейшее явление действительности (здесь, сейчас и тогда мы вынуждены принять утверждение о невообразимом множестве частных и общих причин в истории становления языка), где борьба есть только частное выражение этого единства. Этот закон единства и борьбы противоположностей постоянно осуществляется, становится действенной силой и причиной в языковой деятельности.

Как отмечено было ранее, язык меняется, но при всех своих изменениях остаётся в основе своей тем же самым (в силу континуальности жизненного изменения, в силу вечной, многовековой жизни народа и его языковой деятельности). Благодаря пониманию этого принципа вводится категория «подвижного покоя» [8. С. 70]. Из чего следует, что изменение как наблюдаемое единство и борьба противоположностей, как очевидное становление единства и борьбы, полно любых неожиданностей. В языке эти неожиданности не дают возможности с большой долей вероятности предсказывать его будущее, эти неожиданности полны необъяснимых феноменов, связанных с качественными переменами в языке.

7. Единство и борьба противоположностей создают становление, при котором из простого количественного назревания возникают новые качества, новые количественно-качественные структуры, т. е. сплошное самопротивоборство, ибо каждый речевой акт определяет судьбу становления языка. Это самопротивоборство отчасти объясняется теoантропологией как сочетанием в человеческой личности добра и зла, совершенства и греха, достоинств и недостатков (страстей), разумности (способности осмысливать и выражать на каком-либо языке всякую реальную данность) и полоумия (отсутствия таковой способности). Например, сокращение в русском языке слов с корнем *добр-* с 200 лексем (XI—XVII вв.) до 79 лексем (XX в.) характеризует языковую деятельность как общий выбор с предпочтением злу в отрицании добра. Наблюдая исторический процесс языкового становления, мы осознаём, признаём, понимаем, что такое становление оказывается и эволюционным, и инволюционным (например, смерть какого-либо национального языка в разных видоизменениях и условиях).

8. История языка определяется как изменение в пределах бытия количественно-качественных структур, т. е. в виде эволюционных, инволюционных и даже революционных изменений. Конечно, разное качество изменений (например, гибель национального языка) нельзя оправдать диалектикой развития исторического становления языка, но объяснить возможно. Например, падением духовной деятельности, победой одного языка над другими, т. е. ассимиляцией, поглощением одного языка другим.

9. Абсолютная истина, как и абсолютная свобода (от ошибки, от греха), совершенствование, счастье есть идеальная модель, идеальная программа, закон для всякой относительной единичности, которая по-своему решает свою историческую задачу абсолютного и общечеловеческого осуществления правды и истины. Наши знания о мире, о языке относительны, но это не отрицает объективной истины мира и языка. Историческая условность завоёванных границ понимания, приближающих нас к этой истине, не подлежит сомнению. Свобода (от ошибки, от греха) в языке проявляется в развитии коммуникативных качеств речи и соборном творчестве — ради создания идеального языка. Совершенство в языковой

деятельности есть совершенное владение духовной личностью такой речью, которая отличается высокими (высококультурными) качествами. Такими языками, приближающимися к уровню идеального языка, в современной жизни следует признать традиционные богослужбные языки, существующие в духовном становлении на протяжении многих веков в истории того или иного народа (например, древнееврейский для еврейского народа, латинский для народов романской семьи языков, церковнославянский для славянских народов, церковногреческий для эллинов (греков) и т. п. языки) [1]. Счастье есть понимание (в самом сущностном ядре понимания) себя, близких, других — через любовь и уважение. Понимание признаётся самым необходимым условием развития языка, осуществляемого чрез коммуникацию, трансляцию, трансмутацию. Иными словами, это осуществление возможно только через совершенное языковое общение (равных участников обмена со-знанием), трансляцию знаний (передача учителем, преподавателем знания ученику) и трансмутацию познания (передача изобретателем, творцом, поэтом, писателем, учёным по-знания другому участнику диалога) [7. С. 10].

Список литературы

1. Будейко, В. Э. Материалы для словаря церковнославянского языка: Монография. — Челябинск: Энциклопедия, 2018—2019. — Т. I — II.
2. Даниленко, В. П. Методы лингвистического анализа: курс лекций / Валерий Петрович Даниленко. — М.: Флинта: Наука, 2011. — 280 с.
3. Доброхотов, А. Л. Онтология // Философский энциклопедический словарь / Редкол.: С. С. Аверинцев, Э. А. Араб-Оглы, Л. Ф. Ильичёв и др. — 2-е изд. — М.: Сов. энциклопедия, 1989. — 815 с.
4. 4. ыкознание: учеб. пособие. — М.: Флинта: Наука, 2001. — 232 с.
5. Колесов, В. В. Древнерусская цивилизация. Наследие в слове / Словоуказатель: Н. В. Колесова / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2014. — 1120 с.
6. Колесов, В. В. Реализм и номинализм в русской философии языка. — СПб.: Logos, 2007. — 384 с.
7. Колесов, В. В. Философия русского слова / Владимир Викторович Колесов. — СПб.: ЮНА, 2002. — 448 с.
8. Лосев, А. Ф. Держание духа / Алексей Фёдорович Лосев. — М.: Политиздат, 1988. — 366 с.
9. Шелестюк Е. В., Будейко В. Э. Языковое развитие: философско-лингвистический подход // Вестн. Челябинск. гос. ун-та. Сер.: Филологические науки. — 2019. — № 1 (423). Вып. 115. — С. 159—171.
10. Шкатова, Л. А. Развитие ономаσιологических структур (на примере наименований лиц по профессии в русском языке). — Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1984. — 152 с.

Сведения об авторе

Будейко Валерий Эдуардович — к. филол. н., доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания, Челябинский государственный университет. Челябинск. boudeyko@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 10 (432). *Philology Sciences. Iss. 118. Pp. 44—49.*

DIALECTICAL AXIOMATICS IN ONTOLOGY OF LANGUAGE

V. E. Budeiko

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. boudeyko@yandex.ru

The article describes the fundamental axioms in ontology of language, which is understood as the theory about existence (being of people, human, man, person, human nature, language, word, logic, how things are). At the basis of this theory, dialectical method is discovered which relates to the contradictions of existence and human life. We derive the axioms from the theoretical research of such Russian philosophers and philologists as A. F. Losev, V. V. Kolesov, A. M. Kamchatnov, L. A. Shkatova, who made discoveries in line with the theory of Christian realism, asserting reality as ontologization of name, in other words, that name of thing is thing itself. The basis of ontology for these authors translates into realism as a trend in philosophical linguistics. The aim of this philosophy is elucidation of the conceptual essence of Being like Logos (“speech-thought”) in langue and in parole.

Keywords: *axiomatics, dialectical method, ontology, development, language.*

References

1. Budeiko V. E. *Materialy dlia slovarya cerkovnoslavyanskago yazyka* [Materials for dictionary of Church Slavonic language]: Monograph, Chelyabinsk, Entsiklopedia, 2018-2019, T. I, II. (In Russ.).
2. Daniŕenko V. P. *Metody lingvističeskogo analiza* [Methods of linguistic analysis]: Course of lectures, M., Flinta, Nauka, 2011. 280 p. (In Russ.).
3. Dobrokhotoŕ A. L. *Ontologia* [Ontology]. *Philosophskij enciclopedičeskij slovar* [Philosophical encyclopaedic dictionary]. Eds: S. S. Averincev, E. A. Arab-Ogly, L. F. Il'jichov et al., 2-e ed., M., Sov. enciclopedija, 1989. 815 p. (In Russ.).
4. Kamchatnov A. M., Nikolina, N. A. *Vvedeniye v jazykoznanije* [Introduction to linguistics]: Textbook. M., Flinta, Nauka, 2001. 232 p. (In Russ.).
5. Koŕesov, V. V. *Drevnerusskaja civilizacija. Nasledije v slove* [Old Russian civilization. Heritage of Words] / Index: N. V. Koŕesov / Ed. O. A. Platonov. M., Institut russkoj civilizaciji [Russian Civilization Institute], 2014. 1120 p. (In Russ.).
6. Koŕesov V. V. *Realizm i nominalizm v russkoj filisofiji yazyka* [Realizm and nominalism in Russian linguistic philosophy], SPb., Logos, 2007. 384 p. (In Russ.).
7. Koŕesov V. V. *Filosofija russkogo slova* [Philisophy of Russian word], SPb., JUNA, 2002. 448 p. (In Russ.).
8. Losev A. F. *Derzaniye dukha* [Daring of spirit], M., Polityzdat, 1988, 366 p. (In Russ.).
9. Sheŕestiuk E. V., Budeiko V. E. *Jazykovoje razvitije: filosofsko-lingvističeskij podkhod* [Language development: a philosophical linguistic approach] // *Vestnik Chelabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filologičeskije nauki* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Philology Sciences], 201, № 1 (423), Vyp. [Iss.] 115, pp. 159–171. (In Russ.).
10. Shkatova L. A. *Razvitije onomasiologičeskikh struktur (na primere najimenovanij lic po professiji v russkom jazyke)* [Development of onomasiologic structures (using the example of naming units for persons of professions in Russian language), Irkutsk, Izdatel'stvo Irkutskogo universiteta, 1984. 152 p. (In Russ.).

МЕТОНИМИЯ В СФЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НОМИНАЦИИ

Е. И. Голованова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Статья подготовлена в рамках проекта «Изучение механизмов языковой интерпретации в различных видах дискурса» Фонда перспективных научных исследований ЧелГУ

Статья посвящена своеобразию реализации метонимии в сфере профессиональной номинации. Рассматриваются наиболее продуктивные модели метонимических переносов, носящие общий характер, а также уникальные разновидности метонимии, представленные в отдельных областях профессиональной деятельности. Особое внимание в исследовании уделяется метонимии, основанной на эпидигматических связях лексических единиц.

Ключевые слова: профессиональная номинация, подъязык, вторичная номинация, метонимия, метонимическая модель, профессионализм, профессиональный жаргонизм, эпидигматическая системность лексики.

Метонимия в профессиональной среде — явление многогранное, но недостаточно изученное. Под метонимией, вслед за определением, приведенным в «Лингвистическом энциклопедическом словаре», будем понимать механизм языка и речи, «состоящий в регулярном или окказиональном переносе имени с одного класса объектов или единичного объекта на другой класс или отдельный предмет, ассоциируемый с данным по смежности, сопредельности, вовлеченности в одну ситуацию» [1. С. 300].

Названия, созданные на основе метонимического переноса, как правило, отражают реальные связи между объектами окружающего мира, зафиксированные человеческим сознанием. В своих работах мы отмечали ранее, что метонимия, в основе которой лежит механизм перекатегоризации, то есть осознанного или неосознанного перевода объекта мысли из одной когнитивной рубрики в другую (подробнее см.: [5]), в сфере профессиональной номинации (в частности, в научной и технической терминологии) распространяется прежде всего на такие профессионально значимые категории, как процессы (действия), инструменты, механизмы, продукты, материалы и субъекты деятельности [3; 4]. Однако в орбиту метонимических переносов могут вовлекаться и другие категории объектов, особенно если иметь в виду ситуации повседневной практической деятельности профессионалов.

Материалом для настоящего исследования послужили единицы вторичной номинации, основанные на метонимии, которые актуальны для устного общения специалистов, то есть главным

образом наименования, представленные в корпусе профессионализмов и профессиональных жаргонизмов. С одной стороны, здесь обнаруживается реализация общеязыковых метонимических моделей, например, перенос имени действия на обозначение его результата, места действия или вовлеченного в действие предмета (субъекта, объекта, инструмента). С другой стороны, в сфере профессиональной номинации выделяются регулярные модели метонимических переносов, слабо представленные или совсем не представленные в общеупотребительной лексике. Как справедливо отмечает О. Э. Королева, «практически каждая сфера языка может породить специфические типы и виды метонимии» [15. С. 246]. Для нас это означает, что в профессиональных подъязыках наряду с реализацией универсальных метонимических моделей могут быть задействованы уникальные модели вторичной номинации, основанные на метонимическом переносе.

К числу наиболее продуктивных моделей метонимической номинации в устной профессиональной среде относятся следующие.

1. **«действие → результат действия (продукт)».** Наш материал позволяет выделять две разновидности реализации этой модели:

А. результат предстает в своей материальной форме — как автономный материальный предмет (а также совокупность предметов, рассматриваемых в качестве целого) или значимый конструктивный элемент целого: *связка, наклейка, распечатка, выборка, вырубка, наклейка, подборка, подводка, проточка, проводка* и под.

Б. результат реализован в виде некоторого важного для профессионалов состояния материала (объекта, среды): *сварка, оковка, закатка, засветка, зашип, начес, подтяжка, разживка, бликовка* и т. п.

В отдельных случаях оба варианта могут совмещаться: одна и та же языковая форма, имеющая первичное значение «процесс деятельности, действие», предстает в разных контекстах как обозначение состояния объекта или как наименование объекта в качестве материального продукта деятельности. Сравните: *верстка* — процесс обработки текста, *верстка* — состояние текста (в результате его обработки), *верстка* — сам текст на материальном носителе (электронном или бумажном). В данных примерах наблюдается последовательный мыслительный переход от одной номинативной категории к другой: от категории процессов к категории состояний и далее — к категории предметов.

Рассматриваемая модель широко представлена в устной профессиональной среде. Так, в подпольном промысле для обозначения мелких элементов, завершающих композицию, используются названия *привязка* (от действия *привязка, привязывать* — соединять элементы композиции в одно целое) и *приписка* (в исходном значении — исполнение изобразительных элементов после написания основного наброска композиции). В профессиональном языке мастеров резьбы по дереву проходящая по окружности заготовки выемка определенной формы обозначается словом *проточка* — по характерному способу ее выполнения.

Действие модели распространяется и на иноязычные наименования. К примеру, в декоративно-прикладном творчестве *апликация* — это 1) создание рисунка путем наклеивания или нашивки разноцветных кусочков ткани или бумаги; 2) изготовленная таким образом картина, украшение. В производстве мебели *инкрустация* — 1) нанесение узоров, рисунков из другого материала для украшения; 2) сами украшения, узоры.

2. «действие → инструмент действия». Эта модель метонимической номинации весьма широко востребована в устном профессиональном общении, особенно в сфере промышленности. Например: *тяга, запор, загребка, закрутка, заколка, разлюковка, переток, промывка, подогрев, сушка, слив* и т. д.

В качестве инструмента может выступать как простейший предмет в виде пластины, трубки, спирали и др. (*разлюковка* — зажим, применяемый

для безопасного открывания люков; *промывка* — промывной фильтр), так и сложный механизм или устройство, например: *подзаводка* (в речи производителей часов); *сушка* (в речи парикмахеров); *мойка, размол, рассев* и т. д. (в речи промышленных рабочих).

В профессиональной среде военных по этой модели создано наименование *растяжка*, в общении сотрудников полиции и спецслужб используются обозначения *прослушка, отсечка* и др. [19].

3. «действие → средство действия». Данная метонимическая модель близка к описанной выше, ее отличие состоит в том, что референтом вторичного наименования, как правило, выступает объект, имеющий вязкую, сыпучую или жидкую консистенцию: *смазка, смывка, закваска, замазка, присыпка*. Например, *смывкой* в речи парикмахеров называют химический состав, предназначенный для вымывания искусственного пигмента в волосах. Номинативные единицы иноязычного происхождения проявляют те же характеристики. Так, в профессиональной речи визажистов словом *макияж* обозначается действие по гримированию лица различными косметическими средствами и сами эти средства.

В случае если метонимическая модель распространяется на твердые материалы, а также ткани, кожи или мех, которые используются в производственном процессе, то речь идет о множестве фрагментов, из которых создается целое. Например: *обкладка, облицовка, обивка*.

4. «действие → место действия». В соответствии с этой моделью в современной профессиональной речи употребляются наименования *раздача, обвалка, упаковка, раскомандировка* и т. п. Например:

обвалка — 1) операция отделения мяса от костей; 2) участок на мясокомбинате, где производится отделение мяса от костей;

упаковка — 1) укладывание товара в специальную тару (коробки, ящики и т. п.) для отправки; 2) отдел на производстве, где укладывают товар для отправки;

раскомандировка — 1) распределение рабочих по видам работ; 2) помещение, где производится распределение рабочих по видам работ.

5. «действие → объект действия». Данная модель метонимической номинации имеет широкий спектр применения. Прежде всего отмечается реализация этой модели в устной коммуникации рабочих и инженерно-технических работников в условиях промышленного производства, например:

проба — 1) испытание горной породы или продукта производства (металла) по тем или иным параметрам (содержание химических веществ, физические характеристики и т. п.); 2) часть горной породы или металла, взятая на анализы.

В профессиональной среде сотрудников военных и военизированных структур также используются номинации, образованные по этой модели: *подписка* — вид письменного обязательства, которым военнослужащий или сотрудник силовых структур обязывается не совершать какие-либо действия с целью соблюдения режима военной или служебной тайны (подписка о неразглашении, о невыезде, о неприменении). В речи полицейских зафиксировано употребление профессионализма *закладка* для обозначения технического средства добывания информации, помещенного на интересующий специалистов объект [19. С. 199]. В речи кинологов используется обозначение *переноска* — «специально оборудованный для транспортировки норных собак ящик» [12].

Помимо отглагольных существительных, в разных сферах деятельности для реализации этой модели привлекаются отыменные производные. Например: *безотвалка* — 1) обработка почвы безотвальным способом; 2) земля, вспаханная безотвальным способом; *бесконвойка* — 1) бесконвойное содержание заключенных; 2) заключенные, которым разрешено бесконвойное передвижение.

К этому же типу метонимии можно отнести функционирующее в профессиональном жаргоне военных наименование *груз двести*, имеющее значение «трупы убитых» [14. С. 80]. Первичная семантика этого условного обозначения в составе военной терминологии — транспортировка тела погибшего (умершего) военнослужащего к месту захоронения в специальном герметичном контейнере [6].

6. «действие → (обобщенный) субъект деятельности»: *разведка, засыпка, массовка, проточка* и т. д. Например:

разведка — 1) геологические работы с целью нахождения полезных ископаемых и определения геолого-промышленных параметров местонахождения; 2) группа лиц, объединенных для выполнения данного вида деятельности;

массовка — 1) организация массовых сцен в кинофильме или спектакле; 2) участники массовых сцен;

засыпка — 1) наполнение промышленных контейнеров сыпучими материалами; 2) производитель этого вида работ;

проточка — 1) процесс проточного выщелачивания на глиноземном заводе; 2) работники цеха проточного выщелачивания [18].

карбонизация — 1) насыщение алюминатных растворов углекислым газом; 2) работники отделения карбонизации [Там же];

Многие из приведенных примеров демонстрируют особую выделенность отглагольных существительных. По мнению исследователей, данные имена обладают способностью к широкой референции благодаря тому, что в их основе лежит когнитивная модель события, со всеми его актантами и сирконстантами [9. С. 343; 14. С. 145].

Как показал проведенный анализ, метонимические модели чрезвычайно востребованы в устной профессиональной среде при обозначении деятеля, производителя процессов и действий. Такие названия могут восходить к значимому предмету деятельности — объекту, средству или инструменту.

7. «предмет (объект, средство, инструмент) → субъект деятельности». При реализации данной метонимической модели в различных профессиональных сферах актуализируются разные составляющие. Выбор той или иной категории предметов как источника номинации обусловлен как объективными связями и отношениями, так и типичными ассоциациями в сознании номинаторов. В ряде случаев вторичное использование получают высокочастотные имена в речи самого специалиста. Например, у электрика таким часто используемым обозначением является слово *фаза*. Не случайно именно данное название стало релевантным для неформальной номинации электрика в среде строителей (*фаза* — дежурный электрик на стройке) и моряков (*фаза* — корабельный электрик [10. С. 338]).

Дважды в нашей картотеке встретилось слово *мазут* как обозначение профессионала: так называют матросов, работающих в машинном отделении [10. С. 201], и шоферов в армейском жаргоне [13]. И в том, и в другом случае мазут не только выступает одним из значимых средств деятельности данных специалистов, но и в силу своих специфических свойств (характерный запах и цвет) является опознавательным знаком для их идентификации.

Отношением к основному объекту деятельности объединяются следующие названия профессионалов: *мотор* — моторист судна [20. С. 293]; *утиль* — рыбак, обслуживающий рыбомучную установку, которая утилизирует непромысловую, сорную рыбу, отходы после обработки этой рыбы и т. п. [10. С. 336] (в данном случае наблюдаем резуль-

таты последовательного переноса наименования по смежности: с продукта переработки на механизированную установку и затем на специалиста, который ее обслуживает); *вентиляторы* — рабочие участка вентиляции и техники безопасности на шахте; *вентили* — монтажники систем вентиляции (на заводе «Севмаш»), *стволы* (устар.) — артиллеристы [14. С. 273].

Название идентифицирующего инструмента послужило мотиватором в группе однотипных наименований деятелей: *помазок* — эксперт-криминалист; *свисток* — взрывник на шахте; *свисток* — спортивный судья; *жезлы* — сотрудники ГИБДД.

В некоторых областях профессиональной деятельности объектом выступают специфические категории людей, именем которых и обозначаются специалисты: *школьники* — сотрудники отдела гигиены детей и подростков (в медицинском жаргоне), *уголовники* — сотрудники уголовного розыска (в жаргоне полицейских).

Наконец, в ряде случаев в качестве наименования деятеля может быть закреплено название какого-либо типичного предмета, с которым в среде профессионалов ассоциируется их образ: *челодан* — эксперт, техник-криминалист (жаргон полицейских [19. С. 211]); *дуст* — офицер, возглавляющий химическую службу на корабле (морской жаргон [17]); *хлорка* — служащая вооруженных сил, отвечающая за химводоочистку [14. С. 311]; *портупея* — офицер вооруженных сил (военный жаргон [14. С. 223]); *уши* — связисты (армейский жаргон [13]); *сапог* — сотрудник полиции, пришедший из армии, иногда из военной контрразведки или подразделения «Альфа» (жаргон полицейских [19. С. 207]), *пиджак* — сотрудник силовых структур, не имеющий профильного образования или не служивший в вооруженных силах [19. С. 205].

8. **«предмет (объект, инструмент, продукт) → место деятельности».** Метонимический перенос наименования с объекта деятельности на место осуществления данной деятельности представлен в следующих обозначениях, возникших и функционирующих в устной профессиональной среде: *бройлер* — помещение, предназначенное для выращивания бройлерных цыплят (= бройлеров); *мотор* — участок ремонта двигателей на авторемонтном предприятии [20. С. 293]; *мазут* — мазутопровод [18]; *лоскут* — склад остатков ткани на швейном предприятии [20. С. 256]; *кадры* — отдел, ведущий учет, контроль работников учреждения, предприятия. К этим примерам можно добавить распространенное в медицинской среде

обозначение детского отделения больницы (отделения детской хирургии, травматологии и т. п.) словом *детство* («пойду в детство»). В данном случае источником метонимического переноса стало существительное с оттенком собирательности как обозначение всех пациентов детского возраста (на возможность использования этого слова в лично-собирательном значении указывает Л. В. Калинина [11. С. 252]).

Наименование ручного инструмента как объект переосмысления представлено в нашей картотеке лишь одним примером: *кувалда* — цех ремонта печных агрегатов на глиноземном производстве [18]. Чаще рассматриваемая модель реализуется на основе использования имени машины или механизма, например: *декомпозер* — узел декомпозиции (где находится данный аппарат); *карбонизатор* — узел карбонизации; *репульпатор* — место, где расположены репульпаторы [18].

Обозначение продукта деятельности задействовано в следующих метонимических наименованиях мест деятельности: *пружинка* — пружинный цех на заводе транспортного машиностроения [20. С. 441]; *сода* — цех кальцинированной соды [18].

9. **«объект действия → действие».** Приведем три характерных примера реализации данной модели: *ливер* — операция по удалению внутренних органов животных [20. С. 253]; *ребро* — операция по отделению мяса от ребер [20. С. 454]; *водка* — химическая экспертиза ликеро-водочных изделий (первые два обозначения используются работниками мясокомбината, третье — сотрудниками полиции). Безусловно, рассматриваемая модель используется в речи профессионалов гораздо шире и разнообразнее. Так, в устной коммуникации спортсменов и военнослужащих (соответственно) зафиксированы слова: *стенка* — девятый вираж в санном спорте [7. С. 139]; *тумбочка* — дежурство на посту (по подразделению) [14. С. 185].

10. **«материал → предмет»:** *бронза, золото, серебро, синтетика, резина, железо, дерево* и т. п. Данная модель демонстрирует, что материалы, из которых изготовлены объекты в сфере профессиональной деятельности, являются для специалистов важной категорией, в связи с чем становятся источником метонимического переноса. Например: *клеенка* — план-график работ на месяц, записанный на самоклеящейся бумаге (в речи предпринимателей) [8. С. 17]; *пух* — спальный мешок на пуху (в среде альпинистов) [20. С. 443]; *медь* — медные духовые инструменты (в музыкальном жаргоне); *цинк* — цинковый гроб, в котором перевозят

трупы погибших (в военном жаргоне) [14. С. 316]; *стекло* — мазок, взятый для цитологического исследования (в общении медиков); *золото, серебро, бронза* — награда за первое, второе и третье места в соревнованиях; *металл* — металлический шест для прыжков в высоту (в речи спортсменов) [7].

Наибольшее разнообразие интерпретаций в профессиональной среде (в результате метонимии) обнаруживают лексемы *дерево* и *железо*. Первое слово в коммуникации музыкантов служит обобщенным названием деревянных духовых инструментов, в спортивном жаргоне оно выступает названием футбольной штанги [7. С. 38], а в профессиональном общении моряков используется для обозначения форштевеня [14. С. 88]. Существительное *железо* в среде музыкантов употребляется в значении 'тарелки и другие металлические предметы в арсенале ударника'; в жаргоне программистов используется как наименование корпуса компьютера и его деталей (в противопоставлении программному обеспечению) [21. С. 242]; в спортивной среде за ним закреплено обозначение оборудования для силовых тренировок (тренажеры, штанги, блины, гантели, грифы, гири и т. д.) [7. С. 44], железом также называется металлическое снаряжение альпинистов [21. С. 242]. В жаргоне полицейских этим словом обозначается дорожно-транспортное происшествие без пострадавших [19. С. 200], то есть акцентируется внимание на том, что последствием аварии являются лишь повреждения автомобиля (-ей).

11. «*часть — целое*». Данная модель метонимического переноса, являющаяся универсальной, достаточно широко представлена в устной профессиональной коммуникации. Приведем примеры из сферы спорта [7]: *шипы* — туфли-шиповки; *мячик* — футбол, *барьеры* — бег с барьерами. Сходные номинации есть и в других сферах деятельности: *колеса* — все транспортные средства на колесном ходу (в военном жаргоне) [14. С. 135]; *щетки* — уборочная техника, используемая для устранения последствий ДТП (в жаргоне полицейских) [19. С. 212]; *костыли* — медлительные пассажиры (изначально те, кто по состоянию здоровья передвигались с помощью костылей) (в речи водителей); *борт* — самолет, вертолет (в речи военных и сотрудников авиатранспорта); *синий номер* — входящий документ, находящийся на исполнении (по цвету штемпеля на первой странице документа) [19. С. 220]; *корки, корочки* — документ, удостоверяющий личность сотрудника правоохранительных органов.

В шахтерской среде для начальства и инженерно-технических работников используются обобщенные наименования *белые каски* (у рабочих каски оранжевые), *белые рубахи* (каждый раз при спуске им выдают новые рубахи); в речи полицейских зафиксированы обозначения *белые воротнички* — сотрудники ОБЭП (ранее ОБХСС), *голубой мундир* — сотрудник прокуратуры [19].

12) «*количество → предмет*»: *двойка, тройка, четверка, пятерка, шестерка, семерка, десятка, тридцатка* и т. д. Эта модель замыкает круг наиболее продуктивных метонимических моделей в устной коммуникации специалистов разных сфер деятельности. Она широко представлена в речи промышленных рабочих, в спортивном, военном и медицинском жаргонах, то есть там, где значимы технические характеристики предметов, а также точные пространственно-временные параметры специальных объектов. Например: *десятка, семерка, пятерка* — хирургический шовный материал в зависимости от толщины нити; *десятка, пятерка* — диск весом 10 кг, 5 кг в тяжелой атлетике; *пятерка* — дистанция в 5 км в легкой атлетике, лыжах, конькобежном спорте; *тридцатка* — дистанция 30 км в легкой атлетике; *четверка* — четверть финала в боксе; *двойка* — простая комбинация в баскетболе с участием двух игроков и т. п.

Помимо универсальных моделей метонимической номинации, в устной профессиональной коммуникации представителей различных сфер деятельности могут сформироваться специфические модели, по которым создаются регулярные наименования. В рамках данной статьи ограничимся иллюстрацией этого тезиса примерами номинаций, возникших в спортивной среде [7]:

1) территория охвата соревнованиями → статус соревнований: *мир* — чемпионат или первенство мира, *Россия* — чемпионат или первенство России и под. (аналогично используются обозначения *область, город, Москва* и т. п.);

2) цвета спортивной формы (флага) → игроки спортивной команды: *красно-белые* — игроки футбольного клуба «Спартак»; *красно-синие* — игроки футбольного клуба ЦСКА; *синие* — игроки сборной Франции по футболу, *оранжевые* — игроки сборной Нидерландов по футболу;

2) место расположения спортсмена (-ов) во время игры → амплуа/статус спортсменов: *край* — крайний нападающий в футболе, хоккее; *фланг* — крайний нападающий в футболе; *дырка* — вратарь (< дырка 'ворота'), *скамейка* — запасные игроки;

4) субстанция/предмет, имеющие отношение

к соревнованиям → место проведения соревнований: *вода* — бассейн (*большая вода* — о плавательном бассейне большой площади; *малая вода* — бассейн с дорожками длиной 25 метров); *льдина*, *коробка* — хоккейная площадка.

Как показывают приведенные выше примеры, метонимический перенос наиболее продуктивен при создании вторичных наименований на базе существительных. Однако прилагательные в профессиональной среде также демонстрируют значимость метонимии.

В сфере прилагательных регулярной является ситуация, при которой признак одного объекта переосмысливается как признак другого объекта, связанного с первым, например, в речи секретарей и канцелярских работников нами зафиксированы следующие обозначения: *мокрая печать* — имеющий юридическую силу оттиск на документе, который получен с помощью штемпеля, смоченного специальным красящим составом (в отличие от сканированного изображения); *живая подпись* — подпись, выполненная ответственным лицом собственноручно (в отличие от факсимиле или сканированной подписи). В речи спортсменов-легкоатлетов зафиксирован профессионализм *гладкая скорость* — скорость в гладком беге, т. е. в обычном беге, без барьеров [7. С. 133].

Другая метонимическая модель с использованием прилагательных актуализирует взаимосвязь между действием и признаком объекта. Например: *слепое тиснение* — производство изделий из бумаги или картона без использования фольги, путем выдавливания рисунка, рельефа («слепым», то есть почти неразличимым для глаз, выступает не сам процесс, а готовое изделие). В спортивной коммуникации используется наименование *верная мишень* — «мишень, в которую легко попасть» [7. С. 81]. В данном случае характеристика действия (верный выстрел, т. е. достигший цели) интерпретируется как характеристика мишени.

Отдельного внимания требуют примеры метонимического переноса на основе языковой смежности лексических единиц. В такого рода номинациях реализуется эпидигматическая системность лексики. Эпидигматические связи слов проявляются на уровне их морфо-семантической структуры (подробнее см.: [22]); например, в речи спортсменов *основа* — основной состав; основной турнир после квалификационных раундов (в теннисе) [7. С. 95]. Перед нами именно вторичная номинация, поскольку слово уже существует в языке, но для выражения значимого для профессионалов смысла

оно ранее не использовалось, поэтому номинатор как бы создает его заново. При этом им решается задача сжатия смысла, более экономной его репрезентации средствами языка. Сравните: *клиника* — клиническая смерть (мед.); *профилактика* — профилактический осмотр, профилактические работы (производств.); *практика* — практическое занятие (пед.), *разлив* — разливное молоко, сметана (торг.); *защита* — защитное обмундирование (воен.); *земля* — провод заземления (электр.); *цифра* — цифровая печать (типогр.); *кольцо* — кольцевая гонка (автоспорт.); *конек* — коньковый ход (спорт.); *усиление* — служба по усиленному варианту (полиц.); *командировка* — командировочное удостоверение (общепроф.), *стандарт* — стандартное положение в футболе; стандартная программа на соревнованиях по бальным танцам (спорт.); *классик* — борец, занимающийся классической борьбой; лыжник, проходящий дистанцию классическим стилем; *классика* — классические упражнения в тяжелой атлетике; классическая лыжная гонка; классический триатлон; классический бодибилдинг (спорт.) и т. п.

В приведенных примерах мы обнаруживаем связь дериватов, как правило, используемых в составе кодифицированных наименований, с «дериваторами» (термин Н. Д. Голева), которые носителями профессионального подязыка используются в качестве основы вторичного семиозиса и в результате многократного употребления в актах коммуникации получают статус полноправных единиц устного профессионального общения.

Как указывает Н. Д. Голев, «связь однокорневых слов отражает прежде всего их тематическую близость, смежность» [2]. Именно на этой тематической близости и стоящей за нею «когнитивной сопряженности» (термин А. А. Кибрика) и основано, по нашему мнению, возникновение метонимических номинаций рассматриваемого типа.

Таким образом, метонимия выступает актуальным языковым механизмом в сфере профессиональной номинации. Ее значимость определяется не только реализацией потребности в экономности используемых лексических средств, но прежде всего повышенной номинативностью полученных единиц (в отличие от характеризующих метафорических наименований) и репрезентацией в них разнообразных связей и отношений между составляющими сфер профессиональной деятельности.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Метонимия // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — Москва: Сов. энциклопедия, 1990. — С. 300—301.
2. Голев, Н. Д. Функции эпидигматики в языке и речи (постановка проблемы) / Н. Д. Голев // Типы языковых парадигм: сб. науч. тр. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1990. — С. 53—58. — URL: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z74.html>.
3. Голованова, Е. И. Введение в когнитивное терминоведение / Е. И. Голованова. — Москва: Флинта; Наука, 2011. — 224 с.
4. Голованова, Е. И. Метонимия как актуальный когнитивный механизм в профессиональном дискурсе / Е. И. Голованова // Проблемы номинации и речевой коммуникации в профессиональной среде: сб. науч. тр. в честь проф. Л. А. Шкатовой. — Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2009. — С. 110—117.
5. Голованова, Е. И. Проблема перекатегоризации ментальных объектов в сфере научного знания / Е. И. Голованова // Когнитивные исследования языка. — 2013. — Вып. 14. — С. 621—626.
6. Груз 200 (термин) [Электронный ресурс]. — URL: <http://cyclowiki.org/wiki> (дата обращения 07.09.2019).
7. Елистратов, А. А. Толковый словарь русского спортивного жаргона / А. А. Елистратов. — Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2011. — 217 с.
8. Золотова, Е. С. Особенности реализации профессиональной языковой личности в естественной письменной речи предпринимателей: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. С. Золотова. — Челябинск, 2013. — 22 с.
9. Ирисханова, О. К. Концептуальная интеграция в событийных именах существительных (к проблеме языковой композиционности) / О. К. Ирисханова // С любовью к языку: сб. науч. тр. Посвящается Е. С. Кубряковой. — Москва; Воронеж: Ин-т языкознания РАН; Воронеж. гос. ун-т, 2002. — С. 339—345.
10. Каланов, Н. А. Словарь морского жаргона / Н. А. Каланов. — Москва: Горизонт, 2015. — 440 с.
11. Калинина, Л. В. Лексико-грамматический потенциал имен существительных с суффиксом –ств(о) / Л. В. Калинина // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2009. — № 1. — С. 249—254.
12. Кинологический словарь [Электронный ресурс]. — URL: <http://djilda.ru/articles/poleznoe/376-kinologicheskij-slovar.html> (дата обращения 07.09.2019).
13. Кнорре, К. Словарь современного армейского жаргона: опыт создания [Электронный ресурс] / К. Кнорре, А. Мирошкин. — URL: <https://magazines.gorky.media/nz/1999/5/slovar-sovremennogo-armejskogo-zhargona-opyt-sozdaniya.html> (дата обращения: 03.09.2019).
14. Коровушкин, В. П. Словарь русского военного жаргона: нестандартная лексика и фразеология вооруженных сил и военизированных организаций Российской империи, СССР и Российской Федерации XVIII—XX веков / В. П. Коровушкин. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. — 372 с.
15. Королева, О. Э. Проблемы субстантивной метонимии: дис. ... канд. филол. наук / О. Э. Королева. — Калуга, 2002. — 267 с.
16. Кубрякова, Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова / Е. С. Кубрякова. — Москва: Наука, 1981. — 200 с.
17. Не адмиральский клуб: полезный опыт — полезные предложения [Электронный ресурс]. — URL: <http://nac.zbord.ru/viewtopic.php?t=47> (дата обращения 07.09.2019).
18. Перфильева, А. В. Лексика глиноземной промышленности в мотивологическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. В. Перфильева. — Абакан, 2010. — 22 с.
19. Скрипичникова, Н. С. Устойчивые словесные комплексы в устной профессиональной коммуникации: дис. ... канд. филол. наук / Н. С. Скрипичникова. — Челябинск, 2017. — 268 с.
20. Словарь современного русского города / под ред. Б. И. Осипова. — Москва: Русские словари; АСТ; Астрель, Транзиткнига, 2003. — 565 с.
21. Химик, В. В. Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи / В. В. Химик: в 2 т. Т. 1. — СПб.: Златоуст, 2017. — 528 с.
22. Шмелев, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка) / Д. Н. Шмелев. — Москва: Наука, 1973. — 280 с.

Сведения об авторе

Голованова Елена Иосифовна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. ligol@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 10 (432). *Philology Sciences. Iss. 118. Pp. 50—58.*

METONYMY IN PROFESSIONAL NOMINATION

E. I. Golovanova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. ligol@csu.ru

The article is devoted to the peculiarity of metonymy realization in the sphere of professional nomination. It views the most productive models of metonymic transfers of general character, as well as unique varieties of metonymy presented in certain areas of professional activity. The author distinguishes the cases of substantive and adjectival metonymy in communication of specialists, abundantly illustrating each variety. Special attention is paid to the study of metonymy based on epigrammatic relations of lexical units. The conclusion is made that metonymy is a topical linguistic mechanism in professional nomination, the significance of which is determined not only by demand for lexical means economy, but also by increased nominative role of the derived units and representation of a variety of connections and relationships between the components of professional fields.

Keywords: *professional nomination, sublanguage, secondary nomination, metonymy, metonymic model, professionalism, professional jargon, epigrammatic system of lexis.*

References

1. Arutyunova N.D. Metonimiya [Metonymy]. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow, 1990, pp. 300–301. (In Russ.).
2. Golev N.D. Funktsii epigrammatiki v yazyke i rechi (postanovka problemy) [Functions epigrammatic in the language and speech (formulation of the problem)]. *Tipy yazykovykh paradigm* [Types of language paradigms]. Ekaterinburg, 1990, pp. 53–58. Available at: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z74.html>. (In Russ.).
3. Golovanova E.I. *Vvedenie v kognitivnoe terminovedenie* [Introduction to cognitive terminology]. Moscow, 2011. 224 p. (In Russ.).
4. Golovanova E.I. Metonimiya kak aktual'nyy kognitivnyy mekhanizm v professional'nom diskurse [Metonymy as an actual cognitive mechanism in professional discourse]. *Problemy nominatsii i rechevoy kommunikatsii v professional'noy srede* [Problems of nomination and speech communication in professional environment]. Chelyabinsk, 2009, pp. 110–117. (In Russ.).
5. Golovanova E.I. Problema perekategorizatsii mental'nykh ob'ektov v sfere nauchnogo znaniya [The problem of mental objects re-categorization in the sphere of scientific knowledge]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive studies of language], 2013, no. 14, pp. 621–626. (In Russ.).
6. *Gruz 200 (termin)* [Cargo 200 (term)]. Available at: <http://cyclowiki.org/wiki>.
7. Elistratov A.A. *Tolkovyy slovar' russkogo sportivnogo zhargona*. [Explanatory dictionary of Russian sports jargon]. Chelyabinsk, 2011. 217 p. (In Russ.).
8. Zolotova E.S. *Osobennosti realizatsii professional'noy yazykovoy lichnosti v estestvennoy pis'mennoy rechi predprinimateley* [Features of realization of professional linguistic personality in natural written speech of entrepreneurs]: abstr. dis. ... Cand. Philol. Sciences. Chelyabinsk, 2013. 22 p. (In Russ.).
9. Iriskhanova O.K. Kontseptual'naya integratsiya v sobytiynykh imenakh sushchestvitel'nykh (k probleme yazykovoy kompozitsionnosti) [Conceptual integration in event nouns (on the problem of linguistic compositionality)]. *S lyubov'yu k yazyku* [With love to language]. Moscow; Voronezh, 2002. Pp. 339–345. (In Russ.).
10. Kalanov N.A. *Slovar' morskogo zhargona* [Dictionary of nautical jargon]. Moscow, 2015. 440 p. (In Russ.).
11. Kalinina L.V. Leksiko-grammaticheskiy potentsial imen sushchestvitel'nykh s suffiksom -stv(o) [Lexical and grammatical potential of nouns with suffix -stv(o)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni*

N. I. Lobachevskogo [Bulletin of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod]. 2009, no. 1, pp. 249–254. (In Russ.).

12. *Kinologicheskiy slovar'* [Dog handler dictionary]. Available at: <http://djilda.ru/articles/poleznoe/376-kinologicheskiy-slovar.html>.

13. Knorre K, Miroshkin A. *Slovar' sovremennogo armeyskogo zhargona: opyt sozdaniya* [Dictionary of modern army jargon: experience of creation]. Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/1999/5/slovar-sovremennogo-armeyskogo-zhargona-opyt-sozdaniya.html>.

14. Korovushkin V.P. *Slovar' russkogo voennogo zhargona: nestandartnaya leksika i frazeologiya voornozhennykh sil i voenizirovannykh organizatsiy Rossiyskoy imperii, SSSR i Rossiyskoy Federatsii XVIII–XX vekov* [Dictionary of Russian military jargon: non-standard vocabulary and phraseology of the armed forces and paramilitary organizations of the Russian Empire, the USSR and the Russian Federation of the XVIII–XX centuries]. Ekaterinburg, 2000. 372 p. (In Russ.).

15. Koroleva O.E. *Problemy substantivnoy metonimii* [Problems of substantive metonymy]: dis. ... Cand. Philol. Sc-s. Kaluga, 2002. 267 p. (In Russ.).

16. Kubryakova E.S. *Tipy yazykovykh znacheniy. Semantika proizvodnogo slova* [Types of language values. Semantics of the derived word]. Moscow, 1981. 200 p. (In Russ.).

17. *Ne admiral'skiy klub: poleznyy opyt – poleznye predlozheniya* [Not Admiral's club: a rewarding experience – useful suggestions]. Available at: <http://nac.zbord.ru/viewtopic.php?t=47>.

18. Perfil'eva A.V. *Leksika glinozemnoy promyshlennosti v motivologicheskom aspekte* [The vocabulary of the alumina industry in the motivational aspect]: abstr. dis. ... Cand. Philol. Sc-s. Abakan, 2010. 22 p. (In Russ.).

19. Skripichnikova N.S. *Ustoychivye slovesnye kompleksy v ustnoy professional'noy kommunikatsii* [Stable verbal complexes in oral professional communication]: dis. ... Cand. Philol. Sc-s. Chelyabinsk, 2017. 268 p. (In Russ.).

20. *Slovar' sovremennogo russkogo goroda* [Dictionary of modern Russian city], ed. by B.I. Osipov. Moscow, 2003. 565 p. (In Russ.).

21. Khimik V.V. *Tolkovyy slovar' russkoy razgovorno-obikhodnoy rechi* [Dictionary of Russian everyday speech]. Vol. 1. Sankt-Petersburg, 2017. 528 p. (In Russ.).

22. Shmelev D.N. *Problemy semanticheskogo analiza leksiki (na materiale russkogo yazyka)* [Problems of semantic analysis of vocabulary (by the material of the Russian language)]. Moscow, 1973. 280 p. (In Russ.).

ОБРАЗ ВУЗА В ЯЗЫКОВОМ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДСКОГО ПОРТАЛА

С. Ю. Двинина

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

В статье рассматривается образ вуза в рамках публицистического дискурса. Предлагается выборка заголовков новостей о вузе за один год, отражающих и одновременно создающих имидж университета. Проводится контент-анализ заголовков, определяются составляющие образа университета, сделан вывод о коннотациях. Рассматривается когнитивное пространство вуза. Обозначены проблемы и возможные пути продолжения исследования.

Ключевые слова: *пространство, дискурс, образование, сайт, когнитивное пространство, лингвокультурология.*

Образ города во многом формируется посредством СМИ, при этом современный этап характеризуется влиянием публикаций в интернет-пространстве, куда входят не только статьи, но также отзывы, комментарии, блоги, влоги и т. д. Важным инструментом отражения лингвокультуры города стали социальные сети с возможностью мгновенно выразить свое мнение. В современном обществе жизнь индивидов, социальных групп, межкультурная коммуникация в целом оказались в информационном пространстве, и это тот контекст, в котором происходят их изменения и взаимодействия [13]. При этом массовая коммуникация выступает в роли визуальной формы информационного общества [12].

В условиях обилия новостей и, по сути, «информационного шума» необходимо определить границы действительно эффективной площадки отражения и формирования общественного мнения в рамках городского пространства. На наш взгляд, такой площадкой выступает городской портал — сетевое издание региона, в настоящее время включающее 44 городских сайта и действующее в таких крупных городах, как Архангельск, Волгоград, Екатеринбург, Красноярск, Курган, Нижний Новгород, Новосибирск, Омск, Пермь, Ростов-на-Дону, Самара, Санкт-Петербург, Тюмень, Уфа, Челябинск, Ярославль. Важным критерием выбора портала является и тот факт, что сайт оперативно публикует свои новости и во всех социальных сетях. Отмечается, что «социальные медиа способны играть роль новостных веб-ресурсов, а пользователи будут читать новости непосредственно в соцсетях, а не на сайтах СМИ» [10]. Таким образом, охват аудитории очень велик.

Особенностью портала, согласно стратегии дискуссии, является возможность комментировать статьи. Кроме того, инфографика отражает количество просмотров, что позволяет сделать вывод о заинтересованности пользователей той или иной темой. При этом можно говорить о виртуальной языковой личности, которая проявляется в процессе создания и интерпретации текстов в виртуальной коммуникации, когда наблюдается изменение отношения ко времени и пространству, характерно смещение акцентов мировосприятия, доминирование фатической тональности над информативной [3].

Данное исследование нацелено на выявление особенностей отражения эргонима образовательно пространства в лингвокультуре конкретного региона — Челябинской области и самого Челябинска, поэтому мы ограничились порталом 74.ru, команда которого видит в центре своего внимания город и его жителей, в режиме онлайн освещает городские проблемы, объясняет суть событий. Портал доносит боль и проблемы горожан до высоких кабинетов, становится площадкой для онлайн-дискуссий [URL: <https://74.ru/pages/team74.html>].

Ранее пространственные характеристики мы выявляли на сайтах вузов [2], что коррелировало с другими исследованиями [4], когда вуз позиционирует себя как ведущий европейский и мировой университет за счет обеспечения «аттрактивности информационного контента» [1. С. 90]. Однако очевидный положительный образ вуза на своем сайте несет в большей степени рекламный характер и не отражает статус вуза в пространстве города. Анализ публикаций независимого портала позволяет делать выводы касательно общей

картины образовательного пространства региона. Здесь можно говорить и об отражении социального настроения, которое понимается как «эмоциональные состояния, связанные с осуществлением или неосуществленностью, с разными формами осуществления тех или иных надежд и чаяний, помыслов и замыслов» [6. С. 11]. При этом социальное настроение «объективно выступает определяющим, интегрирующим показателем уровня благополучия, социальной устроенности или неурюенности, степени устойчивости» [11], а значит, является ключевым в отражении образа вуза в языковом интернет-пространстве региона.

Логично структурируя городское ономастическое пространство, Н. А. Прокуровская выделяет, в частности, точечные микротопонимы (наименования различных функциональных объектов) [7. С. 23], куда мы можем отнести названия вузов. Такие урбанонимы (в нашем случае эргонимы) являются «наиболее удобным способом включения того или иного элемента в образ города, обращаются к личному опыту читателей/зрителей, создают лингвокультурный фон» [5].

В рамках исследования мы ввели в поисковой строке портала 74.ru [URL: <https://74.ru/>] полное и сокращенное название одного из вузов Челябинска, а именно «Челябинский государственный университет, ЧелГУ», указали временной период с 01.09.2018 по 27.08.2019, что составляет почти год (дата обращения 27.08.2019). В статье приведены заголовки новостей за данный период. Поиск осуществлялся с учетом морфологии и выдал 15 заголовков новостей или вступления в 1—2 строки с упоминанием названия обозначенного вуза, а также предложил 5 новостей, связанных с образованием и включающих слово «Челябинск», «челябинский» или включающих информацию о вузе в самой статье, содержание которой в статье не исследуется.

Контекстуальный анализ заголовков статей позволяет наметить основные составляющие образа вуза в публицистическом дискурсе, отражающем образовательный и социальный аспекты, становится возможным отследить отношение к вузу. Отрицательные коннотации заголовков иногда нивелируются положительным смыслом вводных слов статьи, как например, в следующем примере последней новости об университете (13 августа 2019):

«Я потеряю в зарплате»: новый ректор ЧелГУ о **скандале с гостайной**, атмосфере Гарварда и будущем вуза
Сергей Таскаев считает: университет — колыбель демократии и здесь любую вещь можно обсуждать смело

Данная новость характеризуется динамизмом и обширной пространственно-временной составляющей: от скандала федерального значения к демократии и смелым обсуждениям, намечен «мостик» от местного вуза к всемирно известному научному центру, от прошлого к будущему, обозначена социальная составляющая. Полифоничность тематики соответствует количеству просмотров, по которому новость о вузе занимает 5 место (25 796), а по количеству комментариев — 2 место (314.)

В нашей выборке лидером по количеству просмотров (69 618) и комментариев (619) выступает следующая новость (7 ноября 2018):

Делайте полставки, господа: сотрудники ЧелГУ попросили о возбуждении **уголовного дела против ректора**

Преподаватели утверждают, что их заставили перейти на урезанную зарплату

Здесь негативная смысловая нагрузка («уголовного дела против», «заставили», «урезанную») отчасти снимается аллюзией на казино, с другой стороны, этот же намек усиливает трагизм ситуации. Обратим внимание, что при обозначении проблемы для увеличения рейтинга новости (что успешно подтверждается цифрами выше) образ университета включает в себя антропоцентрическую составляющую («сотрудники», «преподаватели»).

В лидеры по просмотру также попали следующие новости, в заголовки которых не заявлен эргоним «Челябинский государственный университет», однако будет упомянут в тексте статьи:

Учёба по **цене** квартиры: челябинские вузы опубликовали новые **прайсы** для студентов-**контрактников**

74.ru составил топ самых дорогих специальностей

Просмотры: 39 876 Комментарии: 243

Миллионные **доходы**, гектары полей и Land Cruiser: чем владеют ректоры челябинских вузов
Изучаем декларации глав университетов

Просмотры: 37 297 Комментарии: 75

Умные и обворожительные: в Татьянин день **залипаем** на фото самых **красивых** челябинских студенток

В нашем обзоре есть и «Мисс соблазн», и «Мисс феерия»

Просмотры: 32 375 Комментарии: 264

Два первых примера отвечают за бизнес-составляющую образа университета, который отделен в текстовом пространстве от социума. Последняя новость, наоборот, способствует сближению образа вузов

с пользователями посредством арго («залипаем»), благозвучной («умные», «обворожительные», «красивых») и эффектной лексики («соблазн», «феерия»).

Примечательно, что, хотя большинство новостей относятся к разделу «Образование», две новости входят в раздел «Бизнес», одна — в «Город», одна — в «Мой дом». Таким образом, можно говорить о трёх дискурсах коммуникативного пространства образа ЧелГУ — образовательном, бизнес-дискурсе и социально-ориентированном дискурсе, что ярко выражено в сочетании проблематики следующего заголовка и вступления:

В ЧелГУ **прокачали** математиков: как **высшее образование** подстраивается под запросы **бизнеса**

*На какую **специальность** пойти учиться, чтобы диплом не стал **украшением интерьера***

Пример с выделенной лексикой («высшее образование», «бизнеса», «специальность», «украшением интерьера»), усиленный посредством арго «прокачали», обратит на себя внимание лучше, чем заголовки только в рамках образовательного дискурса, что отражено далее в исследовании.

Несколько статей носят сугубо информативный характер, рассказывая о приемной кампании университета. При этом несмотря на то, что функционально их можно отнести к рекламному дискурсу, они не являются рекламой, так как, согласно portalu 74.ru рекламодателем оплачены публикации с пометкой «На правах рекламы», «Партнёрский проект», «Новости телекома», «Новости компаний» и «Выборы-2019».

Приведем заголовки таких новостей:

- В ЧелГУ заработали горячие линии для абитуриентов

- Абитуриент-2019: что сегодня предлагает ЧелГУ

- **Ставка на будущее:** куда пойти учиться в Челябинске после 9-го класса

- Как поступить в ЧелГУ

- Абитуриент — 2019: школьники и их родители узнают всё о поступлении в **ведущие вузы России**

- ЧелГУ приглашает абитуриентов на день открытых дверей

- Продолжается набор на «заочку» в ЧелГУ

Они носят нейтральный характер, где можно отметить лишь компоненты статуса («ведущие вузы России») и перспективы («ставка на будущее»). Роль статуса часто подчеркивается и в других новостях («мирового уровня», «международным стандартам», «крупнейшие вузы»). Ещё одна новость, по сути, информативного характера выступает на контрасте, где цитата в начале заголовка «перекрывает» информационную нагрузку и делает

сообщение эмоциональным («**Странное решение:** в Челябинском госуниверситете определились с датой выборов нового ректора»).

Важными компонентами дискурсивного образа ЧелГУ также являются новизна («нового ректора», «новую высокую оценку», «новый уровень», «новых студенческих центров»), активность («активный рестарт», «активные студенты»). При этом уникальность («уникальные программы») и интеллектуальный компонент («интеллектуальных играх») отражены единожды.

Расширение когнитивного пространства ЧелГУ проявляется в трёх новостях. Две первые характеризуют высокий профессионализм и обладают положительными коннотациями. Однако третья новость — в рамках социально-ориентированного дискурса с чуть выше среднего уровнем просмотров (16 565) и комментариев (135) — способствует негативному образу ЧелГУ:

От анализа воздуха до подлинности подписи: учёные-эксперты ЧелГУ вышли на новый уровень

Какие виды экспертиз сегодня под силу учёным ЧелГУ

«Без экономистов страна окажется у разбитого корыта»: как в ЧелГУ готовят кадры для бизнеса

В челябинском вузе создали уникальные программы для обучения специалистов

С вещами на выход: челябинский вуз через суд потребовал выселить на улицу ветерана

Отстоять единственное жильё пенсионерке помогла прокуратура

Проведенное исследование позволяет заключить, что, хотя образ ЧелГУ в рамках городского портала 74.ru в основном и включает образовательную составляющую, социальные аспекты также играют ключевую роль в создании имиджа. При этом отрицательные коннотации чаще связаны именно с социально-ориентированным дискурсом. В рамках бизнес-дискурса ЧелГУ предстает эффективным. Чаще всего наблюдается акцент на статус вуза и его возможности в рамках образовательного дискурса. Считаем, что перспективным для исследования будет контент-анализ комментариев под новостями, а также сравнение языковых образов разных вузов региона. При этом рассматривая языковое пространство сайта, мы согласны, что отношения между текстом и дискурсом можно рассматривать под разным углом: «отдельный текст как реализация определенного дискурса; проявление взаимодействия дискурсов в отдельном тексте; взаимодействие дискурсов в совокупности текстов» [8. С. 33]. В текущем исследовании ярче всего проявляется «междискурсивное

взаимодействие», согласно которому процесс взаимосвязи различных дискурсов характерен одновременно как для лингвистического, так и экстралингвистического уровня [9. С. 26]. Таким образом,

именно взаимосвязь дискурсов на разных уровнях, с приоритетом публицистического дискурса как основного, позволяет говорить о комплексном образе ЧелГУ в интернет-пространстве.

Список литературы

1. Агеева, Н. С. Сайт вуза как социально востребованный жанр в виртуальном образовательном пространстве: Ноттингемский университет (Великобритания) / Н. С. Агеева // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. — 2019. — № 1 (33). — С. 8792.
2. Двинина, С. Ю. Пространственная составляющая в университетском дискурсе (на примере слайдеров сайтов отечественных и зарубежных вузов) / С. Ю. Двинина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: «Лингвистика». — 2018. — Т. 15. № 4. — С. 58.
3. Лутовинова, О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса: монография / О. В. Лутовинова. — Волгоград: изд-во ВГПУ «Перемена», 2009.
4. Неделькин, А. А. Виртуальное образовательное пространство современных университетов / А. А. Неделькин, А. В. Антоненкова // Транспортное дело России. — 2017. — № 3. — С. 4546.
5. Питина, С. А. Городской ономастикон в художественном тексте и кинодискурсе / С. А. Питина, Г. В. Урванцев // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2018. — № 1. — С. 1723.
6. Поршнев, Б. Ф. Социальная психология и история / Б. Ф. Поршнев. — М.: Наука, 1979.
7. Прокуровская, Н. А. Город в зеркале своего языка (на языковом материале г. Ижевска) / Н. А. Прокуровская. — Ижевск, 1996.
8. Рянская, Э. М. Проблема статуса текстового пространства сайта (на примере сайтов содействия студентам) / Э. М. Рянская, Ю. К. Савёлова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». — 2018. — Т. 15. № 2. — С. 3237.
9. Соколова, О. В. Типология дискурсов активного воздействия: поэтический авангард, реклама и PR / О. В. Соколова. — М.: Гнозис, 2014.
10. Сулейманова, Ш. С. Перспективы развития социальных медиа / Ш. С. Сулейманова. — Коммунология. — 2015. — Т. 3. № 5. — С. 11125.
11. Тощенко, Ж. Т. Социальное настроение — феномен современной социологической теории и практики / Ж. Т. Тощенко // Социологические исследования. — 1998. — № 1. — С. 21—34.
12. Чижик, А. В. Сетевые коммуникации: вопрос влияния новых медиа на формирование общественного мнения / А. В. Чижик // Коммунология. — 2016. — Том 5. № 3. — С. 5569
13. Castells, M. The Network Society: A Cross-Cultural Perspective / M. Castells. — Cheltenham, UK; Northampton, MA, Edward Edgar, 2004.

Сведения об авторе

Двинина Светлана Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания историко-филологического факультета, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Челябинский государственный университет»? Челябинск, Россия. lana-dvinska@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 10 (432). *Philology Sciences. Iss. 118. Pp. 59—63.*

UNIVERSITY IMAGE IN LANGUAGE CYBERSPACE OF CITY WEB PORTAL

S.Yu. Dvinina

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. lana-dvinska@mail.ru

The article discusses the image of Chelyabinsk State University in cyberspace – the web portal of the city of Chelyabinsk – and traces connections of different discourses: educational discourse, social discourse and

business discourse, aspects of which penetrate each other in media discourse. The work shows the importance of websites in the formation and changing of a language portrait, pays special attention to social mood. It provides the selection of publication headings in one-year period, which reflects and influences the university image in public opinion. The work analyzes the content of publication headings, defines the elements of university image, and studies connotations. The research dwells on cognitive space of the university. It states problems to discuss and prospects of future research.

Keywords: *space, discourse, education, site, cognitive space, language and culture studies.*

References

1. Ageeva N. S. Sajt vuza kak socialno vostrebovannyj zhanr v virtualnom obrazovatelnom prostranstve: Nottingemskij universitet (Velikobritaniya) [University website as sociologically popular genre in virtual educational space: Nottingham university (Great Britain)]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovo obrazovanie* [Moscow City Pedagogical University Bulletin. Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education], 2019, no. 1 (33), pp. 8792. (In Russ.)
2. Dvinina S. Yu. Prostranstvennaya sostavlyayushchaya v universitetskom diskurse (na primere slajderov sajtov otechestvennyh i zarubezhnyh vuzov) [Space parameter in university discourse (case study of site sliders of Russian and foreign universities)]. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: "Lingvistika"* [South Ural State University Bulletin. Ser. Linguistics], 2018, vol. 15, no. 4, pp. 5-8. (In Russ.)
3. Lutovinova O. V. *Lingvokulturologicheskie harakteristiki virtualnogo diskursa* [Linguistic and cultural characteristics of virtual discourse]. Volgograd, VGPU Peremena Publ., 2009. (In Russ.)
4. Nedelkin A. A., Antonenkova A. V. Virtualnoe obrazovatelnoe prostranstvo sovremennyh universitetov [Virtual educational space of modern universities]. *Transportnoe delo Rossii* [Carrying trade of Russia], 2017, no. 3, pp. 4546. (In Russ.)
5. Pitina S. A., Urvantsev G. V. Gorodskoj onomastikon v hudozhestvennom tekste i kinodiskurse [Urban onomasticon in fiction and cinema discourse]. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki* [The Issues of Cognitive Linguistics], 2018, no. 1, pp. 1723. (In Russ.)
6. Porshnev B. F. *Socialnaya psihologiya i istoriya* [Social psychology and history]. Moscow, Nauka Publ., 1979. (In Russ.)
7. Prokurovskaya N. A. *Gorod v zerkale svoego yazyka (na yazykovom materiale g. Izhevsk)* [A city in the mirror of its language (case study of Izhevsk city)]. Izhevsk, 1996. (In Russ.)
8. Ryanskaya E. M., Savyolova Yu. K. Problema statusa tekstovogo prostranstva sajta (na primere sajtov sodejstvija studentam) [The Status Problem of the Website Text Space (The Case of the Student Assistance Websites)]. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: "Lingvistika"* [Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics], 2018, vol. 15, no. 2, pp. 3237. (In Russ.)
9. Sokolova O. V. *Tipologiya diskursov aktivnogo vozdejstviya: poeticheskij avangard, reklama i PR* [The Typology of Active Influence Discourses: Poetic Avantgarde, Advertisement and PR]. Moscow, Gnozis, 2014. (In Russ.)
10. Sulejmanova Sh. S. Perspektivy razvitiya socialnyh media [Prospects of social media development]. *Kommunikologiya* [Communicology], 2015, vol. 3, no. 5, pp. 111125. (In Russ.)
11. Toshchenko Zh. T. Socialnoe nastroyenie – fenomen sovremennoj sociologicheskoy teorii i praktiki [Social mood – the phenomenon of contemporary sociological theory and practice]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 1998, no. 1, pp. 2134. (In Russ.)
12. Chizhik A. V. Setevye kommunikacii: vopros vliyaniya novyh media na formirovanie obshchestvennogo mneniya [Net communications; the issue of new media influence on social opinion]. *Kommunikologiya* [Communicology], 2016, vol. 5, no. 3, pp. 5569. (In Russ.)
13. Castells M. *The Network Society: A Cross-Cultural Perspective*. Cheltenham, UK; Northampton, MA, Edward Edgar, 2004.

ПЕРЕВОД АНТРОПОНИМОВ В МЕДИАДИСКУРСЕ: ДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

М. В. Загидуллина, С. С. Краева

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Статья подготовлена в рамках задания «Медиаперевод в современных информационных условиях» № «34.6111.2017/БЧ» Министерства образования и науки Российской Федерации на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности.

Обращение к медиадискурсу в процессе перевода позволяет отследить сочетаемость слов и контексты их употребления, снимает необходимость консультаций с экспертами. В статье рассматривается влияние медиадискурса на принятие переводческих решений на примере реализации стратегии поиска перевода имен собственных в медиатекстах начинающими переводчиками и последствия ее некорректного применения.

Ключевые слова: антропонимы, транскрипция, письменный перевод, медиадискурс, медиаграмотность, дидактика перевода.

Полезным инструментом в работе журналистов и редакторов, а также переводчиков сегодня стали различные, в том числе новостные, интернет-платформы. Современная практика перевода предполагает обращение к целому ряду информационных источников и технических инструментов. Переводчик работает с текстом, обрабатывая целые пласты информации. Одним из классических вспомогательных инструментов для выполнения перевода служат параллельные тексты. Проблематика статьи затрагивает два аспекта: практический и дидактический. С одной стороны, поиск переводческих решений в интернете, обращение к текстам на параллельную тематику приносит пользу при освоении переводческих навыков, экономит время на выполнение задания, так как можно быстро проверить информацию из разных источников на двух или даже трех языках, с другой стороны, обилие информации, недостаток внимания и поверхностный подход на начальных этапах обучения переводу склоняют начинающего переводчика к выбору буквально первого попавшегося варианта перевода, только на основании его статистической распространенности.

Имена собственные могут встречаться в энциклопедических текстах, если речь идет о всемирно известных персонах, либо в текстах СМИ, то есть медиатекстах. Если известность персоны ограничена сферой ее деятельности или страной проживания, то обращение переводчика к совокупности медиатекстов, то есть к медиадискурсу, неизбежно.

Соотнося понятия дискурс и текст, Е. А. Уварова рассматривает дискурс как «речемыслительную деятельность в совокупности процесса и результата

(текста) с учётом всех экстралингвистических факторов, а текст — как продукт речемыслительной деятельности, необходимый фрагмент дискурса, его базовую единицу, коммуникативную единицу высшего порядка» [9. С. 50]. Е. А. Кожемякин определяет медиадискурс как «тематически сфокусированную, социокультурно обусловленную речемыслительную деятельность в масс-медийном пространстве» [4. С. 14].

Если продуктом дискурса является текст, то продуктом медиадискурса — медиатекст. Медиадискурс, как и дискурс в целом, мы можем рассматривать только в совокупности со всеми экстралингвистическими факторами, не ограничиваясь лишь языковой системой. Медиатекст же можно анализировать вне этих факторов, имея в виду только те особенности, которые можно извлечь непосредственно из текста [9. С. 52—53].

Не вызывает сомнений тот факт, что «любые процессы, происходящие в социуме, — позитивные или негативные — в конечном счете, формируют культуру данного общества, в том числе и речевую» [8. С. 11] и, конечно, это находит свое отражение в медиадискурсе. Переводчик выступает в качестве реципиента многих текстов, прежде чем сам порождает итоговый текст, соотносящийся с оригиналом. Поэтому при рассмотрении переводческой деятельности и особенно переводческих решений важно понимать, что специфика средств массовой коммуникации, с которыми работает переводчик, а также искомая информация могут оказывать значительное воздействие на способы решения конкретных переводческих трудностей.

Цель настоящего исследования — выявить проблемы подготовки переводчиков в условиях экспансии медиадискурса в современных интернет-коммуникациях на примере решения задачи перевода антропонимов. Для достижения этой цели авторы обращаются к методам историко-культурного анализа медиадискурса как среды формирования медиаграмотности и лингвокультурологического рассмотрения творческих переводческих практик, а также экспериментальным методам анализа конкретных переводческих практик студентов-переводчиков.

Как правило, лингвист пользуется параллельными текстами с целью извлечь из них терминологию данной области знаний. Значение параллельных текстов для перевода выводит Р. Левицкий [5. С. 96—97]: во-первых, переводчик добывает из них термины и знания, необходимые для перевода; во-вторых, они облегчают переводчику понимание оригинала. С точки зрения процесса создания текста перевода, параллельные тексты удобнее всего рассматривать как совокупность оригинальных текстов на языке перевода, представляющих собой часть «вселенной языка перевода» (англ. *target language' text universe* или нем. *ZS-Textuniversum* у В. Коллера). Так, параллельные тексты объединены общей тематикой, нацелены на сходную группу читателей и используют аналогичные языковые и стилистические средства [16. С. 105]. Именно в параллельных текстах медиадискурса ведется поиск нужной информации — фактов, имен собственных и т. п. для создания у переводчика адекватного понимания ситуации и описываемых в исходном тексте событий, а затем он порождает текст перевода.

Однако ряд серьезных проблем возникает именно в связи с развитием медиадискурса как мультимедальной и полилогической системы. Прежде всего, сам поиск параллельных текстов в перенасыщенном информационном пространстве проблематизируется, поскольку предопределяется работой алгоритмов, не предполагающих выбор по принципу экспертизы качества, но «руководствующимся» иными критериями [19; 13]. Д. Бир, анализируя ранжируемость информации в поисковых системах, предлагает даже рассматривать работу алгоритма как «машинное бессознательное» [12], а А. Галлоуэй и Ю. Такер вводят понятие «политики протокола» [14. Р. 8—10]. Кроме того, культура работы пользователей (в том числе и будущих переводчиков) с интернет-ресурсами остается на периферии внимания образовательных систем. Это серьезная проблема так называемой медиаграмотности — навыков работы в сетях и ресурсах Интернета, обеспечива-

ющих эффективный и быстрый поиск необходимого источника. Как уже было отмечено выше, нередко такой поиск ограничивается случайным обнаружением «первого попавшегося» варианта (см. подробнее о динамике пользовательской поисковой культуры: Морозова, 2018 [6]). Наконец, поиск нужного варианта ведется с помощью глобальных систем параллельных текстов (например, Википедии), в которых качество перевода не всегда релевантно требованиям и может быть не проверено опытными вики-участниками. Таким образом, вопрос о машинном переводе тоже становится все более значимым: пользователи — будущие переводчики — должны хорошо представлять, как формируются автоматические системы перевода, каким образом машина «принимает решение», в каких случаях автоматические системы перевода работают не только на сайтах-переводчиках, но и встраиваются в пользовательские системы, почему тот или иной вариант оказывается в «топе» поисковых выдач.

В последние годы проводилось много исследований по подготовке переводчиков, в частности по языковому поведению переводчиков [15], по развитию переводческих компетенций [11; 17]. Цель этих исследований заключается в изучении более динамичного и творческого подхода к преподаванию перевода и развитию как можно большего числа навыков.

Одним из базовых навыков является решение традиционной проблемы перевода имен собственных. Причиной затруднений при подборе эквивалента может быть, как отсутствие традиционного варианта перевода, который принимается за эталон, так и слишком большая вариативность среди соответствий, которые можно найти в интернет-ресурсах, формирующих медиадискурс. Отсутствие навыков «распознавания» работы алгоритма в выдаче, умения перейти на надежный сайт или обратиться к компетентному источнику создают дополнительные условия риска выбора неверного эквивалента и проявления непрофессионализма в переводе.

В рамках данной работы рассматриваются возможности передачи имен собственных в ситуации выполнения учебного письменного перевода с немецкого на русский язык аннотации к биографии немецкого писателя и художника еврейского происхождения Макса Маннхаймера. Было проанализировано 20 переводов и стратегий к ним, выполненных обучающимися 4 курса бакалавриата в направлении с немецкого языка на русский в ноябре

2018 года. Результаты перевода обсуждались на занятиях по дисциплине «Практический курс перевода второго иностранного языка». Каждый вариант перевода проходит этап коллективного обсуждения и итогового редактирования. Переводческая стратегия применяется в дидактике перевода, чтобы мотивировать обучающегося дать объяснение сделанным решениям, а также помочь начинающему переводчику более осмысленно подойти к выполнению письменного перевода. Данный эмпирический материал позволяет проследить действие шаблонов поиска и выбора информации, характерных для последнего поколения обучающихся, а также ответить на вопросы: 1) чем руководствуются начинающие переводчики при переводе антропонимов и как они объясняют свои решения, 2) насколько учитываются рекомендации преподавателя при выполнении перевода антропонимов? Анализ выполненных переводческих работ и комментариев к ним со стороны учащихся и преподавателя служит для определения целесообразности и продуктивности использования медийного дискурса в практике перевода.

Как известно, существуют определенные приемы передачи имен собственных при переводе — транскрипция и транслитерация. Существуют и правила применения данных приемов для отдельных языковых пар. В языковой паре немецкий — русский принято руководствоваться правилами немецко-русской практической транскрипции [ср. 3; 7]. Однако в последнее время среди обучающихся переводу наметилась тенденция перекладывать ответственность за перевод того или иного имени собственного на автора уже существующего и функционирующего в медиадискурсе варианта перевода, то есть прецедентного перевода того или иного имени собственного. Медиаграмотность переводчика предполагает преодоление этой тенденции и переход к критически-осмысленному отношению к алгоритмизированным результатам поиска в интернет-источниках. Именно на освоение таких компетенций направлено анализируемое задание.

Предлагаемый текст содержит десять имен собственных, это название месяца, названия книг, топонимы и антропонимы. Из антропонимов в исходном тексте представлено два имени собственных — имя самого героя книги *Max Mannheimer* и ее автора, а также соавтора — биографа *Marie-Luise von der Leyen*.

Для антропонима *Max Mannheimer* было подобрано три разных варианта передачи на русский язык (здесь и далее в скобках указано количество

обучающихся, использовавших соответствующий вариант): Макс Манхаймер (11), Макс Маннхаймер (8), Макс Мангеймер (1). Рекомендация преподавателя сводится к тому, что передавать имя собственное следует руководствуясь правилами регулярной практической транскрипции иноязычных собственных имён, составленной Д. И. Ермоловичем, который в том числе опирался на рекомендации и примеры из справочника Р. С. Гиляревского и Б. А. Старостина [2]. Так, антропоним *Max Mannheimer* следует транскрибировать и записывать на русском языке *Макс Маннхаймер*.

Трудность передачи имени *Max Mannheimer* состоит в том, что здесь имеется удвоенная *n*, передача которой в таблице соответствий Д. И. Ермоловича никак не комментируется (*n* → *n*) [3]. Согласно немецко-русской практической транскрипции часть имени собственного *-mann* следует передавать как *-ман*, ср. *Naumann* → *Науман* [7]. В дополнительных замечаниях к таблице транскрипции находим следующий комментарий со ссылкой на Инструкцию по русской передаче немецких географических названий [10] и справочник Р. С. Гиляревского и Б. А. Старостина: «В географических названиях удвоенные немецкие согласные передаются удвоенными русскими в положении между гласными и в конце слова после гласных (в том числе в составных названиях в конце первого компонента); перед согласными и после согласных в русской передаче оставляется лишь одна из удвоенных согласных. При передаче других имён и названий по современным правилам удвоение согласных сохраняется везде (исключение — суффикс *-mann*)» [7]. И действительно, как в таблице, так и в комментарии речь идет о суффиксе, однако в нашем случае мы имеем дело с корнем, поэтому убирать одну букву в русской транскрипции нет никаких оснований. Хотя инструкция содержит указание на некоторые традиционные имена собственные, в том числе антропонимы, которые передаются на русский язык в отклонение от приведенных в ней правил, и, в частности на слово *Mann*, которое в личных именах передается по традиции как *ман* (ср. *Langemann* → *Лангеман*, *Hermann* → *Герман*), в примерах здесь мы тоже наблюдаем *-mann* как суффикс [10. С. 17—19]. Тем не менее, нет оснований причислять антропоним *Max Mannheimer* к традиционным именам собственным (ср. Генрих, Иоганн, Людвиг, Вильгельм), поэтому по всем существующим правилам русскоязычным эквивалентом для данного имени будет указанный выше вариант *Макс Маннхаймер*.

Результаты обсуждения с обучающимися поразительны: группа, внимание которой было обращено на этот нюанс, в полном составе оставила удвоенную *n* в переводе, тогда как в группе, с которой на этот нюанс в ходе дискуссии подробно не останавливались, — то есть была озвучена только рекомендация, что для перевода имен собственных следует применять правила транскрипции, — почти все написали фамилию с одной *n*. Исключение составляет начинающий переводчик, решивший, что уместно перевести фамилию по традиции, вероятно, выстроив параллель с названием города *Mannheim*, который имеет традиционное соответствие в русском — *Мангейм* [Там же. С. 18]; следует отметить, что в обсуждении обучающийся не участвовал по причине отсутствия на занятии.

Если же обращаться к медиадискурсу, то вариант с одной *n* встречается реже (rg.ru, scoornest.com/ru/user/SvobodaRadio) [26; 22], а вариант с удвоенной *n* чаще примерно в шесть раз — 107 против 639 (svoboda.org, dw.com/ru) [28; 24]. При устной аргументации в поддержку последнего варианта использовалась и частотность, и апелляция к источнику *Deutsche Welle* [31] как авторитетному, тем не менее, некоторых обучающихся дезориентировало наличие в медиаресурсах варианта *Макс Манхаймер* [29], и собственное субъективное языковое восприятие. Однако и третий вариант, наименее частотный по результатам поиска в сети интернет, появляется в текстах таких крупных медиа, как Би-би-си, Росбалт, Рамблер новости, Политинформ (ср. употребление *Макс Мангеймер* [27] в связи с кончиной писателя в новостных текстах [23; 25; 30; 21]).

Обсуждение данного положения вещей с носителем немецкого языка, переводчиком по специальности, показало актуальность проблемы поиска оптимального варианта передачи имен собственных на сегодняшний день в любом направлении перевода в связи с тем, что правила транскрипции не в полной мере регулируют передачу удвоенных согласных и некоторых буквосочетаний. Более того, как человек с фамилией, где есть две удвоенных согласных, наш респондент всегда испытывала дискомфорт, когда по-русски ее фамилию писали без удвоения в обоих случаях. Таким образом, мы получили еще одно подтверждение для существующего правила.

Имя соавтора книги *Marie-Luise von der Leyen* представляется еще более непростым для перевода, хотя вполне регулируется правилами немецко-русской практической транскрипции и передается как *Мари-Луизе фон дер Лайен*: буквосочетание *eu* передается как *ай*, ср. *Meyrink* → *Майринк*, *Heyda*

→ *Хайда*; гласный *e* и буквосочетания *ee*, *eh* после согласных или *i*, *y*, *eu*, *äi* передаются как *e* [7]. Тем не менее, данный вариант в предлагаемых переводах не встречается. Антропониму *Marie-Luise von der Leyen* было подобрано пять разных вариантов передачи на русский язык: *Мария-Луиза фон дер Ляйен* (12), что объясняется и как прецедентный перевод (7), и как традиционный и частично транскрибированный (то есть, имя передано по традиции, а фамилия транскрипцией) (1), и просто называется транскрипцией (1), совмещением доместикации и прецедентного варианта перевода (1), в остальных случаях обоснование переводческого решения отсутствует; прочие варианты перевода — *Мари-Луиза фон дер Ляйен* (5), *Мари-Луиза фон дер Лейен* (1), *Мэри-Луиз фон дер Ляйен* (1), которыми были даны различные обоснования, и один вариант с опечаткой *Мария-Луиза фон дер Ляйер* (1). В этом примере медиадискурс оказал влияние на 65% переводческих решений, так как в стратегиях обучающиеся указывали прецедентный перевод, а в 30% ссылались на интернет-статьи, также были указания на перевод по аналогии с найденной в сети интернет фамилии немецкого политика *Ursula von der Leyen* (*Урсула фон дер Ляйен*). Хотя пример произношения этого имени — аудиозапись на ресурсе Википедия — соответствует рекомендациям немецко-русской практической транскрипции и звучит как «лаен» [33].

Перечисленные стратегии обучающихся показывают, как высок уровень субъективизма у начинающих переводчиков, которые руководствуются собственным вкусом и языковым опытом, хотя и то и другое на данном этапе требует самосовершенствования и серьезной работы над собой и своими языковыми навыками. Игнорируя сложившиеся за годы переводческой практики правила и рекомендации, начинающий переводчик способен сформулировать следующую стратегию: «*Мария-Луиза* не регулируется правилами немецко-русской транскрипции поэтому применяется так называемый прием доместикации, чтобы имя звучало знакомо для русскоязычных реципиентов; *фон дер Ляйен* прецедентный вариант, т. к. не регулируется правилами немецкой транскрипции; *Макс Манхаймер* в соответствии с прецедентным вариантом перевода, вторая *n* выпущена в соответствии с нормами ПЯ», где ПЯ — язык перевода. Очевидно, что стратегия демонстрирует халатное отношение ее составителя к своим обязанностям и слабое владение как орфографической, так и пунктуационной нормой русского языка.

Еще один вариант стратегии передачи антропонимов демонстрирует попытку снять с себя ответственность за принятое решение: «[имена собственные передаются] согласно общепринятому переводу [курсив наш — М.З., С.К.] (поиск в словарях и интернет-источниках)», какой перевод считать общепринятым, если до сих пор книга не была переведена на русский, остается неясным. Такая стратегия демонстрирует непонимание переводческого задания по составлению стратегии и неспособность начинающего переводчика к оперированию терминами из соответствующей области знаний.

Другая стратегия, демонстрирующая поверхностный подход к передаче антропонимов, выглядит следующим образом: «Перевод имен собственных осуществляется при помощи традиционных эквивалентов (Max Mannheimer — Макс Манхаймер, Marie-Luise von der Leyen — Мария-Луиза фон дер Ляйен (фамилия переведена согласно прецедентным переводам)»)). Как уже было сказано, основания для передачи данных антропонимов по традиции отсутствуют, поскольку указанные лица являются нашими современниками, а книга, к которой составлена аннотация, была выпущена в 2012 году.

Наиболее проблемным однако здесь нам видится этический аспект, когда начинающий переводчик не стесняется использовать разные стратегии для передачи имени и фамилии одного и того же человека или имен двух людей, стоящих рядом в тексте, в нарушение принципа единообразия передачи аналогичных единиц перевода. Такой подход граничит, на наш взгляд, с нарушением принципа переводческой этики о неприкосновенности исходного текста: «переводчик не имеет права по своему желанию изменять смысл и состав текста при переводе, сокращать его или расширять, если дополнительная задача адаптации, выборки, добавлений и т. п. не поставлена заказчиком» [1. С. 29—30]. Данный постулат можно отнести и к написанию слов, встречающихся в тексте. Безусловно, решение об адаптации антропонима, чтобы он звучал более знакомо, может иметь свои основания, в зависимости от его функции в тексте и функции самого текста перевода. Например, в функциональной теории перевода, или теории скопоса, исходному тексту отводится подчиненная роль, а переводчик рассматривается как соавтор текста и может подавать информацию так, как это, по его мнению, будет оптимально для реципиента переводного текста [20. S. 541—545; 18. S. 123].

Причина значительной части допущенных ошибок и неточностей при составлении стратегии

и передаче антропонимов, несомненно, кроется в том, что обучающиеся в небольшой степени мотивированы на переводческую деятельность, и в частности, работу со вторым языком. Лишь 15% обучающихся описали свое переводческое решение как «транскрипция». Тем не менее, очевидно, что навык обоснования переводческих решений требует развития, а это возможно и рамках практического курса перевода второго иностранного языка.

Проведенный анализ показал, что в большинстве случаев в качестве эквивалента антропониму на языке перевода используется прецедентный вариант, однако стратегия выбора одного из целого ряда прецедентных вариантов перевода, чем именно руководствуется переводчик, не уточняется. И деятельность преподавателя должна принципиальным образом быть направлена на преодоление тенденции отдавать предпочтение любому прецедентному переводу, неважно по каким принципам, кем и в какой ситуации сделанному, в том числе тенденции к доминированию переводческой субъективности. В работе с поисковыми системами и ориентированием в медиадискурсе важны компетенции, predeterminedенные развитием медиаграмотности обучающихся. Привлечение внимания бакалавров к «изнанке» работы поисковиков на примере поиска перевода антропонимов может мотивировать их к более внимательному отношению к медиадискурсу в целом, к развитию критического мышления.

Задача преподавателя состоит в том, чтобы направить внимание обучающегося на принципы решения конкретных трудностей с позиции теории перевода, поясняя, при необходимости, существующие правила. Принимая наиболее частотный или популярный (первый выдаваемый поисковым механизмом) результат за верный, отказываясь следовать правилам, начинающий переводчик рискует нарушить смысловую целостность исходного текста и стилистическую целостность текста перевода, поэтому, с точки зрения дидактики перевода, необходимым является разъяснение принципов работы с интернет-ресурсами и медиадискурсом на этапе аналитического вариативного поиска. Обращение к медиадискурсу в процессе выполнения перевода с позиции интернет-пользователя или реципиента медиадискурса препятствует формированию ключевых переводческих компетенций и создает предпосылки для непрофессионального выполнения переводческих задач.

Список литературы

1. Алексеева, И. С. Введение в переводоведение: Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений / И. С. Алексеева. — М.: Издательский центр «Академия», 2004. — 352 с.
2. Гиляревский, Р. С., Старостин, Б. А. Иностранные имена и названия в русском тексте: Справочник / Р. С. Гиляревский, Б. А. Старостин. — М.: Высшая школа, 1985. — С. 165—166.
3. Ермолович, Д. И. Правила практической транскрипции имён и названий с 29 языков на русский и с русского на английский. Справочно-учебное издание / Д. И. Ермолович. — М.: Аудитория, 2016. — С. 41—46.
4. Кожемякин, Е. А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования / Е. А. Кожемякин // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2010. — № 2 (83). — С. 13—21.
5. Левицкий Р. Параллельные тексты в процессе составления переводного словаря / Р. Левицкий // *Język i metoda*. — 2016. — URL: <http://www.ejournals.eu/Language-and-Method/2016/2016/art/6707/>.
6. Морозова, А. А. Влияние медиатизации на личность и общество: трансформация потребления информации в социальной сети / А. А. Морозова // *Ментально-языковые трансформации русской лингвокультурной личности: поиск идентичности в медиатизированном обществе: коллектив. монография*. — Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2018. — С. 274—295.
7. Немецко-русская практическая транскрипция. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Немецко-русская_практическая_транскрипция.
8. Темникова, Л. Б. К вопросу о типологии медиадискурса / Л. Б. Темникова // *Научный журнал КубГАУ*. — 2016. — № 119 (5). — С. 1—13.
9. Уварова, Е. А. Медиатекст и медиадискурс: к проблеме соотношения понятий / Е. А. Уварова // *Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика*. — 2015. — № 5. — С. 47—54.
10. Широкова, В. С. Инструкция по русской передаче немецких географических названий / сост.: В. С. Широкова; ред. Г. П. Бондарук. — М.: Типография издательства «Известия», 1974. — 33 с.
11. Al Nafra, N. Trainee Translators' Positioning in Discussing Translation Decisions: A Diachronic Case Study / N. Al Nafra // *inTRAlinea*. — 2018. — Vol. 20. — URL: <http://www.intralea.org/specials/article/2332>
12. Beer, D. Power through the algorithm? Participatory web cultures and the technological unconscious / D. Beer // *New Media and Society*. — 2009. — Vol. 11, is. 6. — P. 985—1002.
13. Diakopoulos, N. Algorithmic accountability: Journalistic investigation of computational power structures / N. Diakopoulos // *Digital Journalism*. — 2015. — Vol. 3, is. 3. — P. 398—415.
14. Galloway, A., Thacker, E. Protocol, Control, and Networks / A. Galloway, E. Thacker // *Grey Room*. — 2004. — Vol. 17. — P. 6—29.
15. Klaudy, K., Károly, K. The Text-organizing Function of Lexical Repetition in Translation / K. Klaudy, K. Károly // *Intercultural Faultlines: Research Models in Translation Studies*. — 2017. — Vol. 1: Textual and Cognitive Aspects. — P. 143—159.
16. Koller, W. Einführung in die Übersetzungswissenschaft / W. Koller. — Tübingen: Narr Franke Attempto, 2011.
17. Kraeva, S., Krasnopeyeva, E. Media Texts in Translator/Interpreter Training: Rethinking an Undergraduate Course Design / S. Kraeva, E. Krasnopeyeva // *Current Trends in Translation Teaching and Learning E*. — 2017. — Vol. 4. — P. 264—295.
18. Reiß K., Vermeer, H. J. Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie // K. Reiß, H. J. Vermeer. — Tübingen: M. Niemeyer, 1984.
19. Rieder, B. From ranking algorithms to 'ranking cultures': Investigating the modulation of visibility in YouTube search results / B. Rieder, A. Matamoros-Fernández, Ö. Coromina // *Convergence*. — 2018. — Vol. 24, is. 1. — P. 50—68. — URL: <https://doi.org/10.1177/1354856517736982>.
20. Vermeer, H. J. Literarische Übersetzung als Versuch interkultureller Kommunikation / H. J. Vermeer // *Perspektiven und Verfahren interkultureller Germanistik*. — München, 1987. — P. 541—550.

Источники

21. В Германии скончался 96-летний узник Освенцима — [Электронный ресурс] — URL: <http://politinform.net/incidents/v-germanii-skonchalsya-96-letnij-uznik-osvencima/> (дата обращения 28.03.2019).
22. В Мюнхене в возрасте 96 лет скончался писатель и художник Макс Манхаймер, переживший Холокост — [Электронный ресурс] — URL: <https://www.scoopnest.com/ru/user/SvobodaRadio/779722884772225024-v-myunkhene-v-vozraste-96-let-skonchalsya-pisatel-i-khudozhnik-maks-mankhajmer-perezivshij-kholokost> (дата обращения 28.03.2019).

23. В Мюнхене скончался 96-летний бывший узник Освенцима и Дахау — [Электронный ресурс] — URL: <https://www.bbc.com/russian/news-37462514> (дата обращения 28.03.2019).
24. В Мюнхене скончался Макс Маннхаймер, переживший Холокост — [Электронный ресурс] — URL: <https://www.svoboda.org/a/28010740.html> (дата обращения 28.03.2019).
25. В Мюнхене скончался 96-летний бывший узник Освенцима и Дахау — [Электронный ресурс] — URL: <https://news.rambler.ru/europe/34811608-v-myunhene-skonchalsya-96-letniy-byvshiy-uznik-osventsima-i-dahau/?updated> (дата обращения 28.03.2019).
26. Из концлагеря Дахау украли памятные ворота — [Электронный ресурс] — URL: <https://rg.ru/2014/11/02/dahau-site.html> (дата обращения 28.03.2019).
27. Макс Мангеймер — [Электронный ресурс] — URL: https://www.google.com/search?rlz=1C1GGRV_ruRU828RU828&ei=qAdXfiEKOL6qwG20oYQ&q=%22%D0%9C%D0%B0%D0%BA%D1%81+%D0%9C%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%B5%D0%B9%D0%BC%D0%B5%D1%80%22&oq=%22%D0%9C%D0%B0%D0%BA%D1%81+%D0%9C%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%B5%D0%B9%D0%BC%D0%B5%D1%80%22&gs_l=psy-ab..3.0i13i30l2.24500.25798..26141...0.0.0.124.245.0j2.....0...2j1..gws-wiz.QZHVL3IYOZI (дата обращения 28.03.2019).
28. Макс Маннхаймер — [Электронный ресурс] — URL: https://www.google.com/search?q=%22%D0%9C%D0%B0%D0%BA%D1%81+%D0%9C%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%85%D0%B0%D0%B9%D0%BC%D0%B5%D1%80%22&rlz=1C1GGRV_ruRU828RU828&oq=%22%D0%9C%D0%B0%D0%BA%D1%81+%D0%9C%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%85%D0%B0%D0%B9%D0%BC%D0%B5%D1%80%22&aqs=chrome..69i57j0l2.2762j0j7&sourceid=chrome&ie=UTF-8 (дата обращения 28.03.2019).
29. Макс Манхаймер — [Электронный ресурс] — URL: https://www.google.com/search?rlz=1C1GGRV_ruRU828RU828&ei=cCadXYblAtKOrwTuxb6AAw&q=%22%D0%9C%D0%B0%D0%BA%D1%81+%D0%9C%D0%B0%D0%BD%D1%85%D0%B0%D0%B9%D0%BC%D0%B5%D1%80%22&oq=%22%D0%9C%D0%B0%D0%BA%D1%81+%D0%9C%D0%B0%D0%BD%D1%85%D0%B0%D0%B9%D0%BC%D0%B5%D1%80%22&gs_l=psy-ab..3.0i30l2.55367.55367..56222...0.0.0.118.118.0j1.....0...2j1..gws-wiz.i9qGQXOsGGE (дата обращения 28.03.2019).
30. Меркель почтила память скончавшегося 96-летнего узника Освенцима — [Электронный ресурс] — URL: <http://www.rosbalt.ru/world/2016/09/24/1553031.html> (дата обращения 28.03.2019).
31. Умер бывший узник концлагерей Дахау и Освенцима Макс Маннхаймер — [Электронный ресурс] — URL: <https://www.dw.com/ru/умер-бывший-узник-концлагерей-дахау-и-освенцима-макс-маннхаймер/a-35882536> (дата обращения 28.03.2019).
32. Drei Leben: исходный текст — [Электронный ресурс] — URL: <https://www.dtv.de/buch/max-mannheimer-marie-luise-von-der-leyen-drei-leben-41673.pdf> (дата обращения 28.03.2019).
33. Ursula von der Leyen — [Электронный ресурс] — URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Datei:GT_UvdL.ogg (дата обращения 28.03.2019).

Сведения об авторах

Марина Викторовна Загидуллина — доктор филол. н., профессор, профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций Челябинского государственного университета. mzagidullina@gmail.com

Светлана Сергеевна Краева — кандидат филол. н., доцент кафедры теории и практики перевода Челябинского государственного университета. kraeva.svetlana@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 10 (432). *Philology Sciences. Iss. 118. Pp. 64—72.*

TRANSLATION OF ANTHROPONYMS IN MEDIA DISCOURSE: DIDACTIC ASPECT

M. V. Zagidullina

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. mzagidullina@gmail.com

S. S. Kraeva

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. kraeva.svetlana@gmail.com

Internet platforms have become a useful tool in the work of journalists and editors, as well as translators, facilitating the search for and verification of necessary information. The practice of translation involves the use of a wide range of information sources and technical tools. One of the classical auxiliary tools for translation is parallel texts. The media discourse allows, firstly, to track the compatibility and context of use for a particular lexeme, and secondly, it eliminates the need for consultation with experts. Based on the example of the implementation of a search strategy in a media course by novice translators for anthroponyms encountered in a non-literary text, this study describes the disadvantages of using media discourse and addresses the possibility of solving those problems that may arise from this practice. The research conducted on the basis of 20 translations and translation strategies revealed that only 15% of the students are able to describe the applied strategy correctly, and the most frequent causes of errors are the abundance of information in the media discourse and a superficial approach at the initial stages of translation training.

Key words: *anthroponyms, transcription, translation, media discourse, media literacy, translation didactics.*

References

1. Alekseeva I.S. *Vvedenie v perevodovedenie* [Introduction to translation studies]. Moscow, Akademiya Publishing center, 2004. 352 p. (In Russ.).
2. Gilyarevskij R.S., Starostin B.A. *Inostrannye imena i nazvaniya v russkom tekste* [Foreign names in the Russian text]. Moscow, Vysshaya shkola, 1985. P. 165—166. (In Russ.).
3. Ermolovich D.I. *Pravila prakticheskoy transkripcii imyon i nazvanij s 29 yazykov na russkij i s russkogo na anglijskij. Spravochno-uchebnoe izdanie* [Rules of practical transcription of names and titles from 29 languages into Russian and from Russian into English. Reference and educational edition]. Moscow, Auditoriya, 2016, 125 p. (In Russ.).
4. Kozhemyakin E.A. Massovaya kommunikaciya i mediadiskurs: k metodologii issledovaniya [Mass communication and media discourse: towards methodology]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: Humanities], 2010, no. 2(83), pp. 13-21. (In Russ.).
5. Levickij R. Parallel'nye teksty v processe sostavleniya perevodnogo slovarya [Parallel texts in the process of compiling the translation dictionary]. *Język i metoda* [Language and Method], 2016. Available at: <http://www.ejournals.eu/Language-and-Method/2016/2016/art/6707/> (accessed 28.03.2019). (In Russ.).
6. Morozova A.A. Vliyanie mediatizacii na lichnost' i obshchestvo: transformaciya potrebleniya informacii v social'noj seti [The impact of mediatization on individuals and society: transforming the consumption of information on social networks]. *Mental'no-yazykovye transformacii russkoj lingvokul'turnoj lichnosti: poisk identichnosti v mediatizirovannom obshchestve* [Mental-linguistic transformations of the Russian linguocultural personality: the search for identity in a mediated society], Chelyabinsk, Chelyabinsk State University Publishing, 2018, pp. 274–295. (In Russ.).
7. *Nemecko-russkaya prakticheskaya transkripciya* [German-Russian practical transcription]. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Немецко-русская_практическая_транскрипция (accessed 28.03.2019). (In Russ.).
8. Temnikova L.B. K voprosu o tipologii mediadiskursa [To the question of the typology of media discourse]. *Nauchnyj zhurnal KubGAU* [Scientific journal of KubGAU], 2016, no. 119(5), pp. 1–13. (In Russ.).
9. Uvarova E.A. Mediatekst i mediadiskurs: k probleme sootnosheniya ponyatij [Mediatext and mediadiscourse: the problem of their correlation]. *Vestnik MGOU. Seriya: Lingvistika* [Moscow Region State University Bulletin. Series: Linguistics], 2015, no. 5, pp. 47–54. (In Russ.).
10. Shirokova V.S. *Instrukciya po russkoj peredache nemeckix geograficheskix nazvanij* [Instruction on the Russian transfer of German geographical names]. Moscow, Izvestia Publishing house, 1974. 33 p. (In Russ.).
11. Al Nafra N. Trainee Translators' Positioning in Discussing Translation Decisions: A Diachronic Case Study. *inTRAlinea*, 2018, 20. Available at: <http://www.intralinea.org/specials/article/2332> (accessed 28.03.2019).
12. Beer D. Power through the algorithm? Participatory web cultures and the technological unconscious. *New Media and Society*, 2009, 11(6), pp. 985–1002.
13. Diakopoulos N. Algorithmic accountability: Journalistic investigation of computational power structures. *Digital Journalism*, 2015, 3(3), pp. 398–415.
14. Galloway A., Thacker E. Protocol, Control, and Networks. *Grey Room*, 2004, 17, Fall, pp. 6–29.
15. Klaudy K., Károly K. The Text-organizing Function of Lexical Repetition in Translation. *Intercultural Faultlines: Research Models in Translation Studies*, 2017, 1: Textual and Cognitive Aspects, pp. 143–159.
16. Koller W. *Einführung in die Übersetzungswissenschaft*. Tübingen, Narr Franke Attempto, 2011. (In German).
17. Kraeva S., Krasnopeyeva E. Media Texts in Translator/Interpreter Training: Rethinking an Undergraduate Course Design. *Current Trends in Translation Teaching and Learning E*, 2017, 4, pp. 264–295.

18. Reiß K., Vermeer H.J. *Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie*. Tübingen, M. Niemeyer, 1984. (In German).

19. Rieder B., Matamoros-Fernández A., Coromina Ò. From ranking algorithms to ‘ranking cultures’: Investigating the modulation of visibility in YouTube search results. *Convergence*, 2018, 24(1), pp. 50–68, <https://doi.org/10.1177/1354856517736982>.

20. Vermeer H. J. Literarische Übersetzung als Versuch interkultureller Kommunikation. *Perspektiven und Verfahren interkultureller Germanistik*, München, 1987, pp. 541–550. (In German).

Sources

21. V Germanii skonchalsya 96-letnij uzbek Osvencima [A 96-year-old prisoner of Auschwitz died in Germany]. Available at: <http://politinform.net/incidents/v-germanii-skonchalsya-96-letnij-uznik-osvencima/>, accessed 28.03.2019. (In Russ.).

22. V Myunkhene v vozraste 96 let skonchalsya pisatel' i khudozhnik Maks Mankhaimer, perezhivshii Kholokost [Writer and artist Max Manheimer, a Holocaust survivor, passed away in Munich at the age of 96]. Available at: <https://www.scoopnest.com/ru/user/SvobodaRadio/779722884772225024-v-myunkhene-v-vozraste-96-let-skonchalsya-pisatel-i-khudozhnik-maks-mankhajmer-perezhivshij-kholokost>, accessed 28.03.2019. (In Russ.).

23. V Myunkhene skonchalsya 96-letnij byvshii uzbek Osventsima i Dakhau [A 96-year-old former prisoner of Auschwitz and Dachau died in Munich]. Available at: <https://www.bbc.com/russian/news-37462514>, accessed 28.03.2019. (In Russ.).

24. V Myunkhene skonchalsya Maks Mannkhaimer, perezhivshii Kholokost [Max Mannheimer, a Holocaust survivor, passed away in Munich]. Available at: <https://www.svoboda.org/a/28010740.html>, accessed 28.03.2019. (In Russ.).

25. V Myunkhene skonchalsya 96-letnij byvshii uzbek Osventsima i Dakhau [A 96-year-old former prisoner of Auschwitz and Dachau died in Munich]. Available at: <https://news.rambler.ru/europe/34811608-v-myunkhene-skonchalsya-96-letnij-byvshiy-uznik-osventsima-i-dahau/?updated>, accessed 28.03.2019. (In Russ.).

26. Iz kontslagerya Dakhau ukrali pamyatnye vorota [A memorial gate was stolen from Dachau concentration camp]. Available at: <https://rg.ru/2014/11/02/dahau-site.html>, accessed 28.03.2019. (In Russ.).

27. Maks Mangeimer. Available at: https://www.google.com/search?rlz=1C1GGRV_ruRU828RU828&ei=qiAdXfiEKOL6qwG20oYQ&q=%22%D0%9C%D0%B0%D0%BA%D1%81+%D0%9C%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%B5%D0%B9%D0%BC%D0%B5%D1%80%22&oq=%22%D0%9C%D0%B0%D0%BA%D1%81+%D0%9C%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%B5%D0%B9%D0%BC%D0%B5%D1%80%22&gs_l=psy-ab.3..0i13i30l2.24500.25798..26141...0.0..0.124.245.0j2.....0....2j1..gws-wiz.QZHV3IYOZI, accessed 28.03.2019. (In Russ.).

28. Maks Mannkhaimer. Available at: https://www.google.com/search?q=%22%D0%9C%D0%B0%D0%BA%D1%81+%D0%9C%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%85%D0%B0%D0%B9%D0%BC%D0%B5%D1%80%22&rlz=1C1GGRV_ruRU828RU828&oq=%22%D0%9C%D0%B0%D0%BA%D1%81+%D0%9C%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%85%D0%B0%D0%B9%D0%BC%D0%B5%D1%80%22&aqs=chrome..69i57j0l2.2762j0j7&sourceid=chrome&ie=UTF-8, accessed 28.03.2019. (In Russ.).

29. Maks Mankhaimer. Available at: https://www.google.com/search?rlz=1C1GGRV_ruRU828RU828&ei=cCA dXYblAtKOrwTuxb6AAw&q=%22%D0%9C%D0%B0%D0%BA%D1%81+%D0%9C%D0%B0%D0%BD%D1%85%D0%B0%D0%B9%D0%BC%D0%B5%D1%80%22&oq=%22%D0%9C%D0%B0%D0%BA%D1%81+%D0%9C%D0%B0%D0%BD%D1%85%D0%B0%D0%B9%D0%BC%D0%B5%D1%80%22&gs_l=psy-ab.3..0i30l2.55367.55367..56222...0.0..0.118.118.0j1.....0....2j1..gws-wiz.i9qGQXOsGGE, accessed 28.03.2019. (In Russ.).

30. Merkel' pochtila pamyat' skonchavshegosya 96-letnego uznika Osventsima [Merkel honoured the memory of the deceased 96-year-old prisoner of Auschwitz]. Available at: <http://www.rosbalt.ru/world/2016/09/24/1553031.html>, accessed 28.03.2019. (In Russ.).

31. Umer byvshii uzbek kontslageri Dakhau i Osventsim Maks Mannkhaimer [Former prisoner of Dachau and Auschwitz Max Mannheimer died]. Available at: <https://www.dw.com/ru/умер-бывший-узник-концлагерей-дахау-и-освенцим-макс-маннхаймер/a-35882536>, accessed 28.03.2019. (In Russ.).

32. Drei Leben: source text. Available at: <https://www.dtv.de/buch/max-mannheimer-marie-luise-von-der-leyen-drei-leben-41673.pdf>, accessed 28.03.2019. (In German).

33. Ursula von der Leyen. Available at: https://de.wikipedia.org/wiki/Datei:GT_UvdL.ogg, accessed 28.03.2019. (In German).

РЕКЛАМА В СФЕРЕ ИНДУСТРИИ КРАСОТЫ: НАИМЕНОВАНИЯ ОТТЕНКОВ ДЕКОРАТИВНЫХ КОСМЕТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ (НА ФРАНКОЯЗЫЧНОМ МАТЕРИАЛЕ)

П. Ю. Кузнецова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

В статье исследуется проблема наименования. Названия косметических средств рассматриваются как специфический вид рекламного текста в сфере индустрии красоты и понимаются как особый класс имен собственных. Приводится классификация наименований оттенков декоративных косметических средств с четырех точек зрения: синтаксической, семантической, принадлежности к специфическим лексическим классам (заимствованиям и неологизмам), наличия стилистических фигур (метафор, каламбуров, цитат, метонимий).

Ключевые слова: наименование, имя собственное, типология, лексическое поле, рекламный дискурс, индустрия красоты.

Рекламный текст имеет утилитарную цель — заставить потребителя приобрести товар или услугу. Для этой цели часто используются те же средства, что и в художественном тексте, что позволяет многим исследователям рассматривать рекламный текст наряду с последним. Реклама приравнивается к поэзии и прозе (см., например, «Общую риторiku» группы μ [3]; работы М. Боном [8]; Ж. Гард–Тамин [10]). Реклама представляет собой диалоговую форму взаимодействия между автором–производителем и реципиентом–потребителем [4. С. 115—118].

Мы рассматриваем наименования оттенков косметических средств как специфический вид рекламного текста в сфере индустрии красоты. Эти названия должны запомниться, вызвать положительные ассоциации, они ориентированы на реципиента. В нашей работе наименования понимаются как особый класс имен собственных. Имена собственные служат для выделения индивидуальных объектов окружающей действительности и в лингвистике могут пониматься достаточно широко. «Собственные имена в узком смысле этого слова — это географические и астрономические названия и имена людей и животных» [6. С. 458]. Наиболее подробная их классификация, принятая в российской ономастике, принадлежит А. В. Суперанской [5. С. 174—204]¹. Во французской

¹Суперанская А. В. выделяет: имена живых существ и существ, воспринимаемых как живые (антропонимы, зоонимы, мифонимы); наименования неодушевленных предметов (топонимы, космономы и астронимы, фитонимы, хрематонимы, названия средств передвижения, сортовые и фирменные названия); имена собственные комплексных объектов (названия предприятий, учреждений, обществ, объединений, названия органов

традиции классификацию имен собственных разрабатывал, в частности, Ж. Молино. Исследователь рассматривал имя собственное как вариант цитаты (*citation*), поскольку оно морфологически может очень далеко отстоять от нарицательного существительного. В работе «Имя собственное в системе языка» учёный приводит следующую классификацию: антропонимы, имена животных, аппелятивы, топонимы, наименования временных промежутков, названия учреждений, названия плодов человеческой деятельности («*les noms de produits de l'activité humaine*»), наименования математических и научных символов, остальные имена собственные [11. С. 6]. В его концепции любому объекту при определенных обстоятельствах и для определенного круга лиц может быть присвоено имя собственное («*en effet, tout peut, dans certaines circonstances et pour un public donné, recevoir un nom propre*») [11. С. 6]. Имя собственное может представлять собой нарицательное существительное, словосочетание или целое предложение. При этом формирующие имя собственное единицы не утрачивают своего значения, а лишь изменяют свою функцию [11. С. 10].

Такой подход применим и к нашему материалу. Например, среди названий оттенков косметических средств мы находим: *Grège* (шелк–сырец), *Printemps* (весна), *Tiare* (тиара), *Croisière* (круиз), *Promenade* (прогулка), *Désir* (желание), *Escapade* (шалость, проказы), *Air* (воздух), *Animal* (зверь),

периодической печати, хрононимы, названия праздников, юбилеев, торжеств, названия мероприятий, кампаний, войн; названия произведений литературы и искусства, документонимы, названия стихийных бедствий, фалеронимы).

Nature (природа), *Météore* (метеор), *Miel* (мёд), *Sable* (песок), *Cannelle* (корица), *Camée* (камея), *Pêche* (персик), *Ebène* (эбеновое дерево), *Ivoire* (слоновая кость), *Ciel Rose* (розовое небо), *Prune Troublante* (волнующая слива), *Conviction Violette* (фиолетовое убеждение), *Vermillon rouge* (красная киноварь), *Rive Gauche* (левый берег), *Spencer rouge* (красная укороченная куртка), *Orange de Chine* (китайский оранжевый), *Noir Effronté* (наглый черный), *Sois Dior* (будь в стиле Dior).

На сегодняшний день проблема наименования в сфере дискурса индустрии красоты мало изучена. Цель данного исследования — рассмотреть наименования цветовых оттенков в сфере дискурса индустрии красоты, построить их классификацию с лингвистических и стилистических позиций. Материалом исследования стали наименования оттенков декоративных косметических средств (было проанализировано 1797 единиц¹). Источником материала послужил сайт французского косметического ритейлера SEPHORA URL: <http://www.sephora.fr/>.

Общие замечания

Наименования оттенков декоративных косметических средств графически оформляются при помощи прописной буквы. Нет устоявшейся нормы написания наименований, состоящих из двух и более слов. Первый компонент такого словосочетания всегда пишется с прописной буквы, тогда как второй может быть написан с прописной или строчной (*Rouge Zinnia* (красная циния), *Mauve Désinvolte* (непринужденная мальва), *Beige Clair* (светло-бежевый), *Noir fusain* (угольно-черный), *Rouge profond* (глубокий красный), *Rose initiale* (первоначальный розовый)). Написание обоих компонентов словосочетания с прописной буквы встречается чаще всего. Кроме того, зафиксированы словосочетания, в составе которых есть служебные слова (союзы, предлоги, артикли). Союзы и предлоги пишутся со строчной буквы, а артикли — с прописной, поскольку они являются первыми словами словосочетания (*Nuit et Jour* (день и ночь), *Rouge de Fête* (праздничный красный), *Le Nu* (телесный цвет), *Le Fuchsia* (цвет фуксии)). В других позициях артикль в нашем материале не обнаружено.

Вопрос о мотивации наименований в сфере индустрии красоты остается дискуссионным.

¹Речь идет о декоративных косметических средствах (тональных основах, румянах, тенях для глаз, карандашах для глаз, губ, бровей и т. д.) французских производителей Chanel, Lancôme, Yves Saint Laurent, Dior, Guerlain.

Обыкновенно термин «мотивация» возникает в контексте анализа антропонимов. Речь идет о т. н. «внешней мотивации», которая выражается указанием на ту или иную особенность человека (например, физический недостаток, черту характера или внешности и т. д.²). Такой подход может быть применим к изучаемому материалу. Зафиксированы только случаи внешней мотивации, тогда как внутренняя (словообразовательная) мотивация отсутствует. Часто наименование прямо указывает на предмет, т. е. оно мотивировано его физическими свойствами (красная помада называется *Rouge* (красный)). Однако не менее часто связь между предметом и наименованием намного сложнее. Например, оттенок теней носит название *Frasque* (проказы, похождения); оттенки помад *Caractère* (характер), *Suspense* (момент напряженного, тревожного ожидания); румян *Malice* (злорада, лукавство). Кроме того, в качестве наименований оттенков косметических средств могут выступать имена людей (*Montaigne* (Монтень), *Marceau* (Марсо)); топонимы (*Paris* (Париж)) и т. д.

Мы рассматриваем наименования оттенков с четырех точек зрения: синтаксической, семантической, точки зрения принадлежности к специфическим лексическим классам, точки зрения наличия стилистических фигур. Соответственно, мы можем предложить 4 классификации:

I. Классификация по синтаксическому критерию

В изученном материале зафиксирован ряд синтаксических конструкций. Говоря о синтаксической конструкции, мы подразумеваем словосочетание, сочетание словоформ или же слово, представляющее собой синтаксическую единицу (словосочетание, предложение), а также вообще любое в той или иной степени законченное высказывание. Наименования оттенков декоративных косметических средств рассматриваются в рамках нашего исследования как высказывания, сходные с назывными предложениями.

Нами были выделены следующие конструкции:

1. **nom** (*Entracte* (антракт), *Caprice* (каприз), *Trésor* (сокровище, клад), *Élégance* (изящество), *Réflexe* (рефлекс), *Romance* (романс), *Hasard* (случай), *Frimousse* (мордашка), *Sequins* (Цехины), *Escapade* (выходка, эскапада), *Cosmopolite* (кос-

²Например, прозвище «Хромоножка», данное королеве Франции Жанне Бургундской (1293—1349), мотивируется её хромотой. URL: http://www.persee.fr/docAsPDF/bec_0373—6237_1980_num_138_1_450185.pdf.

мополит), *Camée* (камея), *Mélancolie* (меланхолия), *Actrice* (актриса), *Miss* (мисс, девушка), *Promenade* (прогулка);

2. **verbe à l'imperatif** (*Adore* (обожай));

3. **verbe à l'imperatif+attribut** (*Sois Dior* (будь в стиле Диор));

4. **verbe à l'imperatif+pronom** (*Désire-moi* (желай меня));

5. **verbe à l'infinitif** (*Choisir* (выбирать));

6. **adjectif** (*Vert* (зеленый), *Marine* (тёмно-синий), *Noir* (черный), *Inattendue* (неожиданная), *Spontanée* (непосредственная), *Electrisante* (возбуждающая), *Indécise* (нерешительная), *Osée* (дерзкая), *Insoumise* (непокорная));

7. **adjectif+adjectif** (*Rose matte* (матовый розовый), *Framboise matte* (матовый малиновый), *Gris Scintillant* (сверкающий серый), *Rose Pétillant* (искрящийся розовый), *Rouge Rayonnant* (сверкающий красный));

8. **adverbe** (*Passionnément* (страстно), *Peut-être* (возможно));

9. **adverbe+adverbe** (*Pourquoi pas* (почему бы и нет));

10. **adverbe+adjectif** (*Fort Matte* (очень матовый));

11. **nom+conjonction+nom** (*Jour et Nuit* (день и ночь));

12. **nom+adjectif** (*Bouquet Final* (последний букет), *Codes Élégants* (элегантные законы), *Ange Bleu* (голубой ангел), *Ciel Rose* (розовое небо), *Sourire rouge* (алая улыбка));

13. **numéral+nom** (*Premier baiser* (первый поцелуй));

14. **préposition+nom** (*Avec Style* (со вкусом), *Au Naturel* (в натуральном виде));

15. **nom+préposition+nom** (*Rouge de Fête* (праздничный красный), *Bois de Rose* (розовое дерево), *Orange de Chine* (китайский оранжевый), *Bain de Minuit* (ночное купание)).

Кроме того, существуют примеры сочетаний **nom+nom** (*Beige Muse* (бежевая муза), *Rose Rendez-vous* (розовое свидание/розовая встреча), *Nude Lavallière* (галстук телесного цвета)). Часто встречаются **субстантивированные прилагательные с артиклем** (*Le Rouge* (красный), *Le Fuchsia* (цвет фуксии)); различные **интенсификаторы** (*Ultra rose* (ультрарозовый), *Holo rose* (полностью/в полной мере розовый), *Holo violet* (полностью/в полной мере фиолетовый)). Можно говорить о зоне колебаний в области частичной принадлежности в ряде случаев. Например, *Rose* может быть переведено как «роза» или «розовый», *Corail* как «коралл»

или «коралловый», *Framboise* как «малина» или «малиновый». Это происходит по причине отсутствия главного во французском языке показателя номинации — артикля. Каламбур *Rose Rose* (розовая роза) обыгрывает это явление. Зафиксирован один случай полной омонимии. Так *Première* может быть переведено как «первая» или «премьера». Проблема перевода продолжит сохраняться и при наличии артикля.

II. Классификация по типу лексики

В ходе исследования были выявлены специфические классы нестандартной лексики. Обнаружены **заимствования** как в абсолютном употреблении, так и в словосочетаниях: **из английского** (*New World* (новый мир), *Feel Good* (хорошо себя чувствовать), *Must-Have* (маст-хэв), *Oversize* (оверсайз), *Rock'nRoll* (рок-н-ролл), *Too much* (слишком сильно), *Nude* (телесный цвет), *Shock* (шок), *New Wave* (новая волна), *Underground* (андеграунд), *Unconventional* (нестандартный), *Shipshape* (в полном порядке)); **испанского** (*Perfecto* (совершенный)); **итальянского** (*Sfumato* (букв. исчезающий, как дым), *Noce moscata* (мускатный орех), *Amarena* (черная вишня)). **Неологизмы** также хорошо представлены среди наименований оттенков косметических средств: *Diorama*, *Diorific*, *Diorella*, *Diorissimo*, *Diorette*, *Everdior*, *Diorling*, *Ultradior*, *Insta-Rose*, *BC-beige*. Неологизмы рассматриваются как фигуры речи, в частности, в работе А. Беца и Э. Марпо [7].

III. Классификация по семантическому критерию

С точки зрения семантической принадлежности, изученные наименования могут быть объединены в следующие лексико-семантические поля:

1. **лексическое поле цвета**: *Rose* (розовый), *Corail* (коралловый), *Rouge* (красный), *Noir* (черный), *Blond cendré* (пепельный блонд), *Châtain* (темно-русый), *Brun Foncé* (темно-коричневый), *Ivoire* (цвет слоновой кости), *Beige Clair* (светло-бежевый), *Pêche* (персиковый), *Le Nu* (телесный цвет);

2. **лексическое поле характеристик женщины**: *Electrisante* (возбуждающая), *Spontanée* (непосредственная), *Impertinente* (дерзкая), *Rêveuse* (мечтательная), *Ardente* (жгучая), *Eblouissante* (ослепляющая), *Mutine* (мятежница), *Fougueuse* (пылкая), *Enigmatique* (загадочная), *Palpitante* (трепещущая), *Mademoiselle* (мадемуазель), *Insoumise* (непокорная);

3. **лексическое поле родов деятельности**: *Actrice* (актриса), *Pirate* (пират), *Princesse* (принцесса), *Ballerine* (балерина);

4. **топонимы:** *Saint-Germain* (Сен-Жермен), *Paris* (Париж), *Trafalgar* (Трафальгар), *West Coast* (Западное побережье), *Rivoli* (Риволи), *Monte-Carlo* (Монте-Карло), *Téhéran* (Тегеран), *Sydney* (Сидней), *Riviera* (Ривьера);

5. **лексическое поле имен**¹: *Victoria* (Виктория), *Liz* (Лиз), *Marilyn* (Мэрилин), *Sibylla* (Сибилла), *Marth* (Марта), *Michèle* (Мишель), *Jean* (Жан), *Emilienne* (Эмильен), *Dimitri* (Димитрий);

6. **дезидеративная лексика:** *Désir* (желание), *Désire-moi* (желаю меня), *Délice* (наслаждение);

7. **лексическое поле материалов:** *Grège* (шёлк-сырец), *Toile* (ткань), *Soie* (шелк), *Écorces* (кора), *Satin* (атлас), *Porcelaine* (фарфор), *Beige Lin* (бежевый лен), *Ebène* (черное дерево);

8. **лексическое поле приятного досуга:** *Rendez-vous* (свидание), *Promenade* (прогулка);

9. **лексическое поле искусства:** *Minimalism* (минимализм), *Gouache* (гуашь), *Sfumato* (сфумато), *Beaux Arts* (изящные искусства), *Poème* (стихотворение), *Légende* (легенда), *Graffiti* (граффити);

10. **лексическое поле космических тел и явлений:** *Lune* (Луна), *Soleil* (солнце), *Méteore* (метеор), *Sidéral* (звездный), *Nova* (новая звезда);

11. **лексическое поле культурных ассоциаций:** *Belle de Jour* (дневная красавица), *Eros* (Эрос), *Aphrodite* (Афродита), *Parthénope* (Парфенопа), *Décadent* (декадентский), *Épique* (эпический), *Bourgeoisie* (буржуазия), *Bohème* (богема), *Antigone* (Антигона), *Carmen* (Кармен), *Marceau* (Марсо), *Rouge Tuxedo* (красный смокинг), *Coco* (Коко), *Edith* (Эдит), *Bergamasque* (бергамаска), *Nero Vulcano* (Неро Вулкано), *Poppée* (Поппея), *Mitzah* (Митца);

12. **лексическое поле еды и напитков:** *Café* (кофе), *Framboise* (малина), *Amuse-Bouche* (закуска), *Prune* (слива), *Beige Praline* (бежевый миндаль в сахаре), *Brownie* (шоколадное пирожное с орехами), *Raisin Noir* (черный виноград), *Cassis* (черная смородина);

13. **лексическое поле растений:** *Rose* (роза), *Capucine* (настурция), *Pivoine* (пион), *Dahlia* (георгин), *Pétale* (лепесток);

14. **лексическое поле света:** *Brillant* (блестящий), *Pureté* (чистота), *Translucide* (полупрозрачный), *Lumières de Bronze* (бронзовый свет);

15. **лексическое поле предметов одежды:** *Tailleur Bar*² (костюм Бар), *La petite robe noire* (маленькое черное платье), *Blue jean* (джинсы);

¹Зафиксированы мужские и женские имена. Двойные имена отсутствуют.

²«Le tailleur Bar» — название дамского костюма, созданного К. Диором для коллекции «New Look» (1947). URL: <http://musee-dior-granville.com/fr/musee/les-collections/>.

16. **лексическое поле чувств:** *Flirt* (флирт), *Amour* (любовь), *Love* (любовь), *Douceur* (нежность), *Tendresse* (нежность), *Bonheur* (счастье), *Sourire* (улыбка), *Heureux* (счастливый);

17. **лексическое поле музыки:** *Rythme rouge* (красный ритм), *Jazz* (Джаз), *Rose Rhapsodie* (розовая рапсодия), *Rock'nRoll* (рок-н-ролл);

18. **лексическое поле дикой природы:** *Rose Tropical* (тропический розовый), *Tribale* (племенной), *Sauvage* (дикий), *Animal* (зверь), *Matte de Jungle* (матовый из джунглей), *Matte Sauvage* (дикий матовый).

Лексическое поле культурных ассоциаций требует отдельного комментария. Под культурной ассоциацией понимается отсылка к мифологии, кинематографу, исторической эпохе и т. д. В рамках данного лексического поля можно выделить группу имен, относящихся к мифам (*Eros* (Эрос), *Aphrodite* (Афродита)); зафиксированы оттенки, названные именами известных личностей (*Edith* (Эдит), *Coco* (Коко), *Antoinette* (Антуанетта)); обнаружена группа имен—отсылок к культурным эпохам (*Décadent* (декадентский)). В рамках рассматриваемого лексического поля можно выделить группу из одного наименования, которое соотносится с лексическим полем дорогих автомобилей (*Nero Vulcano*³).

Анализ лексического поля чувств показывает, что основной пласт лексики в рамках данного лексического поля составляют положительно коннотированные слова: *Amour* (любовь), *Douceur* (нежность), *Tendresse* (нежность), *Bonheur* (счастье), *Sourire* (улыбка), *Heureux* (счастливый), *Energie* (Энергия), *Tentation* (искушение), *Caprice* (каприз), *Passion* (страсть), *Exaltation* (возбуждение). Однако зафиксировано 5 случаев отрицательно коннотированных слов: *Confusion* (замешательство), *Malice* (злоба, насмешливость), *Suspense* (напряженное, тревожное ожидание), *Rouge Scandal* (красный скандал), *Nude Trouble* (тревога/волнение телесного цвета). Этот факт позволяет заключить, что для наименований в сфере индустрии красоты больше характерно акцентировать внимание на положительных сторонах жизни, на ярких эмоциях.

Лексическое поле еды и напитков преимущественно включает в себя названия фруктов, ягод, десертов. Данные наименования объединяет ассоциация с удовольствием. Было обнаружено 2 наименования (*Poison Mat* (матовый яд), *Poison*

³«Nero Vulcano» — цвет машины итальянского производителя автомобилей премиум-класса «Alfa Romeo». URL: <https://www.alfaromeo.com/>.

de Métal (металлический яд)), которые отсылают к негативным реалиям. Однако слово *Poison* (яд) напоминает об одноименных духах *Dior*. Яд может мыслиться как нечто убивающее, с одной стороны, а с другой — как нечто притягательное. В данном лексическом поле названия горячих блюд не зафиксированы.

Лексическое поле растений состоит из названий цветов. Названия трав, деревьев и кустарников отсутствуют.

IV. Классификация

по стилистическому критерию

Обнаружен ряд явлений, которые можно ассоциировать со стилистическими фигурами или намеренным нарушением языковой нормы. Например, зафиксированы **метафоры**, в основе которых лежит сходство косметического продукта по цвету с тем или иным объектом материального мира (*Raisin Noir* (черный виноград), *Cassis* (черная смородина), *Tangerine* (сорт мандарина), *Chocolat* (шоколад), *Mocha* (мокко)). Говоря о метафорах, необходимо отметить, что среди наименований косметических средств, присутствуют как уже зафиксированные в словарях лексикализованные метафоры (*Rose* (розовый), *Pêche* (персиковый), *Ivoire* (цвет слоновой кости), *Ebène* (цвета воронового крыла)), так и оригинальные.

Были обнаружены **каламбуры** (*BC-beige*¹, *Rose à porter*²), **цитаты** (*I'm the Fire*³ (пер. с англ. «я — пламя»), *Sur les toits*⁴ (пер. с фр. «на крышах»)), **антитезы** (*Nuit et Jour* (день и ночь)), **использование определенного артикля в значении «единичный в своем роде»** (*Le Orange* (тот самый оранжевый)), в качестве частного случая намеренного нарушения нормы можно рассматривать **нарушение сочетаемости** (*Métal épicé* (пряный металл)). Заметим, что данный пример отсылает к синестетическому восприятию, т. к. он включает

¹Название «BC-beige» — игра слов, отсылающая к аббревиатуре В.С.В.Г. (сокр. от фр. «bon chic bon genre»), пер. с фр. «достойный; в классическом стиле; как положено» [1. С. 501].

²Название «Rose à porter» отсылает к понятию «прета-порте». Фр. «prêt-à-porter»; пер. с фр. «готовая одежда» [2. С. 833].

³«I Am the Fire» — название песни американской группы «Halestorm» (студийный альбом «Into the Wild Life» (2015). URL: <https://halestorm-france.com>).

⁴«Sur les toits» — название короткометражного немого фильма (1897) французского режиссера Ж. Мельеса (1861—1938). URL: <http://www.lesgensducinema.com/biographie/MeliesGeorges.htm>.

в себе понятия, соотносимые с разными чувствами (тактильное восприятие (*Métal* (металл)) и вкусовое (*épicé* (пряный))). Зафиксировано словосочетание *Trapèze rose* (розовая трапеция)⁵, которое можно ассоциировать с **метонимией**. Чаще всего в нашем материале встречается **метафора**.

Выводы

В рамках нашего материала всегда остается в силе условие: в качестве наименования не могут употребляться слова, лексические значения которых могут противоречить физическим свойствам или назначению именуемого предмета. Например, красный оттенок помады *Rouge* не может называться *Noir* (черный) и т. д.

С точки зрения синтаксиса чаще всего встречались конструкции (*nom, adjectif, nom+adjectif, adjectif+adjectif*) при практически полном отсутствии конструкций, в составе которых есть глагол (*verbe à l'imperatif, verbe à l'imperatif+attribut, verbe à l'imperatif+pronom, verbe à l'infinitif*, суммарно 4 случая), и конструкций, в составе которых присутствует наречие (*adverbe, adverbe+adverbe, adverbe+adjectif*, суммарно 4 случая).

Специфические лексические классы (заимствования и неологизмы) занимают незначительное место по отношению к общему числу проанализированных единиц. Что касается лексических полей, то больше всего представлены: лексическое поле цвета (651 единица), лексическое поле характеристик женщины (220), лексическое поле культурных ассоциаций (352) и лексическое поле имен мужских и женских (154)⁶. Лексические поля, отсылающие к негативным реалиям, например, к болезни, лечению, медицине в целом, «не престижным» для женщины профессиям, плохим привычкам, несчастным случаям, смерти и т. п., отсутствуют. Исключение из этого правила составляют 2 зафиксированных наименования: *Poison Mat* (матовый яд), *Poison de Métal* (металлический яд). Однако, как было отмечено выше, слово *Poison* (яд) может вызывать не только негативные ассоциации, но и притягательные.

Кроме того, среди рассмотренных наименований отсутствуют характеристики с элементом обыденности, относящиеся к представлениям об интеллек-

⁵Словосочетание «Trapèze rose» может вызывать ассоциацию, например, с костюмом цирковой артистки на трапеции (снаряд воздушной гимнастики).

⁶Следует отметить, что косметические средства, названные мужскими именами, предназначены, прежде всего, для женщин.

туальной деятельности человека (названия научных степеней, названия, связанные с книгами, письмом и т. д.), определяющие социальный статус женщины (названия должностей, названия, отсылающие к семейному положению, возрастной группе и т. д.¹).

¹Однако мы не можем исключить появления в будущем названий оттенков, относящихся к приведенным категориям, т. к. в наши дни женские социально-политические движения приобретают все большее влияние.

Исследованные наименования многообразны. В целом, можно сказать, что они объединены позитивной коннотацией и отсылают либо к «престижным» реалиям внешнего мира, либо к навязываемому массовой культурой «правильному» образу жизни, который свойственен обеспеченным слоям населения, они направлены на формирование у адресата ощущения исключительности.

Список литературы

1. Гак, В. Г. Новый французско–русский словарь / В. Г. Гак, К. А. Ганшина. — М.: Рус. яз., 2000. — 1195 с.
2. Громова, Т. Н. Dictionnaire français–russe de l'argot, de la langue populaire et familière. Французско–русский словарь аргю, просторечия и фамильяризов / Т. Н. Громова, Е. Ф. Гринёва. — М.: Нестор Академик, 2012. — 1168 с.
3. Группа, м. Общая риторика / Ж. Дюбуа, Ф. Эделин, Ж. — М. Клинкаенберг, Ф. Мэнге, Ф. Пир, А. Тринон. — М.: Прогресс, 1986. — 392 с.
4. Маклюэн, Г. М. Понимание медиа: внешние расширения человека / Г. М. Маклюэн. — М.; Жуковский: КАНОН–Пресс–Ц, Кучково поле, 2003. — 464 с.
5. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. — М.: Наука, 1973. — 366 с.
6. Шведова, Н. Ю. Русская грамматика: в 2 т. / Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др. — М.: Наука, 1980. — Т. 1—789 с.
7. Beth, A. Figures de style / A. Beth, E. Marpeau. — Paris: E.J.L., 2005. — 93 p.
8. Bonhomme, M. Pragmatique des figures du discours / M. Bonhomme. — Paris: Honoré Champion, 2005. — 284 p.
9. Chevalier, J. — Cl. Grammaire Larousse du français contemporain / J. — Cl. Chevalier, Cl. Blanche–Benveniste, M. Arrivé, J. Peytard. — Paris: Larousse, 1964. — 495 p.
10. Gardes–Tamine, J. Pour une nouvelle théorie des figures / J. Gardes–Tamine. — Paris: Presses Universitaires de France / PUF, 2011. — 233 p.
11. Molino, J. Le nom propre dans la langue / J. Molino // Langages. — 1982. — № 66. — P. 5—20. — URL: <https://www.persee.fr/collection/lgge>.
12. Rey–Debove, J. Le nouveau petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française / J. Rey–Debove, A. Rey. — Paris: Le Robert, 2003. — 2949 p.
13. Wagner, R. — L. Grammaire du français classique et moderne / R. — L. Wagner, J. Pinchon. — Paris: Librairie Hachette, 1974. — 648 p.

Сведения об авторе

Кузнецова Полина Юрьевна — аспирантка кафедры французского языкознания филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Москва, Россия. aranion.v.y.k@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 10 (432). Philology Sciences. Iss. 118. Pp. 73—79.

ADVERTISING IN THE BEAUTY INDUSTRY: NAMES OF SHADES OF DECORATIVE COSMETICS (MATERIALS IN FRENCH)

P. Yu. Kuznetsova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. aranion.v.y.k@gmail.com

The article explores the problem of naming in advertising in the beauty industry. The names of cosmetics in the beauty industry are considered as a specific type of advertising text, which is focused on the recipient–

consumer. Names of cosmetics are understood as a special class of proper names. A classification of the names of shades of decorative cosmetics from four points of view is given: 1) syntactic, 2) semantic, 3) belonging to specific lexical classes (borrowings and neologisms), 4) presence of stylistic figures (metaphors, puns, quotes, metonymy). Cosmetic names are united by positive connotation and are aimed at forming a feeling of exclusivity for the addressee. Among the examined denomination there are no characteristics: with the element of everyday life, related to ideas about human intellectual activity (names of scientific degrees, titles associated with books, letters, etc.) determining the social status of women (names of titles, names referring to marital status age group, etc.). There are no lexical fields referring to negative realities.

Keywords: *problem of naming, typology of names, lexical classes, stylistic figures, advertising discourse, beauty industry.*

References

1. Gak V.G., Ganshina K.A. *Noviy francusko–russkiy slovar* [New French–Russian Dictionary]. Moscow: Rousskiy Yazyk, 2000. 1195 p. (In French, In Russ.).
2. Gromova T.N., Griniova E.F. *Francusko–russkiy slovar argo, prostorechiya i familiarizmov* [French–Russian dictionary of argot, vernacular and familiarisms]. Moscow: Nestor Akademik, 2012. 1168 p. (In French, In Russ.).
3. Groupe µ. *Obshchaya ritorika* [A General Rhetoric] / J. Dubois, F. Édeline, J.–M. Klinkenberg, P. Minquet, F. Pire, H. Trinon. Moscow: Progress, 1986. 392 p. (In Russ.).
4. McLuhan M. *Ponimanie Media: Vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: The Extensions of Man]. Moscow; Zhukovskiy: KANON–press–TS, Kuchkovo pole, 2003. 464 p. (In Russ.).
5. Superanskaya A.V. *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [General Theory of a Proper Name]. Moscow: Nauka, 1973. 366 p. (In Russ.).
6. Shvedova N.Iu. (Chief–ed.) *Russkaya grammatika* [Russian grammar] : in 2 vol.: Vol. 1. Moscow: Nauka, 1980. 789 p. (In Russ.).
7. Beth A., Marpeau E. *Figures de style*. Paris: E.J.L., 2005. 93 p. (In French).
8. Bonhomme M. *Pragmatique des figures du discours*. Paris: Honoré, 2005. 284 p. (In French).
9. Chevalier J.–Cl., Blanche–Benveniste Cl., Arrivé M., Peytard J. *Grammaire Larousse du français contemporain*. Paris: Larousse, 1964. 495 p. (In French).
10. Gardes–Tamine J. *Pour une nouvelle théorie des figures*. Paris: Presses Universitaires de France / PUF, 2011. 233 p. (In French).
11. Molino J. *Le nom propre dans la langue*. *Langages*, 1982, no. 66, pp. 5–20, <https://www.persee.fr/collection/lgge> (In French).
12. Rey–Debove J., Rey A. *Le nouveau petit Robert: Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française*. Paris: Le Robert, 2003. 2949 p. (In French).
13. Wagner R.–L., Pinchon J. *Grammaire du français classique et moderne*. Paris: Librairie Hachette, 1974. 648 p. (In French).

НЕПРОИЗВОДНЫЕ И ПРОИЗВОДНЫЕ ЛЕКСЕМЫ СИНОНИМИЧЕСКИХ РЯДОВ В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ

Б. Ш. Курбанов

Узбекский государственный университет мировых языков, Узбекистан

Рассматривается структура синонимических глагольных рядов русского и узбекского языков с точки зрения их образования, в частности, способа образования, участия в их образовании аффиксов. Уделяется внимание определению частеречной соотнесенности парадигм. Классификация синонимических парадигм осуществляется на основе производности членов парадигмы. Также в статье рассматриваются вопросы явления отраженной синонимии. Анализируются примеры внутригнездовой и межгнездовой аффиксальной синонимии в русском и узбекском языках.

Ключевые слова: синонимическая парадигма, производное, производное слово, дериват, отраженная синонимия, словообразовательное гнездо

Синонимичность слов основывается на тождестве и близости значений с учетом их экспрессивной и стилистической окрашенности. Синонимические парадигмы состоят из слов различной частеречной соотнесенности, составляют их главным образом имена существительные, прилагательные, глаголы и служебные слова. Из них самыми продуктивными для русской синонимии являются глаголы. Следует отметить «максимальную словообразовательную активность глаголов, вследствие чего многие синонимические ряды прилагательных и существительных имеют отраженный характер» [3. С. 73].

Наше исследование предусматривает изучение лексических парадигм, в частности, организацию глагольных синонимических парадигм русского и узбекского языков.

Синонимическими парадигмами называем составляющие синонимический ряд слова. За последние десятилетия данный термин активно употребляется в русском языкознании. В научных трудах русских лингвистов, таких, как Д. Н. Шмелев, Л. А. Новиков, Ю. Д. Апресян часто встречается термин «синонимический ряд» (СР) [8. С. 197; 2. С. 225; 1. С. 248].

В работах А. Н. Тихонова и А. С. Пардаева данный термин применяется относительно лексических и словообразовательных синонимов. А. Н. Тихонов употребляет термин «словообразовательная парадигма» по отношению к синонимическим, антонимическим и омонимическим лексемам русского языка [6. С. 17].

Известно, что все слова в языке поддерживают между собой определенную связь, образуя тем

самым разного рода лексико-семантические объединения. П. А. Лекант называет эти отношения парадигматическими и выделяет 6 типов парадигм: омонимическая, синонимическая, антонимическая, тематическая, гиперо-гипонимическая и лексико-семантическая группа слов. По его мнению, «парадигматические отношения существуют как потенциальные и выявляются лишь путем взаимного противопоставления слова или ЛСВ на основе сходства и различия в значениях слов» [5. С. 22].

Мы придерживаемся мнения, что члены синонимического ряда, вступающие между собой в лексико-семантические отношения на основе сходства и близости значений правомерно можно называть парадигмами.

Итак, для образования глагольных синонимических парадигм характерно разнообразие принципов построения. Закономерно, что члены синонимической парадигмы относятся к одной и той же части речи, состоят из глаголов одного вида, они могут иметь различные стилистические особенности, могут относиться к различным лексическим пластам, могут быть производными и непроизводными. Производность глаголов синонимических парадигм не является главным критерием построения синонимических рядов. С этой точки зрения в синонимических рядах правомерно размещены непроизводные и производные глаголы. Однако составление словаря синонимов предусматривает набор слов не только с учетом их лексико-семантического значения, но и словообразовательных закономерностей. Например, в словаре синонимов русского языка А. П. Евгеньевой (ССЕ) [4] глагольные ряды синонимов составлены согласно порядку слов в сло-

вообразовательной цепи, хотя местами порядок последовательности в некоторой степени нарушается.

По утверждению А. С. Пардаева, «синонимические ряды глаголов, прилагательных и существительных по отношению к непроизводным и производным словам делятся на три разряда:

1. СР, состоящие только из непроизводных слов.
2. СР, состоящие из непроизводных и производных слов.
3. СР, состоящие только из производных слов» [3. С. 76].

Рассмотрим некоторые фрагменты **непроизводных** глагольных рядов русского языка путем сплошной выборки. Количество синонимических рядов из непроизводных глаголов в ССЕ занимают незначительное место по отношению к общему объему глаголов в словаре:

- Блестеть, блистать, сверкать, сиять.
- Бросать, кидать, метать.
- Брызгать, прыскать (*разг.*).
- Веять (*обычно безл.*), дышать, тянуть (*безл.*), нести (*безл.*).
- Вилять, вертеть.
- Вить, крутить.
- Влечь, тянуть, манить.
- Возвратить, вернуть, воротить (*разг.*).
- Готовить, стряпать (*разг.*).
- Грызть, глодать.
- Держать, хранить.
- Душить, давить.
- Знать, ведать.
- Иметь, владеть, обладать.
- Катать, валять.
- Качать, кидать, бросать, швырять, болтать (*разг.*), мотать (*разг.*), валять (*разг.*), трепать (*разг.*).
- Ковырять (*разг.*), колупать (*прост.*).
- Кормить, питать.
- Коробить, корезить (*прост.*).
- Корчить, коробить (*прост.*), корезить (*прост.*)
- крючить (*прост.*).
- Лишить, отнять, решить (*прост.*).
- Лезть, карабкаться.
- Ломать, крушить.
- Любить, обожать (*разг.*), уважать (*прост.*).
- Нести, тащить (*разг.*), переть (*прост.*).
- Осуществить, выполнить, исполнить.
- Превратить, обратить.
- Превратить, оборотить, обратить, обернуть.
- Принять, встретить.
- Прыгать, скакать.
- Разрешить, позволить.
- Решить, постановить.

Рубить, валить.

Скоблить, скрести.

Спасти, избавить.

Сравнить, сопоставить, сличить, соотнести.

Ударить, грянуть.

Чахнуть, хиреть (*разг.*).

Чесать, скрести (*разг.*).

Шить, тачать.

По нашим подсчетам, в двух томах ССЕ набралось около 40 синонимических рядов глаголов, состоящих только из непроизводных слов. В «Словообразовательном словаре русского языка» А. Н. Тихонова (ССТ) [6] приведено 2413 глагольных гнезд, 55962 производных от них слов.

А. С. Пардаев справедливо отмечает, что «если словообразовательное гнездо или словообразовательную цепь возглавляет бесприставочный глагол несовершенного вида, то это и есть исходное звено видообразования» [3. С. 75].

Если учесть, что в словообразовательных гнездах все «исходные слова являются непроизводными» [6, Т. I. С. 9], и они возглавляют гнезда, то в русском языке должно быть приблизительно столько же непроизводных глаголов, сколько глагольных гнезд в словаре А. Н. Тихонова. Однако количество непроизводных глагольных синонимических рядов в ССЕ по отношению к общему числу глагольных гнезд в ССТ составляет около 1,7%. Значит, можно сделать соответствующие выводы о непродуктивности синонимии непроизводных глаголов для русского языка.

Проведенный нами анализ явно демонстрирует, что синонимические ряды непроизводных глаголов в основном образованы от глаголов несовершенного вида. В этом отношении данное явление соответствует общепризнанным критериям составления словообразовательных гнезд (СГ) и словообразовательных цепей (СЦ), то есть исходное слово глагольного СГ должно иметь форму несовершенного вида, например: **бить** — **выбить** — **выбивать**.

Следует отметить, что исходные слова в приведенных выше синонимических рядах в основном имеют форму несовершенного вида, бесприставочные, невозвратные, нечленимые. По составу они обычно бинарные или трехчленные. Лишь в нескольких синонимических парадигмах исходное слово имеет форму совершенного вида, от которых во вспомогательном ряду образуются их корреляты несовершенного вида, например:

Лишить, отнять, решить (*прост.*).

Несов.: лишать, отнимать, решать.

Возвратить, вернуть, воротить (*разг.*).

Несов.: возвращать.

Сравнить, сопоставить, сличить, соотнести.

Несов.: сравнивать, сопоставлять, сличать, соотносить.

Своеобразна организация синонимических парадигм глаголов, состоящих из **непроизводных и производных** слов. Они могут возглавляться как непроизводными, так и производными словами:

Резать, колотить, бить, забивать.

Сов.: зарезать, прирезать, заколотить, забить.

Регистрировать, фиксировать, отмечать.

Сов.: зарегистрировать, зафиксировать, отметить.

Советовать, рекомендовать.

Сов.: посоветовать, рекомендовать, порекомендовать.

В данных синонимических рядах одновременно находятся непроизводные (*резать, регистрировать, рекомендовать*) и производные (*забивать, отмечать, советовать*) глаголы несовершенного вида.

Однако типичные синонимические парадигмы могут состоять из глаголов совершенного вида, которые пережили опрощение, например:

Совместить, соединить, сочетать.

Несов.: совмещать, соединять, сочетать.

В данной синонимической парадигме глаголы *совместить* и *сочетать* являются непроизводными, а глагол *соединить* — производным. Все глаголы — совершенного вида. На первый взгляд можно предположить, что глагол *совместить* образован от основы глагола *вместить*. Но по ССТ они относятся к разным словообразовательным гнездам: *совместить* возглавляет гнездо, а *вместить* составляет словообразовательную парадигму слова *место*, приобретая при этом соответствующее лексическое значение. Следовательно, глагол *совместить* пережил опрощение. Данное явление характерно больше лексическим гнездам, так как в них доминирующую роль играет лексическое значение слова.

Также доминантой синонимической парадигмы является производный членимый глагол, явным выражением постфикса или суффикса, которые обозначают длительность, поведение и т. д., например:

Сражаться, воевать, биться, драться, бороться.

Тащиться (*разг.*), тянуться (*разг.*), ползти (*разг.*).

Биться, колотиться, трепыхаться, трепетаться и трепетать.

В приведенных трех рядах имеются по одному непроизводному глаголу (*воевать, ползти,*

трепетать), остальные члены ряда объединены идентичностью оформления посредством возвратного аффикса.

Синонимические парадигмы, состоящие **только из производных** слов, представляют широкое разнообразие деривационных процессов. В синонимических парадигмах выстраиваются слова тождественные и близкие по значению, которые называются лексическими синонимами, но часто производность глаголов способствует появлению «вторичной» — словообразовательной синонимии внутри синонимической парадигмы. К словообразовательной синонимии можно отнести синонимию аффиксов и отраженную межгнездовую синонимию. Такие синонимические парадигмы могут состоять из глаголов несовершенного или совершенного вида:

Браться, хвататься, схватываться, хватываться (*разг.*).

Сов.: взяться, схватиться, хватиться.

Взвять, взвезть, взвихрить, вздуть.

Несов.: взвивать, взвезать, взвихривать, вздувать.

В синонимические парадигмы выстраиваются слова, синонимические отношения между которыми появляется за счет синонимии приставок. В приводимых примерах объединяются производные однокоренные глаголы с приставками **у-, раз-, от-, с-, по-, за-, вз-, об-**, которые придают глаголам значение результативности, идентичности значений, образуя тем самым синонимические отношения между ними. Данное явление, на наш взгляд, можно оценить как внутригнездовую синонимию префиксов:

Угадать, разгадать, отгадать.

Несов.: угадывать, разгадывать, отгадывать.

Уравнять, сравнять, поравнять (*разг.*).

Несов.: равнять, уравнивать, сравнивать.

Утопить, затопить, потопить.

Взнуздать, обуздывать, зануздывать.

Несов.: взнуздывать, обуздывать, зануздывать.

Следующие синонимические парадигмы характеризуются тем, что организация синонимии в них происходит за счет постфикса **-ся** и суффиксов **-нича-, -рова-**. Построение таких рядов представляет межгнездовую синонимию суффиксов:

Влюбиться, увлечься, полюбить, втюрииться (*прост.*), влопаться (*прост.*), втрескаться (*прост.*), врезаться (*прост.*).

Несов.: влюбляться, увлекаться.

Капризничать, привередничать, фокусничать (*разг.*).

Самовольничать (*разг.*), своевольничать (*разг.*), вольничать (*разг.*).

Классифицировать, систематизировать, группировать.

Сов.: классифицировать, систематизировать, сгруппировать.

Необходимо отметить своеобразие синонимических парадигм, построенных на идентичности префиксов. Эти примеры наглядно демонстрируют явление межгнездовой отраженной синонимии. Производные разнокоренные глаголы в данных рядах отражают синонимичность своих производящих:

Восстанавливать, возрождать, воссоздавать, возобновлять.

Сов.: Восстановить, возродить, воссоздать, возобновить.

Восстанавливаться, возрождаться, воссоздаться, возобновляться.

Своеобразна также синонимичность видовых коррелятов в следующих примерах, что позволяет оценить данное явление как отражение синонимии глаголов, так как в ССТ видовые корреляты глаголов даны как отдельные самостоятельные дериваты, и они отражают синонимичность своих коррелятов:

Увеличить, усилить, умножить, удвоить, утроить, удесятерить.

Несов.: увеличивать, усиливать, множить, умножать, удваивать, утраивать, удесятерять.

Выбить, выколотить.

Несов.: выбивать, выколачивать.

Выносить, выбрасывать, выкидывать, выплескивать.

Сов.: вывести, выбросить, выкинуть, выплеснуть.

Своеобразны по структуре и принципу построения синонимические парадигмы глаголов узбекского языка. Для их изучения нами был выбран словарь синонимов А. Ходжиева [11]. Данный словарь включает в себя лексические синонимы и вспомогательные слова при образовании синонимических парадигм. Для изучения деривационных процессов в синонимических парадигмах мы обратились к учебному словообразовательному словарю Б. Менглиева [9]. Этот словарь является единственным словообразовательным словарем узбекского языка на сегодняшний день, в нем приводится 3257 непроизводных слов — соответственно столько же словообразовательных гнезд, и 9443 производных слов. В количественном соотношении — от одного непроизводного образуются три производных слова. Составление синонимических парадигм в словаре имеет некоторые особенности,

в частности, в словаре приведены глаголы в основном аффиксального способа образования, вместо традиционной неопределенной формы глагола с суффиксом –**моқ**, а также глаголы даются в нем в форме повелительного наклонения, например, *ахтар* вместо *ахтармоқ*, что приводит к некоторым сложностям в определении форм глаголов и последовательности составления словообразовательной цепи. Это еще раз доказывает необходимость дальнейшей доработки данного учебного словаря и построения на его основе общего словообразовательного словаря узбекского языка.

Глагольные синонимические парадигмы в узбекском языке, как и в русском, включают в себя непроизводные и производные слова, что является основанием для использования тех же критериев, что были применены в отношении синонимических парадигм русского языка.

Итак, рассмотрим несколько синонимических парадигм узбекского языка, состоящих только из **непроизводных** слов. В словаре синонимов А. Ходжиева (ССХ) они приведены в традиционной форме, то есть в форме инфинитива:

Айнимок, бузилмок.

Анқаймок, анграймок, ағраймок.

Асрамок, сақламок.

Ағанамок, юмаламок (думаламок).

Бермок, бахш этмок, ато қилмок, бағишламок.

Босинқирамок, алахламок, алахсирамок.

Битирмок, тугатмок, тугалламок, тамомламок, тамом қилмок, адо қилмок.

Кесмок, қирқмок, чопмок.

Синонимические парадигмы глаголов узбекского языка, состоящие из непроизводных слов, в основном отглагольные, отсубстантивные, отъадъективные. Приведенный материал демонстрирует немногочисленность непроизводных слов в глагольных синонимических парадигмах узбекского языка. По составу они обычно бинарные и трехчленные. Ввиду того, что узбекский язык относится к группе агглютинативных языков, в нем доминируют прием суффиксации и композиционный способ образования. Префиксальный способ словообразования для глаголов узбекского языка является непродуктивным. В отличие от глаголов русского языка, в глаголах узбекского языка отсутствует категория вида, и соответственно, в словарях не представлены «вспомогательные» ряды видовых коррелятов. Наравне с основными глаголами в образовании непроизводных глаголов активно участвуют вспомогательные глаголы *қил*, *эт*, *айла*. В сочетании с отыменными единицами

они заполняют ряд основных переходных глаголов, например: Бермоқ, бахш этмоқ, ато қилмоқ, бағишламоқ.

Амал қилмоқ, риюя қилмоқ.

Синонимические парадигмы глаголов узбекского языка, состоящие из **непроизводных и производных** слов, имеют смешанный состав в зависимости от категории залога глаголов. По утверждению У. Турсунова, в узбекском языке глагол имеет 5 залогов: 1) бош нисбат — действительный залог; 2) ўзлик нисбати — возвратный залог; 3) мажхул нисбат — страдательный залог, 4) биргалик нисбати — залог совместности; 5) орттирма нисбат — превосходный залог [10. С. 320].

Синонимические парадигмы из непроизводных глаголов узбекского языка в основном состоят из переходных глаголов действительного залога:

Бўшатмоқ, озод қилмоқ, қўйиб юбормоқ.

Ажратмоқ, айирмоқ

Айланмоқ, сайр этмоқ, кезмоқ.

Алдамоқ, лақиллатмоқ, аврамоқ.

Беламоқ (белаштирмоқ), қормоқ (қориштирмоқ), булғамоқ.

Бопламоқ, қойил қилмоқ, қойиллатмоқ, ўхшатмоқ, ўринлатмоқ, келиштирмоқ, қотирмоқ, дўндирмоқ, қиймоқ, эшмоқ, мондаламоқ, ясамоқ.

Бажармоқ, адо этмоқ, битирмоқ, ўринла(т)моқ, дўндирмоқ, ўтамоқ, бажо қилмоқ.

Бошқармоқ, идора қилмоқ, сўрамоқ.

Таким образом, синонимические парадигмы могут составлять производные глаголы возвратного залога, выраженные путем добавления к переходному глаголу определенных суффиксов, способных образовывать парадигмы. Если в русском языке значение возвратности в глаголах передается суффиксом **-ся**, то в узбекском языке возвратность глаголов передается суффиксами **-(и)л, -и(ш), -и(н), -лан**. Переходные глаголы при этом превращаются в непереходные:

Керилмоқ, кеккаймоқ, гердаймоқ.

Босилмоқ, тўхтамоқ, тинмоқ, қолмоқ, қўймоқ.

Айрилмоқ, ажра(л)моқ.

Бошламоқ, **киришмоқ**, тутинмоқ

Бўшашмоқ, шалвирамоқ, шалпаймоқ.

Бекинмоқ, яширинмоқ, писмоқ, **биқинмоқ**.

Тортинмоқ, **қимтинмоқ**, **ийманмоқ**.

Одатланмоқ, одат қилмоқ, **ўрганмоқ**.

Кўникмоқ, ўрганмоқ, **одатланмоқ**, одат қилмоқ.

Идентичными суффиксами **-(и)л, -и(н), -лан** образуются в узбекском языке глаголы страдательного залога. Однако эти глаголы, на наш взгляд, не могут образовать синонимических парадигм,

поскольку для выражения их синонимичности в ряд пристраиваются одновременно непроизводные и производные глаголы или к ним присоединяются лексемы других словообразовательных типов: например: Айнимоқ, бузилмоқ; Ср.: бузилган — испорченный (продукт), бузилган — снеженный (дом);

Маълум бўлмоқ, билинмоқ, аниқланмоқ, аён бўлмоқ;

Тайёрланмоқ, хозирланмоқ, шайланмоқ, отланмоқ.

При наличии СП действительного залога тайёрламоқ, хозирламоқ, шайламоқ парадигмы последнего ряда выражают значение возвратности действия, однако они, за исключением глагола *отланмоқ*, который является непроизводным в данной парадигме, могут выражать и значение страдательного залога. Ср.: тайёрламоқ — готовить (пищу), тайёрланмоқ — готовиться (к экзамену), тайёрланмоқ — сделать готовым к использованию.

Особенно широкое применение данных суффиксов наблюдается в глаголах синонимических парадигм, состоящих только из **производных** слов. Наравне с возвратностью данные синонимические парадигмы явно демонстрируют синонимичность между производящим и производным, то есть каждое слово отражает синонимичность своих производящих. Тем самым здесь наблюдается одновременно и внутрignetздовая синонимия суффиксов, и отраженная межгнетздовая синонимия.

Аччиқланмоқ, ғазабланмоқ, қахрланмоқ.

Производящие: Аччиқ, ғазаб, қахр.

Завқланмоқ, мароқланмоқ, шавқланмоқ.

Производящие: Завқ, мароқ, шавқ.

Мағрурланмоқ, ғурурланмоқ, кибрланмоқ, ҳаволанмоқ.

Нолимоқ, шикоятланмоқ, шикоят қилмоқ, зорланмоқ, ҳасрат қилмоқ. Производящие: Нолиш, шикоят, ҳасрат.

В некоторых парадигмах значение возвратности передается или суффиксом **-лан**, или посредством сложных глаголов композиционного способа образования:

Безовталанмоқ, безовта бўлмоқ, бетоқатланмоқ, тоқатсизланмоқ, бетоқат бўлмоқ, бетинчланмоқ, тинчсизланмоқ, бетинч бўлмоқ.

Роҳатланмоқ, роҳат қилмоқ, ҳузурланмоқ, ҳузур қилмоқ, маза қилмоқ, лаззатланмоқ, лаззат қилмоқ.

Большое количество глагольных синонимических парадигм составляют дериваты, обозначающие совместность действия. При их образовании участвуют суффиксы **-и(ш), -лаш**, которые при-

мыкают к основе как переходных, так и непереходных глаголов. Также закономерно в данных синонимических парадигмах формируется внутригневдовая синонимия суффиксов, например:

Уришмоқ, олишмоқ, ёқалашмоқ, солишмоқ, муштлашмоқ, сўқишмоқ, ташашмоқ.

Саломлашмоқ, сўрашмоқ, кўришмоқ, омонлашмоқ, салом-алик қилишмоқ.

Ваъдалашмоқ, аҳдлашмоқ, аҳд-паймон қилишмоқ, келишмоқ, битишмоқ.

Дардлашмоқ, ҳасратлашмоқ.

Иноқлашмоқ, аҳиллашмоқ, тотувлашмоқ, қадронлашмоқ, иттифоқлашмоқ, қалинлашмоқ.

Следует отметить многочисленность синонимических парадигм из непереходных производных глаголов:

Бўшмоқ, тушмоқ, олинмоқ, озод қилинмоқ, бекор бўлмоқ.

Ботинмоқ, журъат этмоқ, жасорат қилмоқ, юрак қилмоқ.

Босинқирамоқ, алаҳламоқ, алаҳсирамоқ.

Буюрмоқ, амр этмоқ.

Гангимоқ, довдирамоқ, эсанқирамоқ, гарангсимоқ, ганграмоқ, каловланмоқ, менгровсимоқ, талмовсирамоқ, обдирамоқ.

Гина қилмоқ, ёзғирмоқ, ўпкаламоқ.

Даволамоқ, тузатмоқ.

Дайди, санқи.

Дайдимок, санқимок, сандироқламоқ, тентирамоқ, лақилламоқ, салангламоқ, сакилламоқ.

Истамок, хоҳламоқ, тусамок, орзуламоқ, орзу қилмоқ, тиламоқ, ихтиёр қилмоқ, соғинмоқ.

Ишламоқ, меҳнат қилмоқ, хизмат қилмоқ.

Аралашмоқ, кўшилмоқ, қотишмоқ, суқилмоқ.

Баландламоқ, юкориламоқ, кўтарилмоқ, ўрламоқ.

Бахслашмоқ, тортишмоқ, мунозаралашмоқ, мунозара қилмоқ, талашмоқ.

Характерной чертой глагольных синонимических парадигм узбекского языка является то, что в них правомерно приводятся слова различной частеречной и категориальной отнесенности. Если синонимическая парадигма **Аралашмоқ, кўшилмоқ, қотишмоқ, суқилмоқ** имеет глагольное происхождение, то парадигмы **Бахслашмоқ, тортишмоқ, мунозаралашмоқ, мунозара қилмоқ, талашмоқ** представлены отсубстантивными глаголами (от существительных *бахс, мунозара*).

Большое разнообразие представляют глаголы в узбекском языке, образованные при помощи

суффиксов превосходного залога **-тир, -дир, -т, -гиз, -из, -қиз, -қиз, -ир, -ар, -из, -аз**. Эти глаголы обозначают действие, выполненное не самим субъектом, а через его посредство другим лицом, например: *бажартирмоқ, ёздирмоқ, кийгизмоқ* (буквально: *заставить/велеть выполнить, написать, одеться*) и т. д. Следует отметить, что в образовании синонимических парадигм они почти не участвуют. Традиционно глагол в русском языке имеет два залога — действительный и страдательный, следовательно, перевести эти глаголы на русский язык будет сложно, поскольку в русском языке нет превосходного залога глагола.

Таким образом, словообразование глагольных синонимических парадигм сопоставляемых языков имеет особенности общего и частного характера. С точки зрения составляющих ряды компонентов их можно классифицировать следующим образом:

1) Синонимические парадигмы, состоящие только из непроизводных слов.

2) Синонимические парадигмы, состоящие из непроизводных и производных слов.

3) Синонимические парадигмы, состоящие только из производных слов.

В русском языке глагольные синонимические парадигмы сопровождаются их видовыми коррелятами, что не наблюдается в узбекском языке вследствие отсутствия в глаголах узбекского языка категории вида.

В глаголах синонимических парадигм сопоставляемых языков доминирует аффиксальный способ словообразования. В русском языке правомерно принимает участие префиксальные и суффиксальные образования, а в узбекском языке префиксальное образование слов для глаголов-синонимов является непродуктивным. Основная часть синонимических парадигм узбекского языка образуются суффиксальным и композиционным способами.

Сложение как вид образования новых слов в синонимических парадигмах сопоставляемых языков не наблюдается.

Немаловажное место в образовании глагольных синонимических парадигм сопоставляемых языков занимает так называемое явление отраженной синонимии, которое проявляется в пределах одного гнезда в виде внутригневдовой синонимии и формантов и между различными гнездами как межгневдовая отраженная синонимия.

Список литературы

1. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. — М.: «Восточная литература» РАН, 1995. — 472 с.
2. Новиков, Л. А. Семантика русского языка. — М.: Высшая школа, 1982. — 272 с.
3. Пардаев, А. С. Явление отраженной синонимии в русском языке. Ташкент: MUMTOZ SO'Z, 2014. — 160 с.
4. Словарь синонимов русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. — М.: Астрель — АСТ, 2003. Т. I. — 680 с. Т. II. — 854 с.
5. Современный русский язык. Под ред. П. А. Леканта. — М.: Дрофа, 2002. — 560 с.
6. Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. В 2-х т. — М.: Русский язык, 1985. Т. I. — 856 с. Т. II. — 886 с.
7. Тихонов, А. Н., Пардаев, А. С. Роль гнезд однокоренных слов в системной организации русской лексики. Отраженная синонимия. Отраженная омонимия. Отраженная антонимия. — Ташкент: Фан, 1989. — 140 с.
8. Шмелев, Д. Н. Современный русский язык. Лексика. — М.: Просвещение, 1977. — 335 с.
9. Менглиев, Б. Ўзбек тилининг сўз ясалиши ўқув лўғати. Тошкент: Янги аср авлоди, 2008. — 175 б.
10. Турсунов, У., Мухторов А., Раҳматуллаев Ш. Ҳозирги ўзбек адабий тили. Тошкент: Ўзбекистон, 1992. — 399 б.
11. Ҳожиев, А. Ўзбек тили синонимларининг изоҳли лўғати. Тошкент: Ўқитувчи, 1974. — 308 б.

Сведения об авторе

Курбанов Бахрам Шукриевич — докторант Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Узбекистан. kurbanov.baxram@bk.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 10 (432). Philology Sciences. Iss. 118. Pp. 80—87.

NON-DERIVATIVE AND DERIVATIVE LEXEMES IN SYNONYMIC SERIES IN THE RUSSIAN AND UZBEK LANGUAGES

B. Sh. Kurbanov

Uzbekistan State University of World Languages, Tashkent, Uzbekistan. kurbanov.baxram@bk.ru

The structure of synonymic verb lines of the Russian and Uzbek languages is considered from the viewpoint of word formation as well as the application of affixes according to their formation. Members of the synonymic lines are considered as paradigms and an explanation is given regarding the use of this term in relation to members of the synonymous group. Simultaneously, synonymic paradigms of the Russian and Uzbek languages are regarded according to their categories and part of speech correlation. A classification of synonymic paradigms is given, which is based on the derivation of the paradigm members. The structure of synonyms recorded in special dictionaries of the Russian and Uzbek languages is studied. Attention is paid to the category of the pledge of the Uzbek verbs and their correspondence in the Russian language. The article also discusses issues of the phenomenon of reflected synonymy. Examples are given of inside-the-nest and between-the-nests affixal synonymy in the Russian and Uzbek languages.

Key words: *synonymic paradigm, non-derivative word, derived word, derivative, reflected synonymy, word-formation nest.*

References

1. Апресян Ю.Д. *Leksicheskaja semantika. Sinonimicheskie sredstva jazyka* [Lexical semantics. Synonymic means of language]. Moscow, Vostochnaja literature, RAN, 1995. 472 p. (in Russ.).
2. Novikov L.A. *Semantika russkogo jazyka* [Semantics of Russian]. Moscow: Vysshaja shkola, 1982. 272 p. (in Russ.).
3. Pardaev A.S. *Javlenie otrazhennoj sinonimii v russkom jazyke* [Reflection of synonyms in Russian language]. Tashkent, MUMTOZ SO'Z, 2014. 160 p. (in Russ.).

4. *Slovar' sinonimov russkogo jazyka* / Pod red. A.P. Evgen'evoj [Synonymy dictionary of Russian language. Edited by Evgen'eva A.P.]. Moscow, Astrel-AST, 2003, vol. I. 680 p.; vol. II. 854 p. (in Russ.).
5. *Sovremennyj russkij jazyk. Pod red. P.A. Lekant* [Modern Russian. Edited by Lekant P.A.]. Moscow, Drofa, 2002. 560 p. (in Russ.).
6. Tihonov A.N. *Slovoobrazovatel'nyj slovar' russkogo jazyka*. V 2-h t. [Word formation dictionary of Russian language in 2 vol.]. Moscow: Russkij jazik, 1985, vol. I, 856 p., vol. II. 886 p. (in Russ.).
7. Tihonov A.N., Pardaev A.S. *Rol' gnezd odnokorenyh slov v sistemnoj organizacii russkoj leksiki. Otrazhennaja sinonimija. Otrazhennaja omonimija. Otrazhennaja antonimija* [Role of nests of cognate words in the system organization of the Russian lexicon. The reflected synonymy. The reflected homonymy. The reflected antonymy]. Tashkent, Fan, 1989. 140 p. (in Russ.).
8. Shmelev D.N. *Sovremennyj russkij jazyk. Leksika* [Modern Russian. Lexicon]. Moscow, Prosveshhenie, 1977. 335 p. (in Russ.).
9. Mengliev B. *O'zbek tilining so'z jasalishi oquv lug'ati* [Word formation dictionary of Uzbek language]. Tashkent, Jangi asr avlodi, 2008. 175 p. (in Uzbek).
10. Tursunov U., Muhtorov A., Raxmatullaev Sh. *Hozirgi o'zbek adabiy tili* [Modern Uzbek literary language]. Tashkent, O'zbekiston, 1992. 399 p. (in Uzbek).
11. Hozhiev A. *Uzbek tili sinonimlarining izohli lughati* [Definitional synonymic dictionary of the Uzbek language]. Tashkent, Ukituvchi, 1974. 308 p. (in Uzbek).

СКРЫТАЯ РЕЧЕВАЯ СТРАТЕГИЯ «ОЦЕНИВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОГО УСПЕХА РЕЧЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОТПРАВИТЕЛЯ И ПОЛУЧАТЕЛЯ»

Г. Г. Матвеева¹, Г. И. Мясичев¹, Ю. П. Хорошевская²

¹ Донской государственной технической университет, Ростов-на-Дону, Россия

² Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Рассматривается новая скрытая речевая стратегия и дается определение основных понятий, которые связаны с ее реализацией. Дается описание этой речевой стратегии, приводятся примеры ее функционирования. Описываются речевые особенности интернет-коммуникации на примере блогов. Указывается, что все коммуниканты (блогеры и комментаторы) равноправны и не связаны коммуникативным неравенством. Из их выбора речевых единиц складывается речевое поведение коммуниканта. В данном исследовании изучается речевое поведение коммуникантов-комментаторов как ответ на речевое воздействие со стороны блогеров. Дается подробное описание механизма оценивания по скрытым воздействующим речевым сигналам.

Ключевые слова: *скрытая прагмалингвистика, речевые стратегии, речевое воздействие, оценивание в речи.*

Целью данной публикации является представление научному сообществу новой скрытой речевой стратегии «Оценивание коммуникативного успеха речевого взаимодействия Отправителя и Получателя» (далее — стратегия коммуникативного успеха).

Для этого решаются следующие задачи:

1. Определение основных понятий речевого воздействия, речевого поведения и речевой стратегии в прагмалингвистике.
2. Представление предлагаемой новой речевой стратегии

Материалом для данного исследования послужили комментарии на сообщения в блогах десяти общественных деятелей: Б. Акунина, К. А. Жукова, Д. А. Медведева, С. Д. Миронова, А. А. Навального, П. Перца, З. Прилепина, М. Н. Прохорова, Д. Ю. Пучкова, Е. Н. Яковлева.

Общественный деятель понимается нами как лицо, добровольно занимающееся реализацией политических, культурных, профессиональных нужд общества [1. С. 64]. В интернет-среде общественный деятель воздействует на социум посредством речи [2, 3]. Комментаторы, результаты оценивающей деятельности которых рассмотрены в данной статье, сохраняют в интернет-среде анонимность. Они представлены в комментариях псевдонимами, часто сочетаниями графических знаков, не имеющих осмысленного толкования. Поэтому в статье данные комментаторы указываются под

номерами в порядке их изучения авторами исследования. Проанализировано 112 комментаторов с уникальными идентификаторами. Приводимые в статье ссылки на комментаторов даны в порядке перечисления, порядок указан в круглых скобках.

Оценивание комментатором полученного сообщения блогера свидетельствует об определенном успехе или коммуникативной неудаче Отправителя сообщения. Под коммуникативным успехом в культуре речи и лингвистической прагматике понимается успешность и эффективность общения, иначе говоря, прагматический перлокутивный эффект коммуникативного взаимодействия [4. С. 105]

Рассмотрим сущность такого прагмалингвистического компонента, как речевая стратегия. Под речевой стратегией в рамках скрытой прагмалингвистики понимается воздействующее речевое поведение Отправителя сообщения на Получателя [5. С. 44]. Каждая речевая стратегия обладает рядом планов актуализации, которые в свою очередь имеют формальные показатели. Эти показатели актуализируются в речевом воздействии коммуникантов.

Речевое воздействие — это влияние Отправителя (инициатора сообщения) на собеседника (Получателя) путем выбора информационного комплекса, содержащего значение и смысл. Каждый из этих комплексов самостоятельно побуждает Получателя сообщения к определенному действию/бездействию. При этом все коммуниканты (блогеры

и комментаторы) в данном коммуникационном единстве равноправны, а не связаны условными отношениями статусного неравенства. Из выбора речевых единиц, обладающих речевым воздействием, складывается речевое поведение коммуниканта. Поскольку интернет-взаимодействие носит двусторонний характер и блогер и комментатор в равной степени могут вступить в дискуссию, а в ряде случаев и выступают, то речевое воздействие и речевое поведение присуще обоим сторонам коммуникации. В данном исследовании мы рассматриваем речевое поведение коммуникантов-комментаторов как ответ на речевое воздействие со стороны блогеров. Мы считаем, что выбор речевых сигналов, с помощью которых комментаторы выражают оценивание полученного сообщения, идет автоматически и неосознаваемо, путем использования присущей комментатору манеры речевого поведения.

Речевое поведение представляет собой форму социальной реализации индивида в речи. В речевом поведении индивид проявляет свои психологические, социальные и лингвистические навыки и присущие ему особенности, что и определяет манеру речевого поведения [6, 7].

Манера речевого поведения комментатора выражается также в субъективности оценивания здесь и сейчас, неразрывной связи сиюминутного желания оценить, прокомментировать полученное сообщение и тем отреагировать на воздействие со стороны Отправителя (блогера). Данная особенность оценивания предполагает использование устойчивых для данного индивида наборов речевых средств (речевого шаблона), который предполагает не целенаправленное обдумывание, мотивацию выбора единиц, а спонтанность, автоматизм выбора слов и выражений при комментировании. Комментатор использует те речевые шаблоны, к которым он привык в своем коммуникативном опыте, и выражает мгновенную реакцию на полученную информацию. Эта реакция не только определяет оценивание, но и раскрывает личность оценивающего по неосознаваемому выбору речевых средств.

Предлагаемая нами скрытая речевая стратегия «Оценивание коммуникативного успеха речевого взаимодействия Отправителя и Получателя» основана на изучении реакции Получателя на сообщение Отправителя и определение по этой реакции коммуникативного успеха или коммуникативной неудачи Отправителя. Это позволяет определить перлокутивный эффект воздействия сообщения отправителя на Получателя и выявить ответные

речевые сигналы, возникающие как неосознанная реакция на речевое воздействие Отправителя на Получателя. Данная возможность исследования появилась благодаря распространению технических средств и формированию виртуального речевого пространства в сети Интернет. Анализ комментариев, которые Получатели оставляют под сообщениями в публичных блогах и на форумах, позволяет выявить закономерности оценивающего речевого поведения Получателя в ответ на полученное сообщение [8, 9, 10].

В настоящее время возможно говорить о существовании определенной стратегии оценивания коммуникативного успеха по следующим планам: план прямого одобрения, план косвенного одобрения, план прямого неодобрения, план косвенного неодобрения и план констатации.

1. План прямого одобрения. Он актуализируется в привычном выборе одобряющих слов и выражений. Формальными речевыми сигналами актуализации отправителем текста плана являются:

А) выбор одной из форм глагола:

- гл. в повелит. наклонении, ед. ч.: «Не бойся репостнуть» (1); «Скажи Захару спасибо» (2);
- гл. в повелит. наклонении, мн. ч.: «Творите, рассуждайте, записывайте» (3);

Б) выбором прилагательных в краткой форме с усилительными и без усилительных частиц: очень рад, благодарен; очень доволен;

В) наречиями, модальными, частицами, категориями состояния (в зависимости от выбора речедеятеля): мощно, круто (ср. например: «Вот это Клим мощно задвинул» (4); и формами категории состояния: здорово, отлично; (ср. например: «Отлично, Егор» (5));

г) выбором форм междометий с усилительными и без усилительных частиц: спасибо; большое спасибо; огромное спасибо; [11, п. 1700]. Ср. пример «Спасибо, круто» (6);

2. План косвенного одобрения. Высказывание имеет минимум два смысла — формальный и воспринимаемый Получателем из контекста коммуникации или социального опыта. В данном случае одобрение содержится именно в качестве подтекста к формально нейтральному высказыванию. Формальными речевыми сигналами плана для получателя являются:

А) выбор призывов: «долой тиранию; да здравствует ВЛКСМ» (7), «Славься разумный человек» (8). Основным ассоциативным сигналом служит выбор части речи с модальным (долой) или предикатным (славься) значением.

Б) выбор форм развернутых просьб или благодарностей: «Надеюсь на продолжение разговора» (9); «Всегда с удовольствием жду Ваших выступлений, Клим» (10). Основным ассоциативным сигналом служит выбор предикатной формы речевой единицы (*надеюсь на...*) или предикативное единство в целом (*жду с удовольствием*).

Г) ситуативный выбор форм устойчивых сочетаний (фразеологизмов) или прецедентных текстов, которые у комментатора ассоциируются с одобряющим сигналом: «И обходя моря и земли, глаголом жги сердца людей» (11); «Сгорая сам, свети другим» (12). «Клим Жуков набирает обороты» (13). В данном случае скрытый характер воздействия объясняется автоматическим выбором высказывания из всех других цитат и оборотов, сохраняющихся в памяти комментатора.

3. План прямого неодобрения. Он выражается в виде выбора категорического заявления порицания автора или текста сообщений:

Формальными показателями являются:

А) выбор глагольные формы

- сослагательного наклонения в ед./мн.ч со значением неосуществленного действия: «Могли бы расстрелять всех» (14);

- сослагательного наклонения в ед./мн. числе в сочетании с указателями сомнительности действия: «Разве он поступил бы так?» (15)

- повелительное наклонения, чаще всего в сочетании с инвективом: «Пошел ты на х***, учитель бл***» (16)

Б) выбор форм частей речи с эмоционально-оценочным значением из всех возможных синонимических и вариантных рядов:

- модальные частицы и наречия, в т. ч. в составе сочетаний с другими частями речи: «Это скверно, что вы так думаете, Борис//значит, вы недостаточно человечны» (17); «Плохой историк и плохой рассказчик» (18). Комментирование в сети интернет предполагает нецеленаправленный выбор формы высказывания, а непосредственную речь комментатора.

- прилагательных: «Тексты Прилепина отвратительны, как отвратителен он сам» (19).

- существительных, в т. ч. инвективов: «Дебил, а не историк» (20).

4. План косвенного неодобрения. В данном случае неодобрение содержится именно в качестве подтекста к формально нейтральному высказыванию. Формальными речевыми сигналами плана для получателя являются:

А) развернутые формы неодобрения: «вы ведь не верите в то, к чему призываете сами?» (21). В данном случае комментатор ассоциирует глагол «*не верите*» со значением «*не убедили*»/«*мне не нравится ваш текст*». Важно отметить, что выбор идет нецеленаправленно, комментатор интуитивно предполагает, что скрытый посыл его текста ассоциативно воспринимается им самим и Получателем — блогером: «Не читал, не читаю и другим ваш блог не советую» (22).

Б) ситуативный выбор форм устойчивых сочетаний (фразеологизмов) или прецедентных текстов, которые у комментатора ассоциируются с неодобряющим сигналом: «Опять Пучков *чушь порет*» (23).

5. План констатации. Данный план не содержит никаких скрытых форм оценивания. Высказывания этого плана либо констатируют какой — либо факт, либо имеют целенаправленную, то есть открытую оценочность.

Таким образом, мы рассмотрели скрытую речевую стратегию «Оценивание коммуникативного успеха отправителя Получателем». Выявили, что данная стратегия содержит четыре плана акцентуации. Каждый план акцентуации имеет несколько формальных показателей, ассоциируемых с грамматическими или синтаксическими формами и может быть дифференцирован в сообщении. Оценочность имеет выраженный скрытый характер и проявляется в интуитивном выборе индивидуального набора грамматических или синтаксических форм комментатором. Коммуникативный успех ассоциируется Получателями сообщения с положительной оценочностью, коммуникативная неудача — с отрицательной.

Список литературы

1. Ефимов, Е. А. Словарь социально-политических терминов / Е. А. Ефимов. — Новосибирск, 2009. — 140 с.
2. Куклина, Т. В. Психо- и прагмалингвистические аспекты речевого поведения авторов: дис... канд. филол. наук. / Т. В. Куклина. — Ростов н/Д, 2005. — 270 с.
3. Приходько, А. И. Статус оценочной модальности в языке / А. И. Приходько // Уч. зап. Таврического нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Сер. «Филология. Социальные коммуникации». — 2011. — № 3, — Т. 24 (63). — С. 260—264.

4. Устинова, Л. И. Новый словарь лингвистических терминов / Л. И. Устинова. — М., 2010. — 316 с.
5. Темиргазина, З. К. Современные теории в отечественной и зарубежной лингвистике / З. К. Темиргазина. — Павлодар, 2002. — 218 с.
6. Ключев, Е. В. Речевая коммуникация: Учеб. пособие для университетов и институтов / Е. В. Ключев. — М., 2002. — 320 с.
7. Кобозева, И. М. Лингвопрагматический аспект анализа языка СМИ / И. М. Кобозева. — Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text12/08.htm> (дата обращения: 11.04.2019)
8. Матвеева Г. Г. Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица («портрета») говорящего: дис... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Г. Г. Матвеева. — СПб., 1993. — 20 с.
9. Моисеенко Л. А. Речевое поведение авторов военных мемуаров и диагностирование их индивидуальных свойств: дис... канд. филол. наук: 10.02.04 / Л. А. Моисеенко. — Ростов н/Д, 2000. — 16 с.
10. Нужнова Е. Е. Прагмалингвистический аспект речевого поведения специалистов в области компьютерной техники: дис... канд. филол. наук: 10.02.19 / Е. Е. Нужнова. — Ростов н/Д, 2003. — 18 с.
11. Русская грамматика / Н. Ю. Шведова (гл. ред.). — М.: Наука, 1980. — Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. — 789 с.

Сведения об авторах

Матвеева Галина Григорьевна — доктор филологических наук, профессор кафедры «Мировые языки и коммуникация», Донской государственной технической университет, Ростов-на-Дону, Россия. oc41@bk.ru

Мясищев Георгий Игоревич, аспирант кафедры «Мировые языки и культура», Донской государственной технической университет, Ростов-на-Дону e-mail: georgy-2583@yandex.ru.

Хорошевская Юлия Павловна, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, Россия, Ростов-на-Дону; e-mail: armaiti@sfedu.ru

---

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 10 (432). *Philology Sciences. Iss. 118. Pp. 88—92.*

THE HIDDEN SPEECH STRATEGY “EVALUATION OF THE COMMUNICATIVE SUCCESS IN THE SENDER-RECEIVER SPEECH INTERACTION”

G.G. Matveeva

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia. oc41@bk.ru

G. I. Myasishev

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia. georgy-2583@yandex.ru

Y. P. Khoroshevskaya

Southern Federal University Rostov-on-Don Russia. armaiti@sfedu.ru

A new hidden speech strategy is considered, the definition of the basic concepts that are associated with its implementation are given. The speech strategy is described, examples of its functioning are provided. Certain speech features of Internet communication as exemplified by blogs are described. It is indicated that all communicants (bloggers and commentators) are equal and are not bound by communicative inequalities. The choice of speech units lies at the core of speech behavior of each communicant. Since Internet interaction is two-way, and blogger and commentator can equally enter into a discussion, and in some cases, they actually do, the speech impact and speech behavior are inherent parts on both sides of communication. This study particularly examines the verbal behavior of communicants-commentators as a response to the verbal influence of bloggers. A detailed description of the estimation mechanism through hidden influencing speech signals is given.

Keywords: *hidden pragmalinguistics, speech strategies, speech influence, evaluation in speech.*

References

1. *Slovar' social'no-politicheskikh terminov* [Dictionary of socio-political terms], ed. Efimov E.A., Novosibirsk, 2009, 140 p. (In Russ.)
2. Kuklina T. V. *Psiho- i pragmalingvisticheskie aspekty rechevogo povedeniya avtorov* [Psycho- and Pragmalinguistic aspects of speech behavior of authors]: Dis... kand. filol. nauk [Dis... Cand. Philol. sciences]. Rostov n/D, 2005. (In Russ.)
3. Prihod'ko A. I. Status ocenочноj modal'nosti v yazyke [Status of evaluation modality in language]. *Uch. zap. Tavricheskogo nac. un-ta im. V. I. Vernadskogo. Ser. «Filologiya. Social'nye kommunikacii»* [Proceedings of Tauride National Unt. Named after V. I. Vernadsky. Ser. Philology. Social communications]. 2011. № 3, v. 24 (63). pp. 260-264. (In Russ.)
4. Ustinova L. *Novyj slovar' lingvisticheskikh terminov* [New dictionary of linguistic terms]. M., 2010, 316 p. (In Russ.)
5. Temirgazina Z. K. *Sovremennye teorii v otechestvennoj i zarubezhnoj lingvistike* [Modern theories in Russian and foreign linguistics]. Pavlodar, 2002, 218 p. (In Russ.)
6. Klyuev E. V. *Rehevaya kommunikaciya: Ucheb. posobie dlya universitetov i institutov* [Speech communication: resource for universities and institutes]. M., 2002, 320 p. (In Russ.)
7. Kobozeva I. M. *Lingvopragmaticheskij aspekt analiza yazyka SMI* [Linguopragmatic aspect of media language analysis]. URL: <http://evartist.narod.ru/text12/08.htm> (Accessed :11.04.2019). (In Russ.)
8. Matveeva G. G. *Skrytye grammaticheskie znacheniya i identifikaciya social'nogo lica («portreta») govoryashchego* [Hidden grammatical meanings and identification of the social person (“portrait”) of the speaker] : dis... d-ra filol. nauk [dis... Dr. Philol. sciences: 10.02.19]. SPb., 1993, 20 p. (In Russ.)
9. Moiseenko L. A. *Rechevoe povedenie avtorov voennykh memuarov i diagnostirovanie ih individual'nykh svoystv* [Speech behavior of authors of military memoirs and diagnostics of their individual properties] : dis... kand. filol. nauk [dis... Cand. Philol. sciences: 10.02.04]. Rostov n/D, 2000, 16 p. (In Russ.)
10. Nuzhnova E. E. *Pragmalingvisticheskij aspekt rechevogo povedeniya specialistov v oblasti komp'yuternoj tekhniki* [Pragmalinguistic aspect of verbal behavior specialists in the field of computer technologies] : dis... kand. filol. nauk [dis... Cand. Philol. sciences]: 10.02.19. Rostov n/D, 2003, 18 p. (In Russ.)
11. *Russkaya grammatika* [Russian grammar], ed. N. Yu. Shvedova. M., 1980, T. 1: *Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonaciya. Slovoobrazovanie. Morfologiya* [Vol. 1: Phonetics. Phonology. Emphasis. Intonation. Word-formation. Morphology], 789 p. (In Russ.)

О НЕКОТОРЫХ ГРАФИКО-ФОНЕТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕГО ХОРЕЗМА

А. Р. Матниязов

Ташкентский государственный институт востоковедения, Ташкент, Узбекистан

Начиная с X в. для фиксации древнехорезмийского языка применялся арабский алфавит, который дополнялся 5 буквами. Благодаря арабскому алфавиту, приспособленному к хорезмийскому языку, есть возможность рассудить о графических особенностях и о некоторых фонетических явлениях древнехорезмийского языка. В этом плане в данной статье впервые анализируются некоторые графико-фонетические особенности письменных памятников Древнего Хорезма.

Ключевые слова: диакритическая точка, древнехорезмийский язык, графическая форма.

Позднихорезмийские письменные памятники дошли до нас в арабско-персидской графике на основе арабского алфавита с добавлением букв, отражающих звуки персидского языка, отсутствующие в арабском, а также букв, изображающих согласные, имеющиеся в хорезмийском языке, но отсутствующие в классическом персидском. Алфавит позднихорезмийских текстов отражает в основном характерные хорезмийские звукотипы, главным образом согласные и — менее достоверно — долгие гласные [8. С. 11].

Все характерные хорезмийские звукотипы наблюдаются в текстах таких источников, как *بدلاا تمدمقم* («Мукаддимат ал-адаб») Махмуда Замахшари (ум. 1144 г.), *ىوتف تيباتعلا* («Фатава ал-Уттабийя») Зайнутдина Абу Насра (Абу Умар) Ахмада бин Мухаммеда бин Умар ал-Уттаби ал-Бухари (ум. 1190 г.), *تمينم الفقها* («Мунйат ал-фукаха») Фахруддина Бади' ибн Абу Мансура ал-Араби ал-Кубазни, *ىوتف رهدلا تمينم* («Ятим ад-дахр фи фатава ахл ал-аср») А'лауддина Абдуррахима Мухаммеда ибн Махмуда ат-Тарджумани ал-Макки ал-Харезми (ум. 1247 г.), *مايشا* («Ишбах ун-назаир») Зайнутдина Наджм ал-Ханафи, *ىوتفلا تينم* («Кунйат ал-фатава») анонимного автора; а также в трактате *قنية المبصوت* («Рисалат ал-алфаз ал-харазмийя аллати фи «Кунйат ал-мабсут») и в словаре *أنثا فى ويمز راوخلاب تدرو* *ىتلا ظافللا تمجرت* («Таржамат ал-алфаз аллати варадат бил-харазмийя фи асна' ул-китаб ал-мавсум би «Кунйат ал-мунйя») Джалалиддина Имади ал-Кердери ал-Харезми (XIV в.).

Основные источники хорезмийского языка относятся к XII—XIII вв. Это хорезмийская версия арабского толкового словаря *بدلاا تمدمقم* («Мукаддимат ал-адаб»), составленного около 1135 г. хорезмийским ученым Махмудом Замахшари, и хорезмийские фразы, имеющиеся в арабском тексте юридического сочинения *تمينملا تينم* («Кунйат ал-мунйя ли татмим ал-гунйя»), составленного в XIII в. известным хорезмийским юристом Мухтаром ал-Захиди. Изучение этих источников А. А. Фрейманом и В. Б. Хеннингом позволило установить основные черты грамматического строя хорезмийского языка и определить его место среди восточноиранских языков. Подобно согдийскому и большинству современных восточноиранских языков, в хорезмийском древние *b*, *g*, *d* перешли в спиранты β , γ , δ (ср., например, согд. *wud* 'жена', хорезм. *دو wud*; согд. $\beta\bar{a}\bar{y}$ 'сад', хорезм. *كغاف $\beta\bar{a}\bar{y}ik$*), сочетания *xt* и *ft* развились соответственно в γd и βd (хорезм. *دغذ $du\gamma d$* 'дочь' *دفا $af\beta d$* 'семь'). Вместе с тем, по некоторым историко-фонетическим признакам хорезмийский отличается от согдийского: наличием аффрикат *c* и *dz* (признак, сближающий хорезмийский с сакским и осетинским); подобные парфянскому переходы древних групп θr в *hr* (хорезм. *سذره $hri\delta is$* 'тринадцать', парф. *hrē* 'три') и θw в *f* (хорезм. *رافچ $caf\bar{a}r$* 'четыре', парф. *af\bar{a}r*, др. *aθwāra-*, ср. согд. *ifār*, *t\bar{f}ār*, осет. *cuppar*); переход δ в *s* (хорезм. *نيوڭد-ش $ni\gamma\delta s$* 'слушать', согд. *ni\gamma\delta s-* из др. *nigauša-*), развитие добавочного *y-* в словах, начинающихся с $\bar{a}$ - (*yāsm* 'небо' из др. *āsm-*), и др. [4.С.139].

В хорезмийском алфавите существовали дополнительные буквы δ и γ с одной точкой снизу, буква π с тремя точками снизу (в арабском и персидском алфавитах эти буквы не имели дополнительных

точек), знак ڤ с тремя точками сверху, буква (ف) с тремя точками сверху [8. С. 12]. Ниже анализируются графические особенности этих букв (знаков) и фонетические явления (звуков).

В древнеарабском письме знак ڤ вначале воспользовался для звука *h*. Тот же знак, но только внизу с одной точкой, буква ڤ обозначал звук *j*. Позже арабы изменили графическую форму этого знака, поставив сверху одну точку, и изобрели букву ڤ, которая использовалась для передачи звука *x*. Персы этой графической формой пользовались для изображения звука *ch*, которого не было в арабском языке. Они, поставив три точки (ة) снизу знака, сформировали букву ڤ. В фонетике хорезмийского языка существовал звук, звучащий подобно русскому «ц». В целях изображения этого звука на письме графическую форму знака ڤ дополнили тремя точками (ة) и образовали букву ڤ [12.С.118].

Буква ڤ транслитерируется как *c*, она обозначала глухую аффрикату *c* [звучащую подобно русскому «ц» — *А.М.*] и во многих случаях — звук *z* [звучащий подобно русскому «дж» — *А.М.*]. В хорезмийском алфавите буквенный знак — ڤ, только сверху с тремя точками — ڤ обычно передаётся в транслитерации через *c* и обозначает глухую аффрикату *c* [звучащую подобно русскому «ц» — *А.М.*], но в некоторых случаях — звук *z* [7.С.96].

В прошлом в арабском письме графическая форма буквы ڤ изображала звук *z*. Постановкой одной точки сверху (ـ) графической формы буквы ڤ образовалась буква ڤ. Восходя к хорезмийскому алфавиту, буква ڤ на письме обозначала звук *d*, иногда *δ*. Но по позиционному местонахождению на письме буква ڤ во многих случаях обозначала новый звуковой тип, зависящий от ударения. В этом случае снизу графической формы буквы ڤ добавлялась одна точка (ة).

В позднехорезмийском письме буква ڤ использовалась для передачи звука *r*. Как получилось в истории многих иранских языках, в том числе в фонетике хорезмийского языка, этот звук в отдельных позициях выявлял иной звукотип. Появилась нужда для обозначения на письме данного звукотипа.

В процессе реформ древнеарабской [набатейской — *А.М.*] графики из графической формы буквы ڤ произошла буква ڤ добавлением точки сверху буквы ڤ. Т. о. арабы сформировали букву ڤ. Возможности буквы ڤ были эффективно использованы в создании арабско-персидского алфавита. Персы для обозначения звука *ž*, свойственного только для фонетики персидского языка, подстави-

ли сверху три точки ڤ к графической форме буквы ڤ, создав тем самым букву ڤ. В хорезмийской письменности звукотип фонемы *r*, изображен в виде ڤ, т. е. путем прибавления внизу одной точки к графической форме буквы ڤ.

Звук *s* в хорезмийском языке, как уже наблюдалось в арабо-персидской графике, обозначен через ڤ. В хорезмийском языке фонема *s* в некоторых позициях выявляла новый звукотип. Нетрудно предположить, что данное фонетическое явление чётко наблюдалось в процессе произношения, особенно в устной речи хорезмийцев. В ином случае не было бы необходимости фиксировать его в письме. Этот звукотип на письме обозначался через вставку трех точек ڤ снизу под графической формой буквы ڤ. В истории древнеарабской письменности буква ڤ, которая вначале была предназначена для обозначения звука *s*, в дальнейшем использовалась для передачи звука *š*, затем была сформирована специальная буква путём подстановки трех точек (ة) сверху графической формы буквы ڤ, отличающая ее от исходной формы.

Буква ڤ, входящая в арабо-персидскую графику, использовалась в хорезмийской письменности в основном для передачи звука *f*. Фонема (*f*) в некоторых позициях выявляла звукотип *v*. Данный звукотип стал передаваться на письме путём подстановки трех точек (ة) сверху графической формы ڤ, и в итоге сформировался знак ڤ. Узбекский диалектолог Ф. Абдуллаев некогда обратил внимания тюркологов на специфическую согласную фонему *v* (*β*) тремя точками наверху ڤ в словаре Замахшари. Он подчеркивает, что эта согласная фонема в XIV—XV вв. была заимствована на основе некоторых тюркских фонем [9. С. 52]. Сейчас уже ясно, что слова с участием этой фонемы считаются заимствованиями в тюркские языки из иранских языков через огузские племена. Даже в словаре Махмуда Кашгари (XI в.) заимствованные слова (особенно в лексике огузских племен) передаются специальными буквами. Сам Кашгари пишет, что огузам было свойственно заимствовать слова от своих близких соседей [11. С. 406]. Эти слова, по нашему мнению, заимствованы в большей степени из хорезмийского, согдийского и в меньшей степени — из скифских (совокупности аланского, хазарского и сарматских) языков [5. С. 436].

Во всех дополнительных буквах, принятых в арабо-хорезмийском алфавите, использовались диакритические точки [6. С. 10]. Эти графико-фонетические особенности хорезмийского языка, особенно диакритики, до сих пор оставались

неизученными. Правда, в некоторых научных трудах можно встретить краткие рассуждения о диакритиках. Так, Д. Г. Вороновский, описывая рукопись № 5942 «Кунйат ал-мунйа», подчеркивает, что знаки د, ر, س с точками под ними считаются архаической формой написания букв [3. С. 71]. А С. Л. Волин указывал на наличие в рукописях «Кунйат ал-мунйа ли татмим ал-гунйа» Мухтара Захиди и в константинопольской (стамбульской — А.М.) рукописи «Мукаддимат ал-адаб» Махмуда Замахшари дополнительных знаков для отсутствующих в арабском алфавите звуков — ځ, вероятно, ɟ или dʒ и ڤ —, вероятно, губно-губной в [2. С. 88].

В устной речи хорезмийского языка переднеязычный звонкий согласный *d* в определённой позиции — после фонемы *i* — произносился как переднеязычный глухой *t*. Согласный (*d*) в словах, проявляющих такую особенность, Замахшари изображал не буквой ت, а буквой ڤ. Т. о. звукотип, который появлялся в устной речи на основе согласного *d*, на письме изображался путём подстановки одной точки снизу буквы ڤ, и в итоге образовался новый знак с графической формой ڤ. Например, ڤڤڤ [15.С.291:1] — *taṣṣud* '(Он) испытывал жажду' [14.С.60].

Как было сказано, звонкая переднеязычная щелевая дрожащая фонема *r*, который засвидетельствована в устной речи хорезмийского языка, в определённой позиции произносился близко к переднеязычной щелевой сонорной фонеме *l*. В случае, когда согласная фонема *r* проявляла такую особенность, Махмуд Замахшари изображал данный звукотип не буквой ڤ, а буквой ر. Данный звукотип, который появлялся на основе согласного *r* в устной речи хорезмийского языка,

изображался подстановкой снизу буквы ڤ одной диакритической точки, т. о. на письме появлялась графическая форма ڤ (*r*). Например, زارڤه ڤ [15. С. 450—1] — *yaḥraz* 'пламя', 'язык огня' [14. С. 1]. Данная фонетическая особенность существовала в речи хорезмийского языка ещё до периода Замахшари. Например, у Бируни находим диал. ورا 'rw' 'огонь' [10. С. 84; 13. С. 57]. По словам В. И. Абаева, фонема *l* чужда древнеиранским языкам, с другой стороны, она имеется во всех новоиранских языках. Условия преодоления древнеиранского ротацизма в различных иранских языках были неодинаковы; фонема *l* могла появляться: а) в результате спонтанных переходов; б) в результате комбинаторных явлений; в) в результате ареальных контактов; г) с заимствованными словами; д) на почве звуковой символики. Широкое распространение получила фонема *l* в осетинском, она возникла: а) из *r* перед *i*; б) из *r* по диссимилиации; в) из *n* по диссимилиации; г) из геминированного *r* (*rr*); д) как ареальная скифоевропейская изоглосса; ж) в заимствованных словах [1. С. 3].

В устной речи переднеязычная глухая щелевая фонема *s* в определённой позиции произносится близко к переднеязычному глухому аффрикату *c*. В местах, где зафиксирован такой аллофон фонемы *s* (а именно, в начале и середине слова — А.М.), Махмуд Замахшари отражал данный звукотип не с помощью буквы ځ (*c*) (подобно русскому «ц» — А.М.), а с помощью буквы س, подставив к ней снизу три диакритические точки, т. е. преобразуя её графическую форму — س (s). В конце же слова данный звукотип был отражён посредством буквы ڭ (g).

Список литературы

1. Абаев, В. И. Фонема *l* в осетинском / В. И. Абаев // Научная конференция по иранской филологии (тезисы докладов). — Л., 1962. — С. 3.
2. Волин, С. Л. Новый источник для изучения хорезмийского языка / С. Л. Волин // Записки института востоковедения Академии наук СССР. Том VII. — М.-Л.: Издательство АН СССР, 1939. — С. 79—91.
3. Вороновский, Д. Г. Рукописи «Кунйат ал-мунйа» ал-Газмини в собрании Академии наук УзССР / Д. Г. Вороновский // Известия АН УзССР. — Ташкент, 1955. — № 2. — С. 69—74.
4. Лившиц, В. А. Иранские языки народов Средней Азии / В. А. Лившиц. — Народы мира: Народы Средней Азии и Казахстана. Том I. — М.: Издательство АН СССР, 1962. — С. 131—158.
5. Матниязов, А. Р. К истории изучения хорезмийского языка / А. Р. Матниязов // Журн. Иран-наме. — Алма-ата, 2015. — № 1—2. — С. 426—449.
6. Фрейман, А. А. Хорезмийский язык. Часть I: Материалы и исследования / А. А. Фрейман. — М.-Л.: Издательство АН СССР, 1951. — 118 с.
7. Эдельман, Д. И. Хорезмийский язык / Д. И. Эдельман. — Языки мира. Том III: восточноиранские языки. — М.: Индрик, 1999. — С. 95—104.

8. Эдельман, Д. И. Хорезмийский язык / Д. И. Эдельман. — Основы иранского языкознания. Средне-иранские и новоиранские языки. — М.: Восточная литература РАН, 2008. — С. 6—60.
9. Абдуллаев, Ф. Замахшарийнинг «Муқаддамат ул-адаб» асари ва унинг тили ҳақида / Ф. Абдуллаев // Ўзбек тили ва адабиёти. — Тошкент, 1978. — № 4. — Б. 50—55.
10. Беруний, Абу Райҳон. Танланган асарлар. Том I: Қадимги халқлардан қолган ёдгорликлар / Абу Райҳон Беруний. — Тошкент: «Фан» нашриёти, 1968. — 488 с.
11. Кошғарий, Маҳмуд. Девону луғотит-турк. Том I. — Тошкент: ЎзССР ФА нашриёти, 1960. — 499 с.
12. Матниязов, А. Р. Қадимги Хоразмда ёзув тарихи / А. Р. Матниязов // Значение культурного наследия в устойчивом развитии международного туризма по великому шелковому пути: Материалы Международной научно-практической конференции, г. Хива, 9 сентября 2017 г. — Ургенч: Редакционно-печатное типография «Куванчбек-Машхура», 2017. — С. 107—123.
13. Sachau, E. Chronologic Orientalischer volker von Albiruni herausgegeben von Dr. Edward Sachau / E. Sachau. — Leipzig, 1878. — 464 s.
14. Samadi, M. Das khwarezmian verb / M. Samadi. — Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1986. — 335 p.
15. Togan, Z. V. Horezm kultürü Vesikalari. Kısım I: Horezmce tercümeli Muqaddimat al-Adab / Z. V. Togan. — Istanbul: Istanbul Universitesi Edebiyat Fakultesi Yayınlarından, 1951. — 532 s.

Сведения об авторе

Матниязов Анвар Рустамович — соискатель кафедры классической филологии, Ташкентский государственный институт востоковедения. Ташкент, Узбекистан. matniyazov_anvar@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 10 (432). *Philology Sciences. Iss. 118. Pp. 93—97.*

ON SOME GRAPHICAL AND PHONETICAL FEATURES OF THE ANCIENT KHWAREZMIAN WRITTEN SOURCES

A.R. Matniyazov

Tashkent State Institute of Oriental Studies, Tashkent, Uzbekistan. matniyazov_anvar@mail.ru

The ancient Khwarezmian language is one of the dead Iranian languages. It is related to the eastern group. This language was spread in the lower reach of the Amu Darya River and mainly in the Khorezm oasis. The earliest texts in the ancient Khwarezmian language were written with the help of the writing system based on the Aramaic alphabet. These texts date back from the 2nd – 1st centuries BC to the middle of the 8th century AD. Lack of written materials in the ancient Khorezmian monuments which were written in the Aramaic language cannot prevent the phonetical analysis of the ancient Khwarezmian language. The Arabic alphabet added five more letters used in Khwarezmian literature beginning in the 10th century AD. Owing to the Arabic alphabet, which promoted the Khwarezmian language, we have an opportunity to discuss not only graphical features, but also phonetical phenomena in the ancient Khwarezmian language. Some graphical and phonetical features of the ancient Khwarezmian language are analysed for the first time in this article.

Keywords: *diacritical point, the ancient Khwarezmian language, graphical form, phonetics.*

References

1. Abaev, V.I. Fonema *l* v osetinskom [Phoneme “l” in Ossetian] // *Nauchnaja konferencija po iranskoj filologii (tezisy dokladov)* [Scientific conference on Iranian philology (Papers in theses)]. Leningrad, 1962, p. 3. (In Russian)
2. Volin, S.L. Novyj istochnik dlja izuchenija xorezmijskogo jazyka [New course learning of the Khwarezmian language] // *Zapiski Instituta vostokovedenija Akademii nauk SSSR* [Proceedings of the Oriental Institute of the Academy of Sciences of the USSR]. Vol. VII. Moscow-Leningrad: Publishers of the Academy of Sciences of the USSR, 1939, pp. 79–91. (In Russian)

3. Voronovskij, D.G. Rukopisi “Kynijat al-munija” al-Gazmini v sobranii Akademii nauk UzSSR [Manuscripts “Kunyat al-munya” of al-Gazmini in the collection of the Academy of Sciences of the UzSSR] // *Izvestija Akademii nauk UzSSR* [Bulletin of the Academy of Sciences of the UzSSR], Tashkent, 1955, no 2, pp. 69-74. (In Russian)
4. Livshic V.A. Iranskie jazyki narodov Srednej Azii [Iranian languages of nation's of the Central Asia]. *Narody mira: Narody Srednej Azii i Kazaxstana. Tom I.* [Nations of the World: Nations of Central Asia and Khazakhstan. Vol. I.]. Moskva, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR [Moscow, Publishers of the Academy of Sciences of the USSR], 1962, pp. 131–158. (In Russian)
5. Matnijazov A.R. K istorii izuchenija xorezmijskogo jazyka [The learning history of the Khwarezmian language] // *Journal Iran-name*, Alma-Ata, 2015, no 1–2, pp. 426–449. (In Russian)
6. Frejman A.A. *Xorezmijskij jazyk* [The Khwarezmian language]. *Chast I: Materialy i issledovanija* [Part I: Materials and research]. Moskva, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR [Moscow and Leningrad, Publishers of the Academy of Sciences of the USSR], 1951. 118 p. (In Russian)
7. Edelman Zh.I. Xorezmijskij jazyk [The Khwarezmian language]. *Jazyki myra: Iranskie jazyki. Tom III. Vostochnoiranskie jazyki* [Languages of the World: Iranian languages. Tomus III. Eastern Iranian Languages]. Moskva, Izdatel'stvo “Indrik” [Moscow, Publishing house “Indric”], 1999, pp. 95–104. (In Russian)
8. Edelman Zh.I. Xorezmijskij jazyk [The Khwarezmian language]. *Osnovy iranskogo jazykoznanija: Sredneiranskie i novoiranskie jazyki* [The fundamentals of Iranian linguistics: Middle and New Iranian languages]. Moskva, “Vostochnaja literatura” RAN [Moscow, Publishing house “Eastern literature” Academy of Sciences in Russia], 2008, pp. 6–60. (In Russian)
9. Abdullaev F. Zamaxshariyning “Muqaddamat al-adab” asari va uning tili haqida [About the work of Zamaxshariy called “Mukaddamat ul-adab” and about its language]. *Zhurnal O'zbek tili va adabijati* [Journal The Uzbek language and literature], Tashkent, 1978, no 4, pp. 50–55. (In Uzbekian)
10. Beruniy Abu Rayhon. *Qadimgi xalqlardan qolgan jodgorliklar* [Chronology]. Tanlangan asarlar. Tom I [Collection of works. Vol. I], Tashkent, Publishing house “Science”, 1968. 488 p. (In Uzbekian)
11. Kashgarij Makhmud. *Devani lug'atit-turk*. Tom I [Compendium of the Turkic words. Vol. I]. Tashkent, Publishing house of the Academy of Sciences of the UzSSR, 1960. 499 p. (In Uzbekian)
12. Matnijazov A.R. Qadimgi Xorazmda jozuv madaniyati [Culture of script in Ancient Khorezm] // *Znachenie kul'turnogo nasledija v ustojchivom razvitii mezhdunarodnogo turizma po velikomu shelkovomu puti* [The role of cultural heritage in sustainable development of international tourism along The Great Silk Road]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferencii, Xiva, 9 sentabrja 2017 g.* [The material of International scientific-practical conference, Khiva City, on 9th of September in 2017]. Urgench, Publishing house “Kuvanchbek-Mashkhura”, 2017, pp. 107–123. (In Uzbekian)
13. Sachau E. *Chronologic Orientalischer volker von Albiruni herausgegeben von Dr. Edward Sachau*. Leipzig, 1878. 464 s. (In Deutsch)
14. Samadi M. *Das Khwarezmian verb*. Viesbaden, Publishers Otto Harrassowitz, 1986. 335 p. (In Deutsch)
15. Togan Z.V. *Documents on Khorezmian Culture. Part I: Muqaddimat al-Adab, with the Translation in Khwarezmian*. Istanbul, Publishers in Universitety of Istanbul, Publishers of the University of Istambul, 1951. 532 s. (In Turkish).

ИНСТРУМЕНТ ИЛИ СОБЕСЕДНИК?

Л. А. Месеняшина

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

В статье обсуждается вопрос о том, в каком отношении возможна взаимозаменяемость человека и компьютера и в каких функциях такая взаимозаменяемость возможна. Анализ литературы по этому вопросу позволил прийти к выводам о том, что существуют функции, в которых человеческий интеллект и искусственный интеллект взаимозаменяемы, к числу последних относятся фатическая, когнитивная, конативная и частично метакоммуникативная функции.

Ключевые слова: *общение, коммуникация, функции коммуникации, типы диалогов, орудийность.*

Введение. Непосредственным импульсом к настоящей статье послужила стихийная неформальная дискуссия между коллегами о том, можно ли считать общением обмен информацией между человеком и компьютером, между человеком и ботом Яндекса Алисой, между человеком и собакой и т. п.

Проблема общения человека с собакой и другими домашними животными оказывается частью более широкого круга проблем — проблем речевого взаимодействия человека с неговорящим собеседником. Этой проблеме посвящена достаточно обширная литература, исследующая речевое взаимодействие человека с неговорящими младенцами [6; 7], детей дошкольного возраста с игрушками (главным образом куклами [11], взрослых людей с неодушевленными предметами [1], с собаками и другими домашними животными [3; 4; 5]. В 2018 году на кафедре русского языка и литературы Челябинского госуниверситета студенткой А. С. Звездиной была защищена ВКР «Дискурс коммуникации с домашними животными: функции и жанры», где было доказано, что коммуникация человека с домашними животными — это действительно особый род общения, в котором преобладают, в терминологии Р. О. Якобсона, фатическая, конативная и экспрессивная функции¹. Что же касается диалога с таким собеседником, как неговорящий младенец, то, как показывают исследования В. В. Казаковской [6; 7] и С. Н. Цейтлин [15], к этому перечню необходимо прибавить лингводидактическую функцию, которая, как было доказано О. Ю. Редькиной, является частным случаем метаязыковой функции [13].

¹См. Якобсон Р. О. Язык в отношении к другим системам коммуникации; пер. с англ. Н. Н. Перцовой // Избранные работы / Р. О. Якобсон. — Москва: Прогресс, 1985. — С. 319—330.

Что же касается речевого взаимодействия человека с «Алисой» и вообще с компьютером, то этот вопрос требует отдельных размышлений, некоторыми из результатов которых и планируется поделиться в настоящей статье.

1. Для ответа на вопрос, что представляет собой взаимодействие человека с информационный ботом и вообще компьютером, важно прежде всего ответить на следующие вопросы: 1) что такое общение, то же самое ли это, что и коммуникация, или нет; 2) какие из функций коммуникативного акта может взять на себя компьютер, в том числе и информационный бот; 3) какие типы диалога возможны только между людьми.

1.1. Количество конкретных определений того, что считать коммуникацией, не поддается исчислению. Современная лингвистическая теория предлагает несколько подходов к определению данного понятия. Среди лингвистов широко распространено отождествление коммуникации и общения. «Если мы будем трактовать коммуникацию в широком смысле как общение, — отмечает В. И. Карасик, — (в отличие от узкого понимания рассматриваемого явления как системы способов и каналов общения), то следует признать, что основной целью общения является поддержание единства человека и общества, диалектическое преодоление и подтверждение отдельности человека. Общение как форма человеческого взаимодействия отражает социальную сущность человека» [8. С. 285]. Эта позиция поддерживается и Лингвистическим энциклопедическим словарем: «Коммуникация — (лат. communicatio, от communico — делаю общим, связываю, общаюсь) — общение, обмен мыслями, сведениями, идеями и т. д. — специфическая форма взаимодействия людей в процессе их познавательно-трудовой деятельности» [9. С. 233].

1.2. Однако для решения задач когнитивно-дискурсивного и прагмалингвистического характера ученые стремятся разводить эти понятия. Так, А. В. Прокопеч, проанализировав интерпретации категории коммуникации и общения в трудах классиков коммуникативистики и современных когнитологов и прагмалингвистов, приходит к выводу, что коммуникация и общение — «явления взаимодополняющие, но отнюдь не тождественные» и видит различия между ними в том, что человеческая коммуникация — «это специфическая локально-темпоральная форма динамически организованной, лингвистической и паралингвистической интеракции двух и более коммуникантов с целью передачи/получения/обмена информацией, того или иного воздействия на собеседника, необходимого для осуществления совместной деятельности» а общение является «непосредственной, прямой формой обмена эмоционально-аффективной информацией» [12]. Иначе говоря, общение является частным случаем межличностной коммуникации. На это же указывают Л. В. Володина и О. К. Карпухина: «Коммуникационная деятельность осуществляется в обществе в трех формах: 1) *общение* — диалог равноправных партнеров; 2) *управление* — целенаправленное воздействие коммуникатора на получателя информации; 3) *подражание* — заимствование образцов поведения, стилей общения, образа жизни одних членов общества другими. Благодаря подражанию из поколения в поколение передаются язык, традиции, знания, умения» [2].

2.1. Итак, ответ на первый вопрос найден: общение является частным случаем коммуникации. Для ответа на второй вопрос: какие из функций коммуникативного акта может взять на себя компьютер, в том числе и информационный бот, — необходимо вспомнить, какие вообще функции осуществляются в процессе коммуникации.

Несмотря на то, что вопрос о количестве и составе этих функций тоже является дискуссионным, позволим себе выбрать хрестоматийный перечень этих функций, разработанный Р. О. Якобсоном и включающий в себя экспрессивную, конативную, коммуникативную (когнитивную), фатическую, метаязыковую и поэтическую (эстетическую).

2.2. В качестве вспомогательной информации нам может оказаться полезной разработанная Ю. В. Рождественским классификация диалогов в зависимости от состава целей и характера отношений между участниками диалога. То, что диалог («разговор двух и более лиц») является частным случаем коммуникации, в доказательствах не нуж-

дается. На выработанных Ю. В. Рождественским основаниях выделяются следующие классы диалогов: 1) командный, 2) информационный, 3) обучающий, 4) соревновательный (эристический), 5) диалектический, 6) майевтический¹ (гомилетический), 7) совещательный и 8) общий практический диалог [14]. Командный диалог, как отмечает Ю. В. Рождественский, характеризуется тем, что а) участники его неравноправны социально; б) инициатива в диалоге принадлежит лицу, занимающему более высокое социальное положение; в) цель диалога совпадает с целью инициатора; г) цель состоит в том, чтобы принудить собеседника к совершению определенных целей; д) ответная реплика может носить невербальный характер. Информационный диалог характеризуется следующими признаками: а) информационное неравноправие участников; б) инициатива принадлежит лицу менее информированному; в) цель диалога совпадает с целью инициатора; г) цель состоит в получении необходимой для инициатора информации. Обучающий диалог характеризуется следующими признаками: а) информационное неравноправие участников; б) инициатива принадлежит лицу более информированному; в) цель диалога совпадает с целью инициатора; г) цель состоит в сообщении собеседнику необходимой информации. Соревновательный диалог, называемый также эристическим (от греч. *Eristikos* — спорящий) характеризуется тем, что а) участники диалога социально равноправны, по этой причине пункт б) (т. е. кому принадлежит инициатива диалога) нерелевантен; в) цель диалога совпадает с целью каждого из участников; г) цель каждого из участников — одержать победу в споре любой ценой. Диалектический диалог характеризуется тем, что а) участники диалога социально равноправны, по этой причине пункт б) (т. е. кому принадлежит инициатива диалога) нерелевантен; в) цель диалога совпадает с целью каждого из участников; г) цель каждого из участников — найти истину, выработать общее знание; д) важнейший признак диалектического диалога — отсутствие антагонизма между участниками. Майевтический, или гомилетический диалог характеризуется следующими признаками: а) информационное, и, вследствие этого, социальное неравноправие участников, б) инициатива принадлежит более информированному участнику; в) цель диалога совпадает с целью каждого из участников; г) цель состоит в актуализации

¹От др.-гр. «майевтика» — родовспоможение.

уже известной собеседнику информации с тем, чтобы укрепить в нем определенное отношение к этой информации. Совещательный диалог характеризуется тем, что а) участники диалога социально равноправны, по этой причине пункт б) (т. е. кому принадлежит инициатива диалога) нерелевантен; в) цель диалога совпадает с целью каждого из участников; г) цель каждого из участников — достижение консенсуса, ведущего к дальнейшим общим действиям. Общий практический диалог характеризуется тем, что а) вопрос о равноправии/неравноправии участников нерелевантен; б) вопрос об инициаторе нерелевантен; в) цель диалога совпадает с целью каждого из участников; г) цель состоит в побуждении участников к совершению определенных совместных действий; д) часть реплик может носить невербальный характер.

2.3. Нетрудно заметить, что в некоторых из этих диалогов одного из коммуникантов можно заменить ботом. К их числу относится командный и информационный диалоги. Можно ли составление и особенно отладку компьютерной программы считать частными случаями обучающего и майевтического диалогов — это еще один вопрос к специалистам по искусственному интеллекту. Но столь же очевидно, что такая замена невозможна во всех остальных диалогах. В эристическом — потому, что у бота отсутствует самолюбие, в диалектическом — потому что знание для бота не самоцель; в совещательном — потому, что согласие требует совпадения в значительной части ценностной системы коммуникантов, а у бота такой категории нет. Правда в том, что касается общего практического диалога, не исключено, что хорошо отлаженный робот со временем сможет принять в нем участие, другое дело — насколько это целесообразно — привлекать робота к такому диалогу.

Как видим, в некоторых типах диалогов, как особых типах коммуникативного взаимодействия, информационный бот может с успехом заменить человека. Рассмотрим, какие именно из множества функций коммуникативного акта может выполнять информационный бот. К числу таковых относятся: 1) фатическая, т. к. бот может устанавливать и поддерживать контакт; 2) когнитивная, т. к. бот может сообщать некую информацию; 3) конативную, т. к. в пределах решения определенной задачи бот может руководить действиями человека. Возможно, бот может, хотя бы частично, выполнять метаязыковую функцию, поскольку в случае некорректно сформулированного информационного запроса со стороны человека, бот может предложить свой вариант формулировки запроса.

3. А теперь повернем вопрос иначе: если в перечисленных функциях компьютер может заменить человека, значит и человек в перечисленных функциях фактически играет роль служебно-вспомогательную — роль инструмента в коммуникативном процессе? Впрочем, в этом как раз нет ничего удивительного. Вся история человечества — это история передачи рутинных функций человеческой деятельности машинам. Другое дело — то, что и в сфере собственно человеческой коммуникации — в сфере общения, человек может также играть роль инструмента. Ведь в майевтическом диалоге именно собеседник помогает другому участнику коммуникации осознать факт наличия у него некоторого знания. А в диалектическом диалоге его участники помогают друг другу прийти к истине. Отсюда следует, что не только компьютер может быть орудием, инструментом познания, но человек может быть таким орудием, причем не только там, где он может быть заменен машиной, но и там, где он заменен быть не может.

И наконец, процесс автокоммуникации [10. С. 26], где путем смены кода и контекста личность перестраивает сама себя, т. е. сама для себя оказывается и субъектом коммуникации, и орудием, и продуктом коммуникативного процесса.

Из всех этих, в сущности схоластических, рассуждений следуют **выводы** вполне практического характера.

1. Искусственный интеллект может являться орудием познавательного процесса для человека.
2. Человеческий интеллект также может являться орудием познавательного процесса для человека.
3. Существуют функции, в которых человеческий интеллект и искусственный интеллект взаимозаменяемы.
4. Из факта наличия орудийного потенциала у человеческого интеллекта не следует, что сущность потенциала человеческого интеллекта сводится к орудийности. Отсюда следует, что существуют такие сферы человеческой деятельности, которые не исчерпываются собственно орудийным потенциалом личности, в частности сфера образовательной деятельности.

И в **заключение** — вопросы, которые хотелось бы адресовать именно специалистам по созданию а) нового программного обеспечения и б) компьютеров новых поколений, которые в виде электронной схемы реализуют то, что в предыдущем поколении входило в программное обеспечение.

1. В чем состоит коммуникативное различие между взаимодействием с компьютером «пользо-

вателя» и программиста и, тем более, создателя новых поколений компьютеров?

2. Можно ли составление и особенно отладку компьютерной программы считать частными случаями обучающего и майевтического диалогов?

3. Если согласиться с тем, что сознание — продукт интериоризации общения, а компьютер мо-

жет интериоризировать коммуникацию (ибо что есть реализация в виде электронной схемы того, что ранее входило в программное обеспечение, как не интериоризация предыдущего уровня взаимодействия программиста с компьютером?) то возможен ли компьютерный аналог сознания?

Список литературы

1. Байкулова, А. Н. Речевое общение в семье: роль в нём животных, растений и предметов вещного мира / А. Н. Байкулова // Известия Саратовского университета. Сер.: Филология. Журналистика. — 2008. — № 2. — С. 14—20.

2. Володина, Л. В. Деловое общение и основы теории коммуникации (спец. 350400) / Л. В. Володина, О. К. Карпухина / СПбГУТ. — СПб., 2002 [Электронный ресурс] / <https://scicenter.online/obschenie-delovoe-scicenter/delovoe-obschenie-osnovyi-teorii-kommunikatsii.html>.

3. Ермакова, О. П. Разговоры с животными: (лингво-психологические заметки) / О. П. Ермакова // Разновидности городской устной речи: сб. науч. тр. / под ред. Д. Н. Шмелёва, Е. А. Земской. — Москва: Наука, 1988. — С. 240—246.

4. Ермакова, О. П. Речевой портрет собаки [Текст] / О. П. Ермакова // Лики языка: к 45-летию научной деятельности Е. А. Земской / отв. ред. М. Я. Гловинская. — Москва: Наследие, 1998. — С. 94—104.

5. Ермолова, О. Б. Лингвистические особенности общения человека с домашними животными [Текст] / О. Б. Ермолова // Вестник Пермского университета. Сер.: Российская и зарубежная филология. — 2015. — № 4 (32). — С. 58—66.

6. Казаковская, В. В. Вопрос и ответ в диалоге «взрослый — ребёнок» / В. В. Казаковская. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: ЛИБРОКОМ, 2011. — 448 с.

7. Казаковская, В. В. Классификация реплик взрослого в диалоге с ребёнком [Текст] / В. В. Казаковская // Проблемы функциональной грамматики: принцип естественной классификации / отв. ред. А. В. Бондарко, В. В. Казаковская. — Москва: Языки славянской культуры, 2013. — С. 402—430.

8. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград: Перемена, 2002. — 477 с.

9. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — 2-е изд., доп. — М.: Большая рос. энцикл., 2002. — 709 с. Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс] / Электронная библиотека ИФ РАН / <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH018dd6e872549db6296a3b8d> (Дата обращения: 29.05.2019)

10. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история / Ю. М. Лотман / М.: Языки русской культуры. — 1996. 464 с.

11. Петрова, Т. И. Структурные особенности инсценированного квазидialogа в сравнении с собственно диалогом / Т. И. Петрова // Ребенок как партнер в диалоге: Труды постоянно действующего семинара по онтолингвистике. Вып. 2. — СПб.: Союз, 2001. С. 95—120.

12. Прокопец, А. В. «Общение» и «коммуникация»: соотношение понятий в свете полипарадигмального состояния современной лингвистики / А. В. Прокопец // Филологические науки. № 30—1, 13.01.2015. <https://novainfo.ru/article/2895>.

13. Редькина, О. Ю. Характер соотношения языковых функций в рамках дидактического дискурса / О. Ю. Редькина, В. С. Захаров // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2016. — № 7 (389). — Филологические науки. Вып. 101. — С. 60—64.

14. Рождественский, Ю. В. Теория риторики: учебное пособие / Ю. В. Рождественский / 5-е изд. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. 544с.

15. Цейтлин, С. Н. Язык и ребёнок [Текст]: лингвистика детской речи: учебное пособие для студентов вузов / С. Н. Цейтлин. — Москва: Владос, 2000. — 239 с.

Сведения об авторе

Месеняшина Людмила Александровна — доктор педагогических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Челябинского государственного университета. meseniashing@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 10 (432). *Philology Sciences. Iss. 118. Pp. 98—103.*

TOOL OR INTERLOCUTOR?

L.A. Mesenyashina

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. meseniashing@mail.ru

This paper discusses the questions of different kinds of communication, for example communication between human and tacit interlocutor, between human and computer. Special attention is paid to the question whether it is possible to interchange humans and machines and what functions they would obtain in case of the interchange. The analysis of the research on this problem permits to come to the conclusion that there are functions in which human intelligence and artificial intelligence are interchangeable, the latter include phatic, cognitive, conative and partially metalinguistic function. It is found out that changing one of the communicators of information is possible in the bot command and information types of dialogues. The question of the possibility of such a replacement in homiletics and learning types of dialogue remains controversial.

Key words: *communication, interpersonal communication, communication functions, types of dialogues, ability to be an instrument.*

References

1. Baikulova A.N. Rechevoe obscheniye v sem'e: rol' v nem zhivotnykh, rastenij i predmetov veshhnogo mira [Speech communication in family: role of animals, plants and material objects in it]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Ser. : Filologia. Zhurnalistika* [Izvestiya of Saratov University. Series: Philology. Journalism]. 2008. Iss. 2. P. 14–20. (In Russ.).
2. Volodina L.V., Karpukhina O.K. *Delovoje obshhenije I osnovy teorii kommunikatsii* [Business communication and communication theory] (specialty 350400). St. Peterburg : St.Peterburg State Telecommunication University Publ., 2002. Available at <https://scicenter.online/obschenie-delovoe-scicenter/delovoe-obschenie-osnovyi-teorii-kommunikatsii.html>. (In Russ.).
3. Ermakova O.P. Razgovory z zhivotnymi (lingvo-psikhologicheskie zametki) [Conversations with animals (linguistics and psychological notes)]. *Raznovidnosity gorodskoi ystnoi rechi. Sbornik naychnykh statei* [Urban spoken speech varieties. Proceedings]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 240–246. (In Russ.).
4. Ermakova O.P. Rechevoj portret sobaki [Speech portrait of a dog]. *Liki jazyka. K 45-letiju nauchnoj dejatel'nosti E.A. Zemskoj* [Faces of the language]. Moscow: Nasledije Publ. 1998. P. 94–104. (In Russ.).
5. Ermolova O.B. Lingvisticheskie osobennosti obshhenija cheloveka s domashnimi zhivotnymi [Linguistic features of human-to-pet communication]. *Vestnik Permskogo Universiteta* [Perm University Bulletin. Russian and Foreign Philology]. 2015, Issue 4 (32), pp. 58–66. (In Russ.).
6. Kazakovskaja V.V. *Vopros I otvet v dialoge "vzroslyj – reb'onok* [Question and answer in 'adult – child' dialogue]. Moscow, LIBROCOM Publ., 2011. 448 p.
7. Kazakovskaja V.V. Klassifikatsija replik vzroslogo v dialoge s reb'onkom [Classification of adult remarks in dialogue with a child]. *Problemy funktsionalnoj grammatiki: printsip estestvennoj klassifikatsii* [Problems of functional grammar. Principle of natural classification]. Moscow, Jazyki slav'anskoj kultury Publ., 201, pp. 402–430.
8. Karasik V.I. *Jazykovoy krug I lichnost* [Language circle and an individual]. Volgograd, Peremena Publ., 2002. 477 p. (In Russ.).
9. Yartseva V.N. (gen. ed.) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow, The Great Russian Encyclopedia Publ., 2002. 709 p. (In Russ.)

10. Lotman J.M. *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera - istoria* [Inside cogitative worlds. Person — text - semiosphere — history]. Moscow, Jazyki russkoi kultury [Russian culture languages] Publ., 1996. 464 p. (In Russ.).

11. Petrova T.I. Strukturnye osobennosti instsenirovannogo kvazidialoga v sravnenii s sobstvenno dialogom [Structural featuers of dramatized dialogue in comparison with actual dialogue]. *Reb'onok kak partn'or v dialoge. Trudy postojanno deistvujuzhhego seminara po ontolingvistike* [Child as a partner in a dialogue. Works of a permanent seminar on ontolinguistics]. Iss. 2, St.Peterburg, Sojuz Publ, 2001, pp. 95-120. (In Russ.).

12. Prokopets A.V. “Obschenie” i “kommunikatsija”: sootnoshenie poniatij v svete poliparadigmalnogo sostojania sovremennoi lingvistiki [“Obschenie” and “communication”: Correlation of concepts in the light of the poliparadigmatic state of modern linguistics]. *Filologicheskie nauki* [Philology Sciences], 2015, 13.01.2015, no 30-1. Available at <https://novainfo.ru/article/2895>, accessed 31.05.2019. (In Russ.).

13. Red'kina O.J., Zakharov V.S. Kharakter sootnoshenija jazykovykh funktsij v ramkakh didakticheskogo diskursa [Character of language functions correlation in didactic discourse]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2016, No 7 (389), Philology Sciences, Iss. 101, pp. 60–64. (In Russ.).

14. Rozhdestvenskiy J.V. *Teoria ritoriki* [Rhetoric theory: textbook]. Moscow, FLINTA: Science Publ, 2015. 544 p. (In Russ.).

15. Tseitlin S.N. *Jazyk I reb'onok: lingvistika detskoj rechi* [Language and child: linguistics of child speech]. Moscow : Vldos Publ. 2000. 239 p.

ОСОБЕННОСТИ МАНИПУЛЯТИВНОЙ СТРАТЕГИИ В РЕКЛАМЕ БЕЗРЕЦЕПТУРНЫХ МЕДИЦИНСКИХ ПРЕПАРАТОВ

Э. Р. Минлибаева

Башкирский государственный университет, Уфа, Россия

Статья посвящена анализу и описанию особенностей манипулятивной стратегии, репрезентируемой в рекламном медицинском дискурсе безрецептурных препаратов. Данный дискурс, как и любой другой подтип рекламного дискурса, содержит информацию о рекламируемом товаре. Целью рекламного дискурса является привлечение внимания реципиента и убеждение приобрести товар с помощью различных вербальных и невербальных средств, группируемых особым образом.

Ключевые слова: рекламный медицинский дискурс, вербальные средства, невербальные средства, манипулятивная стратегия, реципиент, адресант.

Современные коммерческие рекламные тексты [8. С. 158] содержат не столько информацию о товаре, сколько демонстрируют приятные последствия приобретения, в нашем случае, безрецептурного медицинского препарата, которые покупатель получит вместе с рекламируемым товаром. Помимо перечисления положительных качеств товара, в рекламе содержится информация о различных ценностях, приятных вещах, окружающих человека, не связанных с препаратом вообще. Реклама апеллирует больше к эмоциям, а не к разуму, стремясь благоприятно воздействовать на покупателя.

Данный вид текста представляет собой специфический акт персуазивной коммуникации, в которой с помощью языковых и неязыковых средств осуществляется передача рекламного сообщения от адресанта к адресату. Адресат способен купить то, что даже ему и не нужно, если реклама настолько сильно повлияла на него. Адресант стремится ненасильственным путем воздействовать на установку реципиента, ввести его в заблуждение [2. С. 108].

Метод эмоционального воздействия иррационален, однако, в результате приносит определенное удовлетворение, например, как просмотр фильма. С помощью скрытых приемов реализуется манипулятивная стратегия, которая на подсознательном уровне воздействует на реципиента, пробуждает в нем стандартные потребности.

Манипуляция может быть интеллектуальной, эмоциональной, либо интеллектуально-эмоциональной [12. С. 48]. Довольно сложно определить место манипуляции в рекламной деятельности. Схожие во взглядах авторы могут высказывать противоположные взгляды на данную проблему.

Некоторые исследователи считают, что суть манипуляции заключается в побуждении человека к действию. В таком случае манипуляцией может быть любая реклама [7. С. 379]. Другие рассматривают данный термин как «зомбирование» аудитории. При таком рассмотрении психологические и любые другие манипуляции в рекламе есть миф [9. С. 43].

Следует заметить, что манипуляция представляет собой широкомасштабный феномен, представленный почти во всех сферах социальной жизни и мотивирующий на определенное действие адресата без его одобрения. Специалисты в области общественных наук отмечают, что эффективное изменение в поведении и принятии решений не может быть достигнуто без применения определенной степени манипуляции. Этот трудный для понимания феномен находится на стыке мотивирующих действий. Не случайно реклама трактуется в некоторых случаях как искусство влияния на мнения и образ жизни, которое с помощью средств коммуникации должно быть осуществлено [14. С. 4].

Манипуляция часто сравнивается с искусством влияния на поведение человека. Реклама же находится в позиции противоречия между манипуляцией и искусством. Несомненно, реклама обладает признаками искусства, поскольку для ее создания требуется определенный рекламный образ, который будет реализоваться с помощью умелого сочетания различных приемов привлечения внимания. Рекламные компоненты должны дополнять друг друга, чтобы донести определенную мысль до адресата. Особенно это касается рекламных роликов, которые представляют собой короткометражные фильмы и делятся в основ-

ном не более 10 минут. В печатной рекламе также рассказывается своего рода маленькая история. Следует компактно изложить информацию о товаре, передать ключевые моменты, а не размещать сплошной текст, поскольку реципиент не станет читать такую рекламу. Чем оригинальнее реклама, тем больше шансов, что на нее обратят внимание и прочтут. Подобная реклама надолго отложится в памяти, поскольку она тщательно разрабатывается, её стараются сделать ярче и оригинальнее рекламы конкурентов [13. С. 121].

В современной научной литературе манипуляцию характеризуют как искусство управлять мышлением и поведением людей с помощью целевого воздействия на общественное сознание. Сегодня манипулирование является востребованным явлением ввиду конфликта между интересами рекламодателя-манипулятора (навязать свое) и потребителя (приобрести хороший товар), а также конкурентной борьбы между рекламодателями. По своей природе манипуляция помогает сглаживать эти конфликты, создает иллюзию самостоятельности принятия решений реципиентами. С манипуляцией сознанием можно столкнуться во всех сферах общественной жизни. Ряд европейских ученых (в особенности Гюстав Ле Бон) делали акцент на значении внушения в общественных процессах. Необходимо различать внушение и убеждение, как непосредственные составляющие воздействия.

Внушение осуществляется посредством манипулятивного метода, для сохранения самобытности восприятия индивида также действует контрвнушение. Убеждение — процесс логического обоснования, в ходе которого приводятся факты, аргументы и разъяснения с целью добиться результата. В убеждении активно участвует субъект, где ему предлагается ряд доводов, которые он осмысливает и может либо принять, либо отвергнуть. В отличие от убеждения внушение проникает в психическую сферу (помимо личного сознания), входя без особой переработки непосредственно в сферу общего сознания и укрепляясь там в качестве предмета пассивного восприятия. В отличие от убеждения, внушение прямо связывается с манипуляцией сознанием, представляет собой вторжение в сознание посторонней идеи и не предполагает прямое и непосредственное участие в этом процессе «Я» субъекта.

В сознании с помощью внушения осуществляется подмена объекта суждения, которая производится путем умелого создания контекста, где мысли идут в необходимом для манипулятора

направлении. Система ценностей навязывается манипулятором тайно. Безусловно, манипуляция требует от разработчиков рекламных текстов значительного мастерства и знаний. Через воображение манипулятор может воздействовать как и на мышление, так и на чувства. Сочетание воображения и чувств обладает максимальной подвижностью и уязвимостью перед манипуляцией. Умелое направление воображения может привести к массовому «заражению» настроением и даже действием. Технологии манипуляции сознанием обладают неограниченным запасом «раздражителей», способные привлекать, переключать или рассеивать внимание, влиять на его устойчивость и интенсивность. Это касается всех способов подачи зрительной и слуховой информации, всех характеристик ее содержания и формы (вплоть до использования логических, орфографических ошибок в качестве средства привлечения внимания) [1. С. 23; 3. С. 2; 16. С. 32].

Современные средства рекламы представляют собой весьма важные информационные источники и эффективный инструмент воздействия на массовое сознание, массовое поведение. Реклама присутствует во всех сферах жизнедеятельности общества, является существенным, устойчивым фактором влияния на общественное сознание в целом. Человечество вошло в качественно новую, сложную и противоречивую стадию развития, которая называется информационным обществом. Исследование данного понятия является важной теоретической и практической задачей. Совершенствуются различные рекламно-информационные и коммуникативные технологии, появляются глобальные системы по обработке, накоплению и передаче информации. Все эти факторы приводят к обогащению всего информационного пространства. Индустрия рекламных технологий оказывает значительное влияние на сознание человека, транслирует определенные ценности, мнения об окружающем мире, мысли, чувства, определенные действия. Массовая коммуникация создает «вторую, субъективную» реальность для человека, становится частью его повседневной жизни. Современная наука предлагает революционные открытия в области исследования психики и сознания человека, в результате которого возникает проблема защиты от различных негативных последствий рекламного воздействия посредством каналов массмедиа.

Любые чувства, которые способны отключить здравомыслие, могут являться средством успешного рекламного влияния, но рекламисты стремятся

«раскручивать» чувства, которые «актуализированы» в массовом сознании. При трансформации массового сознания особый акцент делают на страхе человека «быть отверженным обществом» вследствие того, что он принадлежит к нескольким социальным группам. В итоге человек стремится придерживаться ценностей того общества, к которому он принадлежит.

Основная роль рекламы — это информативная функция (ознакомление со свойствами товара). Развлекательная функция реализуется с помощью воздействия на желания, эмоции человека. Воздействующая функция осуществляется с помощью отражения потребностей массового реципиента. У реципиента возникает желание купить то, что не нужно. Потребители приобретают не сколько продукт, сколько брэнды, которые удовлетворяют физические, либо психологические потребности. Благодаря ярким иллюстрациям, либо необычному слогану, занятой истории рекламы надолго остаются в памяти реципиентов [14. С. 5; 10. С. 21, 5. С. 99; 17. С. 7]. Таким образом, рекламодатели стремятся воздействовать на чувства и эмоции реципиента, внушая желание приобрести рекламируемый товар.

В ситуации с безрецептурными препаратами манипулируют, в первую очередь, главной ценностью человека — здоровьем. По данным исследований, более 90% покупок совершают импульсивно, необдуманно. Главная задача внушения заключается в снижении порога осознанности, а соответственно, и критичности восприятия окружающего. Если с помощью внушения трудно изменить предпочтения человека, то существуют способы влияния на его выбор. Для изменения установок потенциальных покупателей используются такие приемы, как, например, демонстрация поведения, когда люди в рекламе разыгрывают ситуацию с рекламируемыми товарами и показывают, как они эффективно помогают.

В современных реалиях человек беспокоится о своем внешнем виде. Самоутверждение в обществе идет именно от понимания, насколько человек хорошо выглядит в социуме. Люди много заботятся о своем здоровье, уделяют время на то, чтобы быть красивыми. Мировые знаменитости, эксперты или профессионалы, рекламирующие товар, внушают ещё больше доверия рекламе. Каждый рекламодатель стремится подчеркнуть уникальность, оригинальность товара, поэтому прибегает к стандартным эпитетам, которые помогают выделиться на фоне других товаров. Эффективной тактикой

является пробуждение чувства вины и беспокойства быть не принятым обществом. Повтор слов, использование крылатых фраз помогает создать визуальную информацию [18. С. 233].

При написании рекламы прибегают не только к языковым средствам, но и к неязыковым (иллюстрации, шрифты, расположение текста на поверхности) [6. С. 109]. Изображение способно передать множество мыслей, вызывает большие эмоции, чем просто текст. Реципиент обращает внимание сначала на иллюстрации, а потом начинает декодировать текст. Несомненно, реклама с цветной иллюстрацией намного успешнее, она бросается в глаза и откладывается в памяти, представляя собой мир грез, в котором людям и вещам придается символическое значение [18. С. 235]. Все позитивные изображения идентифицируются с результатом, который принесет рекламируемый безрецептурный медицинский продукт. Цель заключается в пробуждении у реципиента приятных эмоций, связанных с этим продуктом [10. С. 19].

Так, например, в тексте рекламы спрея от боли в горле изображен медведь на фоне леса и чистого неба, с целью показать, что препарат создан из натуральных компонентов (рис. 1). Рекламный слоган выделен заглавными буквами «WENN IM HALS DER BÄR LOS IST», который представляет собой разговорно-окраженный фразеологический оборот по аналогии с оборотом «einen Frosch im Hals haben», означающим «хрипеть», «иметь больное горло». Двоеточие позволяет компактно передать информацию о том, что в случае «медведя в горле», нужно использовать «EMS HALSCHMERZ-SPRAY AKUT». Так же и в рекламе препарата от кашля для детей: «Mit Liebe und Sorgfalt entwickelt: Unsere neuen Arznei- und Kräuterteemischungen für Ihr Kind» (рис. 3). Заглавные буквы, позволяют задержать внимание адресата на основной информации: «STARKE Wirkung — 1005 natürliche, wirkweise», «NEU». Они привлекают внимание за счет того, что выделены такими яркими цветами, как зеленый и красный. Выделенная желтым фраза «Mit echtem Honig» делают рекламу еще интереснее, поскольку приятное на вкус лекарство, по сравнению с обычными горькими лекарствами, многим нравятся. Для лег-

кости чтения положительные качества препарата перечисляются с использованием такого пунктуационного оформления, как буллиты.

Глаголы в рассматриваемой рекламе употребляются в настоящем времени с целью убеждения потенциальных покупателей в положительных качествах рекламируемого препарата: «lindert Halsschmerzen, spült Viren und Bakterien aus, fördert die Heilung» [7. С. 82]. С помощью причастия первого (Partizip I) приводится список в виде буллитов: «Schnell wirksam, entspannend, drucklösend, entblähend». Данное перечисление представляет собой такой прием, как асиндетический повтор, который является разновидностью повтора. Данная фигура речи является средством логического удара [4. С. 1483].

Такой лингвостилистический прием, как эллипсис, является частым приемом рекламы, поскольку помогает изложить основную информацию, не используя некоторые члены предложения: «lindert Halsschmerzen, spült Viren und Bakterien aus, fördert die Heilung»; «wirkt zuverlässig durch Simeticon».

В тексте рекламы препарата для желудка используется яркая иллюстрация — радостная девушка, которая с удовольствием ест имбирные пряники на фоне рождественских украшений и рождественской елки (рис. 2). Лозунгом в рекламе является «Schenken Sie Ihrem Bauch Entspannung». Использование повелительного наклонения и притяжательного местоимения в слогане является

частыми приемами в рекламе. Повелительные конструкции применяются как средства вербальной выразительности, с помощью визуального дополнения оказывают влияние на адресата. Повелительное наклонение в сочетании с вежливой формой «Sie» помогают установить доверительные отношения с реципиентом, передать уверенность адресанта в истинности информации, а также снизить уровень потенциального давления, характерного для императива [6. С. 113]. На упаковке изображены различные травы, красным выделяются положительные качества «gelatenfrei, extra

stark, pflanzliche Kapselhülle» [11. С. 15]. Другая дополнительная информация вместе со слоганом фирмы Klosterfrau («Wissen, was Natur kann») выделена синим цветом: «Die kleinen Kapseln wirken schnell und befreiend». Также и на упаковке применяется синий цвет для того, чтобы в сознании адресата возникали ассоциации с рекламируемым средством.

В следующей рекламе используется фото девушки, обнимающей своего ребенка (рис. 3). Естественно, в первую очередь, это привлекает внимание родителей, поскольку в данном случае рекламируется препарат для детей. Слоганом рекламы является афоризм — «Liebe ist die beste Medizin». Информация «JETZT NEU in Drogerie- und Verbrauchermärkten» выделяется зеленым. Заглавные буквы позволяют выделить основную информацию, преподнести дополнительную информацию о продукте как о некой сенсации. В рекламе подчеркивается, что препарат разработан с любовью и старательностью: «Mit Liebe und Sorgfalt entwickelt: Unsere neuen Arznei- und Kräuterteemischungen für Ihr Kind». Двоеточие с эллипсисом позволяет сократить предложение и передать только все самое нужное и необходимое.

Анализ примеров показал, что в рассматриваемых нами рекламах в сфере медицинского дискурса умело манипулируют такими ценностями, как любовь и сострадание. Для создания более доверительных отношений между составителем рекламного текста и реципиентом используются притяжательные местоимения «Ihr», «Unsere». Они дают возможность не употреблять придаточные определительные предложения, которые являются менее экономичными. Благодаря данному морфологическому средству создается адресность, осуществляется прямое обращение непосредственно к реципиентам [6. С. 122].

Почти в каждой рекламе лекарственных препаратов авторы стремятся подчеркнуть, что эти препараты состоят из натуральных компонентов. С этой целью изображаются различные лечебные травы.

Другой слоган данной фирмы (Bad Heilbrunner) приводится ниже — «Alles Gute aus der Natur» [11. С. 15].

В следующей рекламе этой же фирмы «Klosterfrau» манипуляция осуществляется, в том числе, с помощью изображения женщины, наслаждающейся спокойствием на лоне природы (рис. 4). Делается это с целью того, чтобы у реципиента в памяти остался данный текст рекламы с приятным изображением и он, в случае проблемы с желудком, вспомнил бы именно об этом препарате. Таким образом, используется визуальное сравнение, которое показывает, что после приема Magen-Darm Entspannung человек чувствует себя так же прекрасно, расслаблено, как изображенный персонаж. Крупным планом показана упаковка препарата, на которой изображены различные травы, чтобы адресат поверил в натуральность препарата. Слоганом данной рекламы препарата для желудка является набранный крупным шрифтом текст: «SCHNELLER WIRKSTOFF, GUTES BAUCHGEFÜHL». Качества товара описываются с помощью причастия первого (Partizip I): «3-fach wirksam: entblähend, entspannend, drucklösend». Красный цвет позволяет показать важность информации, поэтому им выделяется информация об эффективности рекламируемого препарата: «wirkt zuverlässig durch Simeticon» [8. С. 13].

На основании проанализированных текстов печатной рекламы безрецептурных препаратов можно отметить, что, как и в других видах печатной рекламы, манипулятивная стратегия реализуется здесь в комбинации языковых и неязыковых средств. Основной акцент делается на использование изображений здоровых и счастливых лю-

дей, довольных результатами данных препаратов. Здоровье является ключевым элементом, главной ценностью, которой манипулируют адресанты. Помимо этого, размещается изображение упаковок рекламируемых товаров. Для более гармоничного сочетания на фотографиях поддерживаются такие же оттенки цветов, которые встречаются на самих упаковках. Одним из основных компонентов рекламы является слоган, помогающий связать все остальные части рекламы. Дополнительная информация в основном представляет собой перечисление положительных качеств рекламируемых препаратов. Наиболее важная информация может выделяться яркими цветами. Печатная реклама состоит из различных элементов, которые позволяют привлечь внимание реципиента, имеют манипулятивный потенциал. Реклама — это не просто сплошной текст, а сложная структура с четко разработанными стратегиями репрезентации информации о товаре, представленные в скрытом виде. И, чем оригинальнее составлена реклама, тем успешнее ее воздействие на покупателей.

Список литературы

1. Безлатный, Д. В. Психология в рекламе: искусство манипуляции общественным сознанием. — М.: ООО Ваш полиграфический партнер, 2011. — 236 с.
2. Голоднов, А. В. Персуазивная коммуникация: стратегии и тактики воздействия (на материале современной немецкоязычной рекламы: Монография / А. В. Голоднов. — СПб.: Астерион, 2010. — 244 с.
3. Имшинецкая, И. А. Манипулирование в рекламе. — URL: <http://www.p-marketing.ru/publications/applied-marketing/contents-research/rechevye-manipulyativnye-tehniki>.
4. Нечипорук, Т. В., Чех, Н. В., Вирченко, М. А., Свистунов А. С. Синтаксическая фигура повтора в немецких рекламных текстах / Т. В. Касаткина // Молодой ученый. — 2016. — № 10. — С. 1483—1486. — URL <https://moluch.ru/archive/114/29577/>.
5. Полякова, А. А. Реализация воздействующей функции как основа интенционального аспекта речевого манипулирования на примере предвыборного дискурса. / А. А. Полякова // Сборник статей победителей IV международной научно-практической конференции International Innovation Research, г. Пенза, 17 октября 2016. Пенза: Изд-во «Наука и Просвещение», 2016. — С. 98—102.
6. Таюпова, О. И. Медиатекст и медиадискурс: монография / О. И. Таюпова. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. — 180 с.

7. Таюпова, О. И. Манипулятивные стратегии в рекламных текстах // «Актуальные вопросы лингвистики и лингводидактики: традиции и инновации»: Мат-лы Международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию Института иностранных языков (г. Москва, 22—24 ноября 2018 года). — М.: МПГУ, 2018. — С. 376—382.
8. Таюпова, О. И., Габбасова, Г. А. Современная коммерческая реклама / О. И. Таюпова, Г. А. Габбасова // Языковые единицы в свете современных научных парадигм: Мат-лы IV Всероссийской научно-практич. конф. (г. Уфа, 20 декабря 2018 г.). — Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. — С. 157—160.
9. Юрьева, Е. В. Глаголы в слоганах / Е. В. Юрьева // *Русская речь*. — 2016. — № 6. — С. 78—83.
10. Bunte — No 51. — 13 Dezember, 2018.
11. Coons, Ch., Weber, M. Manipulation: Theory and Practice. — The UK: Oxford University Press, 2014. — P. 272.
12. Einstein, M. Advertising: What everyone needs to know. — The UK: Oxford University Press, 2017. — P. 256.
13. Freundin-Frauenmagazin — № 24. — 2016.
14. Handelmann, S. Thought Manipulation: The Use and Abuse of Psychological Trickery. — Connecticut: Praeger, 2009. — P. 190.
15. Hartmann, T. Werbung zwischen Kunst und Manipulation: Denkanstöße zur persönlichen Auseinandersetzung mit dem polarisierenden Wesen der Werbung. — Hamburg: Verlag: Diplomarbeiten Agentur diplom.de, 2002. — S. 158.
16. Hörmann, D. Manipulation in der Werbung. Wie uns Werbung beeinflusst. — München: GRIN Verlag, 2015. — S. 28.
17. Moscovitz, G. B. Cognitive Social Psychology: The Princeton Symposium on the Legacy. — UK: Routledge, 2015. — P. 512.
18. Skorbatyuk, O., Bazilevsky, K. Human Manipulation Modes: Either You Are Manipulating Or You Are Being manipulated. — UK: HPA Press, 2015. — P. 174.
19. Taylor, F. W. The Economics of Advertising (RLE Advertising). — UK: Routledge, 2013. — P. 232.
20. Wilmshurst, J., Mackay, A. Fundamentals of Advertising. — UK: Routledge, 1999. — P. 408.

Сведения об авторе

Минлибаева Элина Раисовна — аспирант кафедры немецкой и французской филологии, Башкирский государственный университет. Уфа, Россия. el.sapiente@bk.ru

---

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 10 (432). *Philology Sciences. Iss. 118. Pp. 104—110.*

PECULIARITIES OF THE MANIPULATIVE STRATEGY IN THE ADVERTISING OF OTC DRUGS

E. R. Minlibaeva

Bashkir State University, Ufa, Russia. el.sapiente@bk.ru

The article is devoted to the analysis and description of the peculiarities of the manipulative strategy, represented in the advertising medical discourse of OTC drugs. This discourse, like any other subtype of advertising discourse, contains the information about the advertised product. The purpose of advertising discourse is to attract the recipient's attention and convince him to purchase a particular product through various verbal and non-verbal means, grouped in a special way. Manipulation is a large-scale phenomenon, represented in almost all spheres of the social life and motivating the addressee to a specific action without his approval. Specialists in the social sciences point out that effective change in behavior and decision making cannot be achieved without the use of a certain degree of manipulation. This difficult phenomenon is at the junction of motivating actions. That is why the advertising is interpreted in some cases as the art of influencing.

Key words: *medical advertising discourse, verbal means, non-verbal means, manipulative strategy, recipient, addresser.*

References

1. Bezlatnyy D.V. *Psikhologiya v reklame: iskusstvo manipuliyatsii obshchestvennym soznaniyem* [Psychology in advertising: the art of manipulating the public consciousness]. Moscow, OOO Vash poligraficheskiy partner, 2011. 236 p. (In Russ.).
2. Golodnov A.V. *Persuazivnaya kommunikatsiya: strategii i taktiki vozdeystviya (na materiale sovremennoy nemetskoyazychnoy reklamy)* [Persuasive communication: strategies and tactics of influence (on the material of modern German-language advertising)]. Sankt-Peterburg, Asterion. 2010. 244 p. (In Russ.).
3. Imshinetskaya I.A. *Manipulirovaniye v reklame* [Manipulation in advertising]. Available at: <http://www.p-marketing.ru/publications/applied-marketing/contents-research/rechevye-manipulyativnye-tehniki>, accessed 20.03.2019. (In Russ.).
4. Nechiporuk T.V., Chekh N.V. Virchenko M. A., Svistunov A. S. *Sintaksicheskaya figura povtora v nemetskikh reklamnykh tekstakh* [Syntax figure of repetition in German advertising texts]. *Molodoy uchenyy* [Young scientist], 2016, no. 10, pp. 1483-1486. Available at: <https://moluch.ru/archive/114/29577/>, accessed 07.03.2019 (In Russ.).
5. Polyakova A.A. *Realizatsiya vozdeystvuyushchey funktsii kak osnova intentsionalnogo aspekta rechevogo manipulirovaniya na primere predvybornogo diskursa* [The implementation of the influence function as the basis of the intentional aspect of speech manipulation as exemplified by the pre-election discourse.]. *Sbornik statey pobediteley IV mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii International Innovation Research* [Collection of articles by the winners of the IV International Scientific and Practical Conference International Innovation Research], g. Penza. 17 oktyabrya 2016. Penza, Izd-vo "Nauka i Prosveshcheniye", 2016. pp. 98-102. (In Russ.).
6. Tayupova O.I. *Mediatekst i mediadiskurs: monografiya* [Media text and media discourse: monograph]. Ufa, RITs BashGU, 2017. 180 p. (In Russ.).
7. Tayupova O.I. *Manipulyativnyye strategii v reklamnykh tekstakh* [Manipulative strategies in advertising texts]. «Aktualnyye voprosy lingvistiki i lingvodidaktiki: traditsii i innovatsii»: *Mat-ly Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. posvyashchennoy 70-letiyu Instituta inostrannykh yazykov* [Actual issues of linguistics and linguodidactics: traditions and innovations]: Materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 70th anniversary of the Institute of Foreign Languages] (g. Moskva. 22-24 noyabrya 2018 goda). Moscow, MPGU, 2018. pp. 376-382. (In Russ.).
8. Tayupova O.I., Gabbasova G.A. *Sovremennaya kommercheskaya reklama* [Modern commercial advertising]. *Yazykovyye edinitsy v svete sovremennykh nauchnykh paradig: Mat-ly IV Vserossiyskoy nauchno-praktich.konf* [Language units in the light of modern scientific paradigms: Materials of the IVth All-Russian Scientific Practical Conference]. (g.Ufa. 20 dekabrya 2018 g.). Ufa, RITs BashGU, 2018. pp. 157-160. (In Russ.).
9. Yuryeva E.V. *Glagoly v sloganakh* [Verbs in slogans]. *Russkaya rech*, 2016, no. 6, pp. 78-83. (In Russ.).
10. *Bunte*, no. 51, 13 Dezember, 2018. (In German).
11. Coons Ch., Weber M. *Manipulation: Theory and Practice*. The UK: Oxford University Press, 2014. 272 p.
12. Einstein M. *Advertising: What everyone needs to know*. The UK: Oxford University Press, 2017. 256 p.
13. *Freundin-Frauenmagazin*, no. 24, 2016. (In German).
14. Handelmann S. *Thought Manipulation: The Use and Abuse of Psychological Trickery*. Connecticut, Praeger, 2009. 190 p.
15. Hartmann T. *Werbung zwischen Kunst und Manipulation: Denkanstöße zur persönlichen Auseinandersetzung mit dem polarisierenden Wesen der Werbung*. Hamburg, Diplomarbeiten Agentur diplom.de, 2002. 158 p. (In German).
16. Hörmann D. *Manipulation in der Werbung. Wie uns Werbung beeinflusst*. München, GRIN Verlag, 2015. 28 p. (In German).
17. Moscovitz G.B. *Cognitive Social Psychology: The Princeton Symposium on the Legacy*. UK, Routledge, 2015. 512 p.
18. Skorbatyuk O., Bazilevsky K. *Human Manipulation Modes: Either You Are Manipulating Or You Are Being manipulated*. UK, HPA Press, 2015. 174 p.
19. Taylor F.W. *The Economics of Advertising (RLE Advertising)*. UK, Routledge, 2013. 232 p.
20. Wilmhurst J., Mackay A. *Fundamentals of Advertising*. UK, Routledge, 1999. 408 p.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗАПАДНОТЮРКСКОГО ЭЛЕМЕНТА В УЗБЕКСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ ДЖАДИДСКОГО ПЕРИОДА

Султон Э. Нормаматов

*Ташкентский Государственный университет узбекского языка и литературы им. Алишера Навои,
Ташкент, Узбекистан*

В статье рассматривается проблема лингвистических процессов в узбекском языке джадидского периода. Анализируются причины использования элементов западнотюркского языка в узбекской прессе и художественной литературе данного периода, производится попытка научно обосновать их с лингвистической точки зрения.

Ключевые слова: *джадидизм, национальный язык, чагатайский язык, «западнотюркский язык», лингвистический процесс, огузский компонент, татаризм, лингвистические нормы, заимствованная лексема, формы слов, вульгаризмы.*

Становление узбекского языка имеет давнюю историю и может быть разделено на три периода: 1) период Алишера Навои (эпоха, предшествующая началу периода отделения от общетюркских); 2) последующий период (XIV—XVIII вв.), характеризующийся созданием словарей на основе произведений Алишера Навои, нового словаря с классификацией узбекского литературного языка средних веков; 3) третий период, также называемый эрой просветительства, который стал источником вдохновения для формирования новых представителей культурной интеллигенции.

Обратимся к анализу последнего периода, учитывая, в том числе, наработки таких исследователей последнего времени, как Ш. Бобомуродова, Ю. Саидов, Х. Узаков, Т. Тогаев, Л. Джалалова, З. Чориева, Х. Кадилова и др., которые изучали такие вопросы литературного узбекского языка, как взаимосвязь языков, формирование литературного языка, нормализация и стандартизация, отношение к языку, отношения с другими языками, многоязычие, общение, языковая компетентность.

В период творения джадидских просветителей в конце XIX — начале XX вв. узбекский литературный язык проявлял некоторые нормативные сложности. На данном этапе, с одной стороны, усугубились социально-политические проблемы, с другой стороны, встали острые вопросы, связанные с образованием, воспитанием и просвещением. Вкупе с вышеперечисленным, необходимо было решать теоретико-практические задачи становления национального языка, определять механизмы и пути его развития, отношения к литературному языку, адаптации языка к требованиям времени

в связи с национально-просветительскими вызовами того периода.

Можно сказать, что именно в данный промежуток времени узбекский язык как национальный (родной) вышел за рамки проблемы одной нации и обозначил дилемму единства и дифференциации тюркских языков. Говоря о причинах, вызвавших необходимость решения теоретических и практических проблем национального языка, отметим, что во многих случаях эти причины проявлялись как барьеры и противоречия. Эти причины состояли в следующем:

1. В конце XIX — в начале XX веков некоторые представители узбекской интеллигенции стали предпринимать шаги к выводу языка из-под влияния традиционной классической литературы, к ее упрощению, тогда как некоторые писатели продолжали творить, соблюдая традиционные нормы языка.

2. Некоторые тюркские языки стали оцениваться как продвинутые и отвечающие требованиям современности, циркулировали идеи о якобы отсталых языках, которым необходимо перенять опыт и обогащаться за счет лингвистических потенциалов развитых языков. Известно в этом плане о продвижении роли османско-тюркского, азербайджанского и татарского языков в качестве образцов для подражания.

3. Стали заметными языковые взгляды, отрицающие независимое развитие каждого из тюркских языков, выдвигались идеи о создании общетюркского языка, единого для всех тюркских народов. Такая ситуация стала причиной колебаний и нестабильности в кругах, борющихся за развитие национального родного языка.

4. Языковая политика, проводимая царской Россией в отношении национальностей Средней Азии, в основном была консервативной (в смысле сохранения институтов, оставшихся от прежних времен) и, вместе с тем, достаточно либеральной. К примеру, «там, где грамотных по-русски подданных практически не было, государство учреждает газеты на местном языке, даже если и на нем доля грамотных незначительна. В Тбилиси, например, параллельно с возникшим в 1828 г. русскоязычным официозом «Тбилисские ведомости» сразу же выпускается его грузинский вариант «Тпилисис уцкебани», а с 1832 г. начинает выходить и аналогичное издание на азербайджанском языке — «Тифлис эхбары». С присоединением Средней Азии здесь с 1870 г. выпускаются «Туркестанские ведомости», а в качестве нерегулярных приложений к ним — газеты на узбекском (точнее, чагатайском) и казахском языках. Частная периодика в одних случаях появляется раньше официальной (на грузинском — с 1819 г.), в других — значительно позже (на азербайджанском — с 1875 г.). Государство не испытывает ответственности за неофициальную литературу, не поощряет ее, но и не преследует — конечно, пока та не затрагивает устоев общества» [1. С. 259—260].

Общедемократический подъем конца XIX — начала XX в. обусловил стремление прослойки национальной буржуазии и интеллигенции к просвещению своих народов, хотя до реализации настоящей языковой революции после революции 1917 г. было еще далеко. Национальные языки шире внедрялись в школу, существенно возросло книгопечатание. Согласно сводной таблице, представленной И. Левиным (1930 г.), в 1913 г. на узбекском языке было издано 36 изданий общим тиражом 85300 (цит. по [Там же. С. 263])¹. Вместе с тем стоит признать, что присутствовала и политика распространения русского языка, внедрения его в социально-политические и, частично, — в просветительские сферы. Такая политика привела к ограничению функциональных возможностей местных языков. С другой стороны, эта политика способствовала к внедрению элементов разговорного языка в литературный язык.

¹ Хотя указанное число издаваемых книг в Российской империи на фоне моноязычной политики колониальных империй, например, Британской империи, представляется значительным, оно не сопоставимо с числом изданий и тиражами, издаваемыми после социалистической революции в СССР, так, в 1927 г. на узбекском языке было издано 302 книги тиражом 1402510 экземпляров, что в 16,44 раз превышает число 1913 г.

5. Известно, что посредством распространения и изучения национального, родного языка укрепляются его практические возможности, роль и место в обществе. Но в рассматриваемый период языком традиционного образования был «язык ислама» — арабский, а в новообразованных учреждениях преподавание специализированных предметов происходило на русском. В результате борьба за введение родного языка в образовательный процесс, а также усиление его позиции стали одной из сложных проблем.

Итак, в данный период обострилась борьба между теми, кто радел за создание общетюркского языка, и теми, кто стремился к развитию национальных родных языков. Велись споры о взаимоотношениях между «продвинутыми» и «отсталыми» языками, которые наложились на факт выдвижения русского языка как государственного и необходимость сохранения национальных языков. Помимо этого, осознавалось противоречие между сохранением традиционного, исторически сложившегося языка и созданием нового литературного языка, отвечающего требованиям времени.

Как указывалось выше, в данный период уже появилась узбекская пресса (газеты и журналы), и ее язык отличался смешанностью стилей и богатством разноязычных элементов. В этой прессе можно было наблюдать как традиционный язык, так и его видоизменения, отражающие влияния родственных языков и русского языка. В некоторых случаях в прессу проникало даже просторечие, эти случаи не давали возможности привести национальный литературный язык к определенной единой норме.

Наблюдались и новые веяния, отражающие идею единого общетюркского языка. Оживилось взаимовлияние родственных языков, в частности, османского, татарского и азербайджанского, подражание одного языка другому. В итоге узбекская пресса и художественная литература использовали слова, обороты и формы из османского, азербайджанского и татарского языков. Это было достаточно органично, причиной чему можно указать родственность этих языков, тот факт, что османский, азербайджанский, татарский и «чагатайские» (староузбекский) языки происходят от общетюркского языка-основы и некогда были его диалектами [2; 3; 4; 5].

Несмотря на многочисленные исследования, разные оценки, анализ и понимание сущности такого лингвистического явления, как «элементы западнотюркского языка» в узбекской прессе

и художественной литературе начала XX века, на сегодняшний день данная проблема в языковедении не нашла своего окончательного описания. В частности, не проанализированы социально-лингвистические основы проникновения указанных элементов в узбекский язык; то, в каких жанрах и стилях узбекского языка наблюдалось их широкое использование; не дана окончательная оценка данных явлений; не до конца определено отношение этих элементов к «огузским элементам», широко используемым в классической узбекской литературе; не полностью изучены в узбекском языковедении причины их постепенного вытеснения из узбекского языка.

Для ответа на вышеуказанные вопросы нам необходим краткий обзор осуществленных научных исследований по данной проблематике. Первым, кто научно проанализировал элементы западнотюркского татарского языка в узбекском языке, был языковед А. К. Боровков. По его утверждению, узбекский литературный язык в период 1905—1917 годов не является народным, а представляет собой некий «смешанный» язык. На данном этапе он был «литературным языком переходного периода». В нем использовались множество татаризмов и элементов «западнотюркского языка». А. К. Боровков объясняет заимствование татаризмов в узбекский язык так: «Татаризмы и элементы западнотюркского языка занимают важное место в литературном узбекском языке, в особенности в языке периодической прессы. Основной причиной этого, в первую очередь, можно указать на идейное влияние России, Крыма, Азербайджана и частично Турции» [2. С. 20].

По мнению А. К. Боровкова, эти элементы были заимствованы под влиянием османской и татарской прессы, а также в результате путешествий узбекской интеллигенции в Россию, Турцию, Иран. Их положение в узбекском языке того периода оценивается так: «Элементы западнотюркского языка занимали очень прочное место в литературном узбекском языке, в особенности, утвердились в языке периодической печати» [2. С. 21].

При этом существенно, что элементы из татарского языка во многом явились результатом непосредственного участия татарской интеллигенции в джадидской прессе. «Татаризмы отображаются в фонетических элементах, когда гласные произносятся специфически коротко» [2. С. 21].

Следует отметить, что, как нам представляется, А. К. Боровков немного преувеличивает позицию и роль элементов западнотюркского и татарского языков в узбекском языке исследуемого периода.

Если соглашаться с его выводами, то возникает вопрос: почему с течением времени эти «заимствования» не сохранились в нормах литературного узбекского языка?

А. К. Боровков, исходя из своего анализа, нижеследующим образом оценивает состояние литературного узбекского языка в 1905—1917 гг.: «Каково было отношение литературного узбекского языка к живому народному языку в период 1905—1917 гг.? Чтобы дать ответ на этот вопрос нам необходимо осуществить специальные исследования. В общих чертах на этот вопрос можно дать такой ответ: литературный узбекский язык в период 1905—1917 гг., в сущности, был продолжением старолитературного узбекского языка феодального периода и был далек от живого разговорного народного языка. Основой литературного языка в данном периоде не был живой народный язык. Поэтому в данном отрезке времени в спорах об литературном языке не были подняты проблемы диалектов» [2. С. 22].

Еще одним исследователем элементов «западнотюркского языка» в литературном языке джадидского периода был прославленный узбекский писатель Пиримкул Кадыров. Анализируя слово «*тугдигим*» (где я родился), встречающееся в стихотворении джадидского просветителя Абдуллы Авлани, посвященном родному языку, он пишет: «Турецкое или азербайджанское слово «*тугдигим*», встречающееся в творчестве Авлани, не является случайностью, так как турецкий и азербайджанские языки намного раньше, чем узбекский язык вступили в путь современного прогресса. Абдулла Авлани старался использовать опыт этих языков для перехода на основу живого народного языка. Поэтому в газетах, изданных Абдуллой Авлани, в его книгах встречаются довольно много турецких, азербайджанских слов, выражений... В одном месте Абдулла Авлани даже полностью выстраивает предложение на турецком: «*баним қаламим ила наиш ўлинажақ китоблар*» (книги, издаваемые мной)» [6. С. 34].

Пиримкул Кадыров не преувеличивает роль и место западнотюркских элементов в произведениях Авлани, как А. Боровков, а утверждает, что они представляют собой незначительное явление: «Такое подражание в языке произведений Абдуллы Авлани занимает незначительное место. Его учебники «Туркий гулистон» («Тюркский Гулистан»), «Биринчи муаллим» («Первый учитель»), «Иккинчи муаллим» («Второй учитель»), «Адабиёт ёхуд миллий шеърлар» («Литература

или национальные стихи») являются лучшими образцами того времени в эффективном использовании богатств языка узбекского народа» [6. С. 35].

Сведения о заимствованных элементах из османского, азербайджанского и татарского языков в литературном языке джадидского периода можно встретить и в исследованиях по истории узбекской классической литературы. Эти элементы, с одной стороны, связывают с социально-политической средой и духовно-просветительской традицией того времени, а с другой, объясняют тем, что джадидские просветители имели тесные личные связи с турецкими, азербайджанскими и татарскими коллегами и читали прессу, изданную на этих языках. Произведения и статьи самих узбекских джадидских просветителей также часто печатались в других тюркских государствах и административных территориях [7. С. 308—309].

В научных трудах по истории узбекской литературы можно встретить много информации о том, что узбекские просветители систематически читали некоторые журналы, изданные в Азербайджане: «Молодое поколение, такие личности как Хамза, Садриддин Айни, Абдулла Кадыри, Суфизаде, Ажзи, Авлани и другие, наряду со многими видными просветителями Средней Азии, систематически читали журналы “Мулла Насриддин” (Ходжа Насреддин), “Дабистан”, издаваемые в Баку. В то время Авлани, Кадыри, Ажзи имели личные контакты с редактором журнала “Мулла Насриддин” — известным сатириком Джалилом Мухаммаддулизаде, получившим прозвище “азербайджанский Гоголь”» [7. С. 310]

Можно предполагать, что именно такие отношения стали основополагающим фактором влияния азербайджанского языка на язык произведений узбекских просветителей. Исследуемый период является самым сложным и щекотливым периодом развития узбекского языка, и влияние рассмотренных выше внешних факторов на новый узбекский язык, пытавшийся определить первые лексические нормы, были естественным.

Именно такие выводы можно встретить в отношении произведений Хамзы Хапкимзаде Ниязи. Если рассматривать стихи Хамзы, написанные в 1914—1917 годах, то можно увидеть в них большее влияние татарской художественной культуры, чем классической узбекской литературы. В его творчестве данного периода также присутствуют определенные элементы азербайджанской и османской литературы. Хамза также старался широко использовать выражения и предложения, свойственные татарскому языку [8. С. 452].

На проникновение западнотюркских элементов в узбекский язык также оказало влияние научное сотрудничество и научные исследования. Ш. Бабамурадова, исследовавшая лингвистическое наследие Элбека, отдельно подчеркивает данный факт [9. С. 6]. В начале XX века в таких городах, как Стамбул, Казань, Баку, превратившихся в центры науки и культуры, начали действовать группы ученых-языковедов, изучавших тюркские языки. Они изучали проблемы букв, алфавита, правописания, составляли научную грамматику тюркских языков. В результате появились «Қавоиди лисони туркий» («Грамматика тюркского языка»), «Қавоиди туркий» («Тюркская грамматика») и другие труды.

Как же нужно оценивать влияние анализируемых лингвистических элементов османского, азербайджанского, татарского языков на узбекский язык? Можно ли понять на основании наличия этих элементов, что они оказывают влияние на узбекский язык? Собственно, являются ли они заимствованиями? Имеют ли эти элементы какое-либо отношение к *огузским компонентам*, встречающимся в староузбекском языке?

К сожалению, на эти вопросы пока нет ответа. Некоторую определенность по их поводу может внести теория, выдвинутая узбекским языковедом Азимом Хаджиевым. Он не придерживается выводов, что встречающиеся в узбекском языке в конце XIX — в начале XX века языковые элементы являются влиянием османского и азербайджанского языков, но утверждает, что азербайджанские элементы существовали в истории узбекского языка еще задолго до этого времени. Он пишет, что в процессе формирования современного узбекского языка наблюдается использование элементов трех языков — азербайджанского, татарского и русского. Использования элементов азербайджанского языка очень мало, они в основном состоят из некоторых лексических и морфологических единиц. И будет правильным объяснять этот факт не непосредственным влиянием азербайджанского языка в формировании и развитии современного узбекского языка, а использованием в письме элементов, свойственных староузбекской письменной речи. Например, в узбекском языке вместо форм *айтган*, *севган*, созданных аффиксом *-ган*, в источниках до XX века встречаются случаи использования форм *айтмиш*, *севдиги*. Эти использования продолжились и после революции. Некоторые из них, в частности, формы, создаваемые аффиксами *-миш*, *-диги* спустя некоторое время в законном порядке вышли из употребления, некоторые обоснова-

лись в литературном узбекском языке. Например, форма глагола, создаваемая аффиксом *-моқда*, заимствованная с азербайджанского языка, фактически широко используется в современном узбекском языке. Значит, использование элементов азербайджанского языка в письменных источниках после революции нельзя рассматривать как непосредственное влияние азербайджанского языка на развитие узбекского, а нужно считать «продолжением использования после революции элементов азербайджанского языка, широко используемых в староузбекском языке» [10. С. 24].

А. Ходжиев также не придерживается мнения, согласно которому некоторые встречающиеся в языке данного времени татарские лексические и морфологические элементы являются признаком влияния татарского языка на узбекский язык: «На первых этапах развития узбекского литературного языка, в особенности, в письменных источниках, относящиеся к 20-годам XX века, наблюдается широкое использование некоторых лексических и морфологических элементов, свойственных татарскому языку. В частности, такие формы как «*айталар*», «*ёзарга тегиш*», «*айтарга мумкин*» являются широко употребляемыми формами. Это явление нельзя объяснить влиянием татарского языка на развитие узбекского литературного языка. Оно разъясняется несколькими причинами. Основной причиной является активное участие татарской интеллигенции в сфере прессы. Кроме того, неточное определение норм на всех уровнях узбекского литературного языка, отсутствие разграничения единиц, свойственных разным диалектам, и нормативных единиц для литературного языка также открыли дорогу использованию элементов, присущих татарскому языку. Спустя некоторое время в результате отграничения единиц, рассматриваемых как норма для литературного языка, от узбекских диалектов, элементы, свойственные татарскому языку, вышли из письма на законной основе. Значит, употребление элементов азербайджанского и татарского языков в письменных источниках того времени не является фактом, показывающим влияние этих языков на формирование и развитие современного узбекского языка» [9. С. 25].

Вышеприведенные доводы А. Ходжиева можно оценивать как новый подход к явлениям, рассматриваемым в данной статье. Наряду с этим, требует отдельных исследований такая проблема, как важность межязыкового влияния. Являлось ли употребление элементов азербайджанского (как

и татарского) языка важным фактором в тот период истории узбекского языка или его можно рассматривать как языковую параллель, появившуюся от общности генетического источника этих языков?

Выше было сказано, что татарская интеллигенция непосредственно активно участвовала в узбекской прессе рассматриваемого периода. Можно предположить, что именно эта интеллигенция в процессе редактирования или подготовки газетного материала вносила огромное количество татарских выражений и слов в узбекский текст. В этом случае приходится оценивать татарские элементы, встречающиеся в тексте, не как *заимствования*, а как неассимилированные иноязычные вкрапления, *варваризмы*. Дело в том, что, когда речь идет о влиянии на язык, нужно иметь в виду именно *заимствования*, *усвоение* элементов одного языка другим. Если бы эти элементы были заимствованиями, усвоенными узбекским языком, то они не так легко вышли бы из употребления.

Однако следует отметить, что татарские интеллектуалы были активны в прессе и институтах, а также в некоторых областях системы образования до 1930-х годов. Татарский, азербайджанский и, особенно, османский турецкий языки действительно имели некоторый эффект на узбекский язык. Но этот эффект, конечно, не был значительным. Он был временным и не стабилизировался.

Огузский диалект также не стал в полном смысле слова основой новоузбекского языка. Это наглядно иллюстрируется процессом формирования узбекского литературного языка во второй половине XIX века и особенно до 30-х годов XX века, совершенствованием норм, стабилизацией языка прессы и литературных произведений. Вместе с тем нельзя отрицать, что язык территории Узбекистана — «сартти-чигатай-узбек» — находился под влиянием западнотюркского языка в течение примерно 50 лет (полвека), что отразилось как в прессе, так и в литературном и научном языках. Это нормально для периода формирования.

Продолжая говорить о языке того периода, отметим, что существовали противоречивые мнения о том, как будет выглядеть узбекский литературный язык начала XX века. Одна группа интеллектуалов выступала за то, чтобы литературный язык был таким же сложным и литературным, как и старый узбекский язык, в то время как другая группа выступала за то, чтобы язык был как можно более близким простым людям, понятным и легким для понимания. Вместе с языком продолжалась борьба за формирование национальности.

Сторонники первого взгляда обвиняли сторонников второго взгляда в «приближении литературного языка к улице», сторонники второго взгляда обвиняли оппонентов в ретроградстве. Об этом споре свидетельствуют идеи, опубликованные группой интеллектуалов в периодических изданиях, например, в таких журналах, как «Окно», «Учитель образования», «Революция».

В заключение можно сказать, что причины употребления элементов западнотюркского происхождения в узбекском литературном языке джадидского периода и проблемы их научной оценки требуют дальнейшего специального исследования с привлечением большого объема материалов.

Список литературы:

1. Беликов, В. И., Крысин, Л. П. Социоллингвистика. — М.: Изд-во РГГУ, 2001. — 315 с.
2. Боровков, А. К. Узбекский литературный язык в период 1905—1917 гг. — Т.: Фан, 1940. — 103 с.
3. Березин, Ф. М. Очерки по истории языкознания в России конец XIX — начало XX в. — М.: Наука, 1974. — 310 с.
4. Виноградов, В. В. Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития. — М.: Наука, 1967. — 133 с.
5. Насилов, Д. М. Проблемы тюркской аспектологии. — Л.: Наука, 1989. — 207 с.
6. Қодиров, П. Халқ тили ва реалистик проза (Народный язык и реалистическая проза, на узб. яз.). — Т.: Фан, 1990. — 165 с.
7. Узбек адабиёти тарихи (История узбекской литературы, на узб. яз.): Учебник. — Т.: Укитувчи, 1980. — 388 с.
8. Ниёзий, Ҳ. Ҳ. Тула асарлар туплами. Иккинчи том / Ҳамза Ҳакимзода Ниёзий. (Полное собрание сочинений. Второй Том / Ҳамза Ҳакимзода Ниязи. На узб. яз.) — Т.: Маънавит, 1988. — 297 с.
9. Бобомуродова, Ш. Э. Ўзбек тилшунослиги ривожда Элбекнинг роли (Роль Эльбека в развитии узбекской лингвистики, на узб. яз.): автореф. дис... канд. филол. наук. — Т.: АН РУз, 2002. — 26 с.
10. Совет даврида ўзбек адабий тилининг тараккиёти (Развитие узбекского литературного языка в советское время на узб. яз.) — I. — Т.: Фан, 1988. — 230 с.
11. Махмудов, Н. Золотой сундук нашего языка (Тилимизнинг тилла сандиғи). Т.: Адабиёт ва санъат, 2012. — С. 27.

Сведения об авторе

Нормаматов Султонбек Эрмаматович — кандидат филологических наук, доцент. Заведующий кафедрой узбекского языкознания Ташкентского Государственного университета узбекского языка и литературы им. Алишера Навои. Ташкент, Узбекистан, sultan@mail.ru.

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 10 (432). *Philology Sciences. Iss. 118. Pp. 111—117.*

THE USE OF THE WEST TURKIC ELEMENT IN THE UZBEK LITERARY LANGUAGE DURING THE JADID ERA

Sultonbek E. Normamatov

PhD (Candidate of Philology), Gulistan State University, Gulistan, Uzbekistan

The article deals with the problem of linguistic processes in the Uzbek language of the Jadid period. In it, the author analyzes in detail the reasons for the use of the elements of the “Western-Turkic language” in the Uzbek press and fiction of this period and tries to substantiate them from a sociolinguistic and linguistic points of view. Relationship of languages, formation of literary language, normalization and standardization, attitudes to language, language learning, multilingualism, interaction, ability to use language skills have been recently studied by such researchers as S. Bobomurodova, Y. Saidov, H. Uzakov, T. Togaeв, L. Dzhalalova, Z. Choriev, H. Kadirova, S. Normamatov. The formation of the Uzbek language before its modern state has had a long history and can be divided into three periods: 1) the period of Alisher Navoi (an era prior to the beginning

of separation from the Common Turkic); 2) the subsequent period (14th-18th centuries) of dictionaries for the works of Alisher Navoi, medieval classifications; 3) the *Jadid* period (19th- early 20th centuries), which normalized and standardized the modern Uzbek language and contributed to the tradition of thesaurus compilation.

Keywords: *Jadidism, national language, Chagatai language, Western Turkic language, linguistic process, Oguz component, Tatarism, linguistic norms, loanwords, barbarisms.*

References

1. Belikov, V. I., Krysin, L. P. *Sotsiolingvistika* [Sociolinguistics]. Moscow, Publishing House of the Russian State Humanitarian University (RGGU), 2001. 315 p.
2. Borovkov, A. K. *Uzbekskiy literaturnyi yazyk v period 1905-1917 gg.* [The Uzbek literary language during 1905-1917]. Tashkent, Fan publishers, 1940. 103 p. (in Russ.)
3. Berezin, F. M. *Ocherki po istorii yazykoznaniya v Rossii konets XIX nachalo XX v.* [Essays on the history of linguistics in Russia, late 19th and early 20th centuries]. Moscow, Nauka, 1974. 310 p. (in Russ.)
4. Vinogradov, V. V. *Problemy literaturnyx yazykov i zakonomernostey ikh obrazovaniya i razvitiya* [Problems of literary languages and patterns of their education and development]. Moscow, Nauka, 1967. 133 p. (in Russ.)
5. Nasilov, D. M. *Problemy tyurkskoy aspektologii* [The problems of Turkic aspectology]. Leningra, Nauka, 1989. 207 p. (in Russ.)
6. Qodirov, P. *Xalq tili va realistik proza* [Folk language and realistic prose]. Tashkent, Fan publishers, 1990. 165 p. (in Uzbek)
7. *O'zbek adabiyoti tarixi: Darslik* [History of the Uzbek Literature. Textbook]. Tashkent, Fan publishers, 1980. 388 p. (in Uzbek)
8. Niyoziy, H. H. *To'la asarlar to'plami. Ikkinchi tom* [A Complete Collection of Works]. 2nd Volume. Tashkent, Fan publishers, 1988. 297 p. (in Uzbek)
9. Bobomurodova, Sh. E. *O'zbek tilshunosligi rivojida Elbekning roli* [Elbek's role in the development of Uzbek linguistics. Thesis summary of kandidat nauk in philology]. Tashkent, 2002. 26 p. (in Uzbek)
10. *Sovet davrida o'zbek adabiy tilining taraqqiyoti* [Development of the Uzbek literary language during the Soviet era]. I, Tashkent, 1988. 230 p. (in Uzbek)
11. Makhmudov, N. *Tilimizning tilla sandigi* [Golden chest of our language]. Tashkent, Adabiyot va san»at, 2012. P. 27.

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА *УЧИТЕЛЬ* В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

С. А. Путина

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Статья подготовлена при финансовой поддержке Фонда перспективных научных исследований ФГБОУ ВО «ЧелГУ».

Замечательному учителю Л. А. Шкатовой

В работе предпринята попытка проанализировать особенности репрезентации концепта *УЧИТЕЛЬ* в российской и англоязычной лингвокультурах на материале этимологических, толковых, фразеологических словарей, словарей синонимов с позиций сопоставительной лингвокультурологии и когнитивной лингвистики. Выявлены синонимические ряды рассматриваемого концепта, этимология репрезентантов концептов в изучаемых лингвокультурах, их использование в паремиях.

Ключевые слова: лингвокультура, лингвокультурный концепт, универсальные характеристики, национально-культурные особенности.

Введение

Концепт *УЧИТЕЛЬ* занимает важное место в национальной языковой картине мира. Востребованность данного концепта в языковом сознании представителей различных лингвокультур обуславливает актуальность его исследования с позиций сопоставительной лингвокультурологии. В отечественной лингвистике анализу концепта *УЧИТЕЛЬ* посвящен ряд научных статей и диссертационных работ [1; 3; 4; 7; 8; 9; 14 и др.]. Нередко данный концепт рассматривается как составляющая концептосферы *ОБРАЗОВАНИЕ* [3; 4; 14]. В сопоставительных исследованиях лингвистов концепту *УЧИТЕЛЬ* отводится незначительное место. Зарубежных и российских исследований, посвященных исключительно репрезентации концепта *УЧИТЕЛЬ* с позиций сопоставительной лингвокультурологии, не обнаружено.

Реализация концепта *УЧИТЕЛЬ* в русском языке

Концепт *УЧИТЕЛЬ* в русском языке вербализуется при помощи многочисленных синонимов. Самыми частотными существительными-наименованиями лиц по профессии являются однокоренные существительные *учитель, ученый*.

Существительное *учитель* является производным от глагола *учить*. Основные значения глагола включают в себя «передавать кому-л. свои знания, умения, навыки»; «наставлять кого-л.»; «внушать что-л. кому-л.». Глагол индо-европейского происхождения: и.-е. корень *euk- (:*ouk-): *uk-

«приучаться», «привыкать», «доверять». В словаре также приводятся однокоренные существительные *ученый и наука* [15. С. 297].

В словаре В. И. Даля у глагола *учить* отсутствует значение «внушать». В качестве других значений приводятся: «наставлять, обучать, научать, преподавать, передавать знание, умение свое другому, школить, держать строго, часто наказывая, для нравственного образования, послушания» [5. С. 528]. Синонимический ряд представлен широко.

В словаре С. И. Ожегова у анализируемого глагола приводятся, кроме указанных выше, значения «побуждать к чему-н.», «высказывать, обосновывать какую-н. мысль, положение», «занимаясь, усваивать, запоминать» и просторечное устаревшее «бить, наказывать» [10. С. 735].

Особый интерес для настоящего исследования представляют многочисленные пословицы и поговорки с глаголом «*учить*» и его производными, поскольку в паремиях реализуется ценностный аспект концепта. Многие из них являются устаревшими, но ряд паремий не утратили своей актуальности и в настоящее время, поскольку реализуют «вечные» аспекты процесса обучения и качества учителя: Трудно тому *учить*, чего сам не знаешь; тупо сковано, не наточишь, глупо рожено — не *научишь* [5. С. 528]. В значении «держать строго» Даль приводит следующие устойчивые выражения: Не *учили* покуда поперек лавки укладывался, а во всю вытянулся — не *научишь!* За *ученого* (битого) двух *неученных* (небитых) дают, да и то не берут [там же]. В значениях «упражняться по сво-

ей воле», «перенимать что у других», «усваивать науку, умение, знание» глагол *учить* и его производные употребляется в пословицах, содержащих антонимические сравнения. Интересен пример пословицы с утраченной в современном русском языке второй частью: Век живи, век *учись*, а помри дураком! Полный вариант пословицы изменяет положительную коннотацию первой части пословицы на отрицательную. Отрицательный результат процесса обучения прослеживается в устаревшей пословице *Выучили* сороку говорить [там же].

В примерах других паремий про учителей с глаголом *учить* и глагольными дериватами с приставками нередко используются императивы, сравнения, отрицательные предложения, рифмованные предложения, паремии с противительным союзом:

От умного *научишься*, от глупого *разучишься*.
Нужно *учить* не рассказом, а работой и показом.

Кто *учится* смолоду, не знает на старости голоду. Яйца кур не *учат* и др. [11]. Отглагольное существительное *учение* репрезентировано в словаре Даля в нескольких паремиях: *Ученье* свет, а *неученье* тьма. Сытое брюхо к *ученью* глухо [5. С. 528]. Если в словаре Даля приводится пословица «Сытое брюхо к *ученью* глухо», то паремия «Голодное брюхо к *ученью* глухо» с антонимичным прилагательным «голодный» в качестве первого компонента также обозначает сложность процесса обучения. Субстантивированные оппозитивные прилагательные *ученый/неученый* встречаются у Даля в рифмованных паремиях: *Ученый* водит, *неученый* следом ходит. Человек *неученый* — что топор неточеный [там же].

Производные существительные и прилагательные от глагола *учить*: *ученый, учитель, учительница, училищник, училищница, учительствовать, училище, ученичество, ученость, учебник, учливость, учительский, учливый* не представлены в словаре Даля в паремиях. В русском языке концепт *УЧИТЕЛЬ* репрезентирован следующими немногочисленными паремиями, в которых подчеркивается его роль в воспитании и отношении к нему в обществе: *Учитель* в школе, что посев в поле. Почитай *учителя* как родителя [11].

Существительное «учитель» обозначает «лицо, которое обучает, преподавателя» и «главу учения» [10. С. 735]. В Словаре синонимов русского языка концепт *УЧИТЕЛЬ* вербализован 43 синонимами, из которых только *учителишка, училищник* и в некоторых контекстах существительное *педант* и устаревшее *обучатель* употребляются в отрицательном значении. Существительное женского

рода *учительница* представлено меньшим количеством синонимов, 38, из которых отрицательные коннотации имеются у существительных *училка, учителька, учительша, педагогиня, собирательного марья ивановна, мамзель*, разговорных вариантов учителей-предметников: *химичка, математичка, биологичка, язычница* и др. [13]. Значительное количество отрицательно коннотированных синонимов существительных женского рода, вероятно, объясняется преобладанием женщин в школьных педагогических коллективах и снижении социального статуса профессии в современном обществе.

Вербализация анализируемого концепта в вузовской среде осуществляется по-другому. У существительного *преподаватель* насчитывается 22 синонима в русском языке, из них *читальщик, читчик, мозгодуй* [13] обладают явно отрицательными значениями. Однако большинство синонимов положительно или нейтрально окрашены, включая даже разговорное сокращение *препод*.

Наибольшее количество синонимов обнаружено у субстантивированного прилагательного *ученый* — 79, причем многие являются словосочетаниями-перифразами: *ходячая энциклопедия, служитель науки, ученый муж, кладезь знаний, кладезь премудрости, деятель науки, собаку съел* и др. [13]. Приведенные выше репрезентанты концепта, а также ироничные синонимы *всезнайка, грамотей, горе-ученый, профессор кислых щей* [13], переходят из узко профессиональной лексики в общеупотребительную и разговорную. В Словаре синонимов русского языка З. Е. Александровой у существительного *ученый* обнаружено лишь 7 синонимов: *эрудит* с пометкой книжное, устаревшее, разговорное *грамотей*, насмешливые словосочетания *книжный червь, книжная моль, профессор кислых щей*, нейтрально окрашенные *научный работник, деятель науки* [2. С. 573].

Таким образом, концепт *УЧИТЕЛЬ* реализуется в российской национальной языковой картине мира при помощи многочисленных репрезентантов, что свидетельствует о значимости концепта в языковом сознании носителей русского языка. Отрицательно коннотированных репрезентантов концепта в русском языке немного, что свидетельствует о сохранении высокого статуса учителя в русском языковом сознании. Незначительно в русском языке количество паремий-репрезентантов концепта *УЧИТЕЛЬ* по сравнению с пословицами и поговорками с глаголом *учить*, организующим предикатом концептосферы «образование».

Выявлено большое количество устойчивых словосочетаний с глаголом «учить», в которых в разнообразных семантических блоках актуализируются профессиональные автостереотипы и стереотипное отношение к процессу учебы и его результатам в российской лингвокультуре.

Реализация концепта **УЧИТЕЛЬ** в англоязычной лингвокультуре

Рассмотрим особенности реализации концепта *TEACHER* — *учитель* в английском языке. Данное существительное-репрезентант концепта является дериватом от глагола *teach*, в древнеанглийском *tæcan* в значении «show by way of information or instruction» — показывать путем информирования или обучения (здесь и далее перевод наш, СП) [20. Р. 906]. В словаре *New Webster Dictionary of English* указаны значения глагола *teach* — учить, показывать, командовать; говорится о связи с древнеанглийским глаголом *tihan* — обвинять. Соответствия в германских языках являются готский глагол *teihan*, немецкий *zeigen* — указывать (по второму передвижению согласных). Соответствия в латинском *disco* — говорить, греческом *deiknumi*, в санскрите *dic* — указывать (по первому сдвигу согласных). Значения глагола также включают «инструктировать», «руководить обучением», «передавать знания», «обучать навыкам»... [19. Р. 1575]. Подробное определение глагола приводится в словаре *Webster's New dictionary of Synonyms*: «побуждать к приобретению знания или умения», «непосредственно демонстрировать намерение научить другого», «оказывать помощь обучающемуся в преодолении трудностей, в применении знаний на практике, в приобретении навыков» [21. Р. 814]. Таким образом, русский глагол *учить* и английский *teach* общеиндоевропейского происхождения, но образованы от разных корней. Английский глагол обозначает более конкретные действия, у него отсутствуют значения «привыкать», «доверять», просторечное «наказывать».

Синонимы глагола *teach*: *instruct* (приказывать, методично прививать знания, умения), *educate* (раскрывать качества важные для достижения успеха в жизни), *train* (подготовить к деятельности, тренировать, дрессировать), *discipline* (учиться сдерживаться, контролировать себя), *school* (учить переносить трудности; учить в образовательном учреждении) [21. Р. 815]. Глаголы *instruct*, *educate* заимствованы из латинского языка, как и греческий по происхождению глагол *school*, латинские по происхождению глаголы *train*, *discipline*, заимствованы из француз-

ского. Дополнительные значения глаголов-синонимов указаны в скобках. Глаголы *impart*, *communicate* — сообщать; *practice*, *drill*, *exercise* — муштровать, повторять на практике; *inculcate*, *instill*, *implant* в значении «насаждать» включены в синонимический ряд с пометкой *Ana* — аналогичные, кроме глагола *drill* от голландского *drillen* — вертеть, тренировать, заимствованы из латинского языка [21. Р. 815]. Синонимами глагола *teach* в Словаре синонимов и антонимов английского языка Дж. Девлина являются уточняющие нейтрально окрашенные глаголы *tutor* — обучать, репетировать, *enlighten* — просвещать, разговорные глаголы *cram* — натаскивать к экзамену, *prime* — готовить, тренировать, *grind* — шлифовать [6. С. 442]. В некоторых словарях необоснованно, на наш взгляд, расширяется синонимический ряд анализируемого глагола, включая в него глаголы *indoctrinate* — внушать, *inform* — информировать, *nurture* — воспитывать, *imbue* — пропитывать, *disseminate* — распространять, *expound* — разъяснять, *explain* — объяснять и др., в которых значение «учить» контекстуально обусловлено [19; 6]. Более широкий синонимический ряд обнаружен в Словаре функциональных синонимов английского языка А. В. Прошина. Интересна стилистическая дифференциация синонимов и краткие пояснения. Приведем примеры, не включенные в синонимический ряд Вебстеровского словаря синонимов: книжные глаголы *edify* — учить в раннем возрасте, *indoctrinate* — учить теории; *catechize* — учить основам веры; *coach* — тренировать (в спорте); редко употребляемый глагол *sermon* в значении «наставлять»; разговорные образные фразовые глаголы *din into*, *drive into*, *drum*, *grind/hammer/knock into*, *pump rub into* — зубрить, постоянно повторять, *pound in* — насильно вдалбливать, *thwack* — бить. Сленгизмы представлены фразовыми глаголами *fix up*, *put up* — повторять, *wise up* — учить уму-разуму. Метафоричен глагол *ladify* — учить хорошим манерам, дословно «превращать в леди». Устойчивое словосочетание *stuff smb's head* актуализирует значение «вдолбить, учить чему-нибудь бесполезному, неправильному», буквально «набивать голову». Сленгизм *whip into shape* — приводить в норму, буквально «взбивать, бить кнутом» [12. С. 529].

Существительное *teacher* — учитель, тот, кто учит, особенно тот, чьей профессией или деятельностью является обучение [19. Р. 1575].

Как и в русском языке, в английском языке концепт **УЧИТЕЛЬ** репрезентирован многочисленными синонимами. В словаре функциональных синонимов английского языка находим: книжное *preceptor*; историческое *schoolman* (о преподавателях логики,

философии, богословия в средневековых университетах), библейское *rabbi*, студенческое *writer-in-residence* (о преподающем литературу в вузе), редко употребляющиеся существительные *docent* (лектор, ассистент в США), *gymniarch* (главный в школе, колледже), *guru* (влиятельный и почитаемый), *prof*, *school-ma'am (marm)*, *scientist* (точных наук), *Tab*s (в Кембридже), устаревшие *flay-bottom(ist)*, *syntax*, *usher*, архаизм *pedagogue*, ироничное об учительнице *school-dame*, многочисленные сленгизмы *beak*, *brusher*, *bumbrusher*, *chalkie/y*, *sir*, *teach*, *schoolie/ey* (в мореходном училище), об *dot-and-carry-one* (учитель арифметики), собирательное разговорное *big brother* [12. С. 529—530]. Английские репрезентанты концепта представлены в вариантах английского языка сленгизмом *acca/acker* в Австралии для обозначения преподавателя вуза, разговорным *dominie* в Шотландии для номинации школьного учителя, *moonshee* в Индии [12. С. 530]. В английском языке нередко встречаются ироничные и пренебрежительные репрезентанты учителей предметников: *gerund grinder* — грызущий герундий, *grammatist* — преподаватель латыни, *spring* — пружинка, прыгать (физкультурник), *stinks* — вонючка (химик). Аналогичные русские репрезентанты концепта УЧИТЕЛЬ образованы от названий самих предметов, в них отсутствует образность. Английские сленгизмы, напротив, нередко конкретно образные: *brusher* — вытиральщик, *chalky* — в мелу и др. Многочисленные сленгизмы и разговорные репрезентанты концепта УЧИТЕЛЬ в английском языке реализуют отличную от русской ментальность, в которой отношения между учителем (преподавателем) иллюстрируют вертикально выстроенные отношения.

Синонимами существительного *scientist* — ученый являются в основном конкретизирующие научную деятельность слова и словосочетания без указаний на занятость в учебном заведении:

ologist — специалист в какой-либо области знания, *climb* (поднявшийся), *whiz-kid* — молодой, выдающийся, *blue* — о женщине и др. [12. С. 460].

Немногочисленным оказался синонимический ряд существительного *professor*: *schoolman* —

преподаватель логики, философии, богословия в средневековых университетах, *academe* — обобщающее разговорное профессура, сокращенное *prof*, сленгизм *crag* — скала [12 С. 414], *don*, *fellow*, (в Великобритании, в основном в Оксфорде), *head of faculty* [16. Р. 490].

Лишь несколько синонимов являются гендерно дифференцирующими: *mistress*, *school-dame*, *school-ma'am (marm)*, обозначающими учительницу в основном в Великобритании.

Примеров устойчивых словосочетаний с существительным *teacher* и его синонимами не много: *experience is the best teacher* — опыт лучший учитель, *teacher's pet* — любимый ученик, *life coach* — духовный наставник, доллар в рифмованном сленге Oxford *scholar* — dollar, *Jack is as good as his master* — достойный ученик. В немногочисленных паремиях с глаголом *teach* реализуются советы, способные помочь в различных жизненных ситуациях: *Don't try to teach your grandmother to suck eggs* — не учи ученого; *Need teaches a plan* — нужда заставит; *Teach a man to fish and you feed him for a lifetime* — научи человека рыбачить, и ты накормишь его на всю жизнь; *You can't teach an old dog new tricks* — старую собаку новым фокусам не научишь [17].

Ценностный аспект репрезентации концепта УЧИТЕЛЬ в английском языке представлен в основном афоризмами, изучение которых считаем перспективным.

Заключение

Анализ реализации концепта УЧИТЕЛЬ на материале словарей показал не только сходство в его репрезентации, значимость концепта в англоязычной и российской картинах мира, многообразие способов его репрезентации, но и ряд отличий, которые заключаются в большей дифференциации репрезентантов в английском языке по виду деятельности, гендерному принципу, по функциональным стилям, по большому количеству синонимов-сленгизмов. В русском языке исследуемый концепт вербализуется в разнообразных устойчивых словосочетаниях и паремиях, разговорных словах и словосочетаниях.

Список литературы

1. Алымова, Е. В. Лингвокультурологическая модель концепта «образование» в национальном самосознании: автореф. дисс. ... канд. филол. н./ Е. В. Алымова. — Саратов, 2007. — 25 с.
2. Александрова, З. Е. Словарь синонимов русского языка/ З. Е. Александрова. — М.: Русский язык, 1986. — 600с.
3. Арнаутова, О. А. Реализация ядра концептуального пространства «УЧИТЕЛЬ — УЧЕНИЕ — УЧЕНИК» в русской лингвокультуре / О. А. Арнаутова // Известия Южного федерального университета. Технические науки. — Вып.10. — Т. 123. — Ростов-на-Дону, 2011. — С. 8—15.

4. Баум, М. А. Концептосфера «образование» в российской и британской картинах мира: стереотипы и метафоры: дисс... канд. филол. н./ М. А. Баум. — Екатеринбург, 2016. — 224 с.
5. Даль, В. И. Словарь живого великорусского языка/ В. И. Даль. Т. 4. — М.: Русский язык, 1980. — С. 528—529.
6. Девлин, Дж. Словарь синонимов и антонимов английского языка/ Дж. Девлин. — М.: Центрполиграф, 2002. — 559с.
7. Заречнева, Е. Н. Социокультурный концепт «учитель»: когнитивно-дискурсивное исследование: дисс... канд. филол. н./ Е. Н. Заречнева. — Барнаул, 2009. — 214 с.
8. Кабаченко, Е. Г. Концепт «учитель» и «ученик» в сознании современных педагогов (образный компонент) / Е. Г. Кабаченко//Лингвокультурология. — Вып.3. —Екатеринбург, 2009. — С. 83—91.
9. Кан, Е. В. Концепт «учитель» в русской лингвокультуре/ Е. В. Кан // Гуманитарные научные исследования. — № 12. — 2015. — URL: <http://human.snauka.ru/2015/12/13263> (дата обращения: 8.08.2019).
10. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. — Екатеринбург: Урал-Советы, 1994. — 800с.
11. Пословицы и поговорки про учителей. URL: <http://uchitel76.ru/posloviцы-i-pogovorki-pro-uchitelej/> (дата обращения: 8.09.2019)
12. Прошин, А. В. Словарь функциональных синонимов английского языка / А. В. Прошин. — Челябинск: Энциклопедия, 2011. — 689с.
13. Словарь синонимов русского языка онлайн. URL: <https://synonymonline.ru/> (дата обращения: 8.09.2019).
14. Смыслова, С. Л. Концепт «учитель» в русском педагогическом дискурсе рубежа XIX — XX веков / С. Л. Смыслова: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — Тюмень, 2007. — 23 с.
15. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка/ П. Я. Черных. — Т. 2. — М.: Русский язык, 1999. — С. 297.
16. Collins Paperback English Thesaurus. — Glasgow: Harper: Collins Publishers. — 709 p.
17. English Proverbs with their Meanings and Origins. — URL: <https://yandex.ru/search?text=English+proverbs+with+their+meaning&clid=2186621>(дата обращения: 8.08.2019).
18. Oxford Dictionary of Synonyms and Antonyms. — Oxford: Oxford University Press, 2007. — 518 p.
19. New Webster's Dictionary of the English Language. — Delhi: Surjeet Publications. 1988. — 1824p.
20. The Oxford Dictionary of English Etymology. Ed. by C. T. Onions. — Oxford: Clarendon Press, 1996. — P. 906.
21. Webster's New Dictionary of Synonyms. — Springfield: Meriam-Webster Inc. 1994. — Pp.814—815.

Сведения об авторе

Питина Светлана Анатольевна — доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания историко-филологического факультета, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. sap.pitina@rambler.ru.

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 10 (432). *Philology Sciences. Iss. 118. Pp. 118—123.*

REALIZATION OF THE CONCEPT *TEACHER* IN ENGLISH AND RUSSIAN

S. A. Pitina

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. sap.pitina@rambler.ru

The paper is an attempt to analyze peculiarities of verbalizing the concept TEACHER in the English and Russian languages and cultures. The research is conducted on the material of etymological, explanatory dictionaries, dictionaries of idioms and set phrases, dictionaries of synonyms in the aspect of comparative language and culture studies and cognitive linguistics. Rows of synonyms, etymology of words representing the concept TEACHER in English and Russian, their functioning in proverbs and sayings have been outlined. Numerous concept verbalizations in Russian and English prove its importance in national identity of both languages and cultures. National and cultural specifics of the concept realization have been found. They include numerous gender marked lexical units in Russian language, while there are many representations in slang and variants of English.

Keywords: *language and culture, language and cultural concept, universal characteristics, national and cultural peculiarities.*

References

1. Alymova E.V. *Lingvokul'turologicheskaya model' kontsepta "obrazovanie" v natsional'nom soznanii: avtoref. diss. ... kand. philol. nauk* [Language and cultural model of the concept "education" in national self-consciousness. Abstract of thesis]. Saratov, 2007. 25 p. (in Rus).
2. Aleksandrova Z.E. *Slovar' sinonimov russkogo jazyka* [Dictionary of Russian synonyms]. M., Russkij yazyk, 1986. 600 p. (In Russ.).
3. Arnautova O.A. Realizatsija jadra kontseptual'nogo prostranstva "UCHITEL' – UCHENIE – UCHE-NIK" v russkoj lingvokul'ture [Realization of the concept space "TEACHER – STUDY – PUPIL" in Russian language and culture]. *Izvestija Yuzhnogo Federal'nogo universiteta. Tekhnicheskie nauki* [Proceedings of the Southern Federal University. Technical sciences]. Iss. 10, Vol. 123, Rostov-on-Don, 2011, pp.8-13. (In Russ.).
4. Baum M.A. *Kontseptosfera "obrazovanie" v rossijskoj i britanskoj kartinakh nira: stereopity i meta-phory: diss. ... kand. philol. nauk* [Conceptsphere "education" in Russian and British pictures of the world: stereotypes and metaphors. Thesis]. Yekaterinburg, 2016. 217 p. (In Russ.).
5. Dal' V.I. *Slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka* [Dictionary of the living great Russian dictionary]. Vol. 4, M., Russkij yazyk, 1980, pp. 528 -529. (In Russ.).
6. Devlin Jo. *Dictionary of synonyms and antonyms*. M., Tsentropoligraf, 2002. 559 p.
7. Zarechneva E.N. *Sotsiokul'turnij kontsept "uchitel": kognitivno-diskursivnoe issledovanie: diss. ... kand. philol. nauk* [Sociocultural concept "teacher": cognitive and discourse study]. Barnaul, 2009. 214 p. (In Russ.).
8. Kabachenko E.G. Kontsept "uchitel" i "uchenik" v soznanie sovremennykh pedagogov (obraznyj component) [Concept "teacher" and "pupil" in modern teachers' consciousness (image component)]. *Lingvokul'turologija* [Language and culture], Iss.3. Yekaterinburg, 2009, pp. 83-91. (In Russ.).
9. Kan E.V. Kontsept "uchitel" v russkoj lingvokul'ture [Concept "teacher" in Russian language and culture]. *Gumaniternye nauchnye issledovanija* [Humanitarian scientific researches]. #12, 2015. URL: <http://human.snauka.ru/2015/12/13263> (accessed 9.09.2019). (In Russ.).
10. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo jazyka* [Dictionary of Russian language]. Yekaterinburg: Ural-Sovety, 1994. 800 p. (In Russ.).
11. *Poslovitsy i pogovorki pro uchitelej* [Proverbs and sayings about teachers]. URL: <http://uchitel76.ru/poslovicy-i-pogovorki-pro-uchitelej/> (accessed 8.09.2019).
12. Proshin A.V. *Slovar' funktsional'nykh sinonimov anglijskogo yazuka* [Dictionary of functional synonyms of English]. Chelyabinsk: Entsiklopedija, 2011. 689p.
13. *Slovar' sinonimov russkogo jazyka online* [Online dictionary of Russian synonyms]. URL: <https://synonymonline.ru/> (accessed 8.09.2019). (In Russ.).
14. Smyslova S.L. *Kontsept "uchitel" v rusском pedagogicheskom diskurse rubezha XIX - XX vekov: avtoref. diss. ... kand. philol. nauk* [Concept "teacher" in Russian pedagogical discourse on the border of XIX - XX centuries. Abstract of thesis]. Tiumen', 2007. 23 p. (In Russ.).
15. Chernykh P.Ya. *Istoriko-etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo jazyka* [Historical and etymological dictionary of modern Russian]. Vol.2. M.: Russkij yazyk, 1999. 297 p. (In Russ.).
16. *Collins Paperback English Thesaurus*. Glasgow: Harper, Collins Publishers. 709 p.
17. *English Proverbs with their Meanings and Origins*. URL: <https://yandex.ru/search?text=English+proverbs+with+their+meaning&clid=2186621>(accessed 8.08.2019).
18. *Oxford Dictionary of Synonyms and Antonyms*. Oxford, Oxford University Press, 2007. 518 p.
19. *New Webster's Dictionary of the English Language*. Delhi, Surjeet Publications.1988. 1824 p.
20. *The Oxford Dictionary of English Etymology*. Ed. by C.T. Onions. Oxford, Clarendon Press, 1996. P. 906.
21. *Webster's New Dictionary of Synonyms*. Springfield, Meriam-Webster Inc., 1994, pp. 814-815.

ПРОИЗВОДНОСТЬ ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА И ЕЕ СЛЕДСТВИЯ

О. Ю. Редькина

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия.

Автор благодарит Фонд перспективных научных исследований ЧелГУ за финансовую поддержку проведенного исследования.

В статье анализируется производная природа лингводидактического дискурса и то влияние, которое она оказывает на параметры учебных текстов: 1) производность текста; 2) утрата образа автора исходного научного текста; 3) возможность создания синонимичных учебных текстов, подготовленных на основе исходного научного текста, и отсутствие такой возможности в случае адаптации текстов иной жанровой и дискурсивной принадлежности.

Ключевые слова: *дискурс, лингводидактический дискурс, текст, учебный текст, текстовая синонимия.*

Вторичность дидактического дискурса по отношению к научному неоднократно доказывалась представителями различных научных школ и направлений: Р. С. Аликаевым, В. И. Карасиком, И. Т. Касавиным, Л. В. Куликовой, А. В. Литвиновым, Л. М. Яхиббаевой. Обобщая результаты их исследований, в качестве основных отличий учебного и дидактического дискурсов назовем цель и участников дискурса. Именно эти факторы оказывают наибольшее влияние на жанровые характеристики используемых в дидактическом и научном дискурсах текстов.

Цели научного дискурса, по мнению В. И. Карасика, заключаются в следующем: 1) определить проблемную ситуацию и выделить предмет изучения; 2) проанализировать историю вопроса; 3) сформулировать гипотезу и цель исследования; 4) обосновать выбор методов и материала исследования; 5) построить теоретическую модель предмета изучения; 6) изложить результаты наблюдений и эксперимента; 7) прокомментировать и обсудить результаты исследования; 8) дать экспертную оценку проведенному исследованию; 9) изложить полученные материалы в форме, приемлемой для специалистов и неспециалистов (студентов и широкой публики) [4].

Перечисленные цели научного дискурса отражают последовательность проведения научного исследования и подразумевают наличие различных статусов у участников дискурса. Непосредственными участниками научного дискурса являются специалисты, уровень подготовленности которых можно градуировать от студента к авторитетному ученому, причем последовательность проведения

исследования отражает постепенный переход начинающего исследователя в новый статус. Цели 7 и 8 предполагают взаимодействие специалистов — более или менее равных участников научного дискурса, то есть «симметрическую коммуникацию» в терминологии А. В. Литвинова [6].

Цель 9 и вместе с ней завершающий этап исследования предполагают трансляцию нового подтвержденного знания специалистом широкой публике — неспециалистам, то есть реализацию «комплементарной коммуникации» в терминологии А. В. Литвинова [6]. В зависимости от выбранного способа трансляции и характеристик потенциального адресата автор адаптирует текст исследования к изменившимся условиям коммуникации и получает новый текст, вторичный по отношению к собственно научному. В результате автор становится участником нового дискурса, вторичного и периферийного по отношению к научному. Таким дискурсом является дидактический; его текстовую основу составляют учебные тексты, автор которых, по мнению И. Т. Касавина, «выполняет роль «посредника» в передаче научных и профессиональных знаний от научного профессионального сообщества будущим специалистам и роль «инструктора, обучающего», отбирающего, систематизирующего и адаптирующего материал, который подлежит усвоению» [13].

Описанный процесс «перевода» научного исследования для неспециалиста, хоть и весьма идеализированный, имеет три следствия, которые мы рассмотрим на примере лингводидактического дискурса, реализуемого на довузовском этапе подготовки: 1) производность текста; 2) утрата образа

автора исходного научного текста; 3) возможность создания синонимичных учебных текстов¹, подготовленных на основе исходного научного текста, и отсутствие такой возможности в случае адаптации текстов иной жанровой и дискурсивной принадлежности.

Следствие 1. Производность текста

Составитель учебного издания ориентируется на уровень знаний своих потенциальных читателей [9. С. 42]. На довузовском этапе подготовки адресат является неспециалистом, поэтому независимо от области научных знаний помимо теоретического материала учебное издание нуждается в конкретных примерах описанных явлений и материале для отработки практических навыков. Это значит, что в структуру учебного издания должны входить и научные тексты, и материалы² иной жанровой и дискурсивной принадлежности. Включение во вторичный по отношению к научному текст такого рода элементов приводит к его усложнению, что позволяет говорить о его производности. Рассмотрим явление производности на примере учебных текстов из лингводидактического дискурса.

Конечная цель обучения языку — формирование у обучающихся коммуникативно-речевой компетенции, под которой мы понимаем способность «соотносить языковые средства с задачами и условиями общения с учетом социальных норм поведения и коммуникативной целесообразности высказывания» [2]. Для формирования коммуникативно-речевой компетенции в полном объеме³ необходимо:

¹Термин используем вслед за Н. П. Пешковой, Л. М. Яхиббаевой. См.: Пешкова Н. П., Яхиббаева Л. М. Первичность и вторичность как онтологические категории учебного текста // Вестн. Южно-Урал. гос. ун-та. 2009. Лингвистика. № 2 (135). С. 59.

²Мы сознательно избегаем здесь слова «текст», поскольку речь идет об использовании не только текста, но и невербальных компонентов.

³То есть всех ее компонентов: языковой (умение строить грамматически правильные и осмысленные высказывания, см.: Марков В. Т. Лингводидактическое описание учебного текста и технология обучения речевому общению иностранных студентов гуманитарного профиля : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. С. 6.), прагматической (умение выбрать наиболее эффективный способ выражения мысли в зависимости от условий общения и поставленной цели, см.: Щукин А. Н. Обучение иностранным языкам: теория и практика. М.: Филоматис, 2007) и социолингвистической (знание «культурных особенностей носителей языка, их привычек, традиций, норм поведения и этикета и умение понимать и адекватно использовать их в процессе общения, оставаясь при этом

а) включить в структуру учебных текстов теоретический материал — информацию о языковых единицах разных уровней, законах их функционирования и системных отношениях в языке;

б) предоставить адресату речевые образцы (тексты различной жанрово-стилевой принадлежности), научить их анализировать, а также провоцировать ответную речевую реакцию с помощью материала упражнений, вызывающего эмоциональный отклик.

Стоит отметить, что в разных видах лингводидактического дискурса соотношение количества элементов, направленных на формирование знания о системе языка и навыка анализа языковых единиц, и элементов, направленных на вызов ответной речевой реакции, не одинаково.

Так, в школьных учебниках по русскому языку как родному преобладают упражнения, предназначенные для формирования языковой и лингвистической (языковедческой) компетенции⁴. В такие упражнения включаются адаптированные или неадаптированные фрагменты произведений русской литературы и публицистики. В задачи адресата входит анализ предложенного текста и наблюдение за функционированием в нем изучаемой языковой единицы.

В учебных изданиях по русскому языку как иностранному для довузовского этапа подготовки (уровни А1–В1) формирование языковой компетенции не является самоцелью. Задача автора учебного издания — вывести адресата в коммуникацию на изучаемом языке через последовательное усложнение упражнений: от собственно языковых (анализ языковой единицы, изучение законов ее функционирования) к условно-речевым (имитационным) и затем к собственно коммуникативным. Коммуникативные упражнения строятся на материале, способствующем проявлению ответной речевой реакции, именно поэтому в рамках дискурса обучения русскому языку как иностранному

носителем другой культуры, см.: Колесникова И. Л., Долгина О. А. Англо-русский терминологический справочник по методике преподавания иностранных языков. М., 2008. С. 30).

⁴Под этим термином Е. И. Литневская и В. А. Багрянцева понимают «овладение необходимыми знаниями о языке, его устройстве и функционировании, о нормах русского литературного языка, лингвистике как науке; обогащение словарного запаса и грамматического строя речи; формирование способности к анализу и оценке языковых явлений и фактов». См.: Литневская Е. И., Багрянцева В. А. Методика преподавания русского языка в средней школе. М., 2006. С. 39.

значительно чаще используются элементы иных дискурсов: текстовые (фрагменты художественных произведений, публицистических текстов, бытовые диалоги¹) и нетекстовые² (аудио- и видеозаписи, графические материалы).

Таким образом, в лингводидактический дискурс наравне с научными текстами включаются материалы, изначально для использования в качестве учебных не предназначенные. В результате можно говорить о производности и учебных текстов (за счет текстовых компонентов), и лингводидактического дискурса в целом (за счет нетекстовых компонентов). Чем больше «инородных» элементов в дискурсе, тем выше степень его производности. Очевидно, что степень производности дискурса, связанного с обучением русскому языку как иностранному, выше, чем степень производности дискурса, связанного с обучением русскому языку как родному.

Следствие 2. Утрата образа автора исходного научного текста

При подготовке учебного издания и отборе материала, составляющего его теоретическую основу, составитель должен учитывать ценность исходного текста для науки. Интересен тот факт, что в критерии определения ценности в дидактическом дискурсе не включается новизна исследования, его теоретическая и практическая значимость и пр., в отличие от научного дискурса. Напротив, наиболее ценными оказываются те сведения, которые представляют собой «устоявшиеся основы той или иной дисциплины» [11. С. 5].

Отобранные тексты должны быть адаптированы с учетом особенностей адресата. Необходимость этого подчеркивает определение учебного издания: «издание, содержащее систематизированные сведения научного или прикладного характера, изложенные в форме, удобной для изучения и преподавания, и рассчитанное на учащихся разного возраста и ступени обучения» [3].

Процесс адаптации научного текста и особенно его результат снова отражают отличие учебного текста от научного с точки зрения ценностного

¹ Хотя вопрос о включении в этот перечень бытовых диалогов остается открытым: здесь уместно говорить, скорее, о специально созданных для обучения текстах, нежели о реальных высказываниях.

² В узком понимании текста как сообщения, объективированного в виде письменного документа. См., например: Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981. С. 18—19.

подхода. Если в научном тексте отражается ход исследования, его контекст, личный вклад автора, то для учебного имеет значение только его результат. Как следствие в учебном тексте «стираются» индивидуальные авторские характеристики исходного научного текста, а образ автора нивелируется.

В результате адаптированный научный текст перестает восприниматься как производный от конкретного исследования, и поэтому он может быть представлен в качестве адаптированной версии любого из нескольких научных текстов, объединенных общностью содержания.

Следствие 3. Синонимия учебных текстов

Кроме того, при адаптации одного научного текста может возникнуть несколько его вариантов, ориентированных на разных адресатов, например, на носителей языка (среднестатистических школьников и школьников, обучающихся в гуманитарных классах или классах с углубленным изучением языка) и инофонов. В зависимости от уровня подготовки адресата варьируется сложность языкового оформления теоретического материала; он может быть дополнен доказательной базой или представлен в виде предпосылки к индуктивному умозаключению. В любом случае все полученные в результате адаптации тексты будут объединены общностью содержания. С исходным научным текстом их будет объединять установка на передачу объективной, достоверной информации.

В случае соблюдения двух условий: общности содержания и цели исходного текста и ряда его производных — можно говорить о синонимии учебных текстов.

Рассмотрим возможность синонимии текстов, используемых для материала упражнений. Выше мы уже упоминали, что лингводидактический дискурс отличается высокой степенью производности, поскольку в качестве материала упражнений используются тексты, изначально для дидактических целей не предназначенные.

Выбор текстов для упражнений зависит от особенностей адресата и цели обучения. Так, в школьных учебниках, ориентированных на носителя языка, в случае изучения лексических и грамматических тем часто используются дотекстовые единицы: разрозненные предложения — выдержки из произведений русской литературы, имеющие ценность только как материал для анализа функционирования определенной языковой единицы.

В упражнениях, направленных на развитие речи, используются фрагменты художественных и публицистических произведений.

Если же адресатом является инофон, то в упражнениях используются речевые образцы различной жанровой и дискурсивной принадлежности и тексты, провоцирующие ответную речевую реакцию. В качестве последних обычно используются художественные произведения и их фрагменты (преимущественно малые жанры: рассказы, стихотворения, в том числе тексты песен, сказки, анекдоты), публицистические тексты (статьи, заметки, режиссура — очерки), идиомы (поговорки, пословицы), цитаты из ценных для русской культуры книг, фильмов, песен и так далее.

Вводя тот или иной текст в состав упражнения, составитель учебного издания подменяет цель автора исходного текста своей, напрямую зависящей от того, какая частная задача дидактического речевого взаимодействия решается. Таким образом, становясь компонентом дидактического дискурса, текст приобретает ранее не свойственные ему качества.

Как и научные, перечисленные тексты могут быть неоднократно адаптированы и использованы в лингводидактическом дискурсе с разными целями. Сохраняя общность содержания, они, тем не менее, не могут быть названы синонимичными, поскольку цель автора исходного текста всякий раз подменяется целью автора адаптированного текста — составителя учебного издания.

Подведем итоги. Дидактический дискурс вторичен по отношению к собственно научному. Он направлен на достижение одной из целей научного дискурса: изложить материалы исследования в доступной для широкой публики форме, — но в то же время является самостоятельным образованием со своими задачами, специфическими участниками речевого взаимодействия и текстами.

Дидактический дискурс направлен на формирование необходимого минимума знаний, умений

и навыков у адресата, поэтому научные тексты дополняются текстами иной жанровой и дискурсивной принадлежности, изначально не предназначенными для использования в качестве учебных. Они используются в лингводидактическом дискурсе для демонстрации функционирования языковых единиц, а также в качестве речевых образцов или основы для ответной речевой реакции адресата. Неоднородность структуры учебного текста позволяет говорить о его производности.

«Перевод» научного текста в доступную для адресата форму предполагает не только упрощение языковой стороны текста, но и утрату некоторых его жанровых особенностей. Так, в производном учебном тексте не содержится информация о научной новизне, теоретической и практической значимости исследования, о личном вкладе автора. В результате образ автора нивелируется, и теоретический материал, предлагаемый в учебных изданиях, может быть воспринят как адаптация нескольких научных текстов с общим содержанием.

Адаптация научного текста происходит в зависимости от уровня подготовки адресата. Один текст может быть адаптирован для разных категорий адресатов. Все полученные тексты будут объединены общностью содержания и цели с исходным текстом и потому могут быть названы синонимичными.

Тексты, положенные в основу упражнений, тоже подвергаются адаптации. На их основе возможно создание нескольких адаптированных вариантов, но синонимичными они считаться не могут, поскольку цель автора исходного текста подменяется целями автора адаптированного текста, напрямую зависящими от частных задач дидактического речевого взаимодействия.

Перечисленные свойства учебных текстов обусловлены производной природой лингводидактического дискурса.

Список литературы

1. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. — М., 1981. — 140 с.
2. Гез, Н. И. Формирование коммуникативной компетенции как объект зарубежных методических исследований / Н. И. Гез // Иностран. яз. в шк. — 1985. — № 2. — С. 17—24.
3. ГОСТ 7.60—2003. Издания. Основные виды. Термины и определения [Электронный ресурс]. — URL: www.ifap.ru/library/gost/7602003.pdf.
4. Карасик, В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. — Волгоград, 2000. — С. 5—20.

5. Колесникова, И. Л. Англо-русский терминологический справочник по методике преподавания иностранных языков / И. Л. Колесникова, О. А. Долгина. — М., 2008. — 431 с.
6. Литвинов, А. В. Научный дискурс в свете межкультурной коммуникации / А. В. Литвинов // Филология в системе современного университетского образования. — Вып. 7. — М., 2004. — С. 283—289.
7. Литневская, Е. И. Методика преподавания русского языка в средней школе / Е. И. Литневская, В. А. Багрянцева. — М., 2006. — 590 с.
8. Марков, В. Т. Лингводидактическое описание учебного текста и технология обучения речевому общению иностранных студентов гуманитарного профиля: дис. ... д-ра филол. наук: 13.00.02 / Марков Владимир Тимофеевич. — М., 2004. — 305 с.
9. Основы научной речи: учеб. пособие / Н. А. Буре, М. В. Быстрых, С. А. Вишнякова и др. — М. — СПб., 2003. — 272 с.
10. Пешкова, Н. М. Первичность и вторичность как онтологические категории учебного текста / Н. М. Пешкова, Л. М. Яхиббаева // Вестн. Южно-Урал. гос. ун-та. — 2009. — Лингвистика. — № 2 (135). — С. 56—60.
11. Страхова, В. Л. Сопоставительная прагматика учебного текста (на материале учебников естественно-научного цикла на английском и русском языках): автореф. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Страхова Вера Леонтьевна. — Воронеж, 1994. — 214 с.
12. Щукин, А. Н. Обучение иностранным языкам: теория и практика: учеб. пособие для преподавателей и студентов / А. Н. Щукин. — М., 2007. — 416 с.
13. Яхиббаева, Л. М. Вторичность как онтологическая характеристика учебного текста и дискурса: дис... канд. филол. наук: 10.02.19 / Яхиббаева Лариса Мухамедовна. — Уфа, 2009. — 206 с.

Сведения об авторе

Редкина Ольга Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Челябинского государственного университета, г. Челябинск. filolchen@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 10 (432). *Philology Sciences. Iss. 118. Pp. 124—129.*

LINGUODIDACTIC DISCOURSE PRODUCTIVITY AND ITS EFFECTS

O. Yu. Redkina

Chelyabinsk State University, Department of Russian Language and Literature, assistant professor. filolchen@gmail.com

The article analyzes texts for study used in the foreign language learning. The task of these linguodidactic texts is to present information about the language structure and to teach speaking a foreign language. So, their structure includes theoretical information (acknowledged results of scientific research in the adapted form) and texts of various genres as speech patterns. The text for study differs from the scientific one because it does not possess its own scientific and informative value, so the image of the author of the initial scientific text is irrelevant and almost disappears in the process of adaptation. It is impossible to define the author of the theoretical material in the study text and, as a result, there appears the phenomenon of text synonymy (the first variant), when the text for study is an adapted version of several scientific texts united by the common content. The second variant of text synonymy appears when a scientific text may be adapted differently, and it is the foundation for secondary texts with the common content. Besides the commonness of the content, these texts are united to transfer the objective and accurate information. The texts of another genre or discourse (a fragment of fiction or publicistic book, a document etc.) as the basis for exercises may also create several adapted variants, but they are united only with the commonness of the content. The goals of the initial text author are changed for the compiler of an academic edition, who selects the material necessary for certain didactic tasks of speech interaction. So, in this case we cannot speak about the text synonymy.

Key words: *discourse, linguodidactic discourse, genre, study text, text synonymy.*

References

1. Gal'perin I.R. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow, 1981. 140 p. (In Russ.).
2. Gez N.I. Formirovanie kommunikativnoj kompetencii kak ob'ekt zarubezhnykh metodicheskikh issledovaniy [The formation of communicative competence as an object of foreign methodological research]. *Inostrannyj yazyk v shkole* [Foreign language at school], 1985, no. 2, pp. 17–24. (In Russ.).
3. GOST 7.60-2003. *Izdaniya. Osnovnye vidy. Terminy i opredeleniya* [Editions. The main types. Terms and definitions]. Available at: www.ifap.ru/library/gost/7602003.pdf, accessed 15.09.2019. (In Russ.).
4. Karasik V.I. O tipah diskursa [About types of discourse]. *Yazykovaya lichnost': institucional'nyj i personal'nyj diskurs* [Linguistic personality: institutional and personal discourse]. Volgograd, 2000, pp. 5–20. (In Russ.).
5. Kolesnikova I.L., Dolgina O.A. *Anglo-russkij terminologicheskij spravochnik po metodike prepodavaniya inostrannykh yazykov* [English-Russian terminological reference book on the methodology of teaching foreign languages]. Moscow, 2008. 431 p. (In Russ.).
6. Litvinov A.V. Nauchnyj diskurs v svete mezkul'turnoj kommunikacii [Scientific discourse in the light of intercultural communication]. *Filologiya v sisteme sovremennogo universitetskogo obrazovaniya* [Philology in the system of modern university education]. Moscow, 2004, iss. 7, pp. 283–289. (In Russ.).
7. Litnevskaya E.I., Bagryanceva V.A. *Metodika prepodavaniya russkogo yazyka v srednej shkole* [Methods of teaching the Russian language in high school]. Moscow, 2006. 590 p. (In Russ.).
8. Markov V.T. *Lingvodidakticheskoe opisanie uchebnogo teksta i tekhnologiya obucheniya rechevomu obshcheniyu inostrannykh studentov gumanitarnogo profilya : dis. ... d-ra filol. nauk* [Linguodidactic description of the educational text and technology for teaching verbal communication of foreign students in the humanities. Thesis]. Moscow, 2004. 305 p. (In Russ.).
9. Bure N.A., Bystrykh M.V., Vishnyakova S.A. *Osnovy nauchnoj rechi* [The basics of scientific speech]. Moscow, St. Petersburg, 2003. 272 p. (In Russ.).
10. Peshkova N.M., Yahibbaeva L.M. Pervichnost' i vtorichnost' kak ontologicheskie kategorii uchebnogo teksta [Primary and secondary as ontological categories of the educational text]. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universitetata. Lingvistika* [Bulletin of the South Ural State University], 2009, no. 2 (135), pp. 56–60. (In Russ.).
11. Strahova V.L. *Sopostavitel'naya pragmatika uchebnogo teksta (na materiale uchebnikov estestvenno-nauchnogo cikla na anglijskom i russkom yazykah) : avtoref. ... kand. filol. nauk* [Comparative pragmatics of the educational text (on the material of textbooks of the natural science cycle in English and Russian). Thesis]. Voronezh, 1994. 214 p. (In Russ.).
12. Shchukin A.N. *Obuchenie inostrannym yazykam: teoriya i praktika* [Teaching foreign languages: theory and practice]. Moscow, 2007. 416 p. (In Russ.).
13. Yahibbaeva L.M. *Vtorichnost' kak ontologicheskaya harakteristika uchebnogo teksta i diskursa : dis... kand. filol. nauk* [Secondary as an ontological characteristic of educational text and discourse. Thesis]. Ufa, 2009. 206 p. (In Russ.).

ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗОВ ПЕРЕВОДУ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

С. В. Сботова¹, Е. Ю. Куляева²

¹ Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

² Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза, Россия

В данной статье проведено исследование английских и русских словосочетаний и терминов, используемых в техническом английском языке. Авторы исследовали перевод терминов путем описательных конструкций, лексических трансформаций (конкретизации, генерализации). На основе проведенного исследования авторами выявлены основные способы перевода терминов путем транслитерации, передачи прямых соответствий, использования описательного перевода.

Ключевые слова: научно-технический текст, термины, словосочетания, калькирование, транслитерация.

В последнее время интерес к переводу научно-технического текста усилился в связи с появлением новых терминов, возникших в результате развития науки и техники. Правильный перевод терминов дает возможность наиболее точно излагать содержание текста и обеспечивает правильное понимание материала будущим специалистом в определенной области науки и техники.

Предметом исследования в настоящей работе являются особенности перевода терминов в научно-технической литературе, что представляет большой интерес. Раскрытие значений английских терминов и подбор к ним эквивалентов на русском языке проявляется в специфике научно-технического перевода. Перевод научно-технических терминов является основной трудностью, с которой сталкивается будущий специалист. На основе обозначенной проблемы авторами статьи были поставлены следующие задачи: анализ понятия термин и различных подходов отечественных ученых к данному понятию, характеристика научно-технического текста и особенностей перевода терминов в научно-технической литературе.

Перевод научно-технического текста является неотъемлемой частью работы любого специалиста, работающего в области науки и техники. Перевод научно-технического текста с английского языка на русский требует от будущего специалиста учета грамматики и лексики, особенностей текста, характеризующегося смысловой точностью и информативностью, знания и умения переводить термины и понятия. Язык научно-технической литературы характеризуется

преобладанием специальных терминов, аббревиатур, краткостью изложения, формальным изложением материала, точностью и четкостью формулировок.

Перевод научно-технического текста в науке изучен достаточно хорошо. Можно назвать таких ученых, как А. В. Суперанская, Б. Н. Головин и Р. Ю. Кобрин, Т. Р. Кияк, Э. Ф. Скороходько, Т. М. Пьянкова, Н. В. Аристов, З. Н. Волкова, Л. М. Алексеева, А. В. Федоров, В. Н. Комиссаров и др. Н. В. Аристов в своей работе «Основы перевода» выделяет основную проблему при переводе научно-технического текста — перевод терминов, где дает определение термину как «слову, лишенному эмоциональной окраски, имеющее строго определенное, особо оговариваемое значение в данной области науки или техники» [2. С. 54]. Л. М. Алексеева в своей книге «Специфика научного перевода» рассматривает «термин как вербальную символизацию конкретного знания, который однозначен и многозначен, произведен и воспроизведен, нейтрален и эмоционален, зависим и не зависим от контекста» [1. С.39]. З. Н. Волкова полагает, что «основным вопросом перевода является проблема точной передачи мыслей автора оригинала со всеми их оттенками, возникающими ассоциациями и с сохранением стиля автора средствами языка перевода» [5. С. 14].

А. В. Федоров подчеркивает, что диалектизмы, жаргоны и фразеологизмы являются непереводаемыми или трудно переводимыми, так как их функция пропадает [15. С. 43]. В. Н. Комиссаров выделяет особенности научно-технического текста:

1) *отсутствие эмоциональной окрашенности* позволяет точно переводить научно-технические тексты;

2) *стремление к четкому и точному изложению материала*, что, в свою очередь, проявляется в широком использовании аббревиатур, условных знаков причастных, инфинитивных, герундиальных конструкций и применение специальных терминов;

3) *переосмысление слов разговорной речи* является одним из методов построения терминов: put out — «гасить огонь», для строителя — «обратная лопата», для моряков — «выходить в море», stroke — «удар», для механиков — «ход поршня», hoe — «мотыга»;

4) *редкость употребления идиом* [9. С. 110, 132].

Научно-технический текст, независимо от содержания, может быть правильно переведен с английского языка на русский, если в языке перевода будет найден точный эквивалент термина языку оригинала. Л. М. Алексеева считает, что «природа термина проявляется в его свойстве быть результатом мыследеятельности» [1. С. 39].

Э. Ф. Скороходько в своей работе «Вопросы перевода английской технической литературы» дает определение научному термину, как «слову, устойчивому словосочетанию или сокращению, которое выражает определенное научное понятие, отражая в своей смысловой структуре характеристические признаки объекта терминования и взаимосвязи этого объекта с другими с достаточной для взаимного общения точностью» [14. С. 11].

Б. Н. Головин и Р. Ю. Кобрин выделяют термины категорий, общетехнические термины и общенаучные, специальные и межотраслевые термины [6. С. 156].

Несмотря на то, что общая методика перевода научно-технического текста достаточно разработана, особенности и трудности перевода терминов до сих пор являются одними из наиболее актуальных проблем современного переводоведения. Термин — это единица языка (слово, словосочетание, аббревиатура), обладающая специальным терминологическим значением, которое отражает основные признаки науки и техники.

При переводе научно-технического текста главной задачей является определение и точное понимание научных терминов в тексте языка оригинала. Неправильно установив термин, переводчик может допустить терминологические ошибки. Например:

- *авария* — breakdown (повреждение механизмов, машин); failure (выход из строя); emergency

(аварийная ситуация); accident (несчастный случай); crash (на авиа- и автотранспорте), wreck (на море и железной дороге);

- *авиалиния* — airline, air carrier (авиакомпания); airway (трасса); air-route (маршрут); «автоклав» — autoclave; leaching autoclave, digester (для выщелачивания бокситов); oil converter (для гидрогенизации жиров); rendering tank (для вытопки жира в пищевой промышленности); retort (в производстве консервов); sterilizer (стерилизатор в медицине);

- *автомат* — automatic circuit-breaker (автоматический выключатель); automation, machine (станок); circuit, network (физическая реализация); slot-machine, vending machine (торговый по продаже газет, спичек и т. д.); automatic machine (механизмы, машины, работающие автоматически); automatic device, automatic control unit, controller (устройство, осуществляющее какую-либо функцию без вмешательства человека);

- *агрегат* — assembly, equipment, outfit, plant, set, unit, machine (совокупность машин, механизмов, выполняющих единый процесс, служащих единой цели); plant item, unit (часть установки); engine accessories (вспомогательные устройства); aggregate (совокупность веществ, механическая смесь);

- *аппарат* — apparatus; device, unit (устройство, приспособление); the (human) eye (зрительный аппарат); spacecraft, space vehicle (космический аппарат); mathematical apparatus, tools, techniques, a body of mathematics (математический аппарат, совокупность математических положений); telegraph (apparatus), telegraph set (телеграфный аппарат); telephone (set), telephone instrument (телефонный аппарат); photographic camera (фотографический аппарат);

- *аппаратура* — apparatus, equipment, facilities, gear; test equipment, test gear (аппаратура для контроля); hardware (техническое обеспечение); software (программное обеспечение); instrumentation (контрольно-измерительная аппаратура);

- *база* — base, basis; foundation (основание, подножие в архитектуре); base, foot (нижняя опорная часть колонны); base-line (в системах навигации); base (region), base lead (транзистора);

- *бак* — tank, vat (емкость); forecastle (носовая часть судна); tank, container (аккумуляторной батареи); water tower (водонапорный бак);

- *банка* — can, jar, pot (емкость); can, tin (консервная жестяная); bar, bank, shoal (отмель); thwart (сиденье на шлюпке) [3].

В статье «Особенности лексического состава словосочетаний, используемых в техническом

английском языке» [13] авторы показали, как в языке перевода создается новый термин под воздействием термина языка оригинала, придавая новое значение слову или словосочетанию:

- *алебастр* — plaster of Paris (гипс в медицине), alabaster (порода, используемая для различных поделок);

- *бабка* — stock (опора в машиностроении), head (головка), post (в строительстве);

- *балка* — Gerber's girder (шарнирная балка, балка Гербера; ферма со сжатыми раскосами и растянутыми стойками);

- *рудничная лампа* — Davy lamp (лампа Дэви);

- *красный кирпич* — Accrington brick (красный твердый кирпич из аккрингтонской глины, содержащей окись железа);

- *глазурованный кирпич* — Leeds brick (глазурованный кирпич, производимый в городе Лидс);

- *цемент из мела и глины* — Frost's cement (цемент Фроста);

- *цемент с повышенным содержанием окиси железа* — Fleming's cement (цемент Флеминга);

- *цемент из известии и гипса* — Scott's cement (цемент Скотта);

- *гипс с раствором квасцов* — Keene's marble cement (английский цемент, цемент Кина).

Если структура переводимой лексической единицы в обоих языках совпадает — это называется *семантической калькой* [7. С. 319]. При использовании семантического калькирования структура термина, создаваемого в языке оригинала, соответствует нормам языка оригинала, а структура термина, создаваемого в языке перевода, соответствует нормам языка перевода. Общей является только семантика терминов обоих языков.

В технических науках широко распространена *транслитерация* — слова, написанные на одном алфавите, передаются алфавитом другого языка: «барьер» — barrier; «бассейн» — basin; «батарея» — battery; «биметалл» — bimetal(lic) plate, strip; «бисквит» — biscuit (результат бисквитного обжиги); «битум» — bitumen; «блок» — block (элемент конструкции, системы); «блум» — bloom (стальная заготовка квадратного сечения, полученная из слитков прокаткой на блюмингах); «бокс» — box (камера); «болт» — bolt; «брекватер» — breakwater (береговое сооружение, волнолом); «буй» — buoy (местонахождение мели); «буфер» — buffer (устройство для смягчения ударов); «вакуум» — vacuum; «вибратор» — vibrator (механизм для уплотнения грунта); «вольтметр» — voltmeter [4]. Матусевич М.И. считает, что при

транслитерации необходимо учитывать и звуковой момент, чтобы не чересчур отрывать слово от его живой звучащей формы [12. С. 106].

Если структура лексической единицы заимствуется при переводе вместе с этой единицей — это *структурная калька* [11. С. 211], при которой каждому элементу из языка оригинала соответствует элемент в языке перевода.

В языке перевода может также происходить не только процесс закрепления заимствованных моделей в результате калькирования, но и вымещение некоторых моделей в отдельные обособленные структурные кальки: «вибропрочность» — vibration strength (способность не разрушаться под воздействием вибрации); «виброустойчивость» — vibration resistance (способность нормально функционировать в условиях вибрации); «гидрометрическая вертушка» — hydrometric propeller; «вискозное волокно» — viscous rayon; «расширять диапазон вольтметра» — extend the range of a voltmeter; «элемент выпрямителя» — rectifying element; «выходить из-под контроля» — run out of control; «газ вытекает» — the gas escapes; «дренажная галерея» — draining gallery; «гамма-излучение» — gamma-ray radiation [3].

Если в переводе заимствуются семантика, структура и форма (звуковой состав и написание) термина, то данный способ называется *заимствованием* [4. С. 178]: «гидроэлектростанция» — hydroelectric station; «гидросистема» — hydraulic system; «регулировать графитизацию» — control graphitization; «радиоактивная дезактивация» — radioactive deactivation; «детерминированная модель» — deterministic model; «исправлять дефект» — correct a defect; «излучать энергию» — radiate energy; «испытательная машина» — testing machine; «доза радиации» — the radiation dose; «идеальный газ» — ideal gas; «тепловая изоляция» — thermal isolation [3].

В ряде случаев термин переводится *описательной конструкцией*: «СВЧ-устройство» — microwave circuit; «СВЧ-диапазон» — microwave region; «НЧ-цепи» — ordinary networks; «устройство ввода-вывода» — I/O devices; «стыки с V-образной подготовкой» — single-V preparations; «ЭВМ» — computer; «сосуд Дьюара» — the Dewar flask; «метод Чохральского» — the Czochralski process; «летать по приборам» — fly IFR (by Instrument Flight Rules); «нормальная атмосфера» — the atmosphere at NTP [3].

Термины могут также переводиться при помощи лексических трансформаций (генерализации или конкретизации значений).

Конкретизацией называется замена слова или словосочетания языка оригинала с более широким значением, словом или словосочетанием языка перевода с более узким значением [9. С. 71]: “as the liquid helium boils off, its vapours are continually pumped away” (жидкий гелий непрерывно вакуумируется); “trade-off studies are usually resorted to in order to make a final optimum choice of design” (к вариантному расчету обычно прибегают для выбора оптимального решения); “manual keyboard entry of data into the computer is also used” (используется также ручной ввод); “it is usual to make laundry blue a part of the marking material” (в состав разметочной краски вводят синьку); “an alloying addition of nickel is made to steel” (в сталь вводят никель).

Замена единицы языка оригинала, имеющего более узкое значение, единицей языка перевода с более широким значением, носит название *генерализации* [7. С. 70]: “the rolls bite on the work” (валки захватывают металл); “a new reactor has been put on stream recently” (недавно в строй ввели новый химический реактор); “the rectifier changes to the on/off state” (вентиль работает в инвертерном режиме); “dampen a balance” (успокаивать колебания весов); “dither the bearings” (вызывать вибрацию в подшипниках); “the xanthate spinning solution ripens” (вискоза созревает); “stir as much drying oil into the paint as may be necessary to obtain the desired consistency” (для получения нужной консистенции добавьте олифу в краску).

Основным требованием, предъявляемым к научно-техническому термину, становится невозможность передачи одного значения, характерного для данного слова. Необходимо учитывать специфику производства. Слово “table” — «стол» переводится как «концентрационный стол» (горн.), «рольганг» (стол прокатного стана), «уровень» (подземных вод), «карниз, пояс» (архит.), «опертая горизонтальная плита», «полка» (таврового сечения), «планшайба», «планшет» (робототехника), позиция (на роботизированном участке производства), «координатный стол», «графопостроитель», «тальер» (полигр.), «таблица», «матрица» [3].

Наибольшую группу составляют термины, заимствованные из латинского и греческого языков: “generation” (лат. “generatio” — генезис, порождение, поколение) — генерация, порождение, производство, выработка, формирование, поколение;

“phosphorus” (греч. — “Phōsphorus” — светоносец, утренняя звезда) — фосфор; “longitude” (лат. — “longitudinis”) — долгота;

“penicillin” (лат. — “penicilium”) — пенициллин;

“hormone” (лат. — “hormonum”) — гормон;

“sodium” (греч. — “σόδα”) — сода, натрий.

Основная масса научно-технических терминов понятна лишь специалисту определенной отрасли знания:

“jacket” — оболочка, обшивка, кожух, чехол, конверт (для гибкого диска), жакет (литейной формы), капот (двигателя), защитный шланг, суперобложка; “condenser” — конденсатор, холодильник, испаритель, компрессор;

“engine” — двигатель, мотор, локомотив, машина, процессор;

“edge” — режущая кромка, лезвие (инструмента), ребро, грань, край, фаска, кайма, кант, бордюр (дорож.), обрез (книги), поле (книги), опорная призма (коромысла весов), граница (изображения), фронт, срез (импульса), ребро (графа) [3].

Проанализировав различные точки зрения, авторы посчитали целесообразным разделить все термины в структурном отношении на:

1) *простые*: “irradiation” — облучение, “velocity” — скорость (характеристика движения), “speed” — скорость (характеристика процесса);

2) *сложные*, образованные путем словосложения: “ion” + “sphere” = “ionosphere” (ионосфера), “gas” + “main” = “gasmain” (газопровод), “hydro” + “plane” = “hydroplane” (гидросамолет), “inter” + “cellular” = “intercellular” (межклеточный), “radio” + “isotope” = “radioisotope” (радиоизотоп);

3) *словосочетания, компоненты которых находятся в атрибутивной связи*: “narrow gauge” — узкая колея, “multiple warhead” — многозарядная боеголовка, “raw material” — сырье, “mucous membrane” — слизистая оболочка, “alternating current” — переменный ток, “gas consumption” — газовое потребление;

4) *аббревиатура* (в переводе полное обозначение): AC (alternating current — переменный ток), alky (alkalinity — щелочность), a.n.wt. (actual net weight — реальный вес нетто), at.no. (atomic number — атомное число, атомный номер), cbft (cubic foot — кубический фут), D.E. (degree of elasticity — степень упругости);

5) *слововые сокращения, превратившиеся в самостоятельные слова*: shoran (short-range air navigation system) — радионавигационная система ближней навигации, radar (radio detection and ranging) — радиолокация, loran (long range navigation) — система дальней радионавигации;

б) *литерные* термины, в которых атрибутивная роль поручается определенной букве вследствие ее графической формы: X-bit — крестовая головка бура, T-square — рейшина, X-engine — двигатель с X-образным расположением цилиндров [3].

Термины чаще всего переводятся:

1) путем *транслитерации*: navigator — навигатор, abrasive — абразив, abscissa — абсцисса, antenna — антенна, blind — блинд, generator — генератор, magnetron — магнетрон, maser — мазер;

2) путем передачи *прямых соответствий* в русском языке: hydrogen — водород, oxygen — кислород, voltage — напряжение, conductor — проводник, radiation — излучение, pulse — импульс, acid — кислота;

3) путем *калькирования, дословной передачи* слов и выражений английского языка: blacksmith's tool — кузнечный инструмент, hand tool — ручной инструмент, continuously renewing system — непрерывно обновляющаяся система;

4) путем *описательного перевода*: parametric gain — параметрическое усиление, combustion furnace — печь для органического анализа, beam for sheet piles — насадка шпунтовой стенки, box-section beam — балка коробчатого сечения [3].

Продуктивный способ словообразования, к которому относится аффиксация, часто используется для образования новых терминов в научно-технических текстах, представляющие собой единичные слова:

1) для образования существительных, характеризующих приборы, машины, механизмы, специалистов определенной сферы употребляются:

суффикс “-er” — plumber — слесарь-водопроводчик, printer — принтер, receiver — приемник, cooler — охладитель, plasterer — штукатур, engineer — инженер, adapter — переходник, dropper — пипетка;

суффикс “-or” — inventor (автор изобретения), compensator (компенсатор), reflector (отражатель), conductor (проводник), operator (рабочий);

2) для образования существительных, обозначающих специалистов, употребляются:

суффикс “-ist” — economist (экономист), machinist (механик), physicist (физик), chemist (химик), scientist (ученый);

суффикс “-ant” — consultant (консультант);

3) для образования существительных, обозначающих предметы, употребляются:

суффикс “-ing” — binding (переплет), bearing (подшипник), homing (привод), wiring (проводка);

суффикс “-ment” — embankment (насыпь), equipment (оборудование), arrangement (разводка проводов), basement (подвальное помещение), compartment (перегородка), establishment (учреждение), pavement (пол, вымощенный плиткой);

4) для образования существительных, обозначающих, отвлеченные понятия, действия, состояния, явления, употребляются:

суффикс “-ion” — intrusion (проникновение влаги, пыли), decompression (разгерметизация);

суффикс “-ance” — predominance (преобладание), dominance (влияние), acceptance (принятие), contrivance (приспособление);

суффикс “-ence” — emergence (появление), translucence (просвечивание);

суффикс “-ship” — editorship (редакция), hardship (трудность), ownership (собственность);

суффикс “-hood” — likelihood (вероятность), neighbourhood (окрестности, близость);

суффикс “-ure” — architecture (архитектура), armature (арматура), closure (перегородка), curvature (кривизна), fissure (трещина);

суффикс “-ness” — correctness (правильность), usefulness (пригодность), evenness (равномерность);

суффикс “-ty” — regularity (единообразие), validity (достоверность), priority (преимущество), practicality (практичность), conductivity (проводимость) [3].

Итак, в настоящей работе был проведен анализ научно-технических терминов, выполнено исследование и выявлены особенности перевода английских и русских устойчивых словосочетаний, используемых в научно-технических текстах, что является одной из наиболее актуальных проблем современного переводоведения.

В связи с целью работы авторами дана характеристика научно-технического текста, рассмотрено понятие термина и основные подходы отечественных ученых к этому понятию. Авторы пришли к выводу, что точное понимание научных терминов в тексте оригинала является самым важным и основополагающим фактором в переводе научно-технического текста, поскольку при неправильном определении термина могут последовать и терминологические ошибки.

Список литературы

1. Алексеева, Л. М. Специфика научного перевода / Л. М. Алексеева. — Пермь, Пермский гос. науч. исслед. ун-т, 2013. — 189 с.
2. Аристов, Н. В. Основы перевода / Н. В. Аристов. — М.: Наука, 1980. — 243 с.
3. Баринов, С. М. Англо-русский политехнический словарь: в 2 т. / С. М. Баринов, А. Б. Борковский, В. А. Владимиров. — М., 2007. — Т. 2. — 720 с.
4. Большая российская энциклопедия. / Гл. ред. Ю. С. Осипов. Т. 10. — М., 2008. — 767 с.
5. Волкова, З. Н. Научно-технический перевод: английский и русский языки. / З. Н. Волкова. — М.: Изд-во УРАО, 2000. — 104 с.
6. Головин, Б. Н. Лингвистические основы учения о терминах / Б. Н. Головин, Р. Ю. Кобрин. — М.: Высшая школа, 1987. — 105 с.
7. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. — Назрань: Пилигрим, 2010. — 486 с.
8. Кияк, Т. Р. Лингвистические аспекты переводоведения / Т. Р. Кияк. — Киев: УМКВО, 1989. — 104 с.
9. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (Лингвистические аспекты) / В. Н. Комиссаров. — М.: Высшая школа, 1990. — С. 109—134.
10. Коркин, В. Д. Англо-русский и русско-английский словарь технических терминов / В. Д. Коркин, Ю. А. Табунщиков, М. М. Бродач. — М., 2001.
11. Лингвистический энциклопедический словарь. / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Сов. энциклопедия, 1990. — 685 с.
12. Матусевич М. И. Введение в общую фонетику. — М., 1959. — 135 с.
13. Сботова, С. В. Особенности лексического состава словосочетаний, используемых в техническом английском языке / С. В. Сботова, Е. Ю. Куляева // Вестник Челябинского гос. ун-та. — 2018. — № 4 (414). Филолог. науки. Вып.112. — С. 145—152.
14. Скороходько, Э. Ф. Вопросы перевода английской технической литературы (Перевод терминов) / Э. Ф. Скороходько. — Киев, Киевский ун-т, 2016. — 796 с.
15. Федоров, А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) / А. В. Федоров. — М.: Филология Три, 2002. — 416 с.

Сведения об авторах

Сботова Светлана Викторовна — кандидат культурологии, доцент кафедры английского языка, Пензенский государственный университет. Пенза, Россия. sbotova-svetlana@rambler.ru

Куляева Елена Юрьевна — кандидат культурологии, доцент кафедры иностранных языков, Пензенский государственный университет архитектуры и строительства. Пенза, Россия. 020280@bk.ru

---

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 10 (432). Philology Sciences. Iss. 118. Pp. 130—136.

PECULIARITIES OF TRAINING OF STUDENTS OF TECHNICAL COLLEGES IN THE TRANSLATION OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL TEXTS

S. V. Sbotova

Penza State University, Penza, Russia. sbotova-svetlana@rambler.ru

E. Yu. Kulyaeva

Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russia. 020280@bk.ru

In this article the research of peculiarities of translation of English and Russian phrases and terms used in scientific and technical English is conducted. Due to the purpose of work authors gave characteristic of scientific and technical text, considered a concept of the term and various approaches of the Russian scientists to this concept, characterized peculiarities of the translation of terms in scientific and technical literature. Identification and understanding of scientific terms in the text of the original was the main thing in translation of

scientific and technical text. There could be terminological mistakes in incorrect identification of the term. Authors investigated the translation of terms by descriptive designs, lexical transformations (a specification, generalization). On the basis of the conducted research authors revealed the main ways of the translation of terms by a transliteration, transfers of direct compliances, uses of the descriptive translation.

Keywords: *scientific and technical text, terms, phrases, calquing, transliteration.*

References

1. Alekseeva L.M. *Spetsifika nauchnogo perevoda* [Speciphics of the Scientific Translation]. Perm, Perm State Research University Publ., 2013. 189 p. (In Russ.).
2. Aristov N.V. *Osnovi perevoda* [Translation Bases]. Moscow, 1980. 243 p. (In Russ.).
3. Barinov S.M., Borkovsky A.B., Vladimirov V.A. *Anglo-russky polytechnicheskiy slovar: v 2 t. T.2* [English-Russian Polytechnical Dictionary in 2 vol. Vol. 2]. Moscow, 2007. 720 p. (In Russ.).
4. *Bolshaya Rossiiskaya Entsiklopedia* [Big Russian Encyclopedia]. Vol.10. Moscow, 2008. 767 p. (In Russ.).
5. Volkova Z.N. *Nautno-tehniteskiy perevod: angliiskiy i russkiy yazyki* [Scientific and Technical Translation: English and Russian Languages]. Moscow, 2000. 104 p. (In Russ.).
6. Golovin B.N., Kobrin R.Yu. *Lingvisticheskie osnovy uteniya o terminakh* [Linguistic Bases of the Doctrine about Terms]. Moscow, 1987. 105 p. (In Russ.).
7. Zherebilo T.V. *Slovar Lingvisticheskikh Terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Nazran, 2010. 486 p. (In Russ.).
8. Kiyak T.R. *Lingvisticheskie aspekty perevodovedeniya* [Linguistic Aspects of Theory of Translation]. Kiev, 1989. 104 p. (In Russ.).
9. Komissarov V.N. *Teoriya perevoda (Lingvisticheskie aspekty)* [Translation Theory (Linguistic Aspects)]. Moscow, 1990. P. 109-134. (In Russ.).
10. Korkin V.D., Tabunshchikov Y.A., Brodach M.M. *Anglo-russkiy i russko-angliiskiy slovar tehniteskikh terminov* [English-Russian and Russian-English Dictionary of Technical Terms]. Moscow, AVOK-PRESS, 2001. 340 p. (In Russ.).
11. *Lingvisticheskiy Entsiklopedicheskiy Slovar* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, 1990. 685 p.
12. Matusevich M.I. *Vvedeniye v Obshuyu Fonetiku*. [Introduction in General Phonetics]. Moscow, 1959. 135 p. (In Russ.). (In Russ.).
13. Sbotova S.V., Kulyaeva E.Yu. Osobennosti leksicheskogo sostava slovosotetaniy ispolzuemih v tehniteskom angliiskom yazyke [Peculiarities of Lexics in Word Combinations Used in Technical English]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologicheskie nauki*. [Vestnik of Chelyabinsk State University. Philological Sciences], 2018, no. 4 (414), *Vypusk 112* [Issue 112], pp. 145–152. (In Russ.).
14. Skorokhodko E.F. *Voprosy perevoda angliiskoi tehniteskoi literatury (Perevod terminov)* [Questions of Transfer of the English Technical Literature (Translation of Terms)]. Kiev, Kiev State University Publ., 2016. 796 p. (In Russ.).
15. Fedorov A.V. *Osnovy obshey teorii perevoda (Lingvisticheskie problemy)* [Fundamentals of the General Translation Theory (Linguistic Problems)]. Moscow, 2002. 416 p. (In Russ.).

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КОММУНИКАТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ ОНЛАЙН-ИГР

Ал. А. Селютин

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

В статье исследуется проблема лингвистической безопасности в разрезе коммуникативных процессов онлайн-игр. Автор анализирует существующие определения термина, выделяет речевые особенности онлайн-игр, к которым относит анонимность, соревновательность, высокую скорость речи, столкновение интересов, значительное количество внутриигровых реалий, жаргонный дискурс и смешение двух языков. Статья демонстрирует необходимость создания особых механизмов регуляции общения в онлайн-играх для обеспечения надлежащего уровня лингвистической безопасности.

Ключевые слова: лингвистическая безопасность, жаргон, онлайн-игра, дискурс, речевая агрессия.

Эпоха диджитализации слова, известная также как новый виток в развитии коммуникации, принесла с собой не только определенные преимущества в сфере общения и сообщения, но также и породила ряд проблем, с которыми человечество сталкивается постоянно, особенно в свете интенсификации интернет-коммуникации. Массивные речевые потоки, объемные блоки информации, исчезновение традиционных коммуникативных границ и «передел» коммуникативного пространства, возникновение и успешное функционирование новых коммуникативных стратегий и тактик формируют риски, влияющие на включенность индивида в процесс повседневного общения, а также на его психическое, эмоциональное и в ряде случаев физическое состояние.

Использованный М. В. Горбаневским в 2002 году термин «лингвистическая безопасность» положил начало обсуждению ряда лингвистических проблем интернет-коммуникации и заставил общественность задуматься о последствиях неосторожного, необдуманного употребления слова [2]. Адресованная в то время представителям СМИ, лингвистическая безопасность как социальная необходимость была направлена на установление ответственности разного плана (моральной, административной, гражданской) за содержание опубликованных журналистских материалов, что в свою очередь оказало дальнейшее влияние на медиабезопасность. Так, например, А. А. Морозова и В. В. Антропова отмечают, что «...необходимо обучать пользователей не только нормативной, целесообразной речи, но и рассказывать об этических принципах диалогического взаимодействия в публичной сфере; формировать коммуникативный

«иммунитет» к проявлениям речевого насилия (манипуляциям, вербальной агрессии и т. д.)» [6].

За последние 17 лет термин, безусловно, расширился, приобретая иные толкования, подробный анализ которых приводит Г. Н. Трофимова. Следует отметить, что данная проблема не потеряла своей актуальности, что показывает проведенная в 2018 году конференция «Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура» (организатор — Российский университет дружбы народов), в рамках которой были представлены доклады, посвященные различным аспектам лингвистической безопасности (например, Е. М. Мартынова, О. Б. Трубина, М. И. Зверева). Е. М. Мартынова, описывая лингвистическую безопасность в киберпространстве, уделяет особое внимание троллингу как виду коммуникативной агрессии и способам гармонизации общения в случае троллинг-атаки [5]. О. Б. Трубина описывает жаргонный дискурс в интернет-среде как фактор коммуникативного риска и потенциальное поле нарушения лингвистической безопасности [9]. М. И. Зверева фокусируется на традиционной для данной проблемы области — СМИ — и рассматривает использование эвфемизмов в журналистских текстах как возможно деструктивный элемент [4]. Мы наблюдаем явную тенденцию в научной мысли расширить границы использования термина: на данный момент Интернет становится тем полем, которое требует как пристального внимания исследователей-теоретиков, так и конкретных шагов практиков для обеспечения надлежащего уровня лингвистической безопасности.

Помимо уже устоявшегося термина «лингвистическая безопасность» мы также находим такие

словосочетания как «коммуникативная безопасность», предложенное Ю. В. Данюшиной [3], и «лингво-коммуникативная безопасность», используемое К. Г. Тарба.

Коммуникативная безопасность, в понимании Ю. В. Данюшиной, опирается на значительную роль организационных структур (государственный аппарат, корпорация) и понимается как комплекс мер, направленных на недопущение или исключение негативных перлокутивных эффектов на разных уровнях устройства социума, включая экономику, политику, культуру и проч. Таким образом, мы видим, что данное понимание термина имеет скорее социальный, чем лингвистический характер и направлено не столько на контроль речевого потока, сколько на контроль мыслительной деятельности.

К. Г. Тарба пытается объединить лингвистическое и коммуникативное, определяя лингвокоммуникативную безопасность как трехсоставное явление, состоящее из следующих элементов: «1) противодействие угрозам распространения и пагубного воздействия негативной информации на реципиента (зачастую распространяемой в условиях «информационной войны») 2) элиминация фактов манипулятивного воздействия с целью побуждения реципиента к противоправным действиям (экстремистские тексты и др.); 3) речевая агрессия (конфликтотенные тексты, высказывания, в которых содержится негативная информация, направленная на конкретного адресата, коммуникативная интенция которого — достижение определенного перлокутивного эффекта, а именно, нанесения личности оскорбления, унижения его чести и достоинства, порочения его деловой репутации, распространение заведомо ложных негативных сведений, и, как следствие, понижение личностного и социального статуса адресата)» [7].

Сам термин «лингвистическая безопасность» также достаточно неоднороден. С одной стороны, данная проблема широко рассматривается в юрлингвистике и лингвоконфликтологии, подкрепляется обширной практикой судебной экспертизы, что приводит к мысли о нарушениях норм языка как правонарушениях (по мнению Н. Д. Голева [1]). С другой стороны, глобализация общества и ориентация на английский язык как международный заставляют обратить внимание на судьбу русского языка как инструмента международного общения и его место в мировом сообществе. И. И. Халеева подчеркивает, что необходимость устойчивого развития русского языка во взаимодействии с другими

языками является ключевым элементом обеспечения лингвистической безопасности [10].

Вслед за Г. Н. Трофимовой мы понимаем данный термин как «состояние текста (высказывания), при котором его потенциальная конфликтотенность стремится к нулю и риск причинения вреда его автору, персонажу или реципиенту является минимальным» [8]. Следует обратить внимание на то, что конфликтотенный потенциал текста может нести угрозу не только получателю, но и автору, следовательно, производитель текста несет ответственность не только за благополучие адресата, но и за собственное. Описывая процесс минимизации риска, Г. Н. Трофимова выделяет ряд критериев, которым должен соответствовать лингвистически безопасный текст, при этом подобное достигается посредством использования ряда методов и принципов. К критериям исследователь относит искоренение двусмысленности высказывания, отсутствие риска при восприятии текста и соблюдение предельно допустимой концентрации вредных языковых единиц; методы включают в себя меры по предотвращению угрозы, повышение устойчивости текста к деструктивным воздействиям, создание системы защиты, создание системы ликвидации последствий деструктивных воздействий; наконец, лингвистическая безопасность должна основываться на следующих принципах: системности, деструкции, снижения опасности и ликвидации опасности.

Подобная схема обеспечения лингвистической безопасности эффективно работает при создании заранее спланированного, профессионального текста (например, в официальных СМИ или на авторитетных интернет-ресурсах). Однако способна ли подобная метода обеспечить гармонизацию общения при спонтанно развертывающемся полилоге в рамках любых коммуникативных площадок интернет-среды? В особенности нас интересуют онлайн-игры как потенциально агрессивное коммуникативное поле и возможность применить описанные Г. Н. Трофимовой механизмы к общению геймеров.

Отличительной особенностью компьютерных онлайн-игр является повышенная агрессивность общения вследствие ряда лингвистических и экстралингвистических факторов, к которым относятся: анонимность общения, соревновательность игрового процесса, столкновение интересов пользователей, высокая скорость речевого потока, значительное количество незнакомых постороннему внутриигровых реалий, наличие жаргонного дис-

курса и специфической терминологии, активное смешение двух языков (как правило, английского и пользовательского).

Анонимность общения подразумевает невозможность перенести обсуждение каких-либо игровых вопросов в режим реального времени без согласия обоих участников общения. Подобная ситуация уничтожает психологические (страх, дискомфорт, стыд) и социальные (статусность, возраст, гендер, социальное положение) барьеры, что позволяет вести диалог «на равных», а также «имитировать» речь воображаемого коммуниканта. Например, мужчина, отыгрывающий роль персонажа женского пола, может «имитировать» речь женщины в процессе общения; взрослый человек может «имитировать» речь подростка и т. д. Подобная имитация, обладающая некой утрированностью, обладает ярко выраженной способностью переходить в агрессивное состояние на основе стереотипизации поведенческих реакций по половому или возрастному признаку (осознанная симплификация речи, использование молодежного сленга, коммуникативные тактики капризности, упрямства, нежелания понимать, интолерантности). Отказ от анонимности противоречит условиям существования онлайн-игры, основной особенностью которой является погружение в вымышленный мир, населенный выдуманнными персонажами. Таким образом, данный источник конфликтогенности не может быть устранен, действие его не может быть ослаблено.

Одним из ключевых элементов игры является состязательность, попытка получения одним игроком преимущества перед другими игроками (более развитый игровой персонаж, лучшее снаряжение, получение уникального навыка или умения, накопление большего запаса игровой валюты). Соревновательность игрового процесса заложена в самой сути игры, являясь ее чертой и целью одновременно. Попытка конкуренции может привести к столкновению интересов пользователей, которые не имеют других механизмов решения конфликтной ситуации кроме коммуникативного акта. Будучи неограниченными в выборе средств общения (за исключением регламента, навязываемого разработчиками игры), пользователи активно используют обценную лексику, агрессивные коммуникативные стратегии, оскорбления и проч. Программный код позволяет отключить мат, который в таком случае будет показан в виде символа «*», однако при внешнем отсутствии самого слова возникает внутреннее понимание сократо-

го за символами; данный вид защиты рассчитан на детей и является ограничителем приобщения несовершеннолетних к данному разделу словарного состава языка. Помимо этого, творческий потенциал коммуникантов позволяет обманывать подобное ограничение, используя вместо отдельных букв всевозможные символы (например, *ж@na*), транслитерацию (*blyat*), пробелы (*д у р а к*), не позволяя системе среагировать на запрограммированный перечень лексем. Единственное решение данной проблемы заключается в работе модератора, специально обученного сотрудника компании, следящего за происходящим в игровом мире, в том числе и за речевыми потоками. Наказание, используемое модератором, заключается в блокировании возможности пользователя к общению сроком на определенный период времени (как правило, на 60 минут). Несмотря на внешнюю эффективность подобного решения, практически подобный механизм не позволяет существенно регламентировать общение, поскольку количество модераторов на объем речевых сообщений является недостаточным для отслеживания каждого возникающего речевого потока, а 60 минут вынужденного молчания не воспринимаются пользователями в качестве сурового наказания.

Высокая скорость речевого потока обусловлена принципом минимизации, необходимостью за короткий промежуток времени предоставить максимум информации. Для высокой скорости речевого потока характерны опечатки, отказ от знаков препинания и заглавных букв, использование аббревиатур и сокращений (часто реализуемых средствами английского языка) (*wts — want to sell — хочу продать, lfp — looking for party — ищу группу*). В зависимости от собеседника подобные явления могут нести угрозу: например, написание имени адресата с прописной буквы может привести к возникновению конфликтной ситуации или использование непонятной аббревиатуры может породить непонимание и последующий конфликт. Намеренный отказ от высокой скорости устно-письменной речи может быть негативно воспринят собеседником, экономящим время и не желающим долго вести диалог. Если общение ведется в общем канале, то при интенсивной смене реплик разных пользователей существует риск потерять суть диалога.

Любая игра обладает набором внутриигровых реалий, непонятных или незнакомых пользователю-новичку. Обилие топонимов, внушительный перечень наименований, незнание механики

и основ игры могут привести реципиента в замешательство при попытке обсудить что-либо с «бывалым» игроком. Понимая существующую проблему, и разработчики игры, и сами игроки создают руководства по игровому процессу, публикуют заметки на игровых сайтах и форумах, рисуют карты и сравнительные таблицы, то есть знакомят игроков с виртуальным миром.

Язык геймеров является особой системой, которую необходимо изучать не только на профессиональном, но и на любительском уровне. Внутриигровой жаргон и сложившаяся в игре терминологическая система могут стать очередными конфликтогенами в силу своей непонятности для пользователя. Решением проблемы являются мини-словари, разрабатываемые руководством игры и другими пользователями и позволяющие ознакомиться с основными лексемами, характерными для данной игры.

Смещение двух языков (английского и пользовательского) является результатом того, что на данный момент основной массив компьютерных игр является продуктом производства западной игровой индустрии, использующей английский язык как основной. Игры корейского производства также используют английский язык, ориентируясь на основного потребителя продукта — представителя Европы или Америки. Многие игроки знакомятся с игрой на западных серверах для того, чтобы в дальнейшем начать играть на российских базах с уже имеющимся игровым опытом. Наиболее часто используемые ими слова в процессе игры с англоговорящими пользователями в дальнейшем активно используются в игровом процессе в условиях совместной игры с россиянами, что негативно сказывается на взаимопонимании, если один из собеседников не знает английский язык или же считает недопустимым его чрезмерное использование в рамках русскоязычного речевого потока.

Итак, мы видим, что организация лингвистической безопасности текста в условиях спонтанного общения пользователей компьютерной онлайн-игры требует изменения критериев и методов по сравнению с традиционным, заранее подготовленным текстом. Критерии искоренения двусмысленности и соблюдения предельно допустимой концентрации вредных языковых

единиц ставятся под сомнение в силу вышеозначенных особенностей игровой коммуникации. Механизмы предотвращения угрозы и повышения устойчивости текста также не будут работать в условиях игровой среды. Именно поэтому на данный момент разработчиками игр используются в основном методы системы защиты и системы ликвидации в виде программного кода и работы модератора.

Отсутствие пенитенциарных внутриигровых и экстраигровых механизмов снижают степень ответственности (а скорее, «самоответственности») авторов текстовых сообщений, которые руководствуются традиционным для Интернета принципом свободы и равенства, а также аргументируют свое речевое поведение четким пониманием разницы между виртуальностью и реальностью. Подобное приводит к необходимости повышения уровня самосознания потребителей компьютерных онлайн-игр, к воспитанию умения контролировать речь, к осознанию важных психолого-социальных процессов (независимо от места протекания действия — в виртуальности или в реальности), отраженных в коммуникативном акте. На данный момент мероприятия подобной направленности не проводятся ни разработчиками игры, ни самими игроками, несмотря на их актуальность и значимость для дальнейшего совершенствования коммуникативного поля онлайн-игр.

Таким образом, лингвистическая безопасность в процессе прохождения сюжета компьютерной игры является проблемой, не теряющей своей актуальности. Существенные различия между виртуальностью и реальностью не позволяют полностью применить механизмы нормализации и гармонизации общения, пригодные для традиционных текстов. Однако при этом разработчики онлайн-игр и сами игроки создают инструменты для полноценной интеграции пользователей в игровое сообщество и уменьшения рисков нарушения лингвистической безопасности. Важной является необходимость формирования целенаправленной политики в части воспитания сознательных пользователей компьютерных игр, стремящихся уменьшить потенциальное насыщение текстуального общения игрового процесса вредными языковыми единицами.

Список литературы

1. Голев, Н. Д. Экспертиза конфликтных текстов в современных лингвистической и юридической парадигмах / Н. Д. Голев // Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах. — Ч. 2. — М.: Галерея, 2002. С. 64—73.
2. Горбаневский, М. В. Будь осторожен, выбирая слово! / М. В. Горбаневский // Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. — 3-е изд., испр. и доп. / Под ред. М. В. Горбаневского. — М.: Галерея, 2003. — С. 64—73.
3. Данюшина, Ю. В. Коммуникативная безопасность в государственном и деловом управлении / Ю. В. Данюшина // Язык. Словесность. Культура. — № 1. — М.: АНАЛИТИКА РОДИС, 2011. — С. 66—80.
4. Зверева, М. И. Эвфемизмы в СМИ и лингвистическая безопасность / М. И. Зверева // Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура. — Т. 1. — М.: РУДН. — 2018. — С. 333—339.
5. Мартынова, Е. М. Угрозы коммуникативной безопасности пользователей в киберпространстве / Е. М. Мартынова // Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура. — Т. 2. М.: РУДН. — 2018. — С. 94—102.
6. Морозова, А. А. Тексты социальных сетей с точки зрения медиабезопасности: лингвоэкологический, культурно-речевой аспекты / А. А. Морозова, В. В. Антропова // Вестник Челябинского государственного университета. — Сер. Филология, искусствоведение. Выпуск 97. — Челябинск. — 2015. — № 20 (375). — С. 17—22.
7. Тарба, К. Г. Лингво-коммуникативная безопасность личности: инвектива и оскорбление / К. Г. Тарба // Научные труды КубГТУ. — № 3. — 2018. — С. 496—505.
8. Трофимова, Г. Н. Лингвистическая безопасность: к проблеме толкования / Г. Н. Трофимова // Русистика. — 2012. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskaya-bezopasnost-k-probleme-tolkovaniya> (дата обращения: 23.09.2019).
9. Трубина, О. Б. Лингвистическая безопасность коммуникации в Интернет-пространстве и жаргонный дискурс / О. Б. Трубина // Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура. — Т. 2. — Москва, РУДН. — 2018. С. 320—326.
10. Халеева, И. И. Лингвистическая безопасность России / И. И. Халева // Вестник Российской Академии наук. — 2006. — Т. 76. — № 2. С. 104—111.

Сведения об авторе

Селютин Александр Анатольевич — кандидат филологических наук, заведующий лабораторией «Цифровые гуманитарные исследования», доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания историко-филологического факультета, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. alexsell@mail.ru

---

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 10 (432). *Philology Sciences. Iss. 118. Pp. 137—142.*

LINGUISTIC SAFETY OF COMMUNICATIVE PROCESSES IN ONLINE-GAMES

Al. A. Selyutin

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. alexsell@mail.ru

The article explores the problem of linguistic safety in the context of the communicative processes of online games. The author analyzes the existing definitions of the term, identifies the speech features of online games, which include anonymity, competition, high speed of speech, clash of interests, a significant number of in-game realities, slang discourse and a mixture of two languages. The author draws the conclusion that linguistic safety in the process of going through the steps of a computer game plot is a problem that does not lose its relevance. Significant differences between virtuality and reality do not allow the full application of normalization and harmonization of communication mechanisms suitable for traditional texts. However, the

developers of online games and the players themselves create tools for the full integration of users into the gaming community and reduce the risks of violating linguistic safety. What is important is the need to formulate a focused policy regarding the education of conscious users of computer games seeking to reduce the potential saturation of textual communication of the game process with harmful language units.

Key words: *linguistic safety, jargon, online-game, discourse, speech aggression.*

References

1. Golev N. D. Jekspertiza konfliktnyh tekstov v sovremennyh lingvisticheskoj i juridicheskoj paradigmat [Examination of conflict texts in modern linguistic and legal paradigms]. *Teorija i praktika lingvisticheskogo analiza tekstov SMI v sudebnyh jekspertizah i informacionnyh sporah* [Theory and practice of linguistic analysis of media texts in forensic examinations and information disputes], V. 2, M., 2003. (in Russ.).
2. Gorbanevskii M. V. Bud' ostorozhen, vybiraja slovo! [Be careful when choosing a word!]. *Cena slova: Iz praktiki lingvisticheskikh jekspertiz tekstov SMI v sudebnyh processah po zashhite chesti, dostoinstva i delovoi reputacii* [Price of a word: From the practice of linguistic examinations of media texts in litigations to protect honor, dignity and business reputation, M., 2002. pp. 15–36. (in Russ.).
3. Danjushina Ju. V. Kommunikativnaja bezopasnost' v gosudarstvennom i delovom upravlenii [Communicative security in public and business administration]. *Jazyk. Slovesnost'. Kul'tura* [Language. Literature. The culture], M., 2011, no. 1, pp. 71–86. (in Russ.).
4. Zvereva M. I. Jevfemizmy v SMI i lingvisticheskaja bezopasnost' [Euphemisms in the media and linguistic security]. *Jazyk i rech' v Internetе: lichnost', obshhestvo, kommunikacija, kul'tura* [Language and speech on the Internet: personality, society, communication, culture, M., 2018, pp. 333–339 (in Russ.).
5. Martynova E. M. Ugrozy kommunikativnoj bezopasnosti pol'zovatelej v kiberprostranstve [Threats to the communicative security of users in cyberspace]. *Jazyk i rech' v Internetе: lichnost', obshhestvo, kommunikacija, kul'tura* [Language and speech on the Internet: personality, society, communication, culture], M., 2018. pp. 94–102. (in Russ.).
6. Morozova A. A. Teksty social'nyh setej s točki zrenija mediabezopasnosti: lingvojekologicheskij, kul'turno-rechevoj aspekty [Texts of social networks from the point of view of media security: linguoecological, cultural and speech aspects]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], Cheljabinsk, 2015, no. 20 (375), pp. 17–22. (in Russ.).
7. Tarba K. G. Lingvo-kommunikativnaja bezopasnost' lichnosti: invektiva i oskorblenie [Linguo-communicative security of personality: invective and insult]. *Nauchnye trudy KubGTU* [Scientific works of KubSTU], 2018, no.3, pp. 496–505.
8. Trofimova G. N. Lingvisticheskaja bezopasnost': k probleme tolkovaniya [Linguistic security: to the problem of interpretation]. *Rusistika* [Russian Studies]. 2010, no 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskaya-bezopasnost-k-probleme-tolkovaniya> (accessed: 23.09.2019).
9. Trubina O. B. Lingvisticheskaja bezopasnost' kommunikacii v Internet-prostranstve i zhargonnyj diskurs [Linguistic security of communication in the Internet space and jargon discourse]. *Jazyk i rech' v Internetе: lichnost', obshhestvo, kommunikacija, kul'tura* [Language and speech on the Internet: personality, society, communication, culture], M., 2018. pp. 320–326. (in Russ.).
10. Haleeva I. I. Lingvisticheskaja bezopasnost' Rossii [Linguistic security of Russia]. *Vestnik Rossijskoj Akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 2006, no. 2. pp. 104–111. (in Russ.).

ПРОБЛЕМА КОММУНИКАЦИИ АВТОРА, КРИТИКА И ЧИТАТЕЛЯ В СИТУАЦИИ ПРЕЗЕНТАЦИИ КУЛЬТУРЫ ЧТЕНИЯ В НОВЫХ МЕДИА (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)

Е. А. Селютина¹, Ан. А. Селютин²

¹ Челябинский государственный институт культуры

² Челябинский государственный университет

Авторы благодарят Фонд перспективных научных исследований ЧелГУ за финансовую поддержку проведенного исследования.

Материалы статьи акцентируют внимание на изменившейся парадигме восприятия ключевых участников процесса трансляции знаний — это автор, критик и читатель. Трансформация коммуникативной среды репрезентируется в особых речевых жанрах новых медиа, повышается вовлеченность читателя в процесс формирования иерархических связей среды, границы книжной культуры максимально подвижны, подвержены влиянию эдьютейнмента.

Ключевые слова: коммуникация, читатель-просьюмер, саморецепция, автор, новые медиа, книжные списки, современная литература, литературная критика, эдьютейнмент.

Культура чтения в современном мире интересует представителей всех гуманитарных наук, что вполне объяснимо: статус книги как главного поставщика знания изменился, изменились функции литературы, литература является материалом изучения потребительских предпочтений, социальной динамики. И современный читатель, как субъект информационного общества, более не хочет считать себя необразованным человеком, если не читает художественную литературу, а делает выбор в пользу pop-fiction, или активно потребляет контент социальных сетей, осваивая материалы медиажанров. Информационная эпоха и новые принципы экономики, которые влияют и на книжную сферу, ставят перед исследователем интересный вопрос: как изменились отношения между читателем, автором и критиком в мире, где автор не воспринимается как Творец, книга как Книга, а читатель есть потребитель? Понимая социокультурную детерминированность природы предлагаемого к обсуждению дискурса, необходимо учитывать некоторые аспекты институциональной динамики вокруг субъектов коммуникации, которые приводят к обновлению их коммуникативных практик.

Мы уже писали о том, как влияют стратегии презентации книжных новинок в сетевых медиа на вовлеченность читателя в процесс чтения (об этом см. 13). Было показано, что подобный подход ведет к исключению текста как такового из сферы внимания читателя, т. к. произведение заменяется текстом о тексте (рецензией), книга

становится «пустым знаком». Есть устойчивые речевые жанры, представляющие информацию о книгах, особая языковая репрезентация и ориентированность на языковой тип личности потребителя информации; включение книг в общую группу развлечений современного человека, для которого книжная новинка подобна обновлению гардероба (ср. «10 новых книг сентября» и «Укройся: 10 дубленок из искусственных и натуральных материалов»), это развитая культура «текста о текстах», когда читатель получает из рецензии свернутую информацию о сюжете и значении книги для медийного контекста, а, значит, нет необходимости постигать «как» написано произведение, ведь именно информация, по мнению многих теоретиков постиндустриального общества способна вывести нас к обществу знания [см. 1, 6, 14]. Продолжая разговор, полагаем важным отметить формирование модальности «долженствование», определяющей не просто чтение, но и наше отношение к книге как к инструменту повышения социального статуса: современная литература подвергается жесткому сегментированию в отношении проблемно-тематического ряда, критики создают новый литературный пантеон и канон ради встраивания литературы в новые условия развития социума. Кроме того, коммуникация в этом дискурсе обусловлена депрофессионализацией вербальной составляющей речевых актов, т. к. значимым социокультурным контекстом для книги является практика «эдьютейнмент».

При всем разнообразии сетевых площадок, рассказывающих о книгах, есть медиа, которые существуют длительное время (как, например, приложение к газете «Коммерсант» — «Коммерсант. Weekend» («Книги»), или раздел «Книги» интернет-издания «Lenta.ru»), и те, что появились в последние несколько лет (как, например, «Драматургия», электронный журнал, посвященный этому высокому искусству — 2014 год, или «Горький.Media», появившийся в 2016 году, или сайт об отечественной литературе «Полка» — 2017 год). И если у большинства сетевых изданий нет амбиций литературных пророков или тенденций к визионерским прогнозам — что будут читать через десять или двадцать лет, т. к. их задача, прежде всего, презентовать издание или проект и, тем самым, активизировать рынок (на это направлены традиционные анонсы книжных новинок в соответствующих разделах), то есть и сетевые медиа, претендующие на выстраивание общего вектора жизни современного человека, видящие отношения с книгой необходимой частью модного образа жизни.

На наш взгляд, подобным стратегическим подходом к презентации книг и книжной культуры вообще обладает один из старейших популярных ресурсов (выходит с 1999 года), до 2015 года существовавший в виде журнала, а в последние годы в виде сайта «Афиша.Daily», с которым сотрудничают литературные критики, современные писатели, и который является трибуной, формирующей литературные предпочтения не одного поколения читателей. В 2016 году часть сотрудников журнала «Афиша» перешла в новый сетевой ресурс, посвященный литературе, «Горький.Media», поэтому, на наш взгляд, можно говорить об определенном генетическом родстве этих сайтов, объяснимом опытом работы, совместно пережитым лабораторным периодом новой российской журналистики.

Речь идет об общей тенденции современного общества в организации досуга, который бы выполнял функцию мультизадачности, в частности, не только развлекал, но и образовывал. Этот вектор развития получил название эдьютейнмент (языковой блендинг — играю, обучаясь), активно развивается не только в столице, но и на периферии, и связан не с детским развитием, а с желанием взрослой аудитории получить максимум информации в свернутом виде за минимум затраченного времени. Огромной популярностью пользуются лектории, которые проводят очень разные площадки: так, например, лекторий «Театр-XXI» в москов-

ском культурном центре «Хитровка» рассказывает о современном театре; лекторий Политехнического музея в культурном центре ЗИЛ рассказывает о новостях науки и техники; информацию о различных просветительских программах публикует образовательный портал «Theoryandpractice» — «Теории и практики»; по три не связанных между собой тематически лекции за один вечер проводит просветительский проект «Курилка Гутенберга» и т. п. Соответственно, затратив условный час собственного времени, участник лектория имеет шанс в популярном виде получить мнение от эксперта из очень разных областей знания, что, безусловно, повысит его социальные очки, предположительно, наделив широкой эрудицией. Если проанализировать заголовочный комплекс и проблемный ряд предлагаемых событий, очевидной станет тенденция к количественному обобщению, модальность итоговости и ориентация на утилитарный характер предлагаемого знания. Например: «Я знаю, что ничего не знаю: 10 философских понятий, которые должны быть знакомы каждому» [2]; «Планы на старость: как перестать бояться возраста» [5].

На наш взгляд, книги и книжная культура в последнее время стали частью этой общей тенденции к обобщению, систематизации, сворачиванию информации, т. к. новые медиа активно предлагают не только «лайфхаки» по организации своего круга чтения («15 лучших детективов, которые вы могли пропустить» [16]), максимально облегчая путь к читателю к литературному тексту, но и определяя его вектор экспертирования в социологическом синхроническом ключе и глобальной перспективе. Причем мы не можем говорить только о новинках литературных изданий, т. к. популярностью пользуются и лекции о У. Шекспире, А. С. Пушкине, М. А. Булгакове и т. п. (см., например, лекцию о романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина: грамматика нелюбви» [4]).

Приведем в пример критическую деятельность филолога Анны Наринской, журналиста, постоянного автора газеты «Коммерсант», «Афиша.Daily», «Горький.Media» (полка «Старые испытанные книги»), автора книги критических эссе «Не зяблик», вышедшей в издательстве «Corpus» в 2016 году [9]. Ее видение литературы основано на проблемно-тематическом подходе. Наринская предлагает восемнадцать ключевых тем современности, полагая, что «из книг современности можно вывести сумму идей современности»: это память и беспамятство, наше новое прошлое, после Запада и т. д. [8, 10]. Понимая, что отбор текстов

критиком зависит не только от их уровня образованности, но и их включенности в определенный медийный контекст, ориентации на определенный тип потребителя информации, можно с уверенностью утверждать, что называние одних фигур и вынужденное отсечение других, действительно является деятельностью, направленной на формирование нового канона — списка авторов, прочитав которых, ты не только что-то поймешь о современном тебе мире, но и сформируешь условно «свое» мнение о литературном процессе в целом (даже не прочтя, собственно, текст — произведение).

В определенном смысле критики сетевых медиа, совершив революцию в продвижении литературных текстов в эпоху, казалось бы, крушения литературоцентризма, вернулись к основной функции литературной критики как таковой — оценке и интерпретации. Подобная тенденция обладает огромным потенциалом по изменению удельного веса писателей и отдельных книг в нашем сознании. Лекторы, предлагающие свои списки «самых главных книг XXI века» уже сейчас, во втором десятилетии столетия, формируют новый пантеон литературы, определяя отношение к персоналиям литературного процесса у тех читателей, которые уже привыкли получать новое знание в редуцированном виде, отрефлектированном экспертами.

Покажем, как изменился социокультурный компонент коммуникации в отношении читателя и автора. Экономисты и социологи еще в 1980-е годы заговорили о том, что специфика сферы потребления на современном этапе зависит от появления нового типа субъекта рынка, которого называют «просьюмером», т. е. не просто потребителем, но участником производства («producer» и «consumer» одновременно). Такой субъект появился в момент перехода индустриальной экономики в цифровую. В концепции Тоффлера, которую он изложил в работе «Третья волна» (1980), просьюмер осуществляет модернизацию потребляемых продуктов и благ, участвуя на различных этапах в их производстве [14]. По словам культуролога О. Мороз, просьюмер — «это тот, кто может переосмыслить под себя реальность, в том числе какую-то повседневность, то есть то, что окружает его, под свои нужды с использованием тех предметов, которые вокруг него есть для того чтобы создать что-то новое» [7]. Показать такой процесс легче всего на примере индустрии моды, когда мировые бренды запускают процесс кастомизации, т. е. делают предметы массового производства уникальными за счет деталей, маркирующих предпочте-

ния покупателя, предлагают «do it yourself» (см., например, на деятельность компании Levi's). Для нас в определении специфики просьюмеризма важным является то, что потребитель и производитель находятся в тесной коммуникации, явление обратной связи оказывается сверхважным.

Как мы полагаем, эта специфика потребления серьезным образом повлияла на динамику книжной среды. Речь идет не о проектах, подобных проекту «Роман» в Рунете (автор идеи Роман Лейбов) или сетевой книге «Миллион пингвинов», которую предложили создать пользователям сети интернет британское издательство «Penguin Books» и De Monfort University (проект завершился в 2007 году), и даже не об игровых проектах, изучающих психологию читателя, подобных «Осьминогу» Б. Акунина, который в 2016 году предлагал читателям самим выбрать концовку книги, а о более глубоких процессах. Понимая, что издательства проводят серьезные маркетинговые исследования, отслеживая спрос и пытаясь его предугадать, мы полагаем, что ориентация на читателей-просьюмеров повлияла на стратегии презентации книг, в том числе и с точки зрения авторской самопрезентации.

Теоретик литературы В. Тюпа предлагает рассматривать литературный процесс как последовательную смену «парадигм художественности» и в учебнике по «Теории литературы» приводит слова Г. Гегеля: «хотя художественное произведение и образует согласующийся в себе и завершённый мир, все же оно в качестве действительного, обособленного объекта существует не для себя, а для нас, для публики» [15, с. 92]. И вместе с этим, произведение пишется не только для общества, а является результатом автокоммуникативного взаимодействия «креативного и рецептивного состояний одного сознания, обладающего коммуникативным опытом обеих позиций и причастного (посредством этого опыта) к интересубъективному сознанию социума» [15, с. 93]. Другими словами, автор, понимая, что его труд имеет коммуникативную природу, не может в современных условиях избежать позиции читателя собственного произведения, т. к. является участником продвижения книги, а, значит и субъектом, занимающимся ее оценкой.

Понимая читателей как просьюмеров, мы можем говорить о том, что их желание участвовать в жизни авторов, ставит последних в ситуацию постоянной насильственной ревизии своего вклада в культуру, в литературу, авторефлексию, подобной

деятельности критика. Авторы ведут страницы в социальных сетях (см., например, персональную страницу в сети 3. Прилепина, которую он ведет сам, 11), у них есть персональные сайты с возможностью обратной связи (см., например, сайт писателя А. Иванова, 3) Вопрос «что вы хотели сказать своей книгой» и любые его вариации помещает писателя в область жанра рецензии, аннотации, т. е. предлагают свернуть текст до формулы, которую затем можно будет процитировать в блоге, в виде твита или подписи к фотографии в Instagram. И автор участвует в этом процессе, понимая, что дистрибуция его произведения может остановиться, если он не ответит взаимностью на чувства читателей.

Автор должен сформировать непротиворечивое высказывание, соотносимое с процессом сегментирования книжного рынка (как сферы досуга), кастомизации товаров и услуг (эта книга создана специально для тебя), ситуации быстрого выбора читателем (как потребителем) книжной «новинки», быстрой реакции на книгу (обратная связь в сети интернет), экспертных реакций (сфера критики) и позицией автора-творца, осуществляющего эстетический жест. Автор находится в ситуации публичной саморефлексии, необходимости транслировать идеологическую позицию и эстетическую программу. В этом смысле особой ценностью обладают материалы интервью, которые авторы дают по поводу издания книг или событий, их продвигающих. Наиболее сложным, пороговым, кризисным моментом для автора может считаться дебют, первая публикация произведения, которая может стать трамплином для дальнейшей успешной литературной карьеры, или же окончательной точкой в деле реализации писательских амбиций. Дебют — это своеобразный момент «означивания» автора в мире искусства.

После того как автор публикует произведение, в дело вступают журналисты, литературные кри-

тики, коллеги по литературному цеху, персоны, оценке которых автор доверяет (может быть, семейный круг), а также самый широкий круг читателей или зрителей, если речь идет о драматургии или экранизации художественного текста. Рецепция произведения, модус которой для нас, безусловно, важен (факт реакции прогнозирует во многом модальность «вторичной» самопрезентации), вызывает ответную реакцию писателя, существующего в ситуации глобального давления массовых коммуникаций и осознания, что если отклика нет, то, возможно и нет тебя как творческой единицы. Те интенции, с которыми автор вступает в литературный контекст, корректируются, автору приходится объясняться — «утверждать» или «оправдываться». И если идеологический аспект авторского «вторичного» высказывания может быть очевиден (я нов, потому что мой взгляд на мир нов), то, на наш взгляд, основная проблема доказательства, верификации себя как автора в современной литературе лежит в плоскости эстетической и в плоскости поэтики. Доказать, что твой текст — новый текст с точки зрения эстетики и поэтики, в современном литературном процессе, очевидно, задача сложная. Потому что сами особенности литературного процесса невольно говорят авторам, что шанса на эстетическую, а следом за ней, стилистическую, жанровую и иную новизну у них просто нет. Мы полагаем, что автор в ситуации просьюмеризма репрессивно включается в активную коммуникацию вокруг культурного явления, подчиняясь логике распространения информации в новой коммуникативной среде, в том числе и выступая критиком самого себя.

Таким образом, мы можем говорить о принципиальном обновлении коммуникативных практик, репрезентирующих сферу чтения в современном социуме, динамике отношений субъектов коммуникации, обусловленной новым социокультурным контекстом.

Список литературы

1. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество / Д. Белл. — М.: Академия, 1999. — 788 с.
2. Витюк, К. Я знаю, что ничего не знаю: 10 философских понятий, которые должны быть знакомы каждому / К. Витюк // Теории и практики. 8 сентября 2016 г. — URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/8209-philosophy-must-knows>.
3. Иванов, Алексей: персональный сайт. — URL: <http://ivanproduction.ru/askme.html>.
4. Клейн, Л. Анна Каренина: грамматика нелюбви: лекция / Л. Клейн. — URL: <https://theoryandpractice.ru/seminars/110073-anna-karenina-grammatika-nelyubvi-22—11>.
5. Козлова, Т. Планы на старость: как перестать бояться возраста / Т. Козлова. — URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/16361-planu-na-starost-kak-perestat-boyatsya-vozrasta>.

6. Масуда, Й. Информационное общество как постиндустриальное общество / Й. Масуда. — М.: Академия, 1997. — 342 с.
7. Мороз, О. Просьюмеризм и культура потребления / О. Мороз. — URL: <https://postnauka.ru/video/72615>.
8. Наринская, А. Republic «Главные книги XXI века»: конспект лекции (книжный фестиваль «Смены») / А. Наринская // Афиша.Daily. 1 августа 2017 г. — URL: <https://daily.afisha.ru/brain/6315-chto-pochitat-chtoby-luchshe-ponimat-sovremennost-lekciya-anny-narinskoj>.
9. Наринская, А. Не зяблик: рассказ о себе в заметках и дополнениях / А. Наринская. — М.: Corpus, 2016. — 288 с.
10. Наринская, А. Проект Republic «Главные книги XXI века» / А. Наринская, А. Бабицкий, М. Трудолюбов, Б. Грозовский. — URL: <https://republic.ru/special/books-21#preface>.
11. Прилепин Захар: персональная страница сети Вконтакте. — URL: <https://vk.com/id424612876>.
12. Сапрыкин, Ю. Непрерывность звучания: О книге Анны Наринской «Не зяблик» / Ю. Сапрыкин // Colta. 9 марта 2016 г. — URL: <http://www.colta.ru/articles/literature/10322>.
13. Селютина, Е. А. Языковая личность и книжная культура: экспертирование литературных новинок в сетевых медиа / Е. Селютина // Языковая личность в современном коммуникативном поле: коллективная монография / ред.-сост. Е. А. Селютина, О. Г. Усанова. — Челябинск: Энциклопедия, 2017. — 180 с. — С. 134—151.
14. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. — М.: Изд-во АСТ, 2004. — URL: http://www.umk.virmk.ru/study/VMK/LITERA/Toffler_Tretiya_volna.pdf.
15. Тюпа, В. И. Парадигмы художественности (понятие о литературном процессе) / В. И. Тюпа // Теория литературы: учеб. пос.: В 2 т. / Под ред. Н. Д. Тмарченко. — Т. 1. — М.: Издат. центр «Академия», 2004. — С. 92—106.
16. Филиппенко, В. 15 лучших новых детективов, которые вы могли пропустить / В. Филиппенко // Афиша.Daily. 1 ноября 2016 г. — URL: <https://daily.afisha.ru/brain/3440—15-luchshih-novyh-detektivov-kotorye-vy-mogli-propustit>.

Сведения об авторах

Селютин Андрей Анатольевич — кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета. blind11@yandex.ru

Селютина Елена Александровна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы Челябинского государственного института культуры и искусств. l22502@yandex.ru

---

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 10 (432). Philology Sciences. Iss. 118. Pp. 143—148.

COMMUNICATION PROBLEMS OF THE AUTHOR, CRITICISM AND READER IN SITUATIONS OF PRESENTATION OF READING CULTURE IN NEW MEDIA (STATEMENT OF THE PROBLEM)

E.A. Selyutina

Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts, Chelyabinsk, Russia

An.A. Selyutin

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

The authors are grateful to the Fund of Perspective Scientific Researches of CSU for the financial support of the research

The article focuses on the changed attitude of perception of key participants in the process of knowledge translation. This applies to the author, the book and the reader. Many processes transform the traditional reading culture, for example, modern conditions and technologies of communicative practices, consumer culture, and developing media technologies. We can even talk about the active processes of customization of goods and services, which now include the sphere of education and creativity, if we talk about the terminological continuity - the consumer, customer and implementer. The specificity of consumption has seriously affected the dynamics of the book environment. Book culture in general becomes a part of the general tendency to

generalization and systematization. We can talk about the fundamental renewal of communicative practices that represent the field of reading in modern society, the dynamics of the relations of subjects of communication due to the new sociocultural context.

Key words: *communication, reader-prosumer, self-conception, author, new media, book lists, modern literature, literary criticism, edutainment.*

References

1. Bell D. *Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo* [The coming post-industrial society]. Moscow, Akademiya, 1999. 788 p. (in Russ.).
2. Vityuk K. Ya znayu, chto nichego ne znayu: 10 filosofskij ponyatij, kotorye dolzhny byt' znakomy kazhdomu [I know that I know nothing: 10 philosophical concepts that should be familiar to anyone]. *Teorii i praktiki* [Theory and practice]. 8 sept. 2016. Available at: <https://theoryandpractice.ru/posts/8209-philosophy-must-knows>, accessed 20.09.2019. (in Russ.).
3. Ivanov Aleksej: personal'nyj sajt [Alexey Ivanov: personal website]. Available at: <http://ivanproduction.ru/askme.html>, accessed 20.09.2019. (in Russ.).
4. Klejn L. *Anna Karenina: grammatika nelyubvi*: lekcija [Anna Karenina: grammar of dislike: lecture]. Available at: <https://theoryandpractice.ru/seminars/110073-anna-karenina-grammatika-nelyubvi-22-11>, accessed 20.09.2019. (in Russ.).
5. Kozlova T. *Plany na starost': kak perestat' boyat'sya vozrasta* [Plans for old age: how to stop being afraid of age]. Available at: <https://theoryandpractice.ru/posts/16361-plany-na-starost-kak-perestat-boyatsya-vozrasta>, accessed 20.09.2019. (in Russ.).
6. Masuda J. *Informacionnoe obshchestvo kak postindustrial'noe obshchestvo* [Information society as a post-industrial society], Moscow, Akademiya, 1997. 342 p. (in Russ.).
7. Moroz O. *Pros'yumerizm i kul'tura potrebleniya* [Prosumerism and the culture of consumption]. Available at: <https://postnauka.ru/video/72615>, accessed 20.09.2019. (in Russ.).
8. Narinskaya A. Republic "Glavnye knigi XXI veka": konspekt lekicii (knizhnyj festival "Smeny") [Republic "the Main books of the XXI century": lecture summary (book festival "Changes")]. *Afisha.Daily*. 1 august 2017. Available at: <https://daily.afisha.ru/brain/6315-chto-pochitat-chtoby-luchshe-ponimat-sovremennost-lekcija-anny-narinskoy>, accessed 20.09.2019. (in Russ.).
9. Narinskaya A. *Ne zyblik: rasskaz o sebe v zametkah i dopolneniyah* [Not a finch: a story about yourself in notes and additions], Moscow, Corpus, 2016, 288 p. (in Russ.).
10. Narinskaya A. *Proekt Republic "Glavnye knigi XXI veka"* [Republic Project "General Books of the 21st Century"]. Available at: <https://republic.ru/special/books-21#preface>, accessed 20.09.2019. (in Russ.).
11. Prilepin Zahar: personal'naya stranica seti Vkontakte [Prilepin Zakhar: personal page of the Vkontakte network]. Available at: <https://vk.com/id424612876>, accessed 20.09.2019. (in Russ.).
12. Saprykin Yu. Nepreryvnost' zvuchaniya: O knige Anny Narinskoj "Ne zyblik" [Continuity of sound: About Anna Narinsky's book "Not a Finch"]. *Colta*. 9 march 2016. Available at: <http://www.colta.ru/articles/literature/10322>, accessed 20.09.2019. (in Russ.).
13. Selyutina E. A. *Zyzykovaya lichnost' i knizhnaya kul'tura: ekspertirovanie literaturnyh novinok v setevykh media* [Linguistic identity and book culture: expertizing literary novelties in online media]. *Zyzykovaya lichnost' v sovremennom kommunikativnom pole: kollektivnaya monografiya* [The linguistic personality in the modern communicative field: a collective monograph], Chelyabinsk, Enciklopediya, 2017, pp. 134–151. (in Russ.).
14. Toffler E. *Tret'ya volna* [Third wave]. Moscow: Izd-vo ACT, 2004. Available at: http://www.umk.virmk.ru/study/VMK/LITERA/Toffler_Tretiya_volna.pdf, accessed 20.09.2019. (in Russ.).
15. Tyupa V. I. *Paradigmy hudozhestvennosti (ponyatie o literaturnom processe)* [Paradigms of artistry (the concept of the literary process)]. *Teoriya literatury: ucheb. pos.: v 2 t.* [Theory of Literature: Textbook: In 2 v.], v. 1, Moscow: Akademiya, 2004, pp. 92–106. (in Russ.).
16. Filippenko V. 15 luchshih novyh detektivov, kotorye vy mogli propustit' [15 best new detectives you could miss]. *Afisha.Daily*. 1 November 2016. Available at: <https://daily.afisha.ru/brain/3440-15-luchshih-novyh-detektivov-kotorye-vy-mogli-propustit>, accessed 20.09.2019. (in Russ.).

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕХОДНОЙ ДИГЛОССИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ БИЛИНГВИЗМА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН)

А. Ж. Суюмбаева¹, Е. В. Шелестюк²

¹ Военный институт Сил воздушной обороны, г. Актобе, Казахстан

² Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Россия

В статье поднимаются проблемные вопросы, связанные с билингвизмом, а также приводятся результаты конкретного социологического исследования, целью которого было описать функционирование билингвизма в среде студентов, обучающихся в авиационном вузе Республики Казахстан. Как показало социологическое исследование, в среде казахской интеллигенции наблюдается сопоставимое, примерно равное владение казахским и русским языками, что является естественным на этапе переходной диглоссии.

Ключевые слова: языковая ситуация, социолингвистика, билингвизм, переходная диглоссия, эндоглоссия, язык-макропосредник, профессиональная коммуникация.

Введение

Объектом данного исследования является билингвизм, предметом — процессы, происходящие в билингвальном обществе, и особенности языковой ситуации в постсоветском пространстве, в частности, в Республике Казахстан (РК) на этапе «переходной диглоссии», сопровождающей постепенную смену веса титульного языка в «высоких» сферах социальной коммуникации. Актуальность проблемы обусловлена необходимостью продолжения активного теоретического осмысления и практического анализа важного для многонациональных/полиэтнических государств понятия и явления билингвизма. Общей теоретической основой исследования является концепция билингвизма как языкового явления, означающего кодовое переключение и проявляющегося в коммуникации в бытовых, социальных и профессиональных сферах. Цель исследования двоякая: выявить основную современную проблематику билингвизма на основе сводного анализа когнитивных и социокультурных концепций этого явления, а также провести конкретное социологическое исследование состояния билингвизма в студенческой авиационно-технической среде Республики Казахстан. Новизна исследования определяется критическим анализом когнитивных и социокультурных концепций билингвизма и обозначением его ключевой проблематики, а также выявлением особенностей билингвизма в профессиональной коммуникации в РК.

Гипотеза заключается в следующем рассуждении. Титульные этносы и языки в государстве

избираются на совокупном основании их мажоритарности (т. е. язык большинства, самого крупного этноса), длительности проживания на той или иной территории (автохтонности, исконности) и древности. Эндоглоссный билингвизм необходим в любом демократическом полиэтническом обществе. При этом, если язык этнического большинства изначально не является достаточно изолированным (в положительном смысле этого слова) для обслуживания научных и общественных дискурсов, его статус и вес должны постепенно меняться. Объективные процессы языкового развития при этом сочетаются с субъективными целенаправленными мерами по его обеспечению. В этом плане характерна языковая ситуация *переходной диглоссии* (переходного билингвизма), существующая в постсоветских государствах и состоящая в функционировании в официальной и профессиональной коммуникации русского и государственных титульных языков и постепенном целенаправленном изменении качества, статуса и веса титульных языков в этих «высоких» сферах. Диглоссия должна быть одновременно *эндоглоссией*, т. е. касаться народов, проживающих на данной территории и говорящих на исконных языках. Экзоглоссный билингвизм, связанный с изучением иностранного языка, второстепенен в отношении магистральных направлений языковой политики государств. Иностраный язык (в том числе функционирующий лингва франка или международный вспомогательный язык), на наш взгляд, не может претендовать на функцию

глубокой аккультурации, но должен быть сугубо утилитарным, являться простым кодом для международной коммуникации, средством передачи индивидуальных и национальных смыслов.

В многонациональном государстве двуязычие — это не только национально-культурное, но и социальное явление, оно связано с социальными потребностями. Использование двуязычия в различных сферах социальной деятельности имеет свои особенности (лингвистические, этнические, ситуативные и т. д.). В аспекте языкового развития представляется целесообразной ориентация на международные языки науки и техники, имеющие развитые терминологические и стилистические системы. При этом приоритет должен отдаваться эндоглоссии, т. е. развитым внутринациональным языкам, одновременно выполняющим функции языков межнационального общения. Если на роль языка межнационального общения избирается язык национального меньшинства, то должно быть обеспечено постепенное выравнивание с ним языка национального большинства в виде его постепенного усложнения и обогащения.

Теоретические основы понимания билингвизма

В современных условиях востребованность личности в общественной и профессиональной жизнедеятельности в значительной степени зависит от уровня формирования лингвистической и коммуникативной компетентности. Функционирование языков в любой стране зависит от сложившейся языковой ситуации, которая определяется как совокупность форм существования одного языка или ряда языков в их территориально-социальном взаимоотношении и функциональном взаимодействии в границах определенных регионов или административно-политических образований [14. С. 97]. Как отмечает Л. Л. Аюпова, «структурными компонентами концептуального поля «языковая ситуация» являются и коммуникативные сферы, в которых наиболее полно проявляются социальные функции языков и их взаимодействие <...>. Вместе с тем, от социальной ситуации зависит коммуникативная ситуация, непосредственно связанная с функционированием инфраструктур культурологического, экономического, профессионального профиля» [1. С. 156].

В научных трудах билингвизм исследуется с различных точек зрения. Ю. Д. Дешериев и И. Ф. Протченко определяют билингвизм следующим образом: «...знание двух языков в извест-

ных формах их существования в такой мере, чтобы выражать и излагать свои мысли в доступной для других форме независимо от степени проявления интерференции, и использование внутренней речи двуязычным индивидом в процессе письменного или устного общения на втором языке, а также умение воспринимать чужую речь, сообщение с полным пониманием» [7]. Б. Н. Головин отмечает, что двуязычие или билингвизм — «это функционирование двух языков на одной и той же территории, в одной и той же этнической среде. Это использование в процессе общения двух языков одним и тем же населением» [5]. Понятие билингвизма включает в себя и социально-институциональный аспект, в этом аспекте он воплощается в понятии «диглоссии» - владении разными подсистемами одного национального языка и использование их в зависимости от ситуации или сферы общения (литературные языки и жаргон, литературный язык и диалект и под.) [3].

Под билингвизмом мы понимаем владение индивидом двумя языками и его общение на них с одинаковой или разной степенью компетентности. Используя языковые способности и компетенции, билингвы выполняют умственное и языковое «кодовое переключение» — когнитивно-психолингвистические операции, сопровождающие переход с одного языка на другой. «Переключение кодов (кодовое переключение) — это переход говорящего в процессе речевого общения с одного языка (диалекта, стиля) на другой в зависимости от условий коммуникации» [3. С. 26]. Билингвы также «переключают» социальные и культурные коды, основанные на дифференцировании функций языков как части социума и культуры, что обуславливает постоянную семиотическую смену их (билингвов) социальной и культурной идентичности.

Вопросы переключения кодов, или кодовых переключений, входят в круг интересов функциональной социолингвистики, изучающей процессы речевого общения при переходе говорящего с одного языка на другой в зависимости от условий коммуникации. Кодовое переключение проявляется в полиэтничных сообществах в рамках коммуникации в социальной и профессиональных сферах. Спонтанное, автоматическое переключение встречается также в повседневной жизни, оно обусловлено эмоциональными и другими состояниями человека, и его следует учитывать, даже если рассматривается билингвизм в коммуникации в профессиональной среде. Проблематика билингвизма для личности связана, прежде всего,

со сложностями овладения двумя языками, с компетентным общением на них, а также с межъязыковой интерференцией и адекватным, уместным переключением с одного языка на другой.

Становление диглоссии как социально и функционально дифференцированного билингвизма осуществляется в форме обслуживания несколькими языками разных сфер социального взаимодействия, включая такие важнейшие сферы, как образование, культура, средства массовой информации, что является естественной нормой для функционирования современного полиэтничного общества. Одновременно происходит взаимодействие и взаимопроникновение этих языков, их совместная эволюция.

Есть множество классификационных оппозиций билингвизма; для нас существенны три вида: субординативный и координативный (смешанный), сбалансированный и несбалансированный, субтрактивный и аддитивный.

1. В классификации Л. В. Щербы, «субординативный» билингвизм — это разновидность индивидуального билингвизма, при котором говорящий воспринимает один язык (чаще второй, но иногда — рецессивный родной) через другой (чаще родной, но иногда — доминантный второй), несмотря на отличия этих языков. В результате в речи билингва имеются многочисленные случаи интерференции (фонетической, лексико-семантической, грамматической, синтаксической). Считается, что субординативный билингвизм встречается у говорящих, недостаточно владеющих вторым языком, и, как правило, он характерен для начинающих билингвов. «Координативный» билингвизм — это разновидность индивидуального билингвизма, при котором первый и второй языки билингва автономны в его сознании и не смешиваются в его речевой практике. В частности, на семантическом уровне каждому из языков соответствует свой набор понятий, закрепленных соответствующими лексическими единицами; на грамматическом уровне — грамматические категории двух языков не смешиваются, в результате чего интерференция минимальна. «Смешанный» билингвизм предполагает «идеальный случай владения родным и вторым языком, которые существуют в сознании говорящего как равноправные коммуникативные системы, не смешиваемые при восприятии (анализе) и синтезе речи» [13]. Смешанный билингвизм, исключаящую какую бы то ни было интерференцию и при этом предполагающий высокий уровень владения двумя языками, встречается достаточно

редко. Оппозиция, акцентирующая когнитивно-лингвистическую субординацию/координацию как восприятие понятий другого языка сквозь понятийную сетку основного или независимое восприятие понятий, связана с нижеследующей оппозицией.

2. Оппозиция «сбалансированного» и «несбалансированного» двуязычия была выдвинута Э. Пилом и У. Э. Ламбертом [27]. Сбалансированный билингвизм означает в равной мере адекватное и компетентное социальное функционирование индивида на двух языках. Несбалансированный билингвизм характеризуется различным уровнем языковой компетенции билингва, когда родным (или вторым распространенным и официально закрепленным) языком билингв владеет значительно лучше, чем другим языком. Отмечается, что на практике и одноязычные, и многоязычные ситуации не часто бывают сбалансированными. Сбалансированный билингвизм редок, поскольку «полной симметрии в социально-этнических условиях сосуществования двух языков в одном обществе практически не бывает» [12]. Тот язык, которым человек владеет лучше, называется доминантным (и это не обязательно первый по времени усвоения язык), а тот, которым он владеет хуже, логично называть рецессивным. Вместе с тем соотношение доминантного и рецессивного языков может меняться в зависимости от смены функциональных сфер активности и социальных ролей личности (поэтому, возможно, уместнее называть языки билингва не «доминантным» и «рецессивным», а «активным» и «пассивным»). В отличие от предыдущей концептуально-языковой оппозиции, данная оппозиция акцентирует одинаково или неодинаково развитые навыки и умения коммуникации на двух языках, языковые/речевые компетенции говорящего.

3. Многие исследователи (У. Э. Ламберт, К. Бейкер, А. Лиддикуот и др.) выделяют оппозицию «аддитивного» и «субтрактивного» билингвизма. Первый термин относится к ситуации, в которой дополнительное изучение второго языка (и культуры) оказывает развивающее влияние на реципиента, при этом не вредит его компетентности в первом, родном языке (и культуре), в процессе обучения и последующей жизни не заменит и не вытеснит его. Аддитивный билингвизм означает, что язык языки и связанная с ними культура «сотрудничают», вносят дополнительные положительные элементы в общее развитие ребенка. Субтрактивный билингвизм характеризуется потерей или эрозией родного языка

(и культуры), он развивается, когда два языка конкурируют, а не дополняют друг друга [25, 19, 26]. Концепция аддитивного/субтрактивного билингвизма в некоторой степени перекликается с пороговой теорией Дж. Камминса, согласно которой двуязычные дети должны достичь определенного «порогового уровня» лингвистического развития в своем родном, первом языке, чтобы извлекать лингвистически и когнитивно развивающую пользу из кодовых переключений в школе и дома и из обучения на втором языке [34. С. 106].

Влияние билингвизма на когнитивное развитие и социальное благополучие индивида

Выводы на основе накопленных концепций и эмпирических данных относительно влияния билингвизма на когнитивное развитие и социальное благополучие среднестатистических индивидов в ситуации социального и культурного билингвизма неоднозначны и противоречивы, существуют позиции «за» и «против» такого влияния. Ниже следует критический анализ основных взглядов.

Рассмотрим когнитивный аспект билингвизма. Ряд психологов, логопедов и дефектологов, например, Р. Е. Левина, Т. Б. Филичева, Э. Хофф, считают, что естественный ранний билингвизм, т. е. почти одновременное обучение на двух языках, в случае средних умственных способностей ребенка, может привести к общему недоразвитию речи (ОНР), нарушениям речи и общей задержке развития. «Под общим недоразвитием речи у детей с нормальным слухом и первично сохранным интеллектом следует понимать такую форму речевой аномалии, при которой нарушено формирование всех компонентов речевой системы, относящихся как к звуковой, так и к смысловой сторонам речи» [11. С. 53]. Ранний билингвизм может привести не только к общему недоразвитию речи, но и отставанию в развитии в связи с более сложной структурой воспринимаемой информации [15]¹. Обучение детей нескольким языкам одновременно ограничивает количество слов, которые ребенок может выучить за определенный промежуток времени на одном языке. Например, дети младшего возраста имеют когнитивные способности к усваиванию около 20 полных новых слов в месяц; когда же малыш изучает сразу два языка, он может

¹Важно упомянуть, что о нарушениях речевой деятельности и когнитивного развития можно говорить лишь тогда, когда развитие обоих языков начинает замедляться. Но если ребенок владеет хотя бы одним языком на уровне своих сверстников, то он считается нормально развивающимся билингвом.

запомнить только 10 слов на своем родном языке в месяц, изучив другие 10 слов на иностранном. Таким образом, ребенок-билингв знает меньше слов на родном языке, чем другие дети к определенному возрасту. Поднимается также проблема иностранного акцента. Изучающие иностранный язык с раннего возраста дети в последующие годы могут приобрести особый акцент на родном языке, что может привести к неверному пониманию или препятствовать использованию языка в профессиональной сфере [23. С. 393, 65]. В благоприятной же ситуации, согласно исследованиям, произношение разнообразных звуков может положительно влиять на развитие речевого аппарата. В результате говорения на двух языках речь ребенка становится более разборчивой и четкой, а дикция изменяется в лучшую сторону. Вместе с тем может страдать лексическое и идиоматическое наполнение речи, правильность сочетаемости и грамматического согласования слов.

Если в ситуации вынужденного билингвизма задержки речевого развития как таковой не возникает, то следует задуматься об уменьшении возможности овладения другими интеллектуально затратными предметами и специальностями на высоком уровне. Объясняется это тем, что время образования человека фиксировано определенными временными рамками, а его память и умственные способности не безграничны. Не лишено рационального зерна предположение и о нейтральном или даже негативном влиянии билингвизма на среднего человека, составляющего основную массу двуязычного социума, как фактора бесполезного или тормозящего функциональное развитие индивида, препятствующего концентрации на глубоком освоении и развитии интеллектуально емких и социально значимых областей, связанных с научно-техническим прогрессом².

С другой стороны, не отрицается, что на детей с потенциалом когнитивных способностей выше среднего билингвизм чаще оказывает развивающее влияние³. Э. Пил, У. Ламберт, Э. Бялысток, Дж. Камминс, К. Хакута, Э. Гарсия, Т. В. Черниговская, О. В. Кручинина, Б. Драганский,

²Забегая вперед, отметим, что, несмотря на все издержки, в многонациональном и полиэтничном обществе билингвизм неизбежен, это обязательное, хотя и, возможно, вынужденное условие демократического сосуществования национальностей и гражданского мира.

³Его отрицательное влияние в случае людей с высоким интеллектом может лежать в плоскости культурной идентичности.

С. Элмер и многие другие с оптимизмом смотрят на влияние билингвизма на интеллект.

«Теория сверхкомпенсации» (overcompensation) постулирует механизм, который заставляет ребенка успешно изучать два языка, превосходя врожденные способности. Непрерывный когнитивный стресс ведет к тренировке умственных способностей и даже вызывает морфологические изменения в мозге [21, 19]. Речевая активность билингвов даже в обычных одноязычных ситуациях активирует более разнообразные участки мозга, чем у монолингвов, причем эти зоны работают одновременно. Корреляционный анализ ЭЭГ монолингвов показывает участие как во время запоминания, так и умственного воспроизведения стихов «почти исключительно височных отделов левого и, в меньшей степени, правого полушария». В отличие от них, у русско-английских билингвов число кортикальных зон, вовлеченных в аналогичную деятельность, значительно выше, «включалась, в частности, левая переднелобная область и зона ТРО (граница теменной, височной и затылочной областей) левого полушария. Примечательно, что подобное, почти генерализованное, вовлечение в деятельность имело место не только при выполнении билингвами тестов на английском, но и на русском языке» [10]. Т. В. Черниговская [16] указывает, что мозг переводчиков-билингвов «попыхает» во время синхронного перевода, по сложности и стрессорности это работа, «близкая к предельной, это очень быстрое переключение кодов».

Вышеупомянутая «теория порога» (threshold) Дж. Камминса гипотезирует, что как только ребенок преодолевает порог взаимного торможения и нарушения языковых компетенций L1 и L2, он достигает сбалансированного владения двумя языками, преуспевает как в лингвистическом, так и в интеллектуальном отношении. Выход на сверхпороговый (supraliminal) уровень овладения двумя или более языками ускоряет и качественно улучшает мышление. Иными словами, достижение нижнего порогового уровня означает, что развитие устной речи на родном языке может продолжаться наряду с развитием речи на втором языке без какой-либо интерференции со стороны последнего. И таким образом можно избежать негативных последствий двуязычия. Достижение верхнего уровня подразумевает положительное влияние двуязычия на развитие навыков чтения [20].

Контраргументом обеих теорий может являться тот факт, что сверхкомпенсация при раннем двуязычии, включая двуязычное обучение, бывает

далеко не всегда, а пороговый уровень владения вторым (иностраным) языком может быть так и не достигнут, что часто наблюдается у учащихся с невысокими способностями к языкам.

Отмечается определенная зависимость между повышенными когнитивными способностями и способностью достичь идеального — координативного, сбалансированного, аддитивного билингвизма, то есть одинаково хорошего владения обоими языками. Однако при этом отмечается двусмысленность анамнеза. То, что билингвы когнитивно превосходят своих одноязычных сверстников, может объясняться фактом изучения второго языка, но может также быть истолковано наоборот: только самые умные дети становятся действительно сбалансированными билингвами [22. С. 293]. Кроме того, общеизвестно, что баланс нестабилен и основное лингвокогнитивное развитие и языковое общение происходят на одном предпочтительном (или социально установленном) языке.

Исследования в области неврологии дают некоторые свидетельства того, что опыт второго языка вызывает изменения в мозге, в том числе повышение плотности серого вещества и целостности белого вещества [30, 33]. Тем не менее электромагнитные и морфологические изменения мозга вполне могут быть связаны с любыми длительными умственными усилиями и когнитивными упражнениями в науке или искусстве, от которых может отвлекать основное внимание концентрация на изучении второго языка.

Несмотря на всю неоднозначность вопроса влияния билингвизма на умственное развитие, можно согласиться с выводами о ряде положительных когнитивных свойств билингвов, таких как гибкость и разнообразие в решении когнитивных задач, когда билингв переключается на понятийный аппарат другого языка, если решение проблемы блокируется нехваткой понятийного аппарата первого языка [27, 22]; формирование более структурированных и значимых понятий у билингвов на основе «синергии» коррелирующих понятий в разных языках, например, [24]; способность к символической реорганизации и видению ситуации в другой перспективе [22]; металингвистическая осведомленность [21] и некоторые другие.

Если в когнитивном аспекте билингвизм большинством ученых оценивается положительно (что при здравой оценке фактов, возможно, не вполне оправдано), то в аспекте социалингвистики энтузиасты билингвизма уравниваются теми, кто оценивает это явление критически, но считает

объективной необходимостью. К первым зачастую относятся представители национальной интеллигенции, образованные на образцах либо в среде иностранной культуры, которые ратуют за национальные варианты доминирующего внешнего языка. Ко вторым относятся социолингвисты, соотносящие билингвизм с этносоциальным диглоссным неравенством. Они утверждают, что в странах, где языкам и культурам этнических групп не уделяется должного внимания, билингвизм нередко означает полуязычие, или семилингвизм, т. е. ситуацию, когда в результате отсутствия или недостаточного обучения родному языку имеет место его утрата (или неполное, ущербное владение им) и одновременно неполное усвоение другого языка [32]. Кроме того, наблюдается лингвокультурное и этносоциальное явление, называемое «частичной» культурной идентичностью, когда человек не стремится сохранять национальную идентичность, а психологически пытается соответствовать более престижной лингвокультуре. Теория семилингвизма находит множество подтверждений. Полуязычие свойственно большей части населения коренных народов Северной Америки, Австралии и Новой Зеландии, народов Африки и Азии, малых народов, проживающих на северных территориях. Слабое владение английским языком и другими доминирующими языками бывших метрополий, ставшими официальными, сопровождается невладением подязыками, стилями и регистрами «высоких» функциональных сфер собственных языков (например, алеутского, на-дене, хинди, урду, суахили, саами). Это обуславливает функциональную полуграмотность большей части бывших колониальных народов, их невысокое образование и социальный статус.

Большие массы бывших колониальных народов, которые по идее должны быть когнитивно продвинутыми билингвами или трилингвами, фактически являются семилингвами. Зачастую они не получают полного среднего образования (не говоря уже о высшем образовании) и имеют низкооплачиваемую работу. У большинства коренных жителей Северной Америки и Австралии, несмотря на привилегии, введенные в последнее время, достаточно низкий уровень жизни, они живут на пособие по социальному обеспечению или ведут антиобщественный образ жизни.

В то же время жители бывшей колониальной метрополии (а также стран «внутреннего круга» английского языка), являющиеся монолингвами, чье владение иностранным/вторым языком, по об-

щему признанию, остается самым слабым среди европейских стран, имеют высокий уровень образования, занимают наиболее высокооплачиваемые рабочие места и богаты по средним стандартам. Более того, англосаксонский мир считает изучение иностранного и второго языка не знанием как таковым, но лишь полезным умением или навыком, наравне с физкультурой, изобразительным искусством или домашней экономикой. Англоязычные страны не спешат радикально увеличивать количество часов на иностранный и второй язык (и тем более не рассматривают обязательное введение билингвизма), несмотря на все доказательства того, что двуязычие оказывает развивающее влияние на индивида. Возможно, они намерены направлять усилия своих студентов на более прагматичные и технологически перспективные предметы?

При этом «страна, которая известна своим однопользованием»¹, интригующе позиционирует себя в качестве источника экспертов, способных решать проблемы изучения языка в образовательных системах многоязычных стран по всему миру» [28]. Но какой предлагается выход из проблемы функционального семилингвизма в большинстве стран — бывших колоний, где официальным является английский? В основном как выход здесь предлагается не коренизация автохтонных языков в «высоких» сферах — образование, официальное социальное функционирование, наука, культура, — а «иммерсивное» обучение коренных народов английскому языку на этапе среднего и высшего образования. Английский язык имеет развитые и постоянно развивающиеся функциональные подязыки и стили науки, официально-делового общения, культуры (литературы, кино и др. художественных вербально-семиотических сфер), публицистики. Фактически, фактором продвижения в карьере для коренных народов становится овладение в совершенстве английским языком, «ассимиляционная субтрактивная программа погружения», ведущая к забыванию родного языка и моноязычию. Такого рода субтрактивные программы языкового погружения поддерживаются

¹Попытки возрождения валлийского и гойдельских языков на Британских островах, в отличие, скажем, от строительства языков национальных меньшинств в СССР или от возрождения книжного иврита как языка повседневного общения в государстве Израиль, носят несистематичный и точечный характер. Они касаются факультативного изучения этих языков, подсчета немногочисленных носителей, составления словарей и грамматик, возрождения письменности и создания единичных текстов на этих языках.

официально, несмотря на научные доказательства причиняемого ими вреда языкам коренных народов: снижение числа носителей, торможение развития подязыков и стилей, связанных с «высокими» сферами функционирования, отсутствие пополнения словарного запаса [ibid.].

В настоящее время в науке развивается направление эколингвистики (лингвистической экологии), критикующее субтрактивный билингвизм в пользу языков метрополий и одновременно ратующий за преодоление негативных последствий вынужденного билингвизма, проявляющихся в виде полуграмотности, семилингвизма. Разрабатываются принципы и методы сохранения лингвистического разнообразия, многообразия для долгосрочного выживания человечества, соблюдения языковых прав всех народностей, проживающих в той или иной стране, поддержания такой языковой ситуации. Р. Филипсон, развивая идеи Эйнара Хаугена, рекомендует, чтобы при изучении нового языка — доминантного национального или второго/иностранного — проводилось тщательное исследование культурного, исторического и языкового наследия коренных народностей, чтобы точно понять, какое влияние может оказать внедрение иного языка на экосистему.

Надо сказать, однако, что эколингвистический подход исходит от противного: он четче обозначает те языковые ситуации, которые не являются «экологичными», чем обозначает свойства и, главное, принципы реализации по-настоящему «экологичной» языковой ситуации. Обозначим, против чего выступает эколингвистический подход. С одной стороны, он порицает семилингвизм («полуязычие»), когда средний представитель билингвальных и мультилингвальных сообществ Европы, Азии, Австралии, обеих Америк знает оба языка на более бедном уровне или вынужден мириться с аттрицией одного языка (чаще — родного) из-за сложности заботы о сбалансированном билингвизме при когнитивных стрессах, налагаемых профессиональной деятельностью и повседневной жизнью. С другой стороны, эколингвистический подход категорически отрицает субтрактивный билингвизм, когда более тщательно изучается доминантный язык, обслуживающий «высокие» функциональные сферы, что обедняет родной язык, делая его непрестижным и менее употребимым. Иными словами, отрицается и польза билингвизма у среднего индивида (полуязычие, семилингвизм), и польза преобладающего изучения неродного доминантного языка, обслуживающего «высокие»

сферы социального взаимодействия.

В связи с этим в качестве альтернативы видится повышение сфер функционирования региональных, коренных и миноритарных языков, включение их в официальную, профессиональную, научную и культурную коммуникацию, наряду с официальным языком. Именно эта идея лежала в советской практике коренизации языков национальностей и народностей СССР, включая малые народы, в сферах управления, образования, культуры, литературы, прессы. Двухязычный этап, сопровождающий развитие коренных языков, когда в младших классах изучается русский язык, а в старших — ряд предметов преподается на нем совместно с языком титульной национальности, и называется *переходной диглоссией* (переходным билингвизмом). Попытка совмещения в «высоких» функциональных сферах неродного и родного языков, хотя бы и не в пропорциональном использовании, представляется весьма важной. Такого рода билингвизм в отношении региональных, коренных и миноритарных языков становится «меньшим из зол» и является залогом сохранения и развития соответствующих культур, ибо овладение только официальным неродным языком в совокупности всех его стилей и регистров ведет к потере престижа, обеднению и, в конечном счете, к полной утрате родного. Следуя советскому примеру, принцип многоязычия взяли на вооружение многие полиэтничные и многоязычные сообщества, включая Европейский союз. Ради поддержания региональных, коренных, миноритарных языков во многих странах на государственном уровне провозглашается билингвизм или трехязычие, поддерживается обучение, медийное вещание и издание литературы на этих языках.

Что касается современной практики билингвального обучения английскому языку как *lingua franca*, то, с нашей точки зрения, привнесение экзоглоссного, внешнего билингвизма в образование и социальные практики суверенных государств придает билингвизму и языковому разнообразию негативный англоцентричный крен. Если в раннюю постколониальную эпоху типичной была эндоглоссия — избрание в качестве официальных языков для обслуживания «высоких» сфер коммуникации мажоритарных местных языков (например, суахили, хинди), то приметой языковых политик эпохи глобализма стала экзоглоссия — избрание гегемонического европейского языка (прежде всего английского) в качестве лингва франка и официального языка, обслуживающего «высокие» сферы

коммуникации в многонациональных государствах. В качестве примера экзогlossного трехъязычия можно взять языковую политику Индии, которая предусматривает изучение трех языков: родного коренного языка этнических меньшинств, языка этнического большинства хинди, обслуживающего официальные сферы, и английского в качестве вспомогательного официального языка, языка высшей школы и международного общения.

Примечательно, что тенденция англоязычной экзогlossии была подхвачена государствами, национальностями которых никогда не имели непосредственного контакта с английским языком, например, государствами, возникшими на постсоветском пространстве, как «под копирку» внедряющими трехъязычие с английским языком в качестве средства коммуникации в сферах науки, высоких технологий и высшего образования. Такого же рода глобалистской тенденцией можно считать массовый переход постсоветских стран с кириллицы на латиницу.

Оценивая долгосрочные перспективы языковой ситуации англо-национального би- и трилингвизма, нельзя не задуматься о фактической монополизации сфер науки и высшего (зачастую и среднего) образования доминантным языком, о гегемоническом влиянии англоязычной культуры на культуру и быт, на институты и процедуры, на самое государственное устройство стран — бывших колоний и стран — добровольных реципиентов англоязычного двуязычия и трехъязычия.

Обязательный билингвизм, где вторым языком является «мировой лингва франка» английский, провозглашается глобальным рецептом для мировой языковой политики. Так, в диссертации Е. Б. Гришаевой [6] берется за образец языковая политика Австралии (!) и прочих бывших британских колоний, которые в последние годы озаботились языковой ситуацией среди коренного населения и взялись «возродить» утраченные многочисленные языки среди уцелевших носителей, не забывая при этом консервировать доминирующую роль английского языка в «высоких» сферах. Следует признать, что до сих пор плоды этих усилий были более чем скромными, поскольку людей, получивших высшее и даже полное среднее образование, среди коренного населения Австралии, Новой Зеландии, Канады ничтожно мало, их социальный и профессиональный статус преимущественно весьма низок, а литературные жанрово-стилистические стандарты языков отсутствуют либо находятся в зачаточном состоянии.

Очевидно, что этот опыт, в отличие от коренизации административного дискурса, документооборота, литературы, прессы, театра, образования, осуществленной в СССР для языков национальностей и народностей, малоуспешен. Именно в СССР была создана, вероятно, наиболее демократичная и одновременно реалистичная формула взаимодействия языков в полиэтничном государстве: *повсеместное распространение и изучение государственного языка этнического большинства — распространение в республиках и стабильное развитие крупных региональных (официальных республиканских) языков — централизованная поддержка и содействие в развитии языков и культур этнических меньшинств.*

Завершая общетеоретическую часть, заметим, что, как представляется, в демократических полиэтничных обществах билингвизм (трехъязычие) неизбежен. Из этого следует важный вывод: как бы ни были неблагоприятны сложность и дополнительный стресс для граждан, связанные с необходимостью изучать два или три языка в многоязычном и полиэтничном обществе, с этим придется смириться как с естественной необходимостью. Однако для сохранения такого общества и его государственности надо, чтобы такой билингвизм был *эндогlossным*, чтобы изучались *исконные* языки тех территорий, на которой они существовали сотни лет.

Экзогlossный билингвизм (трехъязычие) может касаться только иностранного языка, не претендующего на роль второго или, тем более, официального языка делопроизводства, науки и образования. Такой язык, на наш взгляд, должен быть простым кодом межнационального общения, тем, что Э. Сепир обозначил как «международный вспомогательный язык» (*international auxiliary language, IAL*), и при обучении ему не следует концентрироваться на элементах лингвокультуры, ценностях и идеологемах «внутреннего круга». Этот язык должен осваиваться на культурном материале принимающей стороны, а также на текстах, отражающих важную для человечества тематику, традиционные ценности, научные открытия. Не должно быть брендинга реалий и персоналий «внутреннего круга», суггестивных методов обучения иностранному языку, включая культурное погружение, фасцинацию, «ошеломление» необычной информацией и проч. [31]. Повторимся: иностранный язык должен осваиваться как «международный вспомогательный язык», простой код, на основе текстов, очищенных от культурного и историче-

ского шлейфа соответствующей лингвокультуры. Он должен быть универсальным и гибким кодом передачи индивидом личностных и национальных смыслов, но никак не средством аккультурации в духе чужой культуры.

Соответственно, как базовое правило языковой политики, по нашему мнению, должно выступать применение эндогlossного билингвизма для межнационального и межэтнического общения внутри государства. Экзогlossный же билингвизм оправдан в области международной и межгосударственной коммуникации, когда по общему соглашению некий язык выступает в виде лингва франка либо международного вспомогательного языка как простого кода передачи индивидуальных и национальных смыслов.

Особенности языковой ситуации на постсоветском пространстве, в том числе в Республике Казахстан

Национально-русский билингвизм — отличительная черта языковой ситуации, характеризующей современное постсоветское пространство. Известно, что некоторые языки коренных национальностей служат для других языков источником концептуально-терминологического материала и готовых речевых моделей для оформления письменных дискурсов, включая институциональные. Согласно Р. О. Якобсону, таковым для языков евразийского языкового союза, сначала в рамках Российской империи, а затем — Советского Союза, длительное время являлся русский язык. Несмотря на процесс коренизации институциональных дискурсов на национальных языках, их непрерывного развития и совершенствования, традиция использования русского языка в этих дискурсах, включая высшее (иногда и среднее) образование, частично сохраняется. Функционально-речевое развитие языков — длительный процесс, и объективный переход языка национального большинства в статус ведущего во всех «высоких» сферах функционирования должен быть сглаженным и постепенным. Что касается образования, то в полиэтничном обществе обучение неродному языку и, в случае миноритарных языков народностей, на неродном языке — объективная необходимость, которую нужно принять как должное.

Остановимся на национально-русском билингвизме в Республике Казахстан. Языковая ситуация в РК характеризуется языковым разнообразием, обусловленным уникальным разнообразием этнического состава населения, а также со-

функционированием в едином коммуникативном пространстве двух демографически и коммуникативно мощных языков-партнеров, казахского и русского.

Функционирование русского языка в Казахстане обусловлено совокупностью лингвистических и экстралингвистических факторов: степенью его распространения, национальным составом пользующихся им носителей, их социально-психологическими, этно- и лингвокультурными характеристиками. Существенно, что Республика Казахстан является территорией интенсивного взаимодействия представителей тюркских, славянских и других народов. Коренное население Республики — казахи. Согласно Закону «О языках народов в Республике Казахстан» казахский язык имеет статус государственного языка, русский язык имеет конституционно закрепленный официальный статус языка межнационального общения.

В качестве официального русский язык применяется в Казахстане во всех сферах деятельности, в том числе как язык международного общения. Он выступает в функции языка науки — используется как средство общения ученых разных стран, а также является необходимой принадлежностью мировых систем коммуникации (радиопередач, авиа- и космической связи и т. д.).

Речевое общение в профессиональной сфере выступает одним из наиболее эффективных способов достижения экстралингвистических целей и отражает своеобразное в функциональном отношении употребление языка. «Общение в профессиональном коллективе институционально включено в соответствующую деятельность, а значит, характеризуется целенаправленностью и имеет ряд ограничений в использовании языковых средств. Это социально-обусловленное и социально-ориентированное коммуникативное пространство» [4].

Среди факторов, влияющих на распространение того или иного языка международного общения (к числу которых относится и русский), особую значимость имеет возможность выполнения им функций, не свойственных родным (государственным) языкам. В связи с этим функционирование любого языка международного общения вне пределов его исконной территории ограничивается определенными сферами и ситуациями общения: экономикой, торговлей, образованием, культурой и др. Социальные группы нерусского населения Казахстана, профессиональная деятельность которых связана с названными сферами, имеют конкретные коммуникативные потребности, успешно

реализуемые с помощью неродного для них русского языка.

Как сложное явление, русско-национальный билингвизм сопряжен с определенными проблемами. Для личности проблематика билингвизма касается нескольких аспектов. Прежде всего, он накладывает на обучающихся дополнительные обязательства и нагрузки, связанные с трудностями изучения языков, преодолением интерференций и интеркаляций в ходе переключения кодов при осуществлении профессиональной коммуникации, а также с автоматическим, спонтанным эмоционально-обусловленным кодовым переключением¹. Кроме того, имеет свои минусы практика использования неродного (второго, в данном случае — русского) языка в процессе обучения, в том числе, и профессиональной коммуникации.

В любом случае, большинство исследователей и практиков сходится во мнении, что двуязычие в полиэтничном обществе объективно необходимо. Очевидно также, что оно социально дифференцировано; официально принятые языки призваны обслуживать определенные сферы профессиональной коммуникации, которая может и должна на этих языках осуществляться. Поэтому люди, обучающиеся той или иной профессии, должны быть соответствующим образом лингвистически компетентны.

Существенно, что профессиональная коммуникация, осуществляемая в зоне повышенной ответственности, предполагает, чтобы ее участники говорили на общем языке, который понятен всем сторонам и исключает двусмысленность. Это означает, что для эффективного решения проблемы необходимо усилить языковую подготовку будущих специалистов, в том числе в области обучения языку межнационального общения. В Казахстане, как и в других странах постсоветского пространства, где имеется языковая ситуация переходной диглоссии, опора на родной язык при обучении профессиональной коммуникации пока выполняет лишь вспомогательную роль. Профессиональная коммуникация

¹Связь между эмоциональным состоянием и родным языком билингвов подтверждают исследования психолингвистов. ими установлено, что «слово родного языка несет в себе энергию потенциального живого действия, а слово чужого языка такой потенциальной энергии не имеет» [2. С. 246]. Эмоционально-обусловленное билингвальное кодовое переключение в профессиональной коммуникации эмпирически фиксируется повсеместно, однако данный вопрос пока слабо разработан, он нуждается в дальнейшем исследовании и теоретическом осмыслении.

в сфере авиации осуществляется на русском языке. Это обуславливается как традицией, так и тем, что авиационная деятельность — сложный, многофакторный процесс; общение на профессиональном уровне в сфере авиации предполагает точное употребление терминов и знание стоящих за ними понятий. Потребности науки и необходимость адекватного описания достижений инженерной мысли способствовали формированию в русском языке функционально развитого научного стиля, позволяющего четко и представлять любые научные открытия и технические достижения.

Практика показывает, что русский язык выступает в качестве языка-макропосредника, связывающего мышление человека любой национальности с объективным смыслом самой сложной науки. Казахский язык, при том, что он имеет статус государственного языка, в авиационной сфере используется пока узким кругом специалистов. Это объясняется тем, что в рассматриваемой области именно русский язык являлся языком профессионального обучения, надежным средством трансляции научных знаний, освоения технических и информационных достижений, а также военного воспитания. Казахский язык пока не востребован в профессиональной коммуникации из-за недостаточного объема лексики, терминологической базы, а также в связи с отсутствием определенных стилистических норм. Среди курсантов его использование ограничено сферами разговорного и бытового общения.

Итак, с этих позиций мы рассматриваем двуязычие в Республике Казахстан: для него характерно функционирование казахского языка как государственного и основного официального и русского языка как языка профессионального общения в научно-технических областях.

Рассмотрим конкретную языковую ситуацию в среде студентов Военного института Сил Воздушной обороны Республики Казахстан. В целях формирования коммуникативно-речевой компетенции будущих специалистов в профессионально-деловой и научно-исследовательской областях деятельности в учебную программу введена дисциплина «Русский язык и культура речи». Около 73,2% обучаемых являются выпускниками национальной (казахской) школы. Языком профессиональной коммуникации (в данном случае русским языком) они должны владеть в такой степени, чтобы пользоваться им во всех сферах деятельности, и прежде всего в профессиональной деятельности. Данный курс нацеливает курсантов на овладение лингвокоммуникативными знаниями, умениями

и навыками как компонентами профессиональной компетенции.

В профессиональном общении используются официально-деловой и научный стили речи, отличающиеся такими характеристиками, как точность, логичность, краткость. Коммуникация в среде специалистов предполагает не только точное употребление терминов, но и соблюдение общих норм культуры речи. Умение использовать русский язык в качестве профессионального языка — важный инструмент для достижения профессионального успеха в рамках соответствующей специальности.

Материал, методика и результаты исследования

В сфере военной авиации были опрошены две группы испытуемых — русские (на русском языке) и казахи-билингвы (на русском и казахском языках), обучающиеся в Военном институте Сил воздушной обороны. Анкетирование проводилось в курсантских группах. Исследование проводилось в течение четырех лет (2015—2019 гг.). Количество опрашиваемых составляло 250 человек. Из общего числа опрашиваемых 74,6% — казахской и 25,4% — русской национальности. В анкетах фиксировались следующие данные о респондентах: пол, возраст, национальность, город, родной язык. В анкете содержались следующие вопросы: «Зачем вы изучаете казахский язык? Для чего вы изучаете русский язык? Вы владеете казахским языком? Как Вы оцениваете Ваш уровень знания русского языка? Какой язык больше используете в бытовом общении? В официальном общении? На каком языке свободно излагаете свои мысли?» Целью опроса являлось выявление функционирования билингвизма в среде студентов, обучающихся в авиационном вузе Республики Казахстан.

По результатам анкетирования видно, что из общего числа курсантов 73% свободно владеют казахским языком, из них для 75% казахский язык является родным; 34% изучают казахский язык, так как он является государственным языком. Курсанты оценивают свои знания русского языка как соответствующие следующим уровням: высокому — 54%, среднему — 31%, низкому — 15%. Из общего числа в бытовом общении используют: казахский язык — 68%, русский язык — 43%, оба языка — 82%. В официальном общении используют: казахский язык (из общего числа) — 42%, русский язык — 66%, оба языка — 87%. Свободно излагают свои мысли: на казахском языке — 62%, на русском языке — 36%, на обоих языках — 27%. Трудности

при изучении как казахского, так и русского языка включают трудности овладения элементами научной, общественно-публицистической и разговорной речи.

Из общего числа опрашиваемых около 56,4% не владеет вторым русским языком в совершенстве, доля владеющих русским языком, как родным, составляет 43,6%. Таким образом, по строгой оценке, у большинства курсантов наблюдается *субординативный* (т. е. смешанный, несовершенный) *билингвизм*, у меньшинства — *координативный* (т. е. чистый, совершенный, автономный) *билингвизм*. Из-за недостаточного уровня знания русского языка, многие обучающиеся, для кого русский не является родным, в процессе освоения основных технических дисциплин испытывают трудности.

Подчеркнем, что в рассматриваемой сфере коммуникации в идеале необходимо формировать и развивать профессиональный билингвизм именно *координативного* вида. При этом в общем социальном контексте желателен *сбалансированный* и *аддитивный* билингвизм. Вместе с тем следует признать, что такого рода билингвизм — идеал, к которому следует стремиться. Как мы можем видеть из цифр вышеописанного опроса, объективно ситуация с владением казахским и русским языками на этапе переходной диглоссии (переходного билингвизма) в Республике Казахстан вполне благополучная. В целом обоими языками владеют в более или менее сопоставимой степени. Компетентность в казахском языке несколько выше в повседневном общении — 56% против 44% в официальном и профессиональном общении, а компетентность в русском несколько выше в официальном и профессиональном общении — 66% против 42% в повседневном общении. Налицо тенденция к выравниванию функций и постепенному повышению веса государственного языка.

Исследование языковой ситуации в рассматриваемой сфере показывает, что функционирование билингвизма в профессиональной коммуникации зависит от конкретных факторов, изучение которых будет способствовать разработке мероприятий по развитию государственного (казахского) языка и русского языка в Республике Казахстан.

Выводы

Результатами исследования являются следующие выводы.

Билингвизм следует рассматривать в комплексном когнитивном, национально-культурном и социальном ключе. В многонациональных государствах билингвизм — объективная необходимость.

При этом желательным, чтобы билингвизм был исконным, эндогlossenным.

На национальном уровне языки градуируются по значимости на основании принципов мажоритарности, автохтонности, древности. Важно принимать меры для того, чтобы двуязычие не оказывало отрицательного влияния на владение родным языком. Для этого важно обеспечивать коренизацию образования, культуры и науки на языках национальных меньшинств в объеме и по мере их значимости.

В ситуации, когда язык национального большинства недостаточно сложен, чтобы обслуживать «высокие» сферы социального взаимодействия, целесообразно брать в качестве источника концептуально-терминологического материала и речевых моделей институциональной коммуникации миноритарный национальный язык. В этом случае целесообразен длительный этап *переходной диглоссии*.

Развитие и усложнение языков в соответствии с языковыми законами и требованиями научно-технического прогресса неравномерно. Статус и вес языков в официальной коммуникации может постепенно и плавно меняться в соответствии с объективными законами языкового развития при действии субъективного фактора — постепенного целенаправленного повышения статуса и веса титульного языка в «высоких» сферах социального взаимодействия.

В многонациональном государстве двуязычие — это не только национально-культурное, но и социальное явление, с фактом чего не считаться невозможно. Билингвизм нередко связан с социальными потребностями. Использование двуязычия в различных сферах социальной деятельности имеет свои особенности (лингвистические, этнические, ситуативные и т. д.). Это много-

аспектное явление, тесно связанное с социальными факторами.

В аспекте языкового развития представляется целесообразной ориентация на международные языки науки и техники, имеющие развитые терминологические и стилистические системы. Однако приоритет должен отдаваться *эндоглоссии*, т. е. развитым национальным языкам того или иного государства, одновременно выполняющим функции языков межнационального общения. Если это язык национального меньшинства, то должно быть обеспечено постепенное выравнивание с ним языка национального большинства.

Идеалом, к которому следует стремиться в языковом планировании и образовании многонационального государства, должен быть координативный, сбалансированный и аддитивный билингвизм граждан.

Для выверенного, «экологичного» языкового планирования нужно социологическое, социолингвистическое и экспериментальное изучение билингвизма на постсоветском пространстве.

Как показало социологическое исследование 250 респондентов — курсантов авиационного вуза Республики Казахстан, в среде военно-технического студенчества наблюдается сопоставимое, примерно равное владение казахским и русским языками, что является естественным на этапе *переходной диглоссии*. Компетентность в казахском языке несколько выше в повседневном общении (56 % против 44 %), а компетентность в русском — в официальном и профессиональном общении (66 % против 42 %), при этом наблюдается тенденция к выравниванию функций и постепенному повышению веса государственного языка.

Список литературы:

1. Аюпова, Л. Л. Языковая ситуация: социолингвистический аспект / Л. Л. Аюпова. — Уфа: Изд-во ВЭГУ, 2000. — 156 с.
2. Балясникова, О. В. Языковое сознание: региональный аспект / О. В. Балясникова, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, Н. П. Чулкина // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Лингвистика. — 2018. — Т. 22, № 2. — С. 232—250.
3. Боева-Омелечко, Н. Б. Краткий толковый словарь социолингвистических терминов / Н. Б. Боева-Омелечко. — М.: Готика, 2004. — 60 с.
4. Голованова, Е. И. Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие / Голованова Е. И. Статус в языке. — М.: Элпис, 2008. — 304 с.
5. Головин, Б. Н. Введение в языкознание / Б. Н. Головин. — М.: Высшая школа, 1983. — 324 с.
6. Гришаева, Е. Б. Типология языковых политик и языкового планирования в полиэтничном и мультикультурном пространстве (функциональный аспект). Автореф. дис. ... д-ра филол. Наук / Е. Б. Гришаева. — Красноярск, 2007.

7. Дешериев, Ю. Д., Протченко, И. Ф. Основные аспекты исследования двуязычия и иноязычия / Ю. Д. Дешериев, И. Ф. Протченко // Проблемы двуязычия и многоязычия. — М.: Наука, 1972. — С. 26—41.
8. Дианова, Л. П. Русский язык в речевой культуре билингвов. Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. П. Дианова. — М., 2011.
9. Дробышева, Н. Л. Состав и стратификация авиационной лексики / Н. Л. Дробышева // Стратификация национального языка в современном российском обществе: материалы пятой всероссийской конференции. — СПб., 2015. — С. 76—79
10. Кручинина, О. В., Гальперина, Е. И., Кац, Е. Э., Шеповальников, А. Н. О факторах, влияющих на вариативность центрального обеспечения билингвизма / О. В. Кручинина, Е. И. Гальперина, Е. Э. Кац, А. Н. Шеповальников // Физиология человека. — 2012. — Т. 38, № 6. — С. 15—31.
11. Левина, Р. Е. Основы теории и практики логопедии / Р. Е. Левина. — М.: Просвещение, 1967. — 173 с.
12. Мечковская, Н. Б. Социальная лингвистика: Пособие для студентов гуманитар. вузов и учащихся лицеев. 2-е изд., испр. / Н. Б. Мечковская — М.: Аспект-Пресс, 2000. — 206 с.
13. Михальченко, В. Ю. (Отв. ред.) Словарь социолингвистических терминов / В. Ю. Михальченко. — М.: Российская академия наук. Институт языкознания. Российская академия лингвистических наук. — 2006—312 с.
14. Суюмбаева, А. Ж. Языковая ситуация как фактор функционирования языка для специальных целей / А. Ж. Суюмбаева // Научный диалог. — Екатеринбург, 2016. — № 5 (53). — С. 97—109.
15. Филичева, Т. Б. Устранение общего недоразвития речи у детей дошкольного возраста: Практическое пособие / Т. Б. Филичева, Г. В. Чиркина. — М.: Айрис-пресс, 2004. — 224 с.
16. Черниговская, Татьяна. Синхронный перевод. URL <https://www.youtube.com/watch?v=JWIWcS2fMxk> (16 апреля 2015 г.)
17. Шапошников, А. К. Академик О. Н. Трубочев о роли русского языка в СССР и СНГ / А. К. Шапошников // Русский язык как язык межкультурного и делового сотрудничества в полилингвальном контексте Евразии: Материалы 2-го международного конгресса / Отв. ред. Н. Ж. Шаймерденова. — Астана: ИД «Сарыарка», 2009. — С. 71.
18. Baker, C. Foundations of bilingual education and bilingualism / C. Baker. — Clevedon, Avon: Multilingual Matters, 1993.
19. Bochner, P. The learning strategies of bilingual versus monolingual students / P. Bochner // British Journal of Educational Psychology, 1996. — V. 66. — P. 83—93.
20. Cummins, J. The role of primary language development in promoting educational success for language minority students / J. Cummins // California State Department of Education, Schooling and language minority students: A theoretical framework. — Los Angeles: California State University, Evaluation, Dissemination and Assessment Center, 1981. — P. 3—49.
21. Hakuta, K., Garcia, E. Bilingualism and Education / K. Hakuta, E. Garcia // American Psychologist. — 1989. — V. 44. — № 2. — P. 374—379.
22. Hakuta, K., Ferdman, B. M., & Diaz, R. M. Bilingualism and cognitive development: Three perspectives / K. Hakuta, B. M. Ferdman, R. M. Diaz // Advances in applied psycholinguistics: Reading, writing and language learning / P. Rosenberg (Ed.). — Vol. 2. — New York: Cambridge University Press, 1987. — P. 284—319.
23. Hoff, E. Language Development. 4th ed / E. Hoff. — Belmont, CA: Wadsworth Cengage Learning, 2009.
24. Kecskes, I. Synergic concepts in the bilingual mind / I. Kecskes // Cognitive aspects of bilingualism / I. Kecskes & L. Albertazzi (eds.). — Heidelberg/London: Springer, 2007. — P. 29—63.
25. Lambert, W. E. Deciding on languages of instruction: psychological and social considerations / W. E. Lambert // Multicultural and Multilingual Education in Immigrant Countries / T. Husen & P. Opper (eds.). — Oxford: Pergamon Press, 1983. — P. 111—143.
26. Liddicoat, A. Bilingualism: an introduction / A. Liddicoat // Bilingualism and Bilingual Education. — Melbourne: National Languages Institute of Australia, 1991. — P. 2—20.
27. Peal, E. & Lambert, W. E. The relation of bilingualism to intelligence / E. Peal, W. E. Lambert // Psychological Monographs. — 1962. — 76 (27, No. 546). — P. 1—23.
28. Phillipson, R. Linguistic imperialism of and in the European Union / R. Phillipson // Revisiting the European Union as Empire / Hartmut Behr, Yannis A. Stivachtis (Eds.). — London: Routledge, 2015. — P. 134—163.
29. Phillipson, R. The Linguistic Imperialism of Neoliberal Empire: An introduction / R. Phillipson // Critical Inquiry in Language Studies. — No 5/1. — 2008. — P. 1—43.

30. Ping Li, Legault, J., Litcofsky, K. A. Neuroplasticity as a function of second language learning: Anatomical changes in the human brain / Ping Li, J. Legault, K. A. Litcofsky // *Cortex*. — 58, 2014. — P. 301—324.

31. Shelestyuk, E. Exercising Eco-Linguistic Approach in Teaching English: Proposed Conventions for TESOL/TEFL Pedagogy / Elena Shelestyuk // *Book of Full Articles. The Third International Conference on Current Issues of Languages, Dialects and Linguistics (WWW.LLLD.IR)*, 31 January — 1 February 2019. — Iran-Ahwaz. — Volume Two. — P. 1—21.

32. Skutnabb-Kangas, T. Linguistic genocide in education — or worldwide diversity and human rights / T. Skutnabb-Kangas // *Journal of Linguistic Society of America*. — No 5. — 2001. — P. 421—422.

33. Stein, M., Winkler, C., Kaiser, A., Dierks, Th. Structural brain changes related to bilingualism: Does immersion make a difference? / M. Stein, C. Winkler, A. Kaiser, Th. Dierks. — October 2014. — *Frontiers in Psychology*. — 5:1116 DOI: 10.3389/fpsyg.2014.01116

34. Tosi, A. Bilingual education / A. Tosi // *Annual Review of Applied Linguistics* / R. Kaplan (ed). — Volume X. — Cambridge University Press; New York, 1990. P. 103—121.

Сведения об авторах

Суюмбаева Алтынгүль Жакиповна — доцент кафедры государственного языка, Военный институт Сил воздушной обороны имени Т. Я. Бегельдинова, Актобе, Казахстан. altin_suenbaeva@mail.ru

Шелестюк Елена Владимировна — доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания, Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия. shelestiuk@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 10 (432). *Philology Sciences. Iss. 118. Pp. 149—164.*

PROBLEMS OF TRANSITIONAL DIGLOSSIA AND BILINGUAL FUNCTIONING IN PROFESSIONAL COMMUNICATION (EXEMPLIFIED BY THE LANGUAGE SITUATION IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN)

A. Zh. Suenbaeva

Military Institute of the Air Defense Forces, Aktobe, Kazakhstan. altin_suenbaeva@mail.ru

E. V. Shelestyuk

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. shelestiuk@yandex.ru

The article raises problematic issues related to bilingualism and offers the results of a specific sociological study, the purpose of which was to describe the functioning of bilingualism among students studying at an aviation university of the Republic of Kazakhstan. Endoglossic bilingualism is essential in any democratic multi-ethnic society. The title ethnic groups and languages in a state are elected on the combined basis of their majority (i.e., the language of the largest ethnic group), duration of residence in a particular territory (autochthonous, long) and antiquity. If the language of the ethnic majority is not originally sophisticated to serve scientific and public discourses, its status and weight should gradually change. The objective processes of linguistic development are combined with subjective targeted measures to ensure it. In this regard, the linguistic situation of transitional diglossia (transitional bilingualism) is characteristic of the post-Soviet countries.

Key words: *language situation, sociolinguistics, bilingualism, transitional diglossia, endoglossia, macro-mediator language, professional communication.*

References

1. Ayupova L. L. *Yazykovaya situatsiya: sotsiolingvisticheskiy aspekt* [Language situation: sociolinguistic aspect]. Ufa, VEGU Publishing House, 2000. 156 p. (In Russ.).

2. Balyasnikova O. V. *Yazykovoye soznaniye: regional'nyy aspekt* [Linguistic consciousness: regional aspect], O. V. Balyasnikova. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Lingvistika* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Ser. Linguistics], 2018, 22(2), pp. 232-250. (In Russ.).

3. Boyeva-Omelechko N. B. *Kratkiy tolkovyy slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov* [A brief explanatory dictionary of sociolinguistic terms], M., Gotika, 2004. 60 p. (In Russ.).
4. Golovanova E. I. *Kategoriya professional'nogo deyatelya: Formirovaniye. Razvitiye. Status v yazyke* [Category of professional leader: Formation. Development. Status in the language], M., Elpis, 2008. 304 p. (In Russ.).
5. Golovin B. N. *Vvedeniye v yazykoznaniiye* [Introduction to linguistics], M., Vysshaya shkola, 1983. 324 p. (In Russ.).
6. Grishaeva E. B. *Tipologiya yazykovykh politik i yazykovogo planirovaniya v polietnicheskom i mul'tikul'turnom prostranstve (funktsional'nyy aspekt)* [Typology of language policies and language planning in a multi-ethnic and multicultural space (functional aspect)]. Abstract. dis.... Dr. Philol. Sciences, Krasnoyarsk, 2007. (In Russ.).
7. Desheriev Yu. D., Protchenko I. F. *Osnovnyye aspekty issledovaniya dvuyazychiya i inoyazychiya* [The main aspects of the study of bilingualism and foreign languages] // *Problemy dvuyazychiya i mnogoyazychiya* [Problems of bilingualism and multilingualism], M., Nauka, 1972, pp. 26-41. (In Russ.).
8. Dianova L. P. *Russkiy yazyk v rechevoy kul'ture bilingvov* [Russian language in the speech culture of bilinguals]. Abstract. dis.... cand. philol. sciences, M., 2011. (In Russ.).
9. Drobysheva N. L. *Sostav i stratifikatsiya aviatsionnoy leksiki* [Composition and stratification of aviation vocabulary] // *Stratifikatsiya natsional'nogo yazyka v sovremennom rossiyskom obshchestve* [Stratification of the national language in modern Russian society]: materials of the Fifth All-Russian Conference, SPb., 2015, pp. 76-79. (In Russ.).
10. Kruchinina O. V., Halperina E. I., Katz E. E., Shepovalnikov, A. N. *O faktorakh, vliyayushchikh na variativnost' tsentral'nogo obespecheniya bilingvizma* [About factors affecting the variability of the central provision of bilingualism] // *Fiziologiya cheloveka* [Human Physiology], 2012, 38(6), pp. 15-31.
11. Levina R. E. *Osnovy teorii i praktiki logopedii* [Fundamentals of the theory and practice of speech therapy], M., Prosveshcheniye, 1967. 173 p. (In Russ.).
12. Mechkovskaya N. B. *Sotsial'naya lingvistika: Posobiye dlya studentov gumanit. vuzov i uchashchikhsya litseyev* [Social linguistics]: A manual for students of humanitarian universities and students of lyceums, 2nd ed., rev., M., Aspekt-Press, 2000. 206 p. (In Russ.).
13. Mikhilchenko V. Yu. (Ed.) *Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov* [Dictionary of sociolinguistic terms], M., Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics, 2006. 312 p. (In Russ.).
14. Suenbaeva A. Zh. *Yazykovaya situatsiya kak faktor funktsionirovaniya yazyka dlya spetsial'nykh tseley* [The language situation as a factor in the functioning of the language for special purposes] // *Nauchnyy dialog* [Scientific dialogue], Yekaterinburg, 2016, 5 (53), pp. 97-109. (In Russ.).
15. Filicheva T. B. *Ustraneniye obshchego nedorazvitiya rechi u detey doshkol'nogo vozrasta* [Elimination of general underdevelopment of speech in preschool children], A practical resource, M., Iris Press, 2004. 224 p. (In Russ.).
16. Chernigovskaya Tat'yana. *Sinkhronnyy perevod* [Simultaneous translation]. Available at: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=JWIWcS2fMxk>, accessed April 16, 2015. (In Russ.).
17. Shaposhnikov A. K. Akademik O. N. Trubachev o roli russkogo yazyka v SSSR i SNG [Academician O. N. Trubachev on the role of the Russian language in the USSR and the CIS] // *Russkiy yazyk kak yazyk mezhkul'turnogo i delovogo sotrudnichestva v polilingval'nom kontekste Yevrazii* [Russian as a language of intercultural and business cooperation in the multilingual context of Eurasia]: Materials of the 2nd international congress / Ed. N. Zh. Shaimerdenova, Astana, Publishing House Saryarka, 2009, p. 71. (In Russ.).
18. Baker C. *Foundations of bilingual education and bilingualism*. Clevedon, Avon, Multilingual Matters, 1993.
19. Bochner P. The learning strategies of bilingual versus monolingual students. *British Journal of Educational Psychology*, 1996, v. 66, pp. 83-93.
20. Cummins J. The role of primary language development in promoting educational success for language minority students. *Schooling and language minority students: A theoretical framework*, Los Angeles, California State University, Evaluation, Dissemination and Assessment Center, 1981, pp. 3-49.
21. Hakuta K., Garcia E. Bilingualism and Education. *American Psychologist*, 1989, v. 4, no. 2, pp. 374-379.
22. Hakuta K., Ferdman B. M., & Diaz R. M. Bilingualism and cognitive development: Three perspectives. *Advances in applied psycholinguistics: Reading, writing and language learning* / P. Rosenberg (Ed.), v. 2, New York, Cambridge University Press, 1987, pp. 284-319.

23. Hoff E. *Language Development*. 4th ed., Belmont, CA, Wadsworth Cengage Learning, 2009.
24. Kecskes I. Synergic concepts in the bilingual mind. *Cognitive aspects of bilingualism*. Kecskes I. & L. Albertazzi (eds.). Heidelberg, London, Springer, 2007, pp. 29-63.
25. Lambert W. E. Deciding on languages of instruction: psychological and social considerations. *Multicultural and Multilingual Education in Immigrant Countries*. Husen T. & Oppen P. (eds.), Oxford, Pergamon Press, 1983, pp. 111-143.
26. Liddicoat A. Bilingualism: an introduction. Liddicoat, A. (ed.). *Bilingualism and Bilingual Education*, Melbourne, National Languages Institute of Australia, 1991, pp. 2-20.
27. Peal E. & Lambert W. E. The relation of bilingualism to intelligence. *Psychological Monographs*, 1962, 76 (27, no. 546), pp. 1-23.
28. Phillipson R. Linguistic imperialism of and in the European Union. *Revisiting the European Union as Empire*, Hartmut Behr, Yannis A. Stivachtis (Eds), London, Routledge, 2015, pp. 134-163.
29. Phillipson R. The Linguistic Imperialism of Neoliberal Empire: An introduction by R. Phillipson. *Critical Inquiry in Language Studies*, no 5/1, 2008, pp. 1-43.
30. Ping Li, Legault J., Litcofsky K. A. Neuroplasticity as a function of second language learning: Anatomical changes in the human brain. *Cortex*, 58, 2014, pp. 301-324.
31. Shelestyuk E. Exercising Eco-Linguistic Approach in Teaching English: Proposed Conventions for TESOL/TEFL Pedagogy. *The Third International Conference on Current Issues of Languages, Dialects and Linguistics, 31 January - 1 February 2019, Book of Full Articles, Iran-Ahwaz, Volume 2*, pp. 1-21.
32. Skutnabb-Kangas T. Linguistic genocide in education – or worldwide diversity and human rights. *Journal of Linguistic Society of America*, no 5, 2001, pp. 421-422.
33. Stein M., Winkler C., Kaiser A., Dierks Th. Structural brain changes related to bilingualism: Does immersion make a difference? – October 2014, *Frontiers in Psychology*, 5:1116 DOI: 10.3389/fpsyg.2014.01116
34. Tosi A. Bilingual education. *Annual Review of Applied Linguistics*, R. Kaplan (ed), v. X, Cambridge University Press, New York, 1990, pp. 103-121.

ВАРИАТИВНОСТЬ И СИНОНИМИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В КАРАКАЛПАКСКОМ ЯЗЫКЕ

Ж. О. Танирберген

Каракалпакский государственный университет им. Бердаха, Нукус, Узбекистан

В статье обращено внимание на исследование явления вариативности и синонимии глагольных фразеологизмов в каракалпакском языке. Сделан обзор по теме исследования. Автор рассматривает научные труды по общему и тюркскому языкознанию, посвященные фразеологизмам, особенно много внимания уделяется теме фразеологизмов в каракалпакском языкознании. Также рассматривается своеобразие способов образования глагольных фразеологизмов и отличия их синонимических вариантов.

Ключевые слова: *фразеологизм, глагольные фразеологизмы, фразеологический вариант, лексический вариант, грамматический вариант, морфологический вариант, синтактико-позиционный вариант, фразеологический синоним, компонент.*

Тюркские языки, в том числе и каракалпакский язык, очень богаты фразеологическими словосочетаниями. Фразеологизмы различаются по семантике и по строению. Парадигматические отношения в этой категории лексики — полисемия, синонимия, антонимия — показывают наличие вариативных фразеологизмов, отличающихся по смысловой структуре.

Явление варьирования встречается во всех языковых единицах, в том числе, оно часто встречается во фразеологических словосочетаниях. По определению Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой вариантами фразеологических единиц являются «фразеологизмы с переменным составом компонентов, но с одним и тем же значением и одинаковой степенью семантической слитности. Чаще всего переменным компонентом является глагол, затем имя существительное, имя прилагательное и т. д.» [17. С. 42]. Приводятся такие примеры, как *болеть душой — болеть сердцем; быть на седьмом небе — чувствовать себя на седьмом небе* и т. д.

Варьирование — один из важных источников богатства фразеологизмов каракалпакского языка. Исследование вариантов фразеологизмов с научной точки зрения имеет большое значение, потому что дает широкую возможность раскрытия их стилистического своеобразия и семантического отличия от других фразеологизмов. В языкознании в этом направлении было выполнено множество исследовательских работ, например, Р. Л. Ляндю [10], Ю. Ю. Авалиани, Л. И. Ройзензон [3], А. В. Кунин [9] в своих трудах глубоко изучали, в том числе, фразеологическое варьирование.

В тюркологии также были выполнены работы по варьированию фразеологизмов. Были изучены фразеологические варианты в разных языках, этим занимались, например, в узбекском — Ш. Рахматуллаев [15] и С. Н. Муратов [14], в казахском — И. Кенесбаева [8], в азербайджанском — Г. А. Байрамов [5], в башкирском — З. Г. Ураксин [18]. В трудах Ж. Ешбаева [7. С. 26—30], Ш. Абдиназимова [2. С. 108—109], Г. Айназаровой [4. С. 12—15], Б. Юсуповой [1. С. 89—93] рассматриваются варианты и виды фразеологизмов каракалпакского языка.

На основе варьирования путем частичного изменения лексического состава и грамматической структуры один фразеологизм превращается в другой, при этом этот другой наследует смысл, образ, свойственный первому фразеологизму и его ключевой значимой единице. На основе смещения компонентов образуются фразеологизмы с близким значением.

В языкознании варьирование фразеологических словосочетаний изучается в двух видах: лексические и грамматические варианты. Основываясь на указанных трудах, мы разделяем варианты глагольных фразеологизмов на две группы: лексическую и грамматическую.

Изучение фразеологических вариантов с научной точки зрения дает возможность отличать их по значению и стилистическому использованию.

Некоторые компоненты фразеологических единиц каракалпакского языка являются постоянными, а некоторые изменчивыми. Изменение или использование компонентов с другими словами

создает вариативность фразеологических словосочетаний. При этом варианты могут быть одинаковыми по смыслу и заменять друг друга. Например, *бети қызарыў (покраснело лицо)* и *жузи қызарыў (покраснел лик)*. Последние два компонента образованы синонимичными словами, а первые два — глаголом «покраснел». Оба варианта имеют смысл «стеснение».

Если, мы используем *покраснел нос* вместо *покраснело лицо* и *покраснел лик*, то мы увидим, что выражение потеряло образную силу и художественный смысл. Из этого можно делать вывод, что компоненты фразеологизмов нельзя заменять любым словом, а замена происходит по определенной модели, соответствующей релевантной семантике.

Как отмечалось выше, фразеологические варианты принято изучать в двух аспектах: лексическом и грамматическом. При этом и в художественном тексте, и в устной речи варианты участвуют в качестве способа повышения художественных и экспрессивных возможностей. Зачастую писатели и поэты в своих произведениях предпочитают не повторять фразеологизмы, а заменять их вариантами. Этим достигается художественная образность произведения.

Рассмотрим варианты глагольных фразеологизмов каракалпакского языка, их значения и виды.

Лексические варианты

С изменением одного из компонентов фразеологического словосочетания образуется лексический вариант. При этом возможно также сокращение компонентов фразеологизма. Например: *Өзи илажсыздан сүйретилип зордан жүрген пақыр, бақырыўға да шамасы келмей, таўланьп-таўланьп жан берипти* (Бедный, не имея сил даже кричать, крутятся и крутятся, *скончался*). (Ш. Сеитов). *Енди үкелериңди ертип, елди тап, Маман бийди тап, кублаға қарап кетсең табасаң, — деди де жан тапсырды* («Теперь возьми своих братьев, найди родину, найди Маманбия, пойдешь на Юг — найдешь», — сказал эти слова и умер). (Т. Кайпбергенов). *Ол мениң қолымда жан тәслим етти* (Он на моих руках ушел из жизни). (Т. Кайпбергенов).

Многие виды фразеологических вариантов по стилю и по строению бывают однотипными. В качестве примера можно привести вышеперечисленные примеры: *скончался, умер, ушел из жизни* — точнее, их каракалпакские эквиваленты. Здесь лексические варианты образованы благода-

ря изменению компонентов, которыми управляет глагол. Фразеологические варианты как синонимы, не повторяясь, дают возможность обогатить художественное произведение.

«Лексическая вариативность фразеологических компонентов отличает фразеологизмы от предложений и свободных словосочетаний. Никакое предложение или свободное словосочетание не дает возможность изменить тот или иной компонент, потому что, если изменится слово, изменится и смысл предложения или свободного словосочетания. А в фразеологизмах варьированием смысл, общий образ не изменится, не теряется внутренняя связь» [13. С. 260].

Варьирование компонентов свойственно не всем фразеологизмам. Ряд фразеологизмов каракалпакского языка не имеет своих вариантов. Например, нижеперечисленные глагольные фразеологизмы имеют устойчивое строение и не имеют вариантов: *түйе үстинен ийт қабыў, ала жипти кесисиў, көзине шөп салыў, белине тебиў, тили менен орақ орыў, еки көзи төрт болыў, тулыпқа мәңиреў, темирден түйин түйиў* и т. д.

Рассмотрим подробно структурные модели, по которым лексические варианты образуются путем замены слов.

А) Фразеологические варианты, образованные путем изменения первых компонентов фразеологизмов. Последний компонент таких фразеологических вариантов состоит из одинаковых слов, а начальные компоненты — из синонимичных или близких по смыслу слов. Их различия заключаются в образности, оттенках значений, стиле употребления. Например: *әкесин танытыў* (знакомить с отцом) — *атасын танытыў* (знакомить с дедушкой); *гәпке араласыў* (вмешиваться в разговоры) — *сөзге араласыў* (вмешиваться в слова); *аспанға көтериў* (поднять до неба (до небес)) — *төбеге көтериў* (поднять на вершину (на голову)); *басына кирип шықпаў* (не входить в голову) — *мийине кирип шықпаў* (не входить в мозг); *басын алыў* (снять голову) — *геллесин алыў* (снять голову); *бетинде қан қалмаў* (в лице не осталось ни кровинки) — *жүзинде қан қалмаў* (не осталось в лице ни кровинки); *бетине қан жуўырыў* (разрумянилось лицо) — *жүзине қан жуўырыў* (румянило лицо), *гәпи бир жерден шығыў* (говорить одинаково) — *сөзи бир жерден шығыў* (говорить одинаково); *гәпи аўыр батыў* (задеть словом) — *сөзи аўыр батыў* (задеть словом); *гәпинде турыў* (стоять на своем) — *сөзинде турыў* (стоять на своем); *гәпине ериў* (последовать за словом) — *сөзине ериў* (последовать

за словом); *гәпи өтпәү* (недейственное слово) — *сөзи өтпәү* (недейственное слово); *гәп қайтарыу* (вернуть назад слово) — *сөз қайтарыу* (вернуть назад слово); *есинде қалыу* (запомнить) — *ядында қалыу* (запомнить); *есинен шығарыу* (забыть) — *ядыннан шығарыу* (забыть); *есине түсиу* (вспомнить) — *ядына түсиу* (вспомнить) и т. д.

Б) Фразеологические варианты, образованные путем замены последнего компонента фразеологизма. Этот тип фразеологических вариантов образуется путем замены последнего компонента глагола на слова, близкие по смыслу. Например: *әжийнеси тырысыу* (*тутыу*) — злиться; *абырайын төгиу* (*түсириу*) — опозорить, унижить авторитет; *абырайын жоғалтыу* (*жойтыу*) — потерять, терять авторитет; *адам етиу* (*қылыу*) — сделать человеком; *ақыл айтыу* (*бериу*) — дать совет; *ақылдан адасыу* (*азыу*) — сойти с ума; *ақылын жыйыу* (*жыйнау*) — прийти в себя; *аңи кетиу* (*қашыу*, *ушыу*) — терять сознание и т. д.

В) В некоторых случаях можно встретить замену среднестоящих компонентов фразеологизмов. Например: *аўзынан силекейи азыу* (*суўы азыу*) — слюни текут из рта; *аўзына тақан салгандай* (*сөк салгандай*) — как будто в рот набрал воды; *басынан бахыт қусы ушыу* (*дәўлет қусы ушыу*) — с головы улетела птица счастья и т. д.

При использовании фразеологических вариантов с заменой слов другим словом встречаются нижеперечисленные семантические явления:

1. Заменяемые компоненты синонимичны. Например: румянило лицо (лик), поссорить (противопоставить). В этих примерах слова «лицо — лик», «поссорить — противопоставить» использованы в качестве синонимов.

2. Заменяемые компоненты близки по смыслу. Например: слюни (вода) текут из рта, как будто в рот воды (слюней) набрал и т. д. Здесь слова «слюни» и «вода» по значению близко друг к другу и образуют контекстуальные фразеологические варианты.

Говоря о сокращении, отметим, что в каракалпакском языке такое варьирование фразеологизмов часто встречается в единицах, состоящих из трех и более компонентов. Многокомпонентные фразеологизмы при использовании нередко сокращаются, таким образом, образуются сокращенные варианты фразеологизмов. Например: говорить без устали (*аўзы тыным таппау* — *аўзы тынбау*); признать свою вину (*айыбын мойнына алыу* — *айыбын мойнлау*); опустить небо четырёхжды (*аспанды төрт ели түсириу* — *аспанды түсириу*) и т. д.

Иногда сокращаются фразеологизмы, состоящие из двух компонентов. Такие фразеологизмы были специально изучены Г. Айназаровой [4. С. 13]. Например: *Бир аяғым гәрде*, ендиги жағында мен кимге керекпен? (Я одной ногой в могиле, кому я нужен в будущем?). (Ш. Сеитов). Енди барлык зил, *бир аяғы гәрде*, *бир аяғы жерде* турған усы фаррының сексен жылдың сегбирин тартқан еңсесине миниўи керек (Надо сесть на шею этого старика, одной ногой в могиле, другой — на земле, прошедшего восьмидесятилетние трудности). (Ш. Сеитов). Данный в первом предложении фразеологизм *бир аяғы гәрде*, *бир аяғы жерде* (одной ногой в могиле, другой на земле) использован писателем в сокращенном варианте «одной ногой в могиле», во втором же — в полном виде.

Употребление полных и сокращенных вариантов двухкомпонентных фразеологизмов можно увидеть в нижеперечисленных примерах: не находить двери, чтобы войти, дырки, чтобы выйти — не находить дырки; нет бабушки, чтобы сказать «эй», нет ходжи, чтобы сказать «не надо» — ходжи нет и т. д.

Мастера художественного слова могут использовать фразеологизмы со стилистической целью, добавляя или сокращая компоненты для разнообразия и экспрессивности, изменяя их формы. Фразеологизмы, имеющие лексические варианты, широко используются и в разговорном языке для усиления образности или со стилистической целью.

Грамматические варианты

Вторым видом фразеологизмов, подверженным варьированию, являются грамматические варианты, сохраняющие единое лексико-грамматическое значение, но демонстрирующие варьирование некоторых компонентов. Этот вид фразеологизмов можно изучать, разделив их на такие группы, как морфологическое и синтаксическое-позиционное варьирование [12. С. 71].

Грамматическое варьирование Ш. Рахматуллаев объясняет следующим образом: «Грамматическое варьирование фразеологизмов образуется грамматическими изменениями. Грамматические варианты фразеологизмов образуются на основе изменения внутренней грамматической системы. Грамматическое варьирование, как и лексическое, образуется грамматической заменой, грамматическим добавлением, грамматическим удалением, изменением порядка слов. В грамматических вариантах варьирование не влияет на фразеологические значения» [15. С. 218—220].

Остановимся на синтактико-позиционных вариантах, образующихся изменением порядка слов в фразеологизмах, например: злиться (*ашыўга минуў — минди ашыўга*), умереть (*дуньядан өтиў — өтти дуньядан*); быть грешным (*гунага батыў — батты гунага*), сдерживать слово (*айтқанынан шығыў — шықты айтқанынан*); нарушая дистанцию (*араны бузыў — бузды араны*) и т. д.

В основном синтактико-позиционные варианты в фразеологизмах с глагольным значением встречаются в двухкомпонентных фразеологизмах. В синтактико-позиционных вариантах часто используются структуры «подлежащее-сказуемое» и наоборот. В таком варьировании меняются места компоненты фразеологизмов. Могут добавляться и разные грамматические формы с изменяемыми компонентами. В результате образуются новые синтаксические варианты фразеологизмов. При этом нижеуказанные двухкомпонентные фразеологизмы не являются синтактико-позиционными вариантами: укусить пальцы (*бармагын тислеў*) — укусил пальцы (*тиследди бармагын*); являться братом (*ага болыў*) — явился братом (*болды ага*); положить голову (*бас салыў*) — положил голову (*салды бас*); ломать голову (*басын қатырыў*) — сломал голову (*қатырды басын*); говорить один раз (*бир сөйлеў*) — говорил раз (*сөйлейди бир*) и т. д.

В каракалпакском языке есть двухкомпонентные фразеологизмы со сложным строением, состоящие из двух равных частей, они считаются фразеологизмами в виде сложных предложений. Хотя они имеют сложную форму, они тоже используются в лексических и грамматических вариантах. Можно встретить синтактико-позиционные варианты, равные двухкомпонентным фразеологизмам. Например: *бир аягы гөрде, бир аягы жерде болыў* — *бир аягы жерде, бир аягы гөрде болыў* (в могилу смотреть); *шикенин ириң, жегенин желим этиў* — *жегенин желим, шикенин ириң этиў* (держат в чёрном теле) и т. д.

Таким образом, мы видим, что существуют нормы (правила) употребления разных вариантов фразеологических сочетаний каракалпакского языка со значением действия. Лексические и грамматические варианты образуются, подчиняясь определенным нормам (правилам).

Фразеологизмы могут быть синонимами единичных слов и свободных словосочетаний. Синонимию в фразеологизмах рассматривают по разным аспектам. Например, А. И. Молотков

связывает фразеологические синонимы со следующими признаками:

1. с одинаковым и сходными значениями;
2. отсутствием одинаковых компонентов в составе фразеологизмов;
3. близостью и схожестью лексико-грамматической стороны;
4. отсутствием возможности менять компоненты между собой.

В узбекском языке фразеологическим синонимам профессор Ш. Рахматуллаев даёт следующее определение: «...для фразеологических синонимов самое важное — это их семантика. Каждый фразеологизм из синонимического ряда должен обозначать реальное понятие объективного мира и обязательно должен иметь одинаковое значение с другими фразеологизмами». Например, фразеологизмы *аўзына қатық уйттыў, аўзын ашпаў* («рот не открывать»), *аўзын тастай қысыў*.

При этом, в отличие от вариантов, синонимичные фразеологизмы, как правило, имеют разные художественные, стилистические и образные коннотации. Примечательно, что фразеологизмы не могут являться стержневым словом (доминантой) синонимического ряда. Стержневыми синонимами (доминантой) являются отдельные слова с наиболее общим значением, потому что отдельное слово прямо обозначает предмет, признак предмета, действие. Фразеологизмы же, как экспрессивные синонимы, употребляются в качестве эквивалентов других слов в стилистических целях (В. В. Виноградов).

Надо отличать фразеологические синонимы от фразеологических вариантов и знать их особенности. Фразеологические синонимы близки или одинаковы по значению, но различаются по форме и, в некоторой степени, стилистической окраской. Например, *иси келисиў* (везение) и *ешеге жорғалаў* (удача) относятся к одному синонимическому ряду и означают *талабы келисиў, аўмети келиў* (повезло). Вместе с тем, фразеологические синонимы и фразеологические варианты нередко смешанно употребляются в словарях и в учебниках.

Ш. Рахматуллаев уделяет большое внимание различению фразеологических вариантов и фразеологических синонимов. По мнению ученого, чтобы называть любую фразу фразеологическим вариантом, следует учитывать нижеперечисленное:

1. Словосочетания, которые считаются вариантами, должны объединяться под одной основой, но при этом иметь отличия в лексическом и грам-

матическом аспектах. Одно должно быть образовано от второго.

2. В структуре вариантов должен быть общий лексический компонент [15. С. 145].

3. Словосочетания, которые считаются вариантами, должны иметь одинаковое значение.

4. В основе сочетаний, которые считаются вариантами, должен быть один образ.

Различия фразеологических синонимов и фразеологических вариантов объяснил в своём труде и профессор Б. Юлдашев.

Фразеологические варианты отличаются от фразеологических синонимов тем, что они имеют общий одинаковый лексический компонент. Поэтому, в строении образовавшихся друг от друга вариантных форм должен быть общий лексический компонент. Например, *сестине суў қуйыў* — *үнине суў қуйыў* (молчать); *тисинен шыгармаў* — *тилинен шыгармаў* (держат язык за зубами). Другие особенности:

1. Устойчивость внутренней формы фразеологизма. Например: *кеўли айныў* — *жүреги айныў* (тошнить).

2. Фразеологические варианты определяются одинаковыми оценочно-экспрессивными оттенками. Например, *басын аўыртыў*, *басын қатырыў* (морчить голову).

3. Вариантные фразеологизмы, возникшие путём сокращения слов, не имеют стилистических особенностей.

4. Варианты фразеологизмов, как правило, не имеют со стороны стилистической окраски и лексического значения. Поэтому они могут легко заменять друг друга.

Ряд исследователей обращают внимание на особенности компонентов фразеологических вариантов и фразеологических синонимов:

а) Компоненты фразеологических синонимов в лексическом составе являются разными словами. Например, *төбеси көкке жетиў* — *жүреги тасып кетиў* (быть на седьмом небе от счастья). Это фразеологические синонимы, в их составе нет общих компонентов.

б) Один компонент фразеологических вариантов определяется одинаковым словом, а второй — разными словами. При этом отличающиеся слова в составе фразеологических вариантов не должны быть синонимами. Например, *жаны үзилиў* — *жаны шығыў* — *жан бериў* (умереть): компоненты *үзилиў* (разорваться), *бериў* (дать), *шығыў* (выйти) они не являются синонимами.

В целом, фразеологическая синонимия считается более широким и распространенным понятием, чем фразеологическая вариативность. В художественной литературе фразеологические синонимы и варианты выполняют функцию сильного стилистического средства. Явления синонимии и вариативности, встречающиеся в фразеологизмах, являются одним из важных источников, развивающих фразеологическое богатство языка.

Список литературы

1. Yusupova, V. Qaraqalpaq tilinin' frazeologiyasi' / V. Yusupova. — Toshkent, 2014. — 240 b.
2. Абдиназимов, Ш. Бердақтың фразеологиялық жаңашыллығы / Ш. Абдиназимов. // Әмиў-дәрәя. — 1998. — № 1—2. — С.107—110.
3. Авалиани, Ю. Ю., О разграничении синонимии и вариантности в области фразеологических единиц / Ю. Ю. Авалиани, Л. И. Ройзензон. // Вопросы фразеологии составления фразеологических словарей. — 1968. — 72 с.
4. Айназарова, Г. Қарақалпақ тилинде фразеологиялық вариантлар / Г. Айназарова // Тюркология илимининң әхмийетли мәселелери. — 2005. — Б.12—15.
5. Байрамов, Г. А. Основы фразеологии азербайджанского языка: авреф. дис. ... док. филол. наук / Г. А. Байрамов. — Баку, 1970. — 61 с.
6. Болганбаев, А. Синонимы в казахском языке / А. Болганбаев. — Алматы, 1970. — 336 с.
7. Ешбаев, Ж. Қарақалпақ тилиниң қысқаша фразеологиялық сөзлиги / Ж. Ешбаев. — Нөкис, 1985. — 158 б.
8. Кенесбаев, И. Қазақ тилиниң фразеологиялық сөздиги / И. Кенесбаев. — Алматы, 1977. — 600 б.
9. Кунин, А. В. Фразеология современного английского языка / А. В. Кунин. — Москва, 1972. — 288 с.
10. Ляндю, Р. Л. К вопросу вариантов фразеологических единиц от синонимических вариантов в современном французском языке / Р. Л. Лянда // Вопросы французской филологии. — 1962. — С. 257—285.
11. Молотков, А. И. Фразеологический словарь русского языка / А. И. Молотков. — Москва, 1978. — 540 с.
12. Маматов, А. Вариантланиш фразеологик шаклланишнинг воситаси сифатида / А. Маматов // Тил ва дабиёт. — Тошкент, 1999. — № 5—6. — Б. 71—75.

13. Маматов, А. Ўзбек тили фразеологизмларининг шаклланиш масалалари: филол. фан. док. ... дис. / А. Маматов. — Ташкент, 1999. — 316 б.
14. Муратов, С. Н. Устойчивые словосочетания в тюркских языках / С. Н. Муратов. — Москва, 1960. — 127 с.
15. Рахматуллаев, Ш. У. Ўзбек фразеологиясининг баъзи масалалари / Ш. У. Рахматуллаев. — Ташкент, 1966. — 264 б.
16. Рахматуллаев, Ш. У. Ўзбек тилининг фразеологик лўғоти / Ш. У. Рахматуллаев. — Ташкент, 1992. — 380 б.
17. Розенталь, Д. Э., Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. — Москва, 1976. — 543 с.
18. Ураксин, З. Г. Фразеология башкирского языка / З. Г. Ураксин. — Москва, 1975. — 192 с.
19. Юлдашев, Б. Фразеологик услубият асослари / Б. Юлдашев. — Самарканд, 1999. — 200 б.

Сведения об авторе

Танирбергенов Женисбай Отепбергенович — ассистент кафедры каракалпакского языкознания Каракалпакского государственного университета им. Бердаха. tanirbergenovj@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 10 (432). *Philology Sciences. Iss. 118. Pp. 165—171.*

VARIETY AND SYNONYMY IN VERBAL PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE KARAKALPAK LANGUAGE

J. O. Tanirbergenov

Karakalpak State University named after Berdakh, Nukus, Uzbekistan. tanirbergenovj@mail.ru

This article focuses on variants and synonyms of phrases in the Karakalpak language. We investigate variants of phrases, their formation, characteristic features and the difference between phrasal synonyms and phrasal variants in the Karakalpak language. Phraseological variants are divided into lexical and grammatical. We discuss the specificity of phraseological units with the shortening or changing of phrasal components and the forming of formation of grammatical variants of the morphological and syntactical types. Finally, the difference between phraseological variants and synonyms is clarified.

Keywords: *phrasal verbs, verbal phraseology, phraseological variants, phraseological synonyms, lexical variants, grammatical variants, morphological variants, syntactical-positional variants, component.*

References

1. Yusupova B. *Qaraqalpaq tilinin' frazeologiyasi'* [The phraseology of the Karakalpak language], Tashkent, 2014. 240 p. (In Karakalpak).
2. Abdinazimov Sh. *Berdaqtyñ frazeologiyalyq zhañashyllyqy* [Phraseologic novelty of Berdakh]. // *Әмиьдәрия* [Amudarya], 1998, № 1-2, pp.107-110. (In Karakalpak).
3. Avaliani Yu. Yu., Rojzenzon L. I. *O razgranichenii sinonimiki i variantnosti v oblasti frazeologicheskikh edinic* [On the distinction between synonyms and variance in the field of phraseological units], Baku, 1968. 72 p. (In Russ.).
4. Ajnazarova G. *Qaraqalpaq tilinde frazeologiyalyq variantlar* [The phraseologic variants in the Karakalpak language] // *Tyurkologiya iliminiñ әxmijetli мәseleleri* [Important issues of the science of turkology], 2005, pp.12-15. (In Karakalpak).
5. Bajramov G. A. *Osnovy frazeologii azerbajdzhanskogo yazyka* [Basic phraseology of the Azerbaijani language]. Baku, 1970. 61 p. (In Russ.).
6. Bolganbaev A. *Sinonimy v kazahskom yazyke* [Synonyms in the Kazak language]. Almaty, 1970. 336 p. (In Russ.).
7. Eshbaev Zh. *Qaraqalpaq tiliniñ qysqasha frazeologiyalyq sözligi* [Brief phraseological dictionary of the Karakalpak language]. Nukus, 1985. 158 p. (In Karakalpak).

8. Kenesbaev I. *Qazaq tiliniñ frazeologiyalyq sözdigi* [Phraseological dictionary of the Kazak language]. Almaty, 1977. 600 p. (In Kazakh).
9. Kunin A. V. *Frazeologiya sovremennogo anglijskogo yazyka* [Phraseology of modern English]. Moscow, 1972. 288 p. (In Russ.).
10. Lyando R. L. *K voprosu variantov frazeologicheskix edinic ot sinonimicheskix variantov v sovremenom francuzskom yazyke* [To the question of variants of phraseological units from synonymous variants in the modern French language] // *Voprosy francuzskoj filologii* [Questions of French philology], 1962, pp. 257–285. (In Russ.).
11. Molotkov A. I. *Frazeologicheskij slovar russkogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian language]. Moscow, 1978. 540 p. (In Russ.).
12. Mamatov A. *Variantlanish frazeologik shakllanishning vositasi sifatida* [Variant as a means of phraseological formation]. // *Til va dabiyot* [Language and literature]. 1999, № 5–6, pp. 71–75. (In Russ.).
13. Mamatov A. *Ўzbek tili frazeologizmlarining shakllanish masalalari* [Issues of the phraseological formation of the Uzbek language]. Toshkent, 1999. 316 p. (In Uzbek).
14. Muratov S. N. *Ustojchivye slovosochetaniya v tyurkskih yazykax* [Stable vocabulary in Turkish languages]. Moscow, 1960. 127 p. (In Russ.).
15. Rahmatullaev Sh. U. *Ўzbek frazeologiyasining bazi masalalari* [Some issues of the Uzbek phraseology]. Toshkent, 1966. 264 p. (In Uzbek).
16. Rahmatullaev Sh. U. *Ўzbek tilining frazeologik lʻzoti* [Phraseological dictionary of the Uzbek language]. Tashkent, 1992. 380 p. (In Uzbek).
17. Rozental D. E., Telenkova M. A. *Slovar-cpravochnik lingvisticheskix terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow, 1976. 543 p. (In Russ.).
18. Uraksin Z. G. *Frazeologiya bashkirskogo yazyka* [Phraseology of the Bashkirt language]. Moscow, 1975. p. (In Russ.).
19. Yuldashev B. *Frazeologik uslubiyat asoslari* [Basics of phraseological methodology]. Samarkand. 1999. 200 p. (In Russ.).

ПАТРИОТИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЕ

А. В. Таскаева

*Южно-Уральский государственный институт искусств имени П. И. Чайковского, Челябинск, Россия
Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия*

Статья посвящена исследованию специфики универсального концепта «патриотизм» в современной российской информационной среде. Патриотизм является концептуальной идеологемой, значимость которой актуализована на современной стадии развития общества. Кроме того, в исследуемых текстах зафиксированы новые идеологические конструкты, которые появились как результат систематической и целенаправленной политики органов государственной власти и гражданского общества по воспитанию патриотизма.

Ключевые слова: патриотизм, идеологема, патриотическое воспитание, государственная программа, герой, историческая память.

Статья посвящена исследованию специфики универсального концепта «патриотизм», находящей отражение в современной российской информационной среде. Актуальность исследования обусловлена тем, что патриотизм в настоящий момент является важнейшим фактором становления и развития личности, формирования у разных поколений чувства сопричастности и уважения к общему историческому прошлому и ответственности за общее «настоящее», консолидации российского общества.

По мнению С. В. Герасимовой, истинный патриотизм предполагает формирование и длительное развитие целого комплекса позитивных качеств человека. «Патриотизм включает в себя чувство привязанности к тем местам, где человек родился и вырос, уважительное отношение к языку своего народа, заботу об интересах большой и малой Родины, осознание долга перед Родиной, отстаивание ее чести и достоинства, свободы и независимости (защита Отечества), проявление гражданских чувств и сохранение верности Родине, гордость за социальные, экономические, политические, спортивные и культурные достижения своей страны, гордость за свое Отечество, за символы государства и свой народ. Помимо этого, патриотизмом следует считать уважительное отношение к историческому прошлому Родины, своего народа, его обычаям и традициям, ответственность за судьбу Родины и своего народа, их будущее, выраженное в стремлении посвящать свой труд и способности укреплению могущества и расцвету Родины, гуманизм, милосердие, общечеловеческие ценности и т. п.» [2. С. 77].

Идея патриотизма в русской лингвокультуре исследуется С. Г. Воркачевым. Монография и ряд статей С. Г. Воркачева посвящены изучению представлений о любви к родине в русском языковом сознании на материале этических, художественных и массмедийных текстов, лексикографии, паремологии, поэзии и в ответах респондентов (Волгоград, 2008) [1]. Идея патриотизма в американской лингвокультуре исследуется Е. В. Ноженко, диссертация которой посвящена изучению вербализации стереотипов-концептов «уверенность в себе», «патриотизм», «успешность», репрезентирующих ряд доминантных черт в структуре американского национального характера (Кемерово, 2008) [8]. Изучению феномена патриотизма в лингвокультурологическом аспекте также посвящены работы Е. Г. Малышевой, которая изучает феномен патриотизма на материале русского спортивного дискурса [7], Е. В. Декленко об особенностях патриотического дискурса как важной составной части национального и политического дискурсов [3], И. А. Юрьевой о значимости концепта «патриотизм» в русской национальной картине мира [9], А. А. Лебедева и Л. А. Кохановой об этимологии и семантической наполненности понятия «патриотизм» в России и в европейских странах [6] и других лингвистов.

Патриотизм неразрывно связан с проблемой героического воспитания. Образ героя — базовый концепт любой лингвокультуры, обладающий национальной специфичностью и отмеченный идеологичностью, отражение коллективной самоидентификации народа, олицетворение и транслятор национальных ценностей.

Настоящее исследование специфики универсального концепта «патриотизм» на современном этапе выполнено на материале статей Интернет-портала *iz.ru*, который является информационным порталом газеты *Известия*, *Рен ТВ* и 5 канала. Выбор обусловлен богатой историей и широкой популярностью газеты «Известия» среди российских читателей, что подтверждается данными ресурса «Медиалогия» о лидирующих позициях издания среди самых цитируемых газет России [<https://www.mlg.ru/ratings/>]. Анализу подвергались статьи, в которых затрагивается тема патриотизма за временной период — 2019 год.

Анализ материалов информационного портала «Известия» выявил следующие тенденции:

1. Большинство статей посвящено описанию мероприятий либо номинальному перечислению мер, которые проводятся по всей стране в рамках патриотического воспитания молодежи и повышению уровня патриотизма среди граждан РФ.

2. Особо подчеркиваются задачи, которые стоят перед государством для достижения цели, сформулированной в государственной программе патриотического воспитания граждан РФ.

3. Представлены, но незначительно, материалы, в которых рассказывается о проявлениях чувства патриотизма среди российских граждан стихийного, спонтанного характера.

Итак, в анализируемых статьях перечислены мероприятия / меры по развитию патриотизма среди граждан РФ, среди которых:

— Введение почетных званий для муниципалитетов (в Приморском крае).

— Открытие военно-патриотического лагеря «Бородино» (под Москвой).

— Проект «Уроки памяти» (В Порховской школе-интернате).

— Военно-патриотическое движение, созданное по инициативе Сергея Шойгу, объединяющее в себе множество проектов, например, классы Юнармии (по всей России).

— Акция «Бессмертный полк» (по всей России).

— Военно-патриотический фестиваль «Найди себя», включающий выступления военнослужащих, выставку военной техники (Уссурийск).

— Всероссийская акция «Вахта Памяти», включающая в себя благоустройство воинских захоронений, поисковые экспедиции, организацию выставок, торжественных митингов и патриотических акций.

— Проведение уроков «Живая история» и военно-исторического фестиваля (в Хабаровском крае).

— Торжественное мероприятие, посвященное присвоению 5 классу имени кавалера ордена Мужества Сергея Васильева, который погиб в ходе разведки на Северном Кавказе (в Пскове).

— Патриотический урок в Центральном музее Великой Отечественной войны (в Москве). Событие дало старт проекту «Класс доброты. Герои нашего времени», который ставит целью рассказать о сегодняшних юных героях.

— Деятельность Российского военно-исторического общества (по всей России).

— Акция «Тест по истории Великой Отечественной войны» (по всей России).

— Возведение Музея обороны Севастополя 1941—1942 годов (в Севастополе).

— Передвижная военно-патриотическая акция «Сирийский перелом» (поезд состоит из 20 вагонов, на которых представлено свыше 500 образцов артиллерийского вооружения, броневых автомобилей, трофейной бронетанковой и инженерной техники и др.).

— Составление фильмотеки российского кинематографа для военнослужащих армии и флота (по всей России).

— Гражданско-патриотический фестиваль «Хабаровск — город героев» (в Хабаровске).

— Тематический парк «Патриот» (в Туле).

— Социальный проект «Я — патриот» (в Рязани) и многие другие мероприятия [по материалам <https://iz.ru/>].

Кроме того, в ходе анализа материала были отобраны формулировки задач для достижения поставленной государством цели, состоящей в укреплении и развитии системы патриотического воспитания граждан Российской Федерации.

1. способствовать развитию патриотизма, уважения к мужеству предыдущих поколений;

2. способствовать формированию духовных ценностей;

3. всесторонне совершенствовать личности детей и подростков;

4. повышать в обществе престиж военной службы;

5. приумножать патриотические традиции и готовность молодежи к выполнению гражданского долга;

6. воспитывать истинный патриотизм не на граничных проектах, а у нас в стране; вести работу в каждом регионе, городе, на селе;

7. доносить историческую правду до людей, сохранять память о подвигах предков, ведь герои живы, пока их помнят потомки;

8. сделать всё, чтобы сегодняшние дети, подростки и молодые люди гордились тем, что они наследники победителей, знали героев своей страны и понимали, что это часть нашей собственной жизни [по материалам <https://iz.ru/>].

Среди проявлений патриотизма по принципу «изнутри» или «снизу вверх», о которых упоминается в анализируемых статьях, можно выделить материал о том, что в республике Якутия появляются новые крестьянские хозяйства, возглавляемые молодыми людьми, что является примером настоящего патриотизма и трудолюбия для молодежи. Выделяется материал о том, что «Хор Турецкого» проводит большой международный гастрольный тур через Европу в Китай под названием «Песни Победы», который очевидно носит патриотический и просветительский характер. Упоминается Алексей Булдаков, всенародно любимый артист, в образе которого олицетворяются черты русского национального характера и для многих являющийся примером настоящего мужества и патриотизма. Уделяется внимание инициативе известного байкера Александра Залдостанова, который участвует в патриотическом воспитании подростков. В ряде статей рассказывается о фильмах патриотической направленности («Балканский рубеж», «Т-34»). Картина «Т-34» говорит об общей победе всех советских народов над фашизмом, о священной исторической памяти, национальной гордости и патриотизме.

Полученные результаты привели нас к выводу о том, что понятие «патриотизм» в настоящий момент приобретает статус идеологема. Идеологема рассматривается учеными как лингвокогнитивный и когнитивно-стилистический феномен, как единица языковой картины мира и единица идеологической системы. Вслед за Е. Г. Малышевой, мы понимаем идеологему как «единицу когнитивного уровня — особого типа многоуровневый концепт, в структуре которого (в ядре или на периферии) актуализируются идеологически маркированные концептуальные признаки, заключающие в себе коллективное, часто стереотипное и даже мифологизированное представление носителей языка о власти, государстве, нации, гражданском обществе, политических и идеологических институтах» [7. С. 35]. «Идеологема создают коллективную консолидированную мировоззренческую модель общества. Идеологема выполняют важнейшие социальные функции: они создают общее идеологическое пространство, которое в конечном счете и формирует социальную идентичность» [5. С. 57]. Так, идеологема «патриотизм» является базовым

компонентом в формировании национальной идентичности русского человека, скрепляющей идеей, консолидирующей общество.

Идеологему «патриотизм» можно отнести к ряду концептуальных идеологем (согласно классификации Н. И. Клушиной), которые отражают установки и ориентиры общества независимо от периодов социального развития [5]. Согласно классификации С. А. Журавлева, на основе совокупности разнообразных историко-функциональных признаков идеологем, патриотизм можно отнести к идеологемам общим, то есть «таким единицам, значимость которых является универсальной, их внешнее и внутреннее содержание будет ценностно актуализовано на любой стадии социально-политического развития общества. Изучение этих идеологемных констант представляет особый интерес, поскольку на каждом историческом этапе данным единицам будут свойственны свои специфические семантико-когнитивные трансформации — естественное следствие динамики общественного сознания» [4. С. 10—11].

Нами отмечено, что в контексте современного массмедийного дискурса идеологема «патриотизм» приобретает положительный оценочный модус. Патриотизм провозглашен Президентом «важнейшей частью общенациональной культуры, стержнем нашей генетической памяти» [<https://iz.ru/808647/egor-sozaev-gurev/chuvstvo-patriotizma-sterzhen-nashei-geneticheskoi-pamiatii>]. Ранее, В. В. Путин назвал патриотизм национальной идеей (2016 г.). Идеологема «патриотизм» обладает повышенной аксиологичностью, устойчивостью, национальной специфичностью, разнообразием способов репрезентации.

Кроме того, в ходе анализа, наряду с уже устоявшимися идеологическими конструктами, которые составляют основу нашего понимания идеи патриотизма, такими как: *воинская доблесть, герой, героизм, мужество, духовные ценности, военный парад, Великая Победа, День Победы, 9 мая, подвиг народа, бессмертный подвиг, подвиг советских солдат, военная мощь, военные песни, Красная армия, гражданский долг, гимн России, Катюша*, зафиксированы в исследуемых текстах и относительно новые идеологические конструкты. Они появились как результат систематической и целенаправленной политики органов государственной власти и ее институтов, а также гражданского общества по воспитанию патриотизма, среди них:

— конструкты, обозначающие общественные институты: *военно-патриотический лагерь, воен-*

но-патриотический клуб, военно-историческая / патриотическая организация, поисковый отряд, классы «Юнармии», тематический парк;

— конструкты, обозначающие комплекс мероприятий / мер патриотической направленности: *военно-патриотическое движение, военно-патриотический фестиваль, военно-патриотический досуг, шествие Бессмертного полка, всероссийская акция, патриотическая / военно-патриотическая акция, патриотический проект, поисковые экспедиции, поисковые движения, поисковые разведки, военно-патриотическое воспитание, уроки патриотизма, воспитание патриотизма;*

— конструкты-посылы: *ты-опора родины, семья, социума, ты можешь многое; благодарность предкам за защиту своей родины и выживания нации; благодарность предкам, сохранение исторической памяти, историческая правда.*

Один из главных посылов сформулировал Президент РФ, по словам которого, сегодня святой долг всех россиян — защитить подлинных героев прошедшей войны: «Память о Великой Отечественной войне, о ее правде — это наша совесть и наша ответственность. Сегодня мы видим, как в ряде государств осознанно искажают события войны, как возводят в кумиры тех, кто, забыв про

честь и человеческое достоинство, прислуживал нацистам, бесстыдно врут своим детям, предадут своих предков» [<https://iz.ru/876642/egor-sozaev-gurev-aleksei-kazachenko-sergei-izotov-roman-kretcul/pobeda-by-la-i-ostaetsia-odnoi-na-vsekh>].

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Патриотизм является концептуальной идеологией, значимость которой актуализована на современной стадии развития российского общества.

2. Сущность патриотизма не сводится к любви к родине, отечеству, отчизне (лексемы «патриотической триады», которые образуют ядро идеи патриотизма по С. Г. Воркачеву), начинает восприниматься не как чувство, либо идея, а представляется в информационном пространстве как комплекс мер по воспитанию активной молодежи с высокой гражданской ответственностью, почитающей героев.

3. В условиях повсеместного переписывания истории и намеренного искажения информации о победе СССР во Второй мировой войне особый упор делается на сохранении исторической памяти.

4. Как результат государственной политики в языке появляются новые конструкты идеологической направленности.

Список литературы

1. Воркачев, С. Г. Идея патриотизма в русской лингвокультуре: монография / С. Г. Воркачев. — Волгоград: Парадигма, 2008. — 199 с.
2. Герасимова, С. В. Роль современной исторической литературы в патриотическом воспитании студентов ПГПУ (на примере периодических изданий) / С. В. Герасимова // Библиотеки вузов Урала. — 2013. — № 12. — С. 76—82.
3. Декленко, Е. В. Лингвокультурологический аспект патриотического дискурса: автореф. дис. ... канд. фил. наук / Е. В. Декленко. — Челябинск, 2004—24 с.
4. Журавлев, С. А. Идеологемы и их актуализация в русском лексикографическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. фил. наук / С. А. Журавлев. — Казань, 2004. — 23 с.
5. Клушина, Н. И. Теория идеологем / Н. И. Клушина // Политическая лингвистика. — 2014. — № 4 (50). — С. 54—58.
6. Лебедев, А. А. Понятие «патриотизм» в современном прочтении: этимология и семантика / А. А. Лебедев, Л. А. Коханова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». — 2015. — Т. 12, № 1. — С. 29—34.
7. Малышева, Е. Г. Лингвокультурная идея «патриотизм» сквозь призму русского спортивного дискурса / Е. Г. Малышева // Политическая лингвистика. — Екатеринбург, 2015. — № 4 (54). — С. 40—45.
8. Ноженко, Е. В. Этнокультурная специфика стереотипов-концептов национального характера: «уверенность в себе», «патриотизм», «успешность» американской лингвокультуры: автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Е. В. Ноженко — Кемерово, 2008—23 с.
9. Юрьева, И. А. Концепт патриотизм как базовый компонент концептосферы Россия / И. А. Юрьева // Научные исследования: от теории к практике: материалы II Международной научно-практической конференции. — Чебоксары, 2015. — С. 222—23.
10. Известия. — URL: <https://iz.ru/>

Сведения об авторе

Таскаева Анна Вячеславовна — кандидат филологических наук, зав. кафедрой иностранных языков Южно-Уральского государственного института искусств им. П. И. Чайковского, доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета. taskaeva_anna@bk.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 10 (432). *Philology Sciences. Iss. 118. Pp. 172—176.*

PATRIOTISM IN THE MODERN RUSSIAN MEDIA DISCOURSE

A.V. Taskaeva

South Ural State Institute of Arts named after P.I. Tchaikovsky (Chelyabinsk, Russia)

Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia). taskaeva_anna@bk.ru

The article is devoted to the study of the universal concept “patriotism” in the modern Russian media discourse. The study is based on articles from the Internet site <https://iz.ru/> due to its rich history and wide popularity among Russian users. As a result, it was found out that patriotism is a conceptual ideologeme, actualized at the modern stage of development. The concept “patriotism” begins to be perceived not as a feeling or an idea, but appears as set of measures of upbringing younger generation to be civilly liable and respect and glorify heroes. In the context of widespread rewriting of history and misrepresentation of information about the victory of the USSR in World War II, special emphasis is placed on the preservation of historical memory. Furthermore, new ideological constructs has appeared as a result of a systematic policy of public authorities and civil society on the upbringing of patriotism.

Key words: *patriotism, ideologeme, patriotic education, state program, hero.*

References

1. Vorkachev S.G. *Ideya patriotizma v russkoy lingvokul'ture: monografiya* [The idea of patriotism in Russian linguistic culture: monograph]. Volgograd, 2008. (in Russ.)
2. Gerasimova S.V. Rol' sovremennoy istoricheskoy literatury v patrioticheskom vospitanii studentov PG-GPU (na primere periodicheskikh izdaniy) [The role of modern historical literature in the patriotic education of students of Perm State Humanitarian Pedagogical University (PSHPU) (exemplified by periodicals)]. *Biblioteki vuzov Urala* [Libraries of universities of the Urals], 2013, no. 12, pp. 76-82. (in Russ.)
3. Deklenko Ye.V. *Lingvokul'turologicheskiy aspekt patrioticheskogo diskursa* [Linguocultural aspect of the patriotic discourse]. Chelyabinsk, 2004. (in Russ.)
4. Zhuravlev S.A. *Ideologemy i ikh aktualizatsiya v russkom leksikograficheskom diskurse* [Ideologemes and their actualization in the Russian lexicographic discourse]. Kazan', 2004. (in Russ.)
5. Klushina N.I. Teoriya ideologem [Theory of Ideologem]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2014, no. 4 (50), pp. 54-58. (in Russ.)
6. Lebedev A.A. Ponyatiye «patriotizm» v sovremennom prochtenii: etimologiya i semantika [The concept “patriotism” in the modern sense: etymology and semantics]. *Vestnik YUUrGU. Seriya «Lingvistika»* [Bulletin of SUSU. Series “Linguistics”], 2015, no. 1 (12), pp. 29–34. (in Russ.)
7. Malysheva Ye.G. Lingvokul'turnaya ideya «patriotizm» skvoz' prizmu russkogo sportivnogo diskursa [Linguocultural idea “patriotism” through the prism of Russian sports discourse]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], Yekaterinburg, 2015, no. 4 (54), pp. 40-45. (in Russ.)
8. Nozhenko Ye.V. *Etnokul'turnaya spetsifika stereotipov-kontseptov natsional'nogo kharaktera: «uverennost' v sebe», «patriotizm», «uspeshnost'» amerikanskoy lingvokul'tury* [Ethnocultural specificity of stereotypes-concepts of national character: “self-confidence”, “patriotism”, “success” of American linguistic culture]. Kemerovo, 2008. (in Russ.)
9. Yur'yeva I.A. Kontsept patriotizm kak bazovyy komponent kontseptosfery Rossiya [The concept of patriotism as a basic component of the conceptsphere Russia]. *Nauchnyye issledovaniya: ot teorii k praktike: materialy II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Scientific research: from theory to practice: materials of the II International Scientific and Practical Conference]. Cheboksary, 2015, pp. 222–22(in Russ.)
10. <https://iz.ru/>

ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА: МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Е. В. Харченко, Мань Шу

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

Рассматриваются особенности понимания русскоязычных эргонимов носителями разных культур. В статье приводятся результаты психолингвистического эксперимента по интерпретации эргонимов. В качестве респондентов выступали русские студенты и китайские студенты, изучающие русский язык. В результате эксперимента были выявлены стратегии восприятия и особенности понимания русскоязычных эргонимов носителями русской и китайской культур.

Ключевые слова: психолингвистика, ономастика, имя собственное, эргоним, креолизованный текст.

Введение

Людмилу Александровну Шкатову можно назвать ученым, постоянно опережающим время. Ей интересно все. Наряду с любимым словообразованием и ономастикой, которым она уделяла особое внимание, начиная с аспирантуры под руководством Е. А. Земской, она занималась прагматикой. На протяжении нескольких десятков лет под ее руководством силами преподавателей и студентов собиралась картотека живой речи челябинцев, которая, к сожалению, была утрачена. Многие студенты отмечали ее творческий подход к учебным занятиям. На факультативах мы анализировали брачные объявления и рекламные тексты, которые в то время только появлялись. В качестве домашних заданий записывали речевые ошибки окружающих, иногда целенаправленно шли в Торговый центр, потому что именно там впервые стали обучать продавцов правильной и эффективной речи. Нашей задачей было выявить нарушения, которые затем преподаватели анализировали на занятиях с продавцами. Закончилось это тем, что, издав завидев нас с блокнотами и карандашами, продавцы переставали говорить и для взаимодействия с покупателями использовали только невербальную коммуникацию.

Важность исследований речевых практик стала очень востребованной в конце 1990х — начале 2000 годов. Именно тогда обратили внимание на речь продавцов и представителей частных фирм. Людмилу Александровну приглашали в разные города (Москву, Симферополь и другие) для чтения лекций по профессиональному общению.

Одним из направлений, которому Людмила Александровна уделяла внимание в своей деятельности, является язык города, в котором мож-

но выделить как речь горожан с ее спецификой и «местными словечками», особенностями произношения и типичными ошибками («И родное уральское чо...»), так и языковое пространство города, в который включаются названия улиц, организаций, аббревиатуры, которые непросто расшифровать и некоторым челябинцам. В своей статье мы продолжаем именно это направление.

Описание эксперимента

Целью проведенного исследования было выявить, как воспринимаются русскоязычные вывески носителями разных культур. Исследованиям эргонимов было посвящено большое количество работ (Ф. Ф. Алистанова, В. А. Крыжановская, М. Г. Курбанова, Ю. А. Карпенко, Н. В. Михайлюкова, М. Е. Новичихина, Т. А. Новожилова, Н. В. Подольская, Е. Н. Сидоренко, В. И. Супрун, И. И. Турута, Фам Ван Фонг, Н. В. Шимкевич, Л. А. Шкатова, Д. А. Яловец-Коновалова и др.), однако тема восприятия и понимания русскоязычных эргонимов носителями разных культур практически не затрагивалась.

Таким образом, актуальность данного исследования обусловлена отсутствием работ по изучению восприятия и понимания эргонимов носителями разных культур. В последние десятилетия в Россию приезжает большое количество иностранцев, и этот поток постоянно растет. Многие из них изучают русский язык и культуру, что предполагает со временем свободное ориентирование в языковом пространстве российских городов. Однако стоит признать, что названия организаций не всегда поддаются расшифровке в силу определенных причин, к которым относится как излишняя креативность владельцев, так и законодательство,

которое требует уникальности имени для регистрации. Объектом исследования были русскоязычные эргонимы, предметом — особенности понимания русскоязычных эргонимов носителями русской и китайской культур.

Для выявления особенностей понимания эргонимов мы провели эксперимент, который состоял из двух этапов. Студентам предъявлялись названия организаций (эргонимы) в двух видах. На первом этапе предлагался письменный вариант названия, на втором этапе предъявлялась фотография вывески (в этом случае мы анализировали креолизованный текст). В данной статье нет возможности подробно остановиться на том, как воспринимается отдельное слово в качестве названия и креолизованный текст, поэтому уточним, что, как и предполагалось, креолизованный текст распознается гораздо проще, поскольку визуальный ряд несомненно способствует пониманию назначения организации, поэтому мы будем анализировать понимание креолизованных текстов. В качестве испытуемых выступали 100 русских студентов (75 девушек, 25 юношей) и 100 китайских студентов (69 девушек, 31 юноша), изучающих русский язык. Вывески были на русском языке, при написании использовалась кириллица. Материалом исследования явились 10 русскоязычных эргонимов, фотографии которых размещены на открытых сайтах в интернете: «ПроКофий», «Ёпрст», «Бухен хаус», «Вкусняшка», «МирКурий», «МАНДАРИН», «Му-Му», «Пару палок», «О'блин!», «Магазин АДА».

При отборе мы ориентировались на необычность этих названий, некоторые из которых были многозначными («Продукты Ада»), некоторые были просто набором букв, которые иногда используются в качестве замены ругательства («ЁПРСТ»), было название кафе, которое можно было прочесть как устаревшее мужское имя или как существительное в устаревшей форме с предлогом (Прокофий, про+кофий), часто использовалось особенное членение слов с помощью прописных букв («МирКурий»). Практически у всех была возможность многозначной трактовки. Поскольку основная функция у эргонимов информативная, в ходе эксперимента студентам был задан следующий вопрос: «Как вы думаете, что продают в этих кафе и магазинах? Почему у этих магазинов такое название?» (请按照自己的理解写出以下商店是卖什么的? 并写出商家取这个店名的原因?)

Анализ экспериментальных данных

Рассмотрим, насколько понятны русским и китайским студентам три эргонима: кофейня «ПроКофий», магазин «ЁПРСТ» и суши-маркет «Пару палок».

Рисунок 1. Магазин «ПроКофий».

Рассмотрим название кофейни «ПроКофий». В группе русскоязычных респондентов было получено 100 ответов, отказов не было. Самыми частотными были ответы: кофе (85), кофе от слова устаревшего «кофий» (4) и единичные ответы: производное от названия напитка «кофе»/игра звуков, наверное, покреативили с именем Прокофий и кофе; ассоциация со словом «кофе» и одинаковое ударение; созвучно со словом кофе; в имени Прокофий содержится слово «кофе»; продается кофе, название придумано, чтобы звучать креативно; производное от названия напитка «кофе»; игра слов, кофейня, где пьют кофе названа в честь композитора Прокофьева; игра слов в названии кофейни; это имя похоже на слово «кофе»; про — предлог (кофий)=кофе = про кофе; кофе и сладости, от словосочетания «про кофе»; кофе, может одного из основателей зовут Прокофий; Прокофий есть такое имя, но в данном случае это «про кофе»; интересное название, понятен ассортимент.

Как мы видим, все русские студенты поняли это название, некоторые вспомнили старое имя Прокофий и даже связали с фамилией известного композитора Прокофьева.

Китайские студенты также в большинстве правильно поняли смысл названия. Отказов не было, самое частотное — 咖啡 (кофе) —70, затем по частотности идет 咖啡店 (кофейня) —11, далее следуют единичные значения: 装潢好看温馨, 牌匾上有咖啡 (декор приятный и гостеприимный, с кофе на вывеске); 与咖啡有关 (связано с кофе);

про在...周围, прокофе接近咖啡 所以 прокофий (про значит вокруг, прокофе близко к кофе, так прокофий); про 是关于的意思, кофи是咖啡的谐音·就是关于咖啡 (про — это значит в отношении, что касается, кофи — это омоним кофе, так что речь идет о кофе); 知道这是咖啡 (знай, что это кофе) ; 有咖啡 (есть кофе); 享受喝咖啡的时光 (наслаждайтесь временем кофе); 咖啡店, 牌匾有卡布奇诺的味道颜色有咖啡加巧克力的感觉 (Кофейня, налет имеет вкус капучино, по цвету очень похож на кофе и шоколад); 咖啡店, 门口有咖啡·装修好看 (кофейня, кофе у двери, хорошее оформление); 咖啡的图标直接可以显示出这家店营业的大概方向·名字中带有咖啡有点儿相搭的意思 (значок кофе напрямую показывает общее направление деятельности магазина, название имеет значение кофе); 喝咖啡的 (пить кофе); 关于咖啡, 因为好看 (о кофе, потому что он выглядит красиво); 店里有咖啡 (в магазине есть кофе); 表示这家店的咖啡种类很多·店主很懂·让顾客放心 (Это означает, что в этом магазине есть много видов кофе, и владелец знает это хорошо, так что клиенты могут быть уверены); про+ кофии =人名+店 (название человека + магазин); кофии=咖啡 根据这个单词推测出是咖啡厅 (кофии = кофе, по этому слову, это кофейня); 快餐 (фаст фуд); 咖啡馆·休闲饮食的 (кафе, повседневная диета).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что практически все студенты поняли значение этого названия. Отличие в восприятии у русских и китайских студентов можно увидеть в том, что русские связывают это название с именем Прокофий и фамилией Прокофьев, что неизвестно китайским студентам. Китайские же студенты часто выделяют корень и соотносят его со словом кофе. Можно отметить и еще одну стратегию, которая не встречается у русских студентов, — оценивание. Например: «ПроКофий» — 好看 (хорошо выгля-

Рисунок 2. Магазин «ЕПРСТ»

дит), 方便理解 (легко понять), 独特 (уникальный), 简单明了 (просто и понятно).

Эргоним «ЕПРСТ» как название магазина довольно креативно. Традиционно значение слова «ёпрст» определяется как разговорное эвфемистичное слово, которым сопровождают обычно такие чувства, как возмущение или негодование. Проверка магазина по городскому справочнику показала, что это магазин молодежной моды, в нём продаётся одежда. При опросе выяснилось, что это было наиболее сложное для опознания название, и даже картинка не повысила узнаваемость.

Среди ответов у русских студентов обнаруживается большое разнообразие: алкоголь, продукты, сладости, всякая всячина, одежда, канцелярия, сувениры, сигареты, оригинальные товары. Многие студенты пишут, что не знают или затрудняются ответить, что продаётся в магазине с таким названием (не знаю — 30, затрудняюсь ответить — 10, без понятия — 6).

Некоторые респонденты, видимо, знали и написали, что это магазин, где продают своеобразную одежду (31); плохая одежда; одежда на любой вкус. Другие ответы можно разделить на несколько групп:

1) магазин с разным товаром: так как продают продукцию на каждый день, может быть еще немного алкоголя (4); универсальный магазин; всё, что угодно; магазин приколов; магазин подарков; здесь может продаваться любая белиберда;

2) алфавит: алфавитный порядок (2);

3) известное выражение: ЕПРСТ — сокращенное — «блин» — продукты, алкоголь; ЕПРСТ — выражение, используемое в речи маленьких детей (несколько лет назад); название — фраза из разговорного русского языка, чтобы быть ближе к народу, понятней; название связано с известным русским восклицанием; не видно, что тут продается, но мне кажется, что канцтовары, т. к. «ЕПРСТ» — буквы алфавита; русские люди часто употребляют это слово, когда у них что-то не получается или они выражают удивление, распространенное слово, забавное, которое все знают;

4) оценка хозяина магазина: владелец магазина не владеет русской раскладкой на клавиатуре; потому что хозяин магазин не знал, какое название придумать; у хозяина магазина плохо с фантазией, первое, что пришло в голову;

5) другое: вызывающее название для привлечения внимания; замочить клиента необычными названиями; маркетинговый ход; оригинальное название.

У китайских студентов, как и у русских, именно здесь было получено больше всего отказов (不知道 (не знаю) — 58). Дальше мнения разделились:

1) организация: 商店 (магазин) (3); 饭店 (ресторан) (3); 超市 (супермаркет); 俱乐部 (клуб); 牌匾有异国风情·彩色的栏杆·可能是清真店 (мемориальная вывеска в экзотическом стиле, цветные перила, могут быть халяльные магазины); 快餐 (фаст-фуд); 理发店 (парикмахерская); 鱼店 (рыбный магазин); 小卖部 (буфет); 衣服店, 可能是主人的名字 (магазин одежды, может быть имя владельца);

2) оценка: 这个名字特别 (это имя особенное) (3); 比较有特色 (более характерный); 方便 (удобно); 简单大方 (простая); 因为很温馨 (потому что очень уютный); 有趣 (интересно);

3) действия: 卖食物的 (продает продукты) (2); 吸引顾客 (привлекать клиентов) (2);

4) предмет: 衣服 (одежда) (2); 包 (сумочка); 汉堡 (бургер); 花 (цветы);

5) другое: еgypt 埃及, 所以是卖埃及菜的 (egypt значит Египет, поэтому он продает египетскую еду); 窗口隐约感觉挂了一串衣服·推测是裁缝店·卖布料之类的 (если посмотреть в окно, то выглядит, как висящая одежда, предположительно портной, продажа одежды и тому подобное); 俄语 (русский язык); 很好听 (приятное имя); 记忆犹新 (свежо в памяти); 字体大, 让人更清楚的看见 (большой шрифт заставляет людей видеть более четко); 卖衣服的 (продажа одежды).

Можно отметить, что использование в качестве названия набора букв затрудняет понимание названия. Для китайских студентов большую роль играет выделение корня слова или нахождение внутренней формы. В данном случае опереться было не на что, поэтому больше половины отказов и большое разнообразие ответов. У русских студентов также много отказов, некоторые вспомнили специфику сочетания этих букв, когда оно используется как выражение эмоций. Интересно, что при затруднении в интерпретации русские студенты также начинают применять стратегию оценивания.

Расшифровка эргонима «Пару палок» существенно зависела от визуального ряда, особенно в группе русских студен-

тов. С одной стороны, палки связаны с разными видами спорта, с другой, есть грубое разговорное выражение, связанное с сексуальным общением. Возможно, те, кто придумывал название, хотели привлечь внимание клиентов определенного уровня и стиля жизни.

Именно при интерпретации данного эргонима интересно сравнить два этапа. На первом этапе эксперимента в китайской аудитории эргоним «Пару палок» дал отрицательный ответ 不知道 (не знаю) (39 ответов из 100), а также: 运动商店 (спортивный магазин) (8), 餐具商店 (магазин столовых приборов) (8), 卖旅游用品的 (продажа туристических товаров) (8), 木制品 (изделия из дерева) (7), 棒球店 (бейсбольный магазин) (3), 船上用品 (судовые поставки) (3), 面包店 (пекарня) (3), 化妆品 косметический (2), 咖啡厅 (кафе) (2), 鞋子成双的卖 (обувь продается в парах) (2), 冰淇淋 (мороженое) (2), 灯 (лампа) (2), 服装店 (магазин одежды) (2), 纪念品店 (сувенирный магазин), 酒馆 (бар), 礼物 (подарок), 卖吃的 (продукты питания), 牛肉馆 (говяжий ресторан), 相机 (камера), 小吃 (закуска), 鞋 (обуви), 饮品店 (магазин напитков).

На втором этапе после просмотра фотографии магазина количество ответов «не знаю» сократилось (21 ответов из 100), рекламная подпись под основной вывеской (суши-маркет) внесла ясность в понимание предлагаемого ассортимента и привела к преобладанию ассоциаций с блюдом суши: 日本料理 (японская кухня) (20), 寿司店 (суши) (11), 用筷子吃寿司所以是 (продает суши, потому что есть суши надо с использованием палочек, поэтому пару палок) (9), 给人留下印象 (производить впечатление) (4), 卖寿司 (продает суши) (4), 一双筷子, 用筷子吃饭·特色 (палочки, ешьте палочками, это характеристика) (4), 简约 (минимализм) (3), 快餐店 (ресторан быстрого питания) (3), 说明寿司很好吃 (значит, что суши вкусные) (3), 围脖 (шарф) (3), 中餐厅用中国元素的东西比较能吸引客人 (китайские рестораны используют китайские элементы для привлечения клиентов) (3), 棒球店 (бейсбольный магазин) (2), 比较醒目 (более заметный) (2), 化妆品 (магазин косметики), 卖吃的 (продает продукты), 卖灯的 (продает лампы), 面条需要用筷子吃 (чтобы есть лап-

Рисунок 3. Суши-маркет «Пару палок».

шу, нужно использовать палочки для еды), 明显 (ясно), 日料店 (японский ресторан), 吸引顾客 (привлекать клиентов), 因为寿司没切开之前像一根棍子 (потому что суши не были разрезаны, как палка).

На первом этапе эксперимента в русской аудитории эргоним «Пару палок» вызвал ассоциации в первую очередь с лыжным спортом: *спортивные снаряжение: лыжи, палки (28), строительными материалами (14), блюдом суши (роллы и суши (13), магазин суши (12), суши (10), азиатская еда), секшопом (10), подарками (2), товарами для ремонта и запчастями для машины.*

На втором этапе эксперимента после просмотра фотографии магазина языковое сознание русских студентов дало ассоциативные связи азиатской кухней и блюдом суши: *пару палок ассоциируется с палочками для суши (24), палочки для суши (22), потому что суши едят двумя китайскими палочками (6), палка суши 2 палочки для еды, палками едят в Японии и в Китае, ассоциируется с суши-ми, палочки — неотъемлемый атрибут китайского блюда, потому что существует мнение, что суши обязательно нужно употребить палочками, потому что тут можно покупать суши, при еде суши, имеется пара палок от сюда и назва-*

ние, ресторан азиатской кухни, где пищу принято помещать при помощи палочек, чем кушать суши? — Конечно палочки же!, суши едят палочками, но название и дизайн ужасные, суши+соевый соус+васаби+палочки=вот поэтому. Других ответов не так много: *мясное изделия, колбасы часто говорят «пару палок колбасы», выглядит пару палка, ассоциация с колбаской, это сеть кафе (5), необычно.* Можно отметить, что на втором этапе полностью исчезают значения, связанные со спортивными магазинами.

Заключение

Подводя итог, можно сказать, что на понимание эргонима влияет визуальный ряд, наличие внутренней формы и связь с устойчивыми выражениями, жаргонными или просторечными словами. В погоне за новизной и креативностью авторы названий часто упускают из вида, что эргоним в первую очередь должен выполнять информативную функцию, а уже потом эстетическую и другие. Особенно это важно в настоящее время, когда на улицах российских городов все чаще встречаются иностранцы, не способные оценить языковую игру и извлечь зашифрованную в названиях информацию.

Список литературы

1. Алистанова, Ф. Ф. Эргонимы современного русского языка как микросистема: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук (10.02.01) / Фариды Фажрудиновна Алистанова. — Махачкала, 2011. — 24 с.
2. Крыжановская, В. А. Эргонимы с элементами графической трансформации: структурно-семантический и прагматический аспекты: дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук (10.02.01) / В. А. Крыжановская. — Краснодар 2017. — 241 с.
3. Курбанова, М. Г. Эргонимы современного русского языка: семантика и прагматика: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук (10.02.01) / М. Г. Курбанова. — Волгоград, 2015. — 23 с.
4. Карпенко, Ю. А. О семантике имени собственного [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://karpenko.in.ua/wp-content/uploads/2013/02/O_Semantike_70.pdf.
5. Михайлюкова, Н. В. Языковой облик современного города [Текст]: учебное пособие / Н. В. Михайлюкова. — Владивосток: Дальневосточный федеральный ун-т, 2017. — 357 с.
6. Новичихина, М. Е. Теоретические проблемы исследования эффективности коммерческой номинации: автореф. дис. на соиск. учен. степ. докт. филол. наук / М. Е. Новичихина. — Воронеж, 2004.
7. Новожилова, Т. А. Номинация современных коммерческих предприятий: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук (10.02.19) / Т. А. Новожилова. — Ростов-на-Дону, 2005.
8. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. Отв. ред. А. В. Суперанская. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — М.: Наука, 1988. — 192 с.
9. Сидоренко, Е. Н. Эргонимы и прагматонимы как объекты интеллектуальной собственности // <http://eir.pstu.edu/bitstream/handle/123456789/5926/%D1%81.%2064.pdf>. sequence=1
10. Сидоренко, Е. Н. Из истории исследования эргонимов // <http://azbuka.in.ua/wp-content/uploads/2015/04/sid.pdf>
11. Супрун, В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: автореф. дис. на соиск. докт. филол. наук / В. И. Супрун. — Волгоград, 2000. — 76 с.
12. Турута, И. И. Эргонимы и прагматонимы: сходство и отличие / И. И. Турута // Весник Днепрпетровського університету. Серія «Мовознавство». — № 11. 2016. Вип. 22. — С. 159—170.

13. Фам, Ван Фонг. Особенности образование и функционирования русских эргонимов (с точки зрения межкультурного контакта): автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук (10.02.01) / Фам Ван Фонг. — Москва, 2012. — 26 с.

14. Шимкевич, Н. В. Русская коммерческая эргонимия: прагматический и лингвокультурологический аспекты: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук (10.02.01) / Н. В. Шимкевич. — Екатеринбург, 2002.

15. Шкатова, Л. А. Языковой ландшафт Челябинска как составная часть его бренда / Л. А. Шкатова // Гороховские чтения Материалы седьмой региональной музейной конференции. — Челябинск: Министерство культуры Челябинской области; Государственный исторический музей Южного Урала, 2016. — С. 490—492.

16. Яловец–Коновалова, Д. А. Названия коммерческих предприятий: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук (10.02.19) / Д. А. Яловец–Коновалова. — Челябинск, 1997.

Сведения об авторах

Харченко Елена Владимировна — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного, Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия. kharchenkoev@susu.ru

Мань Шу — стажер кафедры русского языка как иностранного Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия. manshu9057@126.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 10 (432). *Philology Sciences. Iss. 118. Pp. 177—183.*

LINGUOCULTURAL URBAN ENVIRONMENT: INTERCULTURAL ASPECT

E. V. Kharchenko

South Ural State University (national research university), Chelyabinsk, Russia. kharchenkoev@susu.ru

Man Shu

South Ural State University (national research university), Chelyabinsk, Russia. manshu9057@126.com

The article examines the unique aspects of how representatives of different cultures understand Russian-language ergonyms. The results of a psycholinguistic experiment on the interpretation of ergonyms are shown; the experiment consisted of two stages. Respondents included 100 Russian students (75 female, 25 male) and 100 Chinese students (69 female, 31 male) who are studying Russian. The students were shown the names of organizations (ergonyms) in two forms. In the first stage, the students were shown a text version, and in the second - photographs of signs (in this case, we were analyzing creolized text). The signs were in Russian, the text versions used Cyrillic. The results of the experiment allowed us to ascertain the strategies of perception among respondents and the unique aspects of how Russian-language ergonyms are understood by representatives of Russian and Chinese cultures. Our research has shown that perception of ergonyms is affected by their visual representation (plain text or photograph), the presence of an underlying form, and connection to an established term, jargon, or colloquial word (phrase).

Keywords: *psycholinguistics, onomatology, proper noun, ergonym, creolized text.*

References

1. Alistanova F.F. *Jergonimy sovremennogo russkogo jazyka kak mikrosistema* [Ergonyms of the modern Russian language as a microsystem]. Makhachkala, 2011. 24 p. (In Russ.).

2. Kryzhanovskaja V.A. *Jergonimy s jelementami graficheskoy transformacii: strukturno-semanticheskij i pragmaticheskij aspekty* [Ergonyms with elements of graphic transformation: structural-semantic and pragmatic aspects]. Krasnodar, 2017. 241p. (In Russ.).

3. Kurbanova M.G. *Jergonimy sovremennogo russkogo jazyka: semantika i pragmatika* [Ergonyms of the modern Russian language: semantics and pragmatics]. Volgograd, 2015. 23p. (In Russ.).

4. Karpenko Ju.A. *O semantike imeni sobstvennogo* [On semantics of the proper name]. Access mode: http://karpenko.in.ua/wp-content/uploads/2013/02/O_Semantike_70.pdf. (In Russ.).
5. Mihajljukova N.V. *Jazykovej oblik sovremennogo goroda: uchebnoe posobie* [The linguistic appearance of a modern city: a training manual]. Vladivostok: Dal'nevostochnyj federal'nyj un-t [Far Eastern Federal University], 2017. 357p. (In Russ.).
6. Novichihina M.E. *Teoreticheskie problemy issledovanija jeffektivnosti kommercheskoj nominacii* [Theoretical problems of researching the effectiveness of commercial nominations]. Voronezh, 2004. (In Russ.).
7. Novozhilova T.A. *Nominacija sovremennyh kommercheskij predpriyatij* [Nomination of modern commercial enterprises]. Rostov-on-Don, 2005. (In Russ.).
8. Podol'skaja N.V. *Slovar' russkoj onomasticheskoj terminologii* [Dictionary of Russian Onomastic Terminology]. Moscow, 1988. 192p. (In Russ.).
9. Sidorenko E.N. *Jergonimy i pragmatonimy kak ob#ekty intellektual'noj sobstvennosti* [Ergonyms and pragmatonyms as objects of intellectual property]. URL : <http://eir.pstu.edu/bitstream/handle/123456789/5926/c.%2064.pdf?sequence=1>. (In Russ.).
10. Sidorenko E.N. *Iz istorii issledovanija jergonimov* [From the history of the study of ergonyms]. URL : <http://azbuka.in.ua/wp-content/uploads/2015/04/sid.pdf>. (In Russ.).
11. Suprun V.I. *Onomasticheskoe pole russkogo jazyka i ego hudozhestvenno–jesteticheskij potencial* [Onomastic field of the Russian language and its artistic and aesthetic potential]. Volgograd, 2000. 76 p. (In Russ.).
12. Turuta I.I. *Jergonimy i pragmatonimy: shodstvo i otlichie* [Ergonyms and pragmatonyms: similarities and differences]. *Vesnik Dnepropetrovs'kogo universitetu. Serija «Movoznavstvo»* [Vesnik Dnepropetrovsk University. The Series of Philology]. 2016, no 22(11), pp. 159–170. (In Russ.).
13. Fam Van Fong. *Osobennosti obrazovanie i funkcionirovanija russkih jergonimov (s točki zrenija mezhkul'turnogo kontakta)* [Features of the formation and functioning of Russian ergonyms (in terms of intercultural contact)]. Moscow, 2012. 26 p. (In Russ.).
14. Shimkevich N.V. *Russkaja kommercheskaja jergonimija: pragmaticeskij i lingvokul'turologicheskij aspekty* [Russian commercial ergonymy: pragmatic and linguocultural aspects]. Yekaterinburg, 2002. (In Russ.).
15. Shkatova L.A. *Jazykovej landshaft Cheljabinska kak sostavnaja chast' ego brenda* [The language landscape of Chelyabinsk as an integral part of its brand]. Gorohovskie chtenija Materialy sed'moj regional'noj muzejnoj konferencii. Ministerstvo kul'tury Cheljabinskoj oblasti; Gosudarstvennyj istoricheskij muzej Juzhnogo Urala [Gorokhov readings : Materials of the Seventh Regional Museum Conference. Ministry of Culture of the Chelyabinsk Region; State Historical Museum of the Southern Urals], 2016, pp. 490–492. (In Russ.).
16. Jalovec–Konovalova D.A. *Nazvanija kommercheskih predpriyatij* [Names of commercial enterprises]. Chelyabinsk, 1997. (In Russ.).

О СТАНОВЛЕНИИ ДЕРИВАТОЛОГИИ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕРИВАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В КОММУНИКАТИВНОМ АСПЕКТЕ

Э. Р. Хасанов

Джизакский государственный педагогический институт, Джизак, Узбекистан

«Язык — основа всех видов деятельности,
родитель и воспитатель всего высочайшего
и утончённейшего в человечестве,
стимулятор человеческой духовной силы
и постоянной деятельности».

Вильгельм фон Гумбольдт

Статья посвящена становлению дериватологии и некоторым актуальным вопросам, связанным с этой дисциплиной, таким как методологические основы и методика исследования деривационных процессов, проявляющихся в современном русском языке, в коммуникативном аспекте. Целью данной работы является описание и анализ существующих методов исследования деривационных процессов и текстообразования. Выделено три основных этапа деривационной методики, а именно, предварительный анализ заданного текста, построение деривационной модели и проверка ее на адекватность.

Ключевые слова: *дериватология, метод, методика, деривационные процессы, деривационная методика, лингвистика, деривационный шаг, производство текста, текстообразование, законы деривации.*

В современной лингвистике дериватология продолжает развиваться и является одним из приоритетных направлений. В ней еще многое неясно; еще не создана целостная система терминологии, не разработаны достаточно надежные методы исследования, до конца не определен круг проблем, которые следует решить. Дериватология возникла не на пустом месте. Формирование современной дериватологии представляет собой подведение итогов, обобщение результатов развития языкознания. Обратимся в связи с этим к его истории.

Уже в древнем мире мы можем найти отдельные идеи, созвучные положениям современной дериватологии. Так, древнеиндийский ученый Панини составил грамматику, в которой рассказывалось о том, как образуются корни слов санскрита, какие происходят чередования звуков при образовании слов. Это была по существу первая в мире деривационная грамматика. В средние века, отчасти самостоятельно, отчасти опираясь на персидскую и арабскую традицию, ученые сделали немало интересных предположений о том, как появились отдельные слова и их грамматические формы. Не случайно в древнегреческой философии оформилась деривационная «лингвистическая» терминология. Сравните русские кальки: падеж

(от именительного падежа как бы отпадали косвенные), склонение (падежи отклонялись от первоначального, исходного) и т. п.

Однако лишь в XVII веке появилась целостная концепция взглядов на язык как на некоторый механизм образования, производства единиц общения — в первую очередь слов и предложений. Это была так называемая универсальная (философская, рационально-логическая) грамматика. Ее авторы рассказывали о том, как человек, выражая свою мысль, строит предложения, объединяет отдельные простейшие мысли в сложное языковое единство — предложение. Так, предложение: **Невидимый бог создал видимый мир**. Соединяет в себе три мысли предложения: **Бог невидимый + Бог создал мир + Мир видимый** [10. С. 90].

Идея соединения элементарных единиц в сложные, лежащая в основе дериватологии, восходит к универсальной грамматике XVII—XVIII вв. Те же корни имеет еще одна фундаментальная идея дериватологии — идея **компрессии**, сжатия или, как стали выражаться в XIX в. лингвисты — психологи, сгущения мысли. Так, Ломоносов, вслед за универсальной грамматикой, отмечал, что многие части речи служат для «сокращения», т. е. сокращенного выражения нашей мысли: причастие

есть прилагательное + глагол; наречие — это целое предложение в предложении (Мальчик читает + Чтение мальчика хорошее — Мальчик читает хорошо). Таким образом, универсальную грамматику XVII—XVIII вв. следует считать исторической основой современной дериватологии.

В русском языкознании эти идеи развивала так называемая **логическая грамматика**, основателем которой является Н. И. Греч. Его «Практическая грамматика русского языка» оказала огромное влияние на развитие научной грамматики XIX—XX вв., которое до сих пор обнаруживается в школьных учебниках по русскому языку. Причастные и деепричастные обороты, приложения, вводные слова логическая грамматика толковала как «сокращенные» придаточные предложения. Хотя в действительности эти обороты ни исторически, ни деривационно не сокращались в придаточные в буквальном смысле, они «возводятся» к предложению, т. е. замещают его: Подъезжая к деревне, мы услышали лай собак. = Когда подъезжали к деревне, мы услышали лай собак.

Н. И. Греч и его последователи, в том числе Ф. И. Буслаев, говорили о многих других деривационных процессах: слиянии (звери и птицы живут без труда), заменах (я живу в городе, где = в котором мне очень скучно), опущениях (говорят, что скоро будет мир = люди говорят). Ф. И. Буслаев впервые предпринял попытку рассматривать такого рода процессы с исторической точки зрения, т. е. трактовать их как «исторические», происходящие в истории языка. Сторонники сравнительно-исторического метода в языкознании многое сделали в этом направлении, хотя и отрицали научную значимость как универсальной, так и логической грамматики.

Впрочем, отрицали — не значит отвергали все, что сделано их предшественниками. Напротив, многие плодотворные идеи логической школы нашли не только поддержку, но и развитие в трудах представителей сравнительно-исторического языкознания. Это характерно прежде всего для раннего периода его развития, когда психологическая концепция «сочеталась» с убеждениями, что язык — явление глубоко социальное. Этот постулат был провозглашен основой языкознания в трудах гениального В. фон Гумбольдта — немецкого энциклопедиста XIX в.

С большой страстью В. Гумбольдт утверждал мысль о динамической природе языка. Он полагал, что язык принадлежит целому народу и вместе с тем служит орудием мышления каждого чело-

века, а следовательно, является не результатом деятельности, а самой деятельностью, с одной стороны, глубоко внутренней, психологической, с другой — социальной, ибо человек как носитель языка — существо общественное по природе. Это теоретическое положение как нельзя лучше согласовывалось с идеей историзма языка, идеей его непрерывного изменения во времени.

Большой вклад в развитие современной дериватологии внесли Л. Н. Мурзин, М. Г. Шкуропацкая и др. описав в своих работах общую теорию деривации и методику исследования процессов образования слова и предложения [6. С. 11].

Итак, возникновение дериватологии как общего учения о производности лингвистических единиц было подготовлено исторически, всем ходом развития лингвистики.

Как любая наука, дериватология нуждается в обосновании исходных позиций — в своей методологии. Рассмотрим несколько философских положений, на которые она опирается.

Наиболее общим является положение, согласно которому формой существования материи выступает движение. Например, если точка X движется очень медленно относительно точки Y, то мы можем говорить, что X не движется, то есть находится в покое; если X движется так же, как Y, то X находится в покое относительно Y. Отсюда вывод: статика языка относительна, динамика — абсолютна. Поэтому язык мы должны рассматривать в первую очередь как явление динамическое.

Другим не менее важным философским понятием является понятие развития. Развитие есть движение от низшего к высшему, от простого к сложному. Следовательно, развитие объекта есть его преобразование, характеризующееся необратимостью, переходом к качественно новому состоянию, появлением новых структурных элементов, функций, свойств. Это можно выразить формулой, где $A' = A + \alpha$, α — символ нового качества.

Время играет роль постоянного фактора, ибо развитие вне времени невысказимо. Причем этот фактор сам по себе нейтрален, т. е. не может непосредственно воздействовать на объект. Преобразуется же объект под влиянием разного рода сил — причин.

Развитие — высший тип движения, изменения материи и сознания, переход от одного качественного состояния к другому, от старого к новому. Развитие характеризуется специфическим объектом, структурой, источником, формами, направленностью. Развитие — не просто изменение,

а с преобразованием во внутреннем строении объекта, в его структуре, представляющей собой совокупность физически связанных между собой элементов, связей и зависимостей.

Общая линия прогрессивного развития переплетается с изменениями, которые образуют так называемые тупиковые ходы эволюции, или даже направлены в сторону регресса [9. С. 358].

Причины изменений бывают разные: внешние и внутренние. Внешняя причина — воздействие другого предмета, силы, процесса. Однако, в действительности первостепенную роль играют в развитии внутренние причины — противоречия, свойственные данному объекту [9]. Мир в целом не может развиваться иначе, как путем разрешения внутренних противоречий. Думается, что и язык как общественное явление не составляет исключения.

Лексической деривации подвергается основная единица языка — слово. Слово существенно отличается от предложения в системе языковых механизмов. Если предложение по преимуществу производится, т. е. каждый раз создается заново (и к этому сводится его жизнь в языке), то слово в основном воспроизводится в речевой деятельности, хотя каждый раз своеобразно, неповторимо, т. е. используется как готовая единица, хранящаяся в памяти. Отсюда, казалось бы, следует вывод, что предложение — единица динамическая (речевая), а слово — единица статическая (языковая) [1].

В действительности же слово — это также динамическая единица, сущность которой состоит в ее непрерывном функционировании, постоянном видоизменении, обновлении. Однако слово функционирует не так, как предложение. Предложение — компонент текста. Более того, как в капле воды заключены свойства воды вообще (капля — та же вода), так и в предложении — все свойства текста. Предложение есть тот же текст. Иное дело — слово. Оно не имеет свойств текста, хотя в конечном счете текст «составляется» из слов. В этом отношении слова подобны химическим элементам вещества: водород и кислород «составляют» воду, но не обладают ее свойствами [2].

Чем же характеризуется слово как динамическая единица? Оно противоречиво. С одной стороны, слово — неотъемлемая часть текста, т. е. текст «строится» из слов, как здание из кирпичей. С другой стороны, слово не принадлежит тексту, поскольку оно связано сейчас и может быть связано в будущем с определенным множеством текстов. Таким образом, слово принадлежит данному

тексту и вместе с тем не принадлежит ему. Этим противоречием и объясняются многие динамические свойства слова. Действительно, слово и конкретно, и абстрактно в одно и то же время. Как элемент текста, оно предельно конкретно (в той степени, в которой конкретен данный текст), связано со всеми другими словами текста, которые так или иначе уточняют, ограничивают его значение, делают его метой данного денотата. Но поскольку слово употреблялось в других текстах, где оно выполняло функцию меты, оно связывает данный текст с другими текстами, т. е. выражает то общее, что объединяет эти тексты, и потому по необходимости абстрактно [3. С. 59].

Слово выражает данную мысль, «разлитую» в данном тексте, и вместе с тем, будучи связанным с огромным числом других мыслей, «разлитых» в тех текстах, в которых оно употреблялось, оно не выражает данной мысли, а лишь намекает на нее. Слово — представитель текста в целом, и поэтому в нем сконцентрировано все содержание текста. Но текст не сводится к слову, оно занимает в нем ограниченное место и является представителем только предложения или даже словосочетания, а значит, содержание слова ограничено содержанием предложения или словосочетания. Можно было бы отметить и другие противоречивые свойства слова, но все они так или иначе есть отражение основного противоречия между его текстовой и внетекстовой природой.

Одной из важнейших задач дериватологии является исследование внутренних причин деривационных процессов. Известно, что сложные объекты типа языка развиваются под воздействием множества причин, и поэтому трудно предсказать конкретный результат развития. Следовательно, развитие сложных объектов, состоящих из ряда менее сложных, которые в свою очередь состоят из более элементарных и т. п., носит статистико-вероятностный характер, и это полностью относится и к языку. Однако среди множества причин развития объекта выделяются наиболее важные, определяющие общее направление развития объекта.

Понятие развития может быть конкретизировано в разных отношениях. Производство материальных благ в обществе есть процесс преобразования одного объекта (точнее — множества объектов) в другой, качественно новый (соответственно, в новое множество объектов) X в Y (**кожа — в сапоги, зерно — в муку, хлопок — в нитки** и т. п.) В языке мы наблюдаем нечто подобное: мы «производим» тексты из лингвистических единиц, по-

этому можем использовать термин «производство» по отношению к языку, а, следовательно, мы можем использовать и термин «воспроизводство», ибо любое производство предполагает воспроизводство т. е. воссоздание того, что уже имело место на предыдущем этапе развития. Это значит, что Y «включает» X в том или ином виде, хотя и не сводится к нему, как говорят философы, включает в снятом виде. Так, в любом тексте, который мы создаем, «воспроизводятся» уже созданные тексты.

Все рассмотренные понятия — движения, развития, производства — служат методологической основой динамической лингвистики и, таким образом, дериватологии.

Однако, любая лингвистика независимо от понимания объекта исследования является наукой семиотической. Это значит, что она имеет дело не с действительностью, как таковой, а с ее отображением в сознании человека в символической форме.

Процессы такого отображения являются по своей природе логико-психологическими. Отобразить в сознании некоторый объект, значит поставить ему в соответствие некоторый знак [4]. Но объект не существует сам по себе, а лишь как часть ситуации. Значит, отображая объект, мы должны вычлени его из ситуации, т. е. произвести анализ расчленения последней. Вместе с тем выделяемый объект мы отождествляем с рядом других объектов, выделенных в сходных случаях, т. е. включаем его в тот или иной класс объектов. И выделение, и отождествление объектов осуществляется с помощью знаковой системы. Мы делаем выбор подходящего знака или конструкции, чтобы создать текст, максимально соответствующий ситуации с выделенным в ней объектом. Ставя знак в соответствие объекту, человек производит сложнейшие логические и психологические операции. Так как каждый объект неповторим и индивидуален и вместе с тем принадлежит к множеству классов, то в большинстве случаев, чтобы удовлетворить потребности в общении и выразить мысль в тексте, нам приходится создавать все новые и новые знаки. Фактически коммуниканты почти всегда создают знаки или приспособливают к данному случаю готовые, т. е. в сущности преобразуют их в новые знаки [4. С. 55]. Отсюда очевидна роль деривации в коммуникативном семиотическом процессе.

Из рассмотренных общетеоретических положений вытекают следствия, которые могут служить постулатами дериватологии:

1. деривация есть особого рода развитие — переход одних частиц в другие;

2. деривация протекает в ходе производства (воспроизводства) текста; текстообразование, опирающееся на деривационный процесс, аналогично производству сложного объекта;

3. деривационный процесс принадлежит онтологии, а не гносеологии языка, потому он развивается по законам двух типов — детерминистским и статистико-вероятностным.

Теперь обратимся к методике дериватологии. Задача всякой науки — адекватно описать объект исследования, т. е. создать некоторую семиотическую систему, отражающую существенные свойства объекта. Нельзя отождествлять описание объекта и объект описания. В научном описании объект всегда представлен неполно. Но так как в научном описании обычно отражаются существенные свойства объекта, то нередко не разграничивают это описание (гносеологию объекта) и сам объект (его онтологию), что имеет ряд отрицательных последствий. В лингвистике такое разграничение особенно необходимо, поскольку она описывает тексты, т. е. само описание действительности. В связи с этим вводится понятие метаязыка, т. е. языка, с помощью которого описывается другой язык. Метаязык — язык научной терминологии, т. е. включающий термины и правила их использования. Он тесно связан с методикой исследования.

Дериватология, как в конечном счете и вся лингвистика, имеет дело с текстом. Именно текст — основной материал исследования. Однако текст в дериватологии рассматривается в динамическом аспекте, т. е. в процессе его порождения. С этим связаны особенности деривационной методики. Фактически имея дело с зафиксированным текстом, мы должны обнаружить в нем динамические черты — «следы» порождения, т. е. такие элементы, на основании которых можно воссоздать (реконструировать) процесс деривации. Иначе говоря, на основе предварительного анализа текста мы строим гипотезу (или ряд гипотез) — модель деривационного процесса.

Таким образом, можно наметить три основных этапа деривационной методики: 1) предварительный анализ заданного текста, 2) построение деривационной модели и 3) проверка ее на адекватность.

На первом этапе исследования текст рассматривается в статическом аспекте, как заданная структура, хотя и под динамическим углом зрения.

Основная задача заключается в том, чтобы найти в тексте сложные единицы, которые, по предположению, могут быть производными. Такие единицы и будут составлять основной материал, подлежащий анализу [8]. Кроме того, необходимо отыскать и такие единицы, которые можно считать производными. Сложность в том, что производящие единицы отнюдь не всегда представлены в тексте, а если и представлены, то нередко в преобразованном виде. (Ср.: Мы посетили **восьмое студенческое общежитие**. В **восьмерке** проводятся интересные встречи с учителями школ). Наконец, целесообразно установить форманты производных единиц, т. е. то, чем они отличаются от производящих.

Таким образом, исследование на этом этапе носит индуктивный характер: мы производим наблюдение и фиксируем в тексте то, что рассматриваем как материал для анализа. Естественно, здесь мы используем традиционные термины: слово, морфема, приложение и т. п. в статическом смысле.

Исследование на втором этапе принципиально отличается от исследования на первом. Здесь мы имеем дело уже с динамикой языка, не с текстом как таковым, а с процессом его образования.

Общий путь познания на данном этапе не индуктивный, а в основном дедуктивный, точнее — гипотетико-дедуктивный, ибо сначала мы вынуждены выдвинуть гипотезу о том, как протекает деривационный процесс, а затем, опираясь на собранный на первом этапе материал, должны создать модель процесса, отражающую определенную деривационную закономерность. Отсюда необходимость использования терминов динамической лингвистики. Введем основные из них, относящиеся к деривации.

Динамическая единица — процессуальная единица. В отличие от статических единиц она характеризуется не столько объемным, сколько временным параметром и соответствует некоторому «отрезку» порождающего процесса, заключенному между **начальной** и соответствующей **конечной** статической единицей.

Разграничение статических и динамических единиц было предложено применительно к словообразованию. Динамическую словообразовательную единицу П. А. Соболева назвала **деривационным шагом**.

Деривационный шаг — сложная единица, включающая в себя операции, представляющие собой простейшие, далее неразложимые динамические единицы. Примерами операций могут

служить разного рода **замещения**, которые мы производим, образуя, например, сложные предложения из простых, или **инверсия-элиминация** компонентов начальных единиц и т. п.

В результате деривационного шага образуется новая единица. Но в процессе образования наблюдается преобразование — трансформация начальных единиц, изменение формы без изменения содержания. Например, трансформация предложения в словосочетание: **брат приехал — приезд брата**. Трансформация, таким образом, есть промежуточная динамическая единица, которая может иметь, а может и не иметь место в деривационном процессе.

Оператором именуется то, что вводится в деривационный процесс извне и служит аналогом причины самого процесса. Оператор как бы способствует образованию новой статической единицы и маркирует ее, т. е. выделяет из других, является показателем ее производности. То, что в словообразовании называют формантом, является с точки зрения динамики оператором. Операторами могут быть слова, союзы, предлоги, грамматические формы, контекст [7].

Итак, деривационный шаг, трансформация, операция и оператор — основные термины, с помощью которых может быть описана деривация, осуществлено ее моделирование на втором этапе исследования.

На третьем этапе деривационной методики могут быть использованы различные типы доказательств достоверности построения моделей:

- 1) логический: модель не может содержать в себе логические противоречия;
- 2) фактический: модель должна соответствовать фактам, и чем больше фактов соответствует ей, тем лучше модель. Модель сама по себе абстрактна. Проверка ее означает постановку вместо абстрактных символов конкретных, например, вместо символа класса слов можно поставить конкретную лексику или предложение. Если такую постановку осуществить возможно, то модель выдерживает «испытание» фактами;
- 3) экспериментальный: предполагает проведение психолингвистических или иных экспериментов с целью проверки соответствия модели языковому сознанию носителей языка. Если результаты статистически достоверны, то модель адекватна действительности.

Список литературы

1. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. — М., Наука, 1974. — 367с.
2. Виноградов, В. В. Основные типы лексических значений слова / В. В. Виноградов // Вопросы языкознания. — М., 1953. — № 5. — С. 3—30.
3. Гинзбург, Е. Л. Конструкции полисемии в русском языке: Таксономия и метонимия / Е. Л. Гинзбург. — М., Наука, 1985. — 223 с.
4. Голанова, Е. И. Номинация в сфере автолексии / Е. И. Голанова // Способы номинации в современном русском языке. — М., Наука, 1982. — С. 159—228.
5. Колмогорова, А. В. Социальная когниция в языке и речи / А. В. Колмогорова. — Томск: Изд-во ТПУ, 2013. — 384 с.
6. Мурзин, Л. Н. Основы дериватологии. — Пермь: Перм. ун-т, 1984. — 56 с.
7. Розенталь, Д. Э. Словарь — справочник лингвистических терминов: пособие для учителя / Д. Е. Розенталь, М. А. Теленкова. — М., Просвещение, 1985. — 399 с.
8. Серебrenников, Б. А. Языковая номинация / Б. А. Серебrenников // Виды наименований. — М., Наука, 1977. — 358 с.
9. Философский энциклопедический словарь. — М.: Сов. энцикл., 1983. — 840 с.
10. Хасанов, Э. Р. Из истории развития дериватологии как раздела языкознания / Э. Р. Хасанов // Актуальные проблемы русского словообразования: Материалы традиционного Республиканского семинара в рамках Узбекстанской научной школы русского словообразования. — Ташкент: НУУз, 2019. — С.90.
11. Шмелев, Д. Н. Современный русский язык / Д. Н. Шмелев // Лексика. — М., Либроком, 2018. — 345 с.
12. Шкуропацкая, М. Г. Деривационная системность лексики (на материале русского языка): дис. ... д-ра филол. наук / М. Г. Шкуропацкая. — Кемерово, 2004.

Сведения об авторе

Хасанов Эльдар Ринатович — старший преподаватель кафедры методики преподавания русского языка и литературы, Джизакский государственный педагогический институт, Джизак, самостоятельный соискатель, Национальный университет Узбекистана. k_studentu@mail.ru

---

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 10 (432). *Philology Sciences. Iss. 118. Pp. 184—190.*

METHODOLOGICAL BASES AND METHODOLOGY OF RESEARCH OF DERIVATION PROCESSES AND TEXT-FORMATION

E. R. Khasanov

Djizakh State Pedagogical Institute, Djizakh, Uzbekistan. k_studentu@mail.ru

The article is devoted to topical issues of methodological foundations and methods of the research of derivational processes, manifested in the modern Russian language. The purpose of this work is to describe and analyze existing methods in the process of research of derivational processes and text formation. From the considered general theoretical positions there follow the consequences, which can serve as the postulates of derivatology described in this article. There are three main stages of the derivation method, namely, a preliminary analysis of a given text, the construction of a derivation model and its verification for adequacy. The description of the necessary actions for research at each of the stages is given. In conclusion, the article summarizes the connection between thought and the process of text formation.

Key words: *derivatology, method, methodology, derivational processes, derivational methodology, linguistics, derivational step, text production, text formation, derivation laws.*

References:

1. Apresyan Yu.D. *Leksicheskaja semantika* [Lexical semantics]. Moscow, 1974. 367 p. (In Russ.).
2. Vinogradov V.V. Osnovnye tipy leksicheskix znacheniy slova [Basic types of lexical meanings of a word]. *Voprosy yazykoznanija* [Issues of linguistics], Moscow, Nauka [The science], 1953, №5, pp. 3-30 (In Russ.).
3. Ginzburg E.L. *Konstrukcii polisemii v russkom yazyke: Taksonomiya i metonimiya* [Polysemy structures in Russian: Taxonomy and metonymy]. Moscow, Nauka [The science], 1985. 223 p. (In Russ.).
4. Golanova E.I. Nominaciya v sfere avtoleksiki [Nomination in the Sphere of Vocabulary]. *Sposoby nominacii v sovremennom russkom yazyke* [Methods of Nomination in Modern Russian]. Moscow, Nauka [The science], 1982, pp. 159-228. (In Russ.).
5. Kolmogorova A.V. *Sotsial'naya kognitsiya v yazyke i rechi* [Social Cognition in Language and Discourse]. Tomsk, 2013. 384 p. (In Russ.).
6. Murzin L.N. *Osnovy derivatologii* [Basics of derivatology]. Perm', Perm. Un-t, 1984. 56p. (In Russ.).
7. Rozental' D.E., Telenkova M.A. *Slovar' – spravochnik lingvisticheskix terminov: posobie dlya uchitelya* [Dictionary - the directory of linguistic terms: manual for teachers]. Moscow, Prosveshchenie [Education], 1985. 399 p. (In Russ.).
8. Serebrennikov B.A. *Yazykovaya nominaciya. Vidy naimenovanij* [Language nomination. Types of names]. Moscow, Nauka [The science], 1977. 358 p. (in Russ.).
9. *Filosofskij ehnciklopedicheskij slovar'* [Philosophical encyclopedic dictionary]. Moscow, Sovetskaya ehnciklopediya [Soviet encyclopedia], 1983. 840 p. (in Russ.).
10. Khasanov E.R. Iz istorii razvitiya derivatologii kak razdela yazykoznanija [from the history of development of derivatology as a section of linguistics]. *Aktual'nye problemy russkogo slovoobrazovaniya: Materialy tradicionnogo Respublikanskogo seminara v ramkah Uzbekistanskoj nauchnoj shkoly russkogo slovoobrazovaniya* [Topical problems of Russian word formation]: Materials of the traditional Republican seminar in the framework of the Uzbekistan scientific school of Russian word formation, Tashkent, NUUz, 2019. 90 p. (in Russ.).
11. Shmelev D.N. *Sovremennyj russkij yazyk. Leksika* [The modern Russian language. Vocabulary]. Moscow, Librokom, 2018. 345 p. (In Russ.).
12. Shkurovskaya M.G. *Derivatsionnaya sistemnost' leksiki (na materiale russkogo yazyka)* [Derivational systematicity of lexicon (on Russian language material). Thesis]. Kemerovo, 2004. (In Russ.).

СТАТИСТИКА ЛЕКСИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА-КОНЦЕПТА «ЖЕНЩИНА» В ДЕЛОВОМ ПИСЬМЕ-ПОЗДРАВЛЕНИИ С 8 МАРТА

Цинь Паньпань

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

В статье представлен сопоставительный анализ письма-поздравления по поводу 8 Марта в русском и китайском языках путем когнитивного моделирования соотношенного с ним образа-концепта «женщина» в рамках официально-деловой коммуникации. Универсальные и национально-дифференциальные особенности репрезентаций данного концепта обусловлены экстралингвистическими факторами. Сопоставительный анализ репрезентирует аналогию в ряде критериев оценки женщины и некоторые различия в конкретном расположении элементов своей полевой структуры.

Ключевые слова: *семантическое поле, образ-концепт «женщина», письмо-поздравление с праздником 8 Марта, русский язык, китайский язык.*

В современном мире женщина активно участвует во всех сферах экономики, политики, культуры общества. Письмо-поздравление с 8 Марта как жанровая модификация делового письма типично для русской и китайской культуры. Письмо-поздравление с 8 Марта в адрес женщин наполнено авторской оценкой, предполагает указание на мировоззрение и проявление национально-культурной ориентации данного социума. Особый интерес представляет рассмотрение отражённых в письме-поздравлении бинарных отношений между автором и адресатом, то есть отношения начальника к подчиненным, мужчины к женщинам. Актуальным остаётся сопоставительный анализ указанных поздравлений в разных культурах. Исследование письма-поздравления с 8 Марта особо значимо для обнаружения элементов национально-культурной и коммуникативной картин мира русских и китайцев. Новизна исследования заключается в том, что в первый раз предпринята попытка когнитивного и вербально-семантического описания письма-поздравления с 8 Марта, используемого в русскоязычном и китайскоязычном социумах.

Материалом исследования являются публичные коллективные деловые письма-поздравления с 8 Марта, представленные на разных сайтах компаний, организаций, университетов, администраций правительства или сайтах информационных агентств на русском и китайском языках. Общее количество писем-поздравлений 142, из них — 100 русских и 42 китайских. Материала на русском языке больше, чем на китайском, что связано с разным положением данного письменного жанра в публи-

цистике. В Китае Международный женский день отмечается в коллективе часто в виде церемонии с торжественной поздравительной речью, с вручением наград «женщина-знаменосец 8 Марта», устным поздравлением передовиков производства, и тогда, в соответствии с этим письменный вариант поздравлений уже отсутствует.

Деловое письмо-поздравление типично и в корпоративной культуре, и в политической публицистике. Оно относится и к фатическому жанру, коммуникативная цель которого — установить и поддерживать социальные отношения [1. С. 15], и к «экспрессиву»; его коммуникативная цель — «выразить психологическое состояние, задаваемое условием искренности относительно положения вещей, определённого в рамках пропозиционального содержания» [9. С. 183]. Письмо-поздравление характеризуется стандартизированной структурой, значимым положением для делового этикета, варьированием составляющих элементов в соответствии с коммуникативной целью; оно включает стереотипы и оценки, нацеленные на адресата.

Деловое «письмо-поздравление» соответствует определённой модели, предполагающей положительную оценку автора радостного для адресата события. Вслед за Дж Серлем, можно сказать, что к условиям удачной реализации поздравления относятся 1) пресуппозиция — «предварительные условия: имеет место какое-либо событие, положение дел, касающееся адресата и соответствующее его интересам, 2) условие искренности: говорящий оценивает желаемое положение дел как положительное для адресата или оценивает наступившее

положение дел (на основе социальных традиций) положительно для адресата» [10. С. 169]. То есть автор поздравления должен реагировать на событие с радостью, и адресат тоже считает событие положительным, радостным («Стоит поздравить!»).

Мы соглашаемся с указанными Серлем условиями удачной реализации жанра, но предлагаем добавить к этому ещё три пункта, детализирующие эти условия: 1. Событие должно быть актуальным для поздравления, опираясь на достигнутый успех в прошлом или предполагает в будущем праздник; 2. Адресант и адресат должны быть знакомыми (за исключением рекламного делового поздравления) или дружественно настроенными; адресат ожидает от автора поздравления, внимания и заботы; 3. Адресант ориентируется на личность адресата и оценивает адресата таким образом, как хочет сам адресат. Итак, мы видим, что адресант, адресат, событие становятся самыми важными составляющими в письме-поздравлении, они взаимосвязаны, и это обеспечивает эффект успешности действия.

В описании деловых поздравлений с 8 Марта, для выявления в них смыслового компонента «женщина», мы используем понятие «образ-концепт». «Использование, — пишет Л. Б. Никитина, — сложного термина «языковой образ-концепт» мотивируется также необходимостью эксплицировать наличие и значимость образно-ассоциативных и оценочных компонентов, сопутствующих понятийной стороне речи: образ-концепт включает объективные, рациональные компоненты, являющиеся результатом познания человеком своего внешнего и внутреннего мира, и субъективные (образные, ассоциативные, оценочные, эмоциональные) смыслы, отражающие особенности интерпретации человеком познаваемых вещей и явлений» [8. С. 98].

При выделении концепта как языкового образа Л. Б. Никитина указывает на то, что термин «концепт» отражает более широкое значение, концепт — это реалии окружающей действительности, которые сохраняются в памяти индивида, а языковой образ подчёркивает объективную оценку, мнения индивида. Языковой образ — языковое воплощение концепта [Там же].

Обратившись к репрезентациям образа-концепта «женщина» в текстах деловых поздравлений с 8 Марта, мы учитываем общую структуру поля концепта, включающую ядро (номинацию концепта, центральный и периферийные слои, где находятся лексемы, которые отражают субъективный опыт, прагматические коннотации, ассоциации) [6. С. 58].

Деловое письмо-поздравление с 8 Марта в адрес женщин(ы) пишет в России прежде всего мужчина с определенной социальной ролью — начальник, руководитель организации или политик (губернатор, депутат, мэр), а в Китае, кроме таких представителей с определённой социальной ролью, автором поздравления женщинам может быть и федерация женщин, ассоциация женщин и профсоюз.

Содержание письма-поздравления включает компонент положительной оценки, которую с удовлетворением воспринимает адресат, то есть образ автора и образ адресата объединены в оценке. Вслед за Е. М. Вольф, мы понимаем оценку как «социально устоявшееся и закреплённое в семантике языковых единиц положительное или отрицательное отношение субъекта (лица, лиц, коллектива) к объектам действительности» [2. С. 47].

«В качестве основания положительной оценки — пишет О. Н. Хорошко, — могут выступать не только внешние и внутренние качества человека, но и: профессиональные качества; его действия, поступки, поведение в определённой ситуации; результат деятельности; слова, мнения, точка зрения по тому или иному вопросу; предметы, вещи, принадлежащие ему; родные и близкие человека» [11. С. 15]. Для нас важно и мнение В. И. Карасика о «ценностной картине мира»: «ценностная картина мира в языке представляет собой проявление семантического закона, согласно которому наиболее важные предметы и явления жизни народа получают разнообразную и подробную номинацию. При межъязыковом сопоставлении ценностных картин мира обнаруживается, что различие между представлением тех или иных концептов выражается большей частью не в наличии или отсутствии определённых признаков, а в частотности этих признаков и их специфической комбинаторике» [4. С. 14—15]. Для нашей работы особо значимо последнее: частотность признаков различия, их комбинаторика.

Образ-концепт «женщина» отражён в разных культурах по-разному, но общее, из того что включается в его содержание, это — её социальная роль, внешние и внутренние свойства, профессиональные качества, поведение, поступки, результаты её деятельности, её пожелания.

Далее обратим внимание на статистику лексических репрезентаций образа-концепта «женщина» в официальных поздравлениях с 8 Марта.

Обращение к женщинам в письмах-поздравлениях

В русских письмах-поздравлениях указываются социальные роли женщин. Приведём данные соответствующих номинаций исходя из 100 писем-поздравлений: *женщина/женщины* 199; *коллеги* 34; *мать/мама* 16; *дамы* 16; *жены* 12, *супруги* 1; *половина человечества* 12; *хранительницы домашнего или семейного очага* 11; *сотрудницы* 10; *бабушки* 9; *дочь/дочери* 7; *представительницы прекрасного пола*; *сестры* 6; *подруги* 4; *партнёр* 3. Самые популярные обращения к женщине в китайских письмах-поздравлениях (напомним общее количество — 42) следующие: *女职工 женщины-служащие/работницы* 97; *同胞 соотечественницы* 45; *女员工 сотрудницы* 36; *姐妹们 сестры* 36; *巾帼 отважные женщины, не уступающие мужчинам* 28; *半边天 половины неба* 26; *女同志 товарищи-женщины* 15; *女人 женщины/женщина* 13; *母亲 мать* 8; *女儿 дочь дочери* 7; *妻子 жены* 6; *同事 коллеги* 3.

Результат сопоставления показывает, что номинации женщин по семейному отношению в русской и китайской культуре имеют сходство, но в русских поздравлениях частотны обращения по гендерному признаку, и родственные отношения представлены разнообразнее. В китайских поздравлениях чаще обращаются к женщинам на основании деловых отношений, что соответствует стремительному экономическому подъёму страны. Частотность в китайских поздравлениях слова «сестры» объясняется тем, что автор поздравления часто является женщиной.

Различаются также определители номинаций женщин в русском и китайском поздравлениях. В русских поздравлениях частотны такие из них, как *дорогие* 102; *милые* 48; *наши* 25; *уважаемые* 20; *любимые* 17. В большой степени проявляется эмоциональность и сближение отношений между автором и адресатом. В китайских поздравлениях определения номинаций женщин используются гораздо реже, а именно: *уважаемые* повторяется 8 раз, *дорогие* появляется 6 раз; при этом только один автор-мужчина употребил определение *дорогие*. В китайской деловой коммуникации мужчины редко обращаются к женщинам-коллегам при помощи определений *дорогие, милые*, поскольку эти ласкательные определители обращений выражают личные или романтические отношения.

Оценка профессиональных качеств женщины

В китайских поздравлениях подчёркиваются индивидуальные усилия и усердие, преданность; успех в работе оценивается по подтверждению созданной ценности. Ещё стоит заметить, что в китайской культуре трудности профессиональ-

ной деятельности оцениваются положительно с признанием способности человека. В России больше внимания уделяется профессионализму в работе, а трудолюбие является второстепенным критерием.

Чтобы объективировать различия русских и китайских деловых поздравлений по указанному признаку, приводим статистику, указывая количество и частотность лексем (и словосочетаний), участвующих в выражении оценки профессиональных качеств женщин при порождении текстов поздравлений в русской и китайской деловой коммуникации. В русских поздравлениях на 100 писем приходится 103 соответствующие номинации: *работать профессионально, профессионализм, профессиональные знания/достижения/успехи, пример профессиональной этики* 35(34%); *созидательная/уникальная/внутренняя сила, вера в свои силы, полна силы, достаточно сил, сильная* 16(15.5%); *пример ответственного отношения к делу, высокая ответственность* 12(11.7%); *трудолюбие, трудиться* 12(11.7%); *решать самые сложные/трудные/профессиональные задачи* 5(4.9%); *вносить неоценимый огромный вклад в развитие предприятия* 5(4.9%); *головокружительная/успешная карьера, добиться заметных высот в своей карьере* 4(3.9%); *принимать активное участие во всех сферах/общественной жизни* 6(5.8%); *неравнодушие, неравнодушное и добросовестное отношение к порученному делу* 3(2.9%); *целеустремлённость* 2(1.9%); *преданность делу* 2(1.9%); *работать наравне с мужчинами* 1(0.9%). В китайских поздравлениях на 42 письма — 278 соответствующих номинаций: *辛勤辛劳 трудиться* 51(18.3%); *做贡献 внести большой вклад в развитие компании* 40(14.4%); *奋斗 бороться* 28(10.1%); *辛苦艰苦 отдавать все свои силы и усиленно трудиться* 15(5.4%); *拼搏 прилагать усилия* 14(5%); *敬业 преданность работе* 14(5%); *播撒汗水 обливаться потом (трудиться)* 13(4.7%); *迎接挑战 стоять перед серьёзными трудностями* 11(4%); *克服困难 преодолеть трудности* 7(2.5%); *工作热情 трудовой энтузиазм* 11(4%); *巾帼不让须眉 женщины не уступают мужчинам* 11(4%); *锐意进取 стремительно двигаться вперёд* 7(2.5%); *尽忠职守 преданно работать изо всех сил* 7(2.5%); *爱岗敬业勤勉敬业 настойчивая в работе* 7(2.5%); *不可或缺的中坚力量/心血 незаменимые/основные/душевные силы* 7(2.5%); *谱写新的篇章 открыть новую страницу в развитии компании* 7(2.5%); *兢兢业业 работать добросовестно* 5(1.8%); *任劳任怨 не уклоняться от трудностей и не страшиться*

обид 4(1.4%); 攀高峰 взбираться на горную вершину 3(1.1%); 再创佳绩 преумножить отличные результаты 3(1.1%); решать самые основные/трудные /новые задачи 3(1.1%); 责任心 высокая ответственность 3(1.1%); 职业道德 профессиональная этика 3(1.1%); решать самые основные/трудные /новые задачи 3(1.1%); 再创新高 вновь достичь новых высот 2(0.7%); 奋进 усердно и смело продвигаться 2(0.7%).

Статистика свидетельствует о значительном общем количественном преобладании соответствующих лексем (и словосочетаний) в китайских письмах-поздравлениях в среднем на одно письмо — 5 употреблений (278/42), тогда как в русских — на одно письмо только в основном 1 употребление (103/100). Кроме того, в китайских деловых поздравлениях заметна высокая степень дифференциации номинаций, связанных с идеей труда, трудового подвига.

Оценка внешних качеств женщин в поздравлениях

Внешний облик женщин в русских поздравлениях находится в ядре семантического поля оценки женщин: насыщенность текстов поздравлений соответствующими лексемами почти в два раза больше (190 на 100), по сравнению с китайскими (48 на 42). В китайских поздравлениях меньше внимания уделяется оценке внешних качеств деловых женщин. Но, в отличие от русского поздравления, обозначение манеры является важным критерием для данной оценки. В русских поздравлениях на 100 писем приходится 190 соответствующих номинаций: красивая, красота 63(33.1%); прекрасная 27(14.2%); улыбка, улыбочная 44(23.2%); обаятельная, обаяние, обаятельность 25(13.2%); молодость, молодая 10(5.3%); очаровательная, очарование 8(4.2%); элегантная 3(1.6%), хрупкие плечи, хрупкая внешность 4(2.1%), чуточку ранимая 2(1.1%); радостный блеск в глазах 1(0.5%); тёплые, чуткие, нежные руки 1(0.5%); звонкие голоса и добрые глаза 1(0.5%); глаза сияют 1(0.5%). В китайских поздравлениях на 42 письма — 48 соответствующих номинаций: 风采 изящество 13(27%), 优雅 элегантность 2(4.2%); 美丽 красота, 漂亮 красивая 9(18.8%), 笑容 улыбка, 微笑 улыбочная 6(12.5%); 人格魅力 личное обаяние 5(10.4%); 靓丽 прелестная 4(8.3%); 风景线 как красивый пейзаж, заслуживающая внимания 7(14.6%); 如花似玉 подобная цветку и яшме 1(2.1%); 柔弱的肩膀 хрупкие плечи 1(2.1%).

Оценка внутренних качеств женщин

И в русских, и китайских поздравлениях упоминается о внутренних качествах женщин, но в русских поздравлениях это наблюдается чаще. Мудрость как в России, так и в Китае является частотным критерием оценки женщин. Отличие заключается в том, что в России типично говорить о таких свойствах характера женщин, как нежность, терпение, доброта, желание быть матерью, активность. В китайских поздравлениях часто встречаются слова, оценивающие моральные качества женщин, благоприобретенные свойства; положительно оцениваются поведение и ответственность, независимость, самостоятельность, самоотдача, сильная воля. Статистику покажем. В русских поздравлениях на 100 писем — 216 соответствующих номинаций: нежность, нежные 51(23.6%); мудрость, мудрые 29(13.4%); терпение 24(11.1%); доброта 23(10.6%); активная жизненная позиция, активно участвовать, содействовать, активное участие 12(5.6%); самоотверженность/ самоотдача 12(5.6%); неповторимая, уникальная 12(5.6%); верная верность 10(4.6%); талантливая, талант 10(4.6%); женственность, женственная 10(4.6%); милосердие 6(2.8%); чуткость, чуткая 6(2.8%); материнство, материнское счастье/ любовь 6(2.8%); щедрость 5(2.3%). В китайских поздравлениях на 42 письма — 210 соответствующих номинаций: 自强 стремление быть сильной 31(14.7%); 自立 самостоятельность 29(13.7%); 奉献 самоотдача 26(12.3%); 聪慧 интеллект, 聪颖 умный, ум, 智慧 мудрость 26(12.3%); 自信 самоуверенность 23(10.9%); 自尊 самоуважение 21(10%), 积极 активные 12(5.7%); 坚韧 волевая 11(5.2%); 才华 способность и талант 6(2.8%); 美德 высокая нравственность 4(1.9%); 修养 мастерство 3(1.4%); 温柔 нежность, 柔美 нежная, 柔韧 мягкость 4(1.9%); 善 доброта 4(1.9%); 贤惠温淑娴良 добродетельные 1(0.5%); 蕙心纨质 чистое (нежное) сердце 1(0.5%); 细腻 чувствительность 1(0.5%); 精致 изысканность 2(0.9%); 耐心细致 терпеливо и кропотливо 1(0.5%); 豁达开明 открытые; искренние 1(0.5%); 勤俭 трудолюбивая и бережливая 2(0.9%) 虚心上进 быть скромными и продвигаться по службе 1(0.5%); 灵巧 ловкость 1(0.5%).

Оценка семейных обязанностей женщин

Россияне хвалят женщин за создание тепла и уюта в семье, за рождение и воспитание детей, хранение семейного очага, а китайцы признают тяжёлую домашнюю работу женщин, воспита-

ние детей и всегда одобряют почтение родителей. По исследованию Ху Сяоюэ, при описании концепта «успешная женщина» в русской и китайской картинах мира в ядерном зоне находится семейное счастье, для русской и китайской женщины — счастье семейной жизни считается самым важным критерием оценки успешности женщины [12. С. 85]. В 100 русских поздравлениях — 63 соответствующих номинаций: *умение создавать уют в доме, наполнять дом уютом, создать в семье благоприятную атмосферу* 23(36.5%); *воспитывать детей* 16(25.4%); *хранить тепло и уют домашнего очага, хранительница семейного очага* 14(22.2%); *заботиться о семье* 2(3.2%); *зарождение жизни, подарить дать жизнь* 8(12.7%). В 42 китайских поздравлениях — 15 соответствующих номинаций: *家庭生活中发挥作用 играть важную роль в семейной жизни, 为家庭付出了辛劳 заниматься домашним хозяйством, 担负起家庭的繁琐事务 вынести на свой плеч семейные дела* 6(40%); *赡老扶幼 поддерживая старых и ведя за руку малых, 敬养老人 поддерживать родителей, 孝老爱亲 почтить и любить родителей, 尊老爱幼 уважение к пожилым и забота о младенцах* 5(33,2%); *家庭欢乐的缔造者 создатель радости в семье* 1(6.6%); *营造温馨的小家庭 создать уют в семье* 1(6,6%); *生命之母 мать жизни* 1(6.6%), *生命的摇篮 колыбель жизни* 1(6.6%).

Оценка балансирования семьи и работы

Несмотря на то, что женщинам сейчас предоставляется больше возможностей для трудоустройства, общество устанавливает более высокие стандарты успеха для работающих женщин: они должны не только преуспевать на работе, но и иметь счастливую семью. Эта идея отражается и в русских, и в китайских деловых поздравлениях, то есть женщина должна сбалансировать семью и работу. В 100 русских поздравлениях — 8 соответствующих номинаций: *сочетать успешную карьеру и счастливую семью; совмещать высокий профессионализм и жизненную позицию; сочетать профессиональную деятельность с выполнением своего главного предназначения — быть хранительницами домашнего очага, традиционных нравственных ценностей и принципов*. В 42 китайских поздравлениях — 2 соответствующие номинации: *用自己柔弱的肩膀挑起了事业和家庭两副重担 взвалить на хрупкие женские плечи тяжёлое бремя работы и семьи*.

Оценка влияния женщин на мир и общество

Оценка русских женщин часто основана на субъективных эмоциях и осознании, наполнена преувеличением (неоценимая/бесценная) и выражается более абстрактно, например с помощью компаратива: *сделать мир прекраснее*. А китайский автор, оценивая женщин, использует более объективную оценку, опираясь на созданные женщинам материальные и моральные ценности и социальное признание. Покажем это в статистике. В 100 русских поздравлений — 37 соответствующих номинаций: *высоко ценить, трудно переоценить, роль женщины бесценна* 17(46%); *изменить/менять мир к лучшему, сделать мир и жизнь чище/светлее/чудеснее/прекраснее/добрее/счастливее/совершеннее/ярче* 10(27%); *внести вклад в развитие общества* 6(16.2%); *нести/принести мир доброту любовь, наполнять мир красотой и радостью* 4(10.8%). В 42 китайских поздравлениях — 124 соответствующих номинации: *做贡献 внести огромный вклад в развитие общества* 48(38.7%); *创造新辉煌 добиться достижений/новых успехов* 27(21.8%); *发挥重要/不可替代/独特作用 играть важную / особую / неповторимую роль* 22(17.7%); *赢得了尊重/赞誉/信赖/认可 снискать / завоевать уважение/одобрение/доверие/признание* 10(8%); *展示了良好风貌 /良好形象 показать прекрасный образ/облик современной женщины* 9(7.3%); *创造价值 создатель ценностей* 8(6.5%).

Оценка влияния женщин на мужчин

Положительное влияние женщин на мужчин проявляется в русских поздравлениях, но редко — в китайских. В русских поздравлениях с 8 Марта воодушевление, поощрение, забота, внимание и любовь женщин к мужчинам занимает особое место, а в китайских поздравлениях такая оценка проявляется нечасто. Это объясняется тем, что в китайских деловых поздравлениях с 8 Марта автор оставит социальный статус начальника, директора, представителя организации, а не гендерную роль мужчины. Это проявляется в резком количественном несоответствии лексических показателей (41/100, 1/42). В 100 русских поздравлениях — 41 соответствующая номинация: *вдохновлять на подвиги/победы/ смелые поступки/успехи* 20(48.8%); *дарить мужчинам внимание, заботу, улыбку, любовь, силу, вдохновение, тепло* 14(34.2%); *опора для семей* 4(9.8%); *поддерживать* 1(2,4%); *надежда и опора для мужчины* 1(2.4%); *делать мужчин сильнее увереннее* 1(2.4%). В 42 китайских

поздравлениях — 1 соответствующая единица: 为丈夫建立好的家庭氛围 *создать приятную семейную атмосферу для мужа* 1(100%).

Пожелания женщинам в письмах-поздравлениях с 8 Марта

Для достижения коммуникативного успеха необходимо соблюдать «принцип близости интересам и личности адресата и принцип конкретности мысли и речи, законы эмоциональности речи и ориентация на удовольствие общения» [7. С. 80]. Радость, счастье, здоровье, успехи, и красота являются общими распространёнными ценностями в русских и китайских поздравлениях. В русских поздравлениях наиболее широко проявляется любовь. Любовь, внимание и забота мужчины — это счастье русской женщины. При исследовании китайских официальных поздравлений проявление любви мужчины к женщине практически не встречается. Это, скорее всего, связано с тем, что в китайской культуре любовь, как представление о счастье в личной жизни, выходит за рамки деловой коммуникации. Темы личной жизни не принято обсуждать в китайском деловом пространстве. Что касается высокой частотности метафорического слова «тепло» в русских поздравлениях, то это можно объяснить суровым климатом и длинной зимой в России. О внутреннем чувстве, кроме лексемы «тепло», в русских поздравлениях присутствует ещё слова «гармония», «благополучие», которые отражают не только духовное спокойствие, но и материальное обеспечение: ведь уют и комфорт также обусловлены материальными факторами. На 100 русских поздравлений приходится 886 соответствующих употреблений: *любовь, быть любимыми и любящими* 166(18.7%); *счастье, счастливый* 92(10.4%); *радость (радость, хорошее/солнечное/весеннее настроение* 45; *веселье, весело, весёлый смех*) 118(13.3%); *гармония(гармония* 23, *душевное равновесие* 1, *мир в доме* 20, *согласие* 12, *покой спокойствие спокойно* 8, *понимание, взаимопонимание* 18) 82 (9.2%); *тепло, тёплые слова/улыбки, тепло на сердце/в кругу близких, душевное тепло* 82(9.3%); *здоровье* 71(8%); *успехи, удача* 71(8%); *благополучие* 57(6.4%); *внимание и забота* 39(4.4%); *красота(быть/остаться красивыми* 9, *красота* 9, *быть обаятельными* 10) 28(3.2%); *уют, комфорт* 20(2.3%); *цветы* 16(1.8%); *оптимизм* 14(1.6%); *молодость, молодая* 13(1.5%); *рождаются планы, реальность плана* 11(1.2%); *солнце* 6(0.7%). В китайских поздравлениях на 42 письма приходится 183 соответствующих употреблений:

快乐 радость(节日快乐 весёлый праздник 33, *节日快乐 радостный праздник* 8, *笑口常开 часто улыбаться* 2, *合家欢乐 радость в семье,阖家欢乐 семейная радость* 7) 50(27.3%); *幸福 счастье(家庭幸福 семейное счастье,阖家幸福 счастье всех членов семьи,生活幸福 счастливая жизнь)* 40(21.9%); *身体健康 здоровье* 31(16.9%); *工作 успехи в работе(工作顺利 успешная работа* 14, *事业进步 добиваться прогресса в работе* 5, *事业辉煌 блестящие успехи* 1, *工作顺利 удачи в работе* 5, *工作愉快 получить удовольствие от работы* 2) 27 (14.8%); *青春永驻 вечная молодость* 14(7.6%); *漂亮,美丽 красивая, красота* 8(4.4%); *万事如意 всего хорошего* 6(3.3%); *家庭和睦 мир в семье* 5(2.7%); *平安 благополучие* 2(1.1%).

Обратим внимание на использование в официальных поздравлениях с 8 Марта метафор. Метафора не только является «инструментом познания и объяснения действительности» [3. С. 162], но и сильным воздействующим способом и вербальным представлением мышления [5. С. 129]. В русских и китайских поздравлениях присутствуют общие метафоры, рисующие образы женщин: женщина — *цветок*, женщина — *сокровище и достояние*. В отдельных русских поздравлениях женщина уподобляется весне, благоуханию весны, в китайских — женщина — *玉 яшма и нефрит,生命的摇篮 колыбель жизни,脊梁 позвоночный столб,半边天 половина неба,风景线 пейзаж,太阳 солнце*. Яшма и нефрит занимают особое место в китайской культуре, символизируют добродетель чистую душу. При описании внешности девушки они обозначают прекрасную, прелестную, изумительную, очаровательную женщину, подобную *цветку и яшме (нефриту)*.

По результатам анализа можно сделать вывод о том, что письмо-поздравление с 8 Марта образует важным образом-концептом «женщина», который имеет как универсальные, так и дифференциальные национально-культурные признаки. В ядре поля образа-концепта «женщина» в русских деловых поздравлениях находятся лексемы, отражающие внутренние качества женщины, ее внешние качества, в центре поля — номинации профессиональных качеств и роли женщины в семье; к периферии относятся лексемы, эксплицирующие вклад женщины в развитие общества. В китайских деловых поздравлениях с 8 Марта образ-концепт «женщина» представлен несколько по-другому: в ядре поля расположены номинации женщин по профессиональным качествам, указания на их внутренние качества, в центре поля — лексемы, отражающие вклад в развитие

общества, околоцентровое пространство поля за-   обязанностей, к периферии поля относятся слова,
нимают номинации внешнего облика и семейных   обозначающие влияние женщин на мужчин.

Список литературы

1. Винокур, Т. Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения / Т. Г. Винокур. — М.: Наука, 1993. — 172 с.
2. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. — М.: Едиториал УРСС, 2002. — 280 с.
3. Иссерс, О. С. Речевое воздействие: учеб. пособие / О. С. Иссерс. — М.: Флинта: Наука, 2009. — 223 с.
4. Карасик, В. И. Культурные доминанты в языке / В. И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты. — Волгоград Перемена. — 1996. — С. 3—16.
5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / под ред. А. Н. Баранова. — М.: Едиториал, УРСС, 2004. — 256 с.
6. Маслова, В. А. Введение в когнитивную лингвистику / В. А. Маслова. — М.: Флинта: Наука, 2011. — 296 с.
7. Михальская, А. К. Основы риторики: Мысль и слово / А. К. Михальская. — М.: Просвещение, — 1996. — С. 80—93.
8. Никитина, Л. Б. Языковой образ-концепт: о природе сложного термина / Л. Б. Никитина // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. — 2011. — № 24 (239). Вып. 57. — С. 97—99.
9. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике: [Сб. ст.]. — Вып. 17: Теория речевых актов. — М.: Прогресс, 1986. — С. 170—194.
10. Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. Общ. ред. Б. Ю. Городецкого. М.: Прогресс, —1986. — С. 151—169.
11. Хорешко, О. Н. Жанровый аспект положительной оценки лица: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. Н. Хорешко. — Саратов, 2005. — 24 с.
12. Ху Сяосюэ. Особенности выражения концепта «успешная женщина» в русских глянцевого журналах / Ху Сяосюэ // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Вып. 2(14). Перм. гос. национальный исследовательский университет. Пермь. — 2011. — С. 78—88.

Сведения об авторе

Цинь Панпань — аспирант кафедры современного русского языка и методики его преподавания, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия. 1003997939@qq.com

---

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 10 (432). *Philology Sciences. Iss. 118. Pp. 191—198.*

STATISTICS OF THE LEXICAL REPRESENTATION OF THE IMAGE-CONCEPT “WOMAN” IN BUSINESS LETTERS OF GREETINGS ON WOMEN’S DAY

Qin Panpan

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia. 1003997939@qq.com

This article presents a comparative analysis of the “letter of greetings” on the 8th of March Women’s day in Russian and Chinese through cognitive modeling of this complex genre in the framework of official business communication. The universal and national-differential features of its realizations are due to extralinguistic factors. In this analysis, special attention is paid to the imagery layer of the concept “woman” in business letters of greetings, which explicate the positive assessment of the author. It is concluded that 1) the image-concept “woman” is an important element in the semantic content of Russian and Chinese greetings on Women’s day; 2) its formation is not only associated with culture and stereotypical consciousness, but also with the social position of the author; 3) in the framework of the business letter of greetings on Women’s day, the image-concept of “woman” in Russian and Chinese culture manifests similarity in a number of criteria for evaluating women and some differentiation in the specific location of their field semantic structure.

Keywords: *semantic field, the image-concept “woman”, letter of greetings on Women’s day, Russian language, Chinese language.*

References

1. Vinokur T. G. *Govoryashhij i slushayushhij: Varianty rechevogo povedeniya* [Talking and listening: variants of speech behavior]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 172 p. (In Russ.).
2. Volf E. M. *Funkcional'naya semantika ocenki* [Functional semantics of evaluation]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2002. 280 p. (In Russ.).
3. Issers O. S. *Rechevoe vozdejstvie: ucheb. posobie* [Speech impact: studies. Allowance]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2009. 223 p. (In Russ.).
4. Karasik V. I. *Kulturnye dominanty v yazyke* [Cultural dominants in language]. *Yazykovaya lichnost: kulturnye koncepty* [Language personality: cultural concepts], Volgograd, Peremena Publ., 1996. pp. 3–16. (In Russ.).
5. Lakoff Dzh., Dzhonson M. [Lakoff G., Johnson M.] *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Moscow, Editorial, URSS Publ., 2004. 256 p. (In Russ.).
6. Maslova V. A. *Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku* [Introduction to cognitive linguistics]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2011. 296 p. (In Russ.).
7. Mikhalskaya, A. K. *Osnovy ritoriki: Mysl' i slovo* [Basics of rhetoric: Thought and the word], Moscow, Prosveshcheniye, 1996, pp. 80–93. (In Russ.).
8. Nikitina L. B. *Yazykovoj obraz-koncept: o prirode slozhnogo termina* [Language image-concept: on the nature of a complex term]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie*. [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art criticism], 2011, no. 24 (239), Issue 57, pp. 97–99, (In Russ.).
9. Searle J. R. *Klassifikaciya illokutivnyh aktov* [A classification of illocutionary acts]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* [New in foreign linguistics], no. 17, *Teoriya rechevyh aktov* [Theory of speech acts]. 1986. pp. 170–194. (In Russ.).
10. Searle J. R. *Chto takoe rechevoj akt?* [What is a speech act?] *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* [New in foreign linguistics]. no. 17. *Teoriya rechevyh aktov* [Theory of speech acts. General]. Moscow, 1986. pp. 151–169. (In Russ.).
11. Horeshko O.N. *Zhanrovyy aspekt polozhitel'noj ocenki lica*: [Genre aspect of a positive face assessment]. Avtoref dis...kand. filol. nauk, Saratov, 2005. 24 p. (In Russ.).
12. Hu Syaosyue *Osobennosti vyrazheniya koncepta «uspeshnaya zhenshchina» v russkih glyancevyh zhurnalakh* [Features of the expression of the concept of “successful woman” in Russian glossy magazines] *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya*. [Vestnik Perm University. Russian and foreign philology]. Issue 2 (14). Perm. gos. nacional'nyj issledovatel'skij universitet Publ., 2011. pp. 78–88. (In Russ.).

ГЕНДЕРНАЯ АСИММЕТРИЯ В ПЕЧАТНЫХ СМИ

Н. А. Цыбина, А. А. Лукьянова

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Н. Новгород, Россия

В статье рассматриваются проблемы гендерной асимметрии при создании гендерной идентичности женщин-политиков в англоязычных печатных СМИ. Анализ языкового материала свидетельствует о тенденции сохранения гендерной асимметрии в политическом дискурсе, так как заполнение гендерных лакун при помощи словообразования не всегда возможно, либо употребление женских контрагентов негативно маркировано. Политический дискурс иллюстрирует предпочтительность метагендерной формы применительно к женщине-политику.

Ключевые слова: *гендер, гендерная асимметрия, гендерные лакуны, конструирование гендера, гендерная идентичность.*

Постановка проблемы

В настоящее время никого не удивляет тот факт, что женщины все активнее участвуют в политике. Изучение лингвистов показало ошибочность постулата, согласно которому поведение мужчин и женщин обусловлено только биологическим полом. Однако во всех культурах принято соблюдать различия между полами [4. С. 141]. Как только та или иная черта поведения начинает ассоциироваться с определенным полом, представители противоположного пола стремятся от нее избавиться. Рассматривая проблему женщин в политике, лингвисты сталкиваются с обратным процессом.

Гендерные роли ориентируют мужчин и женщин на разные жизненные стратегии и способы самореализации. Исторически мужчины вытесняли женщин из профессиональной деятельности, женщины должны были реализовывать себя в семейной сфере. Это привело к социальной гендерной асимметрии, согласно которой наблюдается непропорциональная представленность обоих полов в социальной и культурной сферах общественной деятельности. Социальная гендерная асимметрия определяет неравноценность социальных позиций, при которых лидирующую роль чаще играют мужчины.

При наглядной главенствующей позиции мужчин, сущность лидерства, по мнению Н. В. Бушуевой, носит универсальный характер и не имеет отношения к фактору пола [1. С. 27]. Главный фактор лидерства как в политике, так и в других сферах общественной деятельности, напрямую связан с умением доминировать. Как отмечают многие исследователи, женщина-политик

должна соответствовать прототипическим представлениям о сильном лидере. При этом она сталкивается с проблемой соответствия собственной гендерной роли. Иными словами, женщинам-политикам необходимо одновременно соответствовать собственной гендерной роли и отклоняться от гендерного стереотипа для реализации традиционной схемы политического лидерства. Однако это влияет на гендерную идентичность в рамках гендерной асимметрии как на государственной службе, так и в политике. Проблема гендерной идентичности сводится к тому, что общественный деятель должен осознавать свою принадлежность к тому или иному полу, но в социальном аспекте быть нейтрально половым [7. С. 333].

Гендерная асимметрия на языковом уровне

Гендерные асимметрии на языковом уровне проявляются в виде семантических лакун, когда в языке отсутствует обозначение для какого-либо понятия. Анализ гендерных лакун показывает, что отсутствие категории контрагента мотивировано историческими и социальными причинами [2. С. 133]. Во многих примерах речь идет о гендерно специфических социальных ролях, когда референтами категориального имени были либо мужчины (bishop), либо только женщины (midwife). Представители феминистской лингвистики неоднократно подвергали критике андроцентризм языка, что нашло отражение в попытке нейтрализовать гендерную асимметрию путем словотворчества.

В лингвистических практиках существует много примеров гендерной асимметрии, что дает

возможность выделить несколько групп асимметричных отношений. Е. С. Гриценко выделяет четыре типа гендерной асимметрии:

1) асимметрия из-за отсутствия одного из категориальных контрагентов;

2) несовпадение смыслового объема категориальных контрагентов;

3) асимметрия внутреннего структурирования, связанная с использованием различных принципов членения парных гендерных категорий;

4) асимметрия маркированного и немаркированных членов в категориях с ложными родовыми именами («стирание» немаркированной субкатегории).

Английский язык не имеет грамматической категории рода, поэтому большинство статусных антропонимов и наименований профессий не имеют формальных маркеров пола. Политический лексикон представлен лексическими единицами — *politician, president, prime-minister, governor, senator, congressman, mayor*. Из этих ЛЕ только “*congressman*” и “*mayor*” имеют категориальных контрагентов — “*congresswoman*” и “*mayoress*”. В паре ЛЕ “*governor*” — “*governess*” имеет место несовпадение смыслового объема категориальных контрагентов, где “*governor*” — 1) *a person who is the official head of a country or region that is governed by another country*; 2) *a person who is chosen to be in charge of the government of a state in the US*; 3) *a person who is in charge of an institution* [9]. Использование лексемы *person* в дефиниции свидетельствует о гендерной нейтрализации. А лексема “*governess*” имеет дефиницию — *a woman employed to teach the children of a rich family in their home and to live with them* [9].

В языках синтетического типа, например, русском, существует ряд примеров, когда мужское категориальное имя обозначает лиц определенной профессии или социального статуса, а женское — подчиненную, производную и, следовательно, зависимую категорию [2. С. 135]. В гендерных парах «врач — врачиха», «редактор — редакторша», женское имя несет стилистически сниженную коннотацию. В паре “*mayor* — *mayoress*” будет наблюдаться такая же коннотативная аксиологическая асимметрия. Хотя в словаре “*mayoress*” определяется в настоящее время как “*a woman who has been elected mayor*” [9], эта ЛЕ первоначально имела дефиницию “*the wife of a mayor or a woman who helps a mayor at official ceremonies*” [9]. В подобных примерах, по мнению Р. Лакофф, мужчины определяются по роду деятельности,

а женщины описываются с точки зрения связи с мужчинами, к которым они имеют отношение, т. е. как их жены [3. С. 48]. По этой причине во многих случаях женщины, идентифицируя себя в рамках профессиональной сферы политики, считают предпочтительным использование мужского родового имени при наличии его женского категориального контрагента, чтобы избежать неавтономности женского статуса.

Структурированное знание гендерной оппозиции «мужское — женское» предполагает восприятие нетипично женского как типично мужского и наоборот. Политическая сфера деятельности свидетельствует, что обобщенным субъектом политики традиционно являлся мужчина. Это объясняет отсутствие женских контрагентов в данной сфере общественной деятельности. Заполнить гендерные лакуны могло бы феминистское словотворчество, отражающее женский опыт. Однако, как показывает практика, такой подход не является продуктивным, так как образованные неологизмы могут нести уничижительную коннотацию. Женщины, избранные на пост президента (премьер-министра, сенатора и т. д.), не захотят получить наименование «президентша» — “*presidentess*” («сенаторша» — “*senatress*”). Лексемы, обозначающие женщин, как правило, являются производными от соответствующих мужских или гендерно нейтральных номинаций, что подчеркивает зависимое положение женщин. Как отмечает Е.С. Гриценко, политически корректное наименование женщины-председателя “*chairwoman*” в настоящее время имеет тенденцию к замене на гендерно нейтральное “*chair*” или “*chairperson*” [2, с.136]. Таким образом, феминистская критическая позиция, согласно которой требуется переосмысление и изменение языковых норм, является несостоятельной в политическом дискурсе.

Данная статья посвящена анализу гендерной асимметрии в англоязычных печатных СМИ и конструированию гендерной идентичности на основе нивелирования гендера.

Гендерная асимметрия в политическом дискурсе

Гендерный фактор в предвыборной кампании женщин играет большую роль для нивелирования гендерной принадлежности. Гендерное нивелирование используется для того, чтобы подчеркнуть профессиональные составляющие политического имиджа женщины-политика. Поскольку прототипический политик в общественном со-

знании — мужчина, то доминирующими признаками являются сила, твердость, решительность — все то, что в традиционной культуре приписывается доминантной мужественности и становится желаемыми чертами политического деятеля. Женщины в политике, преодолевая как внешние социальные барьеры, так и внутренние барьеры, обусловленные личностными свойствами, тем не менее демонстрируют волевые качества, свойственные мужчинам-политикам. При этом они сталкиваются с проблемой, с которой мужчины-политики сталкиваются в меньшей степени — проблемой привлекательности. Внешность, манера одеваться, семейный статус становятся предметом обсуждения общественности. В настоящее время благодаря Б. Обаме женщинам-политикам придется противостоять так называемому «тесту на привлекательность». В таком дискурсивном контексте подобная стратегия является стратегией дискредитации.

... Barack Obama who in 2008 framed an unfortunate test for *female politicians* when he told his rival Hillary Clinton; “You’re *likeable* enough, Hillary” [10].

Male candidates face intense scrutiny on many counts but “*likability*” is seldom part of the lexicon [10].

Конструирование позитивного образа кандидата-женщины основано на противопоставлении стереотипа женственности стереотипу мужественности. Для дискредитации кандидата-мужчины используется тактика демаскулинизации, т. е. использование женских черт для негативной характеристики имиджа политика. Однако, как видно из предвыборной кампании Хилари Клинтон — Дональд Трамп, подчеркнуто женские характеристики негативно отразились на предвыборной кампании Х. Клинтон, ставшей первой женщиной в Америке, баллотировавшейся на пост президента. То же самое происходит сейчас и с другими женщинами-кандидатами.

Несколько американских женщин-политиков сейчас подвергаются пристальному вниманию в связи с их заявлением об участии в предвыборной кампании 2020 года: Senators Elizabeth Warren, Kirsten Gillibrand, Kamala Harris and Amy Klobuchar (Э. Уорен, К. Джиллибранд, К. Харрис и Э. Клобучар). В американских и британских СМИ ведется дискуссия по поводу их «likeability» и возможности принять участие в предвыборной гонке наряду с мужчинами-политиками.

Как указывают многие исследователи, жен-

щины в политике сталкиваются с дилеммой: им нужно соответствовать прототипическим представлениям о сильном лидере, при этом им приходится учитывать конвенции женской гендерной роли, так как уверенность и напористость женщины-политика характерны для агрессивного и неженственного “мужского стиля” [2, с.210]. Нивелирование гендера происходит посредством соотнесения женщин-политиков с номинациями, носящими метагендерный характер. Подобный прием нацелен на подчеркивание профессиональных составляющих политического имиджа.

В ходе анализа статей, посвященных характеристике женщин-политиков в англоязычных СМИ, были выявлены следующие ЛЕ, обозначающие политический статус: politician, senator, candidate, president, mayor, congresswoman.

... Warren avoids a Clinton redux. It’s actually very simple: the media focuses on the issues the Massachusetts *senator* stands for instead of fixating on her “likability”. The media stops using “likability” as lazy shorthand for: “Is the US too misogynistic to vote in a *female president*?” The media stops perpetuating the narrative that powerful women are unlikable. The media starts *treating her as a candidate*, rather than *a female candidate* [10].

“Instead of asking whether women are likable enough to win, why don’t we ask all of the questions that we would ask any *male candidate*?”

Гендерная идентичность проявляется особым родом в политическом дискурсе, поддерживая гендерную асимметрию. Она заключается в отказе подчеркивать различия между мужским и женским полом.

Nan Whaley, the *mayor* of Dayton, and a *co-chair* of an effort to “draft” Brown into running [10].

Таким образом, представляется возможным констатировать, что использование лексических маркеров woman или female для обозначения биологической принадлежности в печатных СМИ амбивалентно: в дискурсивной практике мужчин-политиков деятельность женщин-политиков трактуется как вспомогательная и зависимая. Наоборот, женский политический дискурс ломает стереотипное представление о женщинах-политиках, акцентируя их стремление участвовать в политике на равноправных условиях. В данном контексте упоминание биологической принадлежности рассматривается как сексизм. *Sexist headlines* seem intended to stoke vitriol against the senator (Elizabeth Warren) running for president as they did towards Clinton [10].

Shilpa Phadke, the vice-president of the women's initiative at the Center for American Progress think-tank in Washington, said: "Of course *voter sexism* and outright *misogyny* still exist. There's a constant focus for women on what they're wearing, what they look like and the tone of their voice. It's almost as if they're not only running for president but also running for Miss America [10].

В ходе анализа контекстов проявление сексизма в политическом дискурсе можно сгруппировать в рамках нескольких прототипических стереотипов:

1) к женщинам-политикам применяются двойные стандарты –

A report by the Center for American Women and Politics at Rutgers University, released in the aftermath of the 2016 election, examined the role of gender in the campaign and found *a double standard* within perceptions of honesty and likability for women compared with men [10].

The "likability" factor nonetheless continues to loom over *women candidates*, with differing views as to whether the implication is inherently gendered [10].

Women face a double standard when it comes to public scrutiny — even as Americans say they're ready for a female president [10].

2) позиция женщин ущемлена –

Women are held to different standards from men when it comes to likability, according to Chloe Safier, a gender and women's rights consultant. "The *feminine version of likability does not allow for much ambition, intelligence or power-seeking*," she said.

The exchange illustrated how "likability" appears to still be a women-only test [10].

3) на внешность женщины-политика обращают больше внимания, чем на ее профессиональные качества –

It's a far cry from when Clinton stood alone in the 2008 primaries, and was infamously told by Barack Obama in a Democratic debate that she was "likable enough". *The coverage of Clinton in her first presidential bid drew widespread criticism for a relentless eye on everything from her personality and clothes to the tenor of her voice and what some media outlets characterized at the time as her "cackle"*.

The discussion around a woman presidential candidate's 'likability' is an updated, #MeToo-era adaptation of *discussing a woman's looks or clothes*. *It's a thinly veiled attempt at tearing someone down because they don't conform to rigid, limiting standards of gender-specific behaviour*" [10].

Safier warned: "I think Trump will be vicious to any opposing candidate in 2020, but if the opposing candidate is a woman, I think he will be vicious in a particularly gendered way. *He will pick apart a woman candidate's looks, demeanour and 'likability', because he knows that will elicit a reaction*" [10].

Однако анализ материала показал, что использование существительных женского рода в предвыборной кампании носит прагматический характер для создания не только пренебрежительной коннотации. В некоторых дискурсивных примерах прослеживается противоположная тенденция: аргумент — *female candidate* — постулируется как гарантия честности и этичности, чего нельзя ожидать от мужчин-кандидатов.

Research on gender stereotypes reveals that voters may be less likely to expect honesty and ethical behavior from men than from women," the report stated. "As a result, it is entirely possible that *women candidates might be held to higher standards than men when it comes to honesty and ethics* in their pasts and on the campaign trail" [10].

Stephanie Cutter, a former aide to Barack Obama, said the momentum sparked by Trump's election enabled *female candidates to campaign more explicitly on their gender as an asset* [10].

Phadke pointed, however, to surveys that show *a strong majority of Americans say they are ready to elect a female president*, as well as to Clinton's victory by nearly 3m ballots in the popular vote [10].

Заключение

Заполнение гендерных лакун в политическом дискурсе в англоязычных СМИ, как показало исследование, возможно при помощи образования сложных слов с элементом *woman*, либо добавлением элемента *female* перед лексемами с мужской референцией. Образование лексем при помощи суффикса —*ess* не было обнаружено. Частотность употребления лексических маркеров пола *woman* (14) или *female* (17) в политическом дискурсе объясняется большим количеством женщин-политиков. Феномен женщины-политика становится более эксплицирован, подвергаясь как критике, так и одобрению. В политическом дискурсе прослеживается использование стратегии импликации оценки путем экспликации пола, что является основным фактором гендерной асимметрии в политическом дискурсе. Политический дискурс представляет ту сферу, в которой феминистская критика языка не всегда оправдана, так как использование женских контрагентов негативно влияет на

имидж женщин-политиков. Применение антропонимов мужского рода к референту-женщине считается более целесообразным, так как это повышает статус референта. Семантические асимметрии иллюстрируют маркированность женской субкатегории, поэтому в политическом дискур-

се представляется возможным говорить о предпочтительности метагендерной формы. Анализ материала англоязычных печатных СМИ свидетельствует о тенденции сохранения гендерной асимметрии в политическом дискурсе.

Список литературы

1. Бушуева, Н. В. Сравнительный анализ мужского и женского лидерства / Н. В. Бушуева // Власть. — № 5. — 2010. — С. 27—29.
2. Гриценко, Е. С. Язык. Гендер. Дискурс / Е. С. Гриценко: Монография. — Н. Новгород: изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2005. — 267с.
3. Гриценко, Е. С., Лалетина, А. О., Сергеева, М. В. Гендер в английской культуре / Е. С. Гриценко, А. О. Лалетина, М. В. Сергеева: Коллективная монография. — Н. Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2008. — 218с.
4. Кирилина, А. В. Гендерные исследования в зарубежной и российской лингвистике / А. В. Кирилина // Общественные науки и современность. — № 4. — 2000. — С. 138—142.
5. Кириллова, О. Ю., Кукушкина, А. Г. Гендер как сложный социокультурный процесс конструирования обществом различий в мужских и женских ролях / О. Ю. Кириллова, А. Г. Кукушкина // Вопросы общего языкознания и когнитивной лингвистики: сб. науч. ст. / Чуваш. гос. пед. ун-т. — Чебоксары, 2012. — С. 26—30.
6. Лакофф, Р. Язык и место женщины / Р. Лакофф // Введение в гендерные исследования. — Харьков, 2001. — С. 784—798.
7. Надеев, Г. А. Постановка проблемы гендерной асимметрии на государственной службе / Г. А. Надеев // Молодой ученый. — № 3. — 2012. — С. 333—335.
8. Никольская, В. А. Гендерные асимметрии и стереотипы в английской фразеологии / В. А. Никольская. Дис. ... канд. филол. наук. — Н. Новгород, 2005. — 177с.
9. Oxford Advanced Learner's Dictionary. — Oxford University Press, 2015. — 1796p.
10. The Guardian [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.guardian.co.uk. — Дата обращения: 3.01.2019, 4.01.2019, 31.01.2019, 4.02.2019, 16.02.2019.

Сведения об авторах

Цыбина Надежда Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова. Н. Новгород, Россия. tsnadezhda@yandex.ru

Лукьянова Анна Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова. Н. Новгород, Россия. annanglu@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 10 (432). *Philology Sciences. Iss. 118. Pp. 199—204.*

THE GENDER ASYMMETRY IN PRINT MASS MEDIA

N.A. Tsybina,

Nizhny Novgorod state linguistic university, Nizhny Novgorod, Russia. tsnadezhda@yandex.ru

A.A. Lukyanova

Nizhny Novgorod state linguistic university, Nizhny Novgorod, Russia. annanglu@mail.ru

The article deals with the problem of gender asymmetry while creating the image of a woman-politician in English-speaking print mass media. Traditionally seen as a man's domain, the political sphere contains no

feminine counterparts. Nowadays political discourse includes women-politicians in its sphere which leads to reconsidering the roles in politics. The problem of the absence of feminine counterparts may be resolved with the help of feminist linguistics. But the analysis of the material testifies to a tendency to retain gender asymmetry in political discourse as to fill in gender lacunas by means of word formation is not always possible or the use of the feminine counterpart is negatively marked. Political discourse illustrates the preferability of the metagender form referring to a woman-politician.

Keywords: *gender, gender asymmetry, gender lacunas, gender construction, gender identity.*

References

1. Bushyeva N.V. Sravnitel'nyi analiz muzhskogo i zhenskogo liderstva [comparative analysis of male and female leadership]. *Vlast* [Power], 2010, no 5, pp 27-29. (in Russ.).
2. Gricenko E.S. *Yazyk. Gender. Diskurs*. [Language. Gender. Discourse]. N. Novgorod, 2005. 267p. (in Russ.).
3. Gricenko E.S., Laletina A.O., Sergeeva M. V. *Gender v angliiskoj lingvokulture* [Gender in English lingviculture]. N. Novgorod, 2008. 218p. (in Russ.)
4. Kirilina A.V. Gendernye issledovaniya v zarubezhnoj i rossijskoj lingvisike [Gender research in foreign and Russian linguistics]. *Obtshhestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modern time], 2000, no. 4, pp.138-143. (in Russ.)
5. Kirillova O.Yu., Kukushkina A.G. Gender kak slozhnyj sociokul'turnyj process konstruirovaniya obshchestvom razlichij v muzhskih i zhenskih roljah [Gender as a complex sociocultural process of social constructing differences of masculine and feminine roles]. *Voprosy obshhego jazykoznanija i kognitivnoj lingvistiki* [Questions of general linguistics and cognitive linguistics]. Cheboksary, 2012. pp. 26-30.
6. Lakoff R. Jazyk i mesto zhenshhiny [Language and Women's place]. *Vvedeniye v gendernyie issledovaniya* [Introduction to gender studies]. Har'kov, 2001, pp. 784-798. (In Russ.).
7. Nadeev G.A. Postanovka problem gendernoj asimmetriina gosudarstvennoj sluzhbe. [The problem definition of gender asymmetry in the government's employ]. *Molodoj uchyenyj* [Young scientist], 2012, no 3, pp. 333-335. (in Russ.)
8. Nikol'skaya V.A. Gendernye asimmetrii i stereotypy v angliiskoj fraseologii [Gender asymmetries and stereotypes in English phraseology] Dis. ... kand. filol. nauk. N. Novgorod, 2005. 177p. (in Russ.)
9. Oxford Advanced Learner's Dictionary. Oxford University Press, 2015. 1796p.
10. The Guardian. Available at: <http://www.guardian.co.uk>., accessed 3.01.2019, 4.01.2019, 31.01.2019, 4.02.2019, 16.02.2019.

ПРОБЛЕМЫ ДВУЯЗЫЧИЯ И ТРЕХЪЯЗЫЧИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В ИНДИИ)

Е. В. Шелестюк

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Описываются особенности распространения английского языка в качестве второго / третьего. На основе анализа трехязычия в Индии определены проблемы: слабое владение английским большинством населения (95%); ограничения в получении доходной квалифицированной работы; отсутствие повышения успеваемости по естественнонаучным предметам; субтрактивное преподавание коренных языков; стагнация в развитии подъязыков науки, жанров / стилей литературы коренных языков.

Ключевые слова: *английский язык, лингва франка, хинди, билингвизм, трехязычие.*

Цель настоящей статьи — обозначить социолингвистические особенности многоязычных обществ и сложности, связанные с ростом влияния английского языка как лингва франка в том виде, в котором он преподается и функционирует в настоящее время. Методы нашего исследования включают социолингвистический анализ языковых ситуаций в странах, входящих в «расширяющийся» и «внешний» круги использования английского как лингва франка, а также анализ влияния искусственного англоязычного трехязычия на социальную динамику населения, прежде всего, в областях образования, профессиональной и научной деятельности, карьерного роста, повседневного социального функционирования индивидов и гармонии их существования в родной языковой среде. Мы пытаемся обосновать естественность двуязычия, возникающего в связи с полиэтничностью общества и эндоглоссией, когда язык национального большинства становится обязательным для изучения официальным языком, при том, что языки национальных меньшинств параллельно сохраняются и развиваются во всех функциональных сферах, включая «высокие» (образование, литература, пресса, наука, театр, кино и проч.). Такое двуязычие, несомненно, налагает дополнительное бремя на функционирующих на миноритарном и официальном мажоритарном языках билингвов, но оно неизбежно в полиэтничном обществе и должно быть, как в практике советской языковой политики, компенсировано целенаправленными мероприятиями по продвижению и развитию языков национальных меньшинств.

Иное дело — искусственное трехязычие, когда ранее иностранный язык повышает свой статус до третьего и обязательного для изучения языка в государстве. Такое двух- и трехязычие представляется уже трудноподъемным бременем, когда, в случае обычных людей, неизбежно будет страдать либо качество обучения родному и национальному языку, либо образование в области специализированных предметов. Проблематично также то, что такого рода трехязычие является экзогlossным, включающим лингвокультуру, чужую и чуждую в отношении традиций и онтологии исконных языков, существующих на той или иной территории. Эти и другие проблемы трехязычия выдвигаются в качестве гипотезы и обсуждаются в статье на примерах. В заключении предлагается вывод об управляемости языковой ситуации с помощью инструментов языковой политики, а также о наиболее экологичном пути развития трехязычия. И сам анализ эмпирического материала, и предлагаемый подход к проблеме трехязычия составляют научную новизну исследования и личный наш вклад в разработку проблемы.

Трендом современной глобальной языковой политики является двуязычие и трехязычие в мононациональных и многонациональных государствах. При этом в условиях монополярности в качестве всемирного *lingua franca* выдвигается английский язык, ему придается исключительный статус среди других языков мира. Проекция англоязычного двуязычия и трёхязычия на будущее рассматривается как безальтернативный курс развития человечества,

утверждается, что подязыки глобальной науки и культуры будущего будут иметь в качестве своего кода английский язык.

Для обоснования англоязычной лингвистической гегемонии используется, в том числе, распространенная в настоящее время и гуманистическая по своей сути эколлингвистическая парадигма. Утверждается, в частности, что «современный экономический и технологический контекст требует культивирования глобального языка межэтнического общения, на роль которого подходит в настоящее время мировой английский язык. Иными словами, все желающие выйти на глобальный уровень коммуникации должны стать в обязательном порядке билингвами. Единственной опцией представляется распространение такой языковой экологии, при которой поддерживается индивидуальный билингвизм или даже «элитарный полилингвизм» [2]. Такое обоснование представляется нам парадоксальным, поскольку введение английского языка на одном уровне обучения с исконными языками определенно меняет естественно сложившуюся языковую ситуацию многонациональных государств, то есть меняет, фигурально выражаясь, равновесие языковой экосистемы. Это связано с тем, что английская лингвокультура более экспансивна, чем большинство других лингвокультур мира, она имеет тенденцию вытеснять местные языки из «высоких» социальных сфер коммуникации.

На протяжении ряда веков английский язык посредством торговли, военных действий, колониального захвата активно проникал на разные территории, влиял на языки и саму культуру народов. В постколониальную эпоху он официально признан первым либо вторым иностранным языком на многих зависимых землях. Однако англоязычный билингвизм и трехязычие исторически не сопровождалось и, собственно, не были нацелены на строительство и развитие национальных и этнических языков и культур. Британская языковая политика не предусматривала языкового строительства / развития на колониальных территориях или коренизации государственного управления на исконных языках. Думается, нельзя признать конструктивными такие проявления англосаксонской языковой политики, как, например, попытки упрощения языкового ландшафта и сокращения языкового разнообразия переводением в колониальный период много-

численных этносов и лингвокультур Индии на санскрит (после возникновения в Европе «моды» на этот язык) и на английский [11]. Или казус современного демонстративного мультикультурализма и номинального многоязычия в Австралии, в которой столетиями происходил физический и этнокультурный геноцид коренного населения.

В зоне англоязычного влияния не выработано традиции и не ставится целью развивать дискурс среднего и высшего образования на национальных языках, подязыки специальных дисциплин и наук. Например, в Африке и в Юго-Восточной Азии, включая Индию, обучение в старших классах средней школы проводится преимущественно, а в высших учебных заведениях — полностью на английском языке [20. С. 8—10]. Научные труды в постколониальных странах, особенно в естественных науках, пишутся практически исключительно по-английски, эта тенденция в современных условиях однополярной гегемонии приобретает мировой масштаб. Такое положение вещей препятствует развитию подязыков науки на коренных языках, а неравноправная интернационализация науки, расширяя и обогащая англоязычный сегмент, ведет к затуханию национальных сегментов научного исследования.

Также нет нацеленности на сохранение и упрочение культурной идентичности народов. Местные институты часто вытесняются и насаждаются те, которые приняты в англоязычном мире, либо происходит добровольное копирование англосаксонских институтов. Насаждение англосаксонских институтов — важная часть корпоративно организованного контроля над институтами стран мира, закрепляющее мировую иерархию.

Не стимулируется развитие, но отмечается регресс и духовное упрощение национальных литератур на исконных языках, произведений культуры, сведение их к уровню экзотической этнической культурной продукции. Еще чаще исконные сюжеты, мотивы, темы, проблемы и герои заменяются унифицированными шаблонами, принятыми в англоговорящем мире и распространенными по всему миру. Пресса также сводится к уровню «этноэкзотики» или унифицируется, черпая сюжеты из одних и тех же западных источников. Английская лингвокультура существенно меняет сам «код» и систему ценностей попавших в зону ее влияния народов.

Создается впечатление, что в попытке увековечить английский язык в качестве мирового, культурная, духовно-мировоззренческая и концептуально-историческая обусловленность знаний о мире языком, обозначенная еще В. Гумбольдтом, игнорируется. Это происходит несмотря на современные исследования по лингвокультурологии, так или иначе подтверждающие ее справедливость. Игнорируется и культурно-идеологическая основа самого дискурсивно-текстового материала, используемого в обучении английскому языку и других предметов на английском языке, однобокость учебников и пособий, издаваемых в большом количестве в центральных англосаксонских странах в рамках концепции «английского как товара» (English As Commodity) [12].

Как следствие экспансии и закрепления английского языка в «высоких» функционально-коммуникативных сферах, его внедрения в качестве второго или третьего, сворачивается суверенное развитие национальных языков, их обогащение за счет исконного вербально-понятийного, графического и морфосинтаксического материала, их жанрово-стилистическое усложнение, подязыковая дифференциация. Заимствования лексики и целостных формул общения (транскрипцией либо калькированием) из английского языка зачастую полностью не ассимилируются, порой сохраняя даже изначальное графическое начертание на латинице. Что касается синтаксиса и морфологии, то английский язык — аналитический язык с чертами грамматической изоляции — проще многих языков по синтаксическому строю и морфологической системе, и его активное внедрение может привести к эрозии их грамматики. В этом плане особенно следует отметить упрощение синтаксиса, отражающего логико-смысловые и прагматико-риторические связи высказываний. Англоязычные стилистические каноны предписывают «популяризацию» высоких стилей, в т. ч., наряду с отказом от высокого риторического пафоса в пользу яркой идиоматичности и разговорности лексики, — отказ от сложного синтаксиса. В этом плане перенос англоязычных паттернов может быть чреват утратой ряда союзов, выражающих причинно-следственные и прочие логические связи, избегание распространенных в книжном стиле русского языка сложных предложений, синтак-

сических конструкций, причастных и деепричастных оборотов¹.

Отметим, что российская традиция языковой политики, образования и просвещения коренным образом отличается от англосаксонской. Она исторически предусматривала институционализацию культуры, фольклора, литературы, театра на исконных языках народов в зоне российского влияния, коренизацию в местных условиях прессы, образования, науки, управления и делопроизводства, стимулирование непрерывного постепенного языкового строительства национальных языков, развитие их жанрово-стилевых разновидностей, подязыков профессиональной коммуникации и науки на исконном материале,

¹В.Н. Комиссаров [5] отмечает большую по сравнению с русским языком семантическую имплицитность английского языка и сброс разнородных высказываний без экспликации логических связей между ними. Так, «для стиля английских газет и публицистических материалов характерно объединение в одном предложении разнородных, относительно независимых мыслей. Такое «нанизывание» в одном высказывании мыслей, слабо связанных логически, несвойственно русскому языку... В переводе такому высказыванию часто соответствуют несколько самостоятельных предложений». «В английском языке логические связи между отдельными высказываниями часто обнаруживаются лишь в самом их содержании и особо не выражаются. Русский же язык предпочитает использовать специальные слова и вводные обороты, указывающие на тот или иной тип связи». «Для научно-технических материалов английского языка характерно преобладание простых предложений, которые, по приблизительным подсчетам, составляют в среднем свыше 50% общего числа предложений в тексте. В то же время число сложных предложений сравнительно невелико. (Как указывалось выше, в обоих языках сложноподчиненные предложения преобладают над сложносочиненными). Это явление несвойственно соответствующему стилю в русском языке, где сложные предложения используются очень широко». Сходным образом, публицистическому стилю английского языка свойственно «наличие кратких самостоятельных сообщений (1—3 высказывания) внутри длинных предложений». Синтаксис научного и публицистического стилей в русском языке носит более книжный характер «с частым употреблением сложных, особенно сложноподчиненных предложений, причастных и деепричастных оборотов... Особо следует указать на именной характер этих стилей, который выражается, в частности, в высокой частотности отыменных предлогов (в области, в отношении, в целях, по линии, в соответствии), сложных отыменных союзов (ввиду того что, в связи с тем что, с тем чтобы), глагольно-именных сочетаний с ослабленным значением глагола (оказывать помощь, находить применение)...».

расширение лексико-понятийного состава, синтаксических структур и т. д. Так, присоединение значительной части Казахстана на рубеже XIX—XX вв. к России способствовало развитию казахской культуры, в том числе литературы, введению казахского языка как предмета в образование (серед. XIX в.), появлению светского образования на нем, развитию прессы (с 1870). Просветители А. Кунанбаев, И. Алтынсарин, Ч. Валиханов развивали литературный язык, записывали эпос и фольклор, переводили произведения писателей Азии, России, Европы, создавали оригинальные труды на казахском и русском языках. В XIX—XX вв. создавали произведения акыны М. Утемисов, Ш. Жарылгасов, С. Аронов, Д. Бабатаев, Ш. Канаев, М. Монкеев, Б. Кожагулов, А. Найманбаев, С. Тастанбекова, А. Корамсин, Ж.-М. Байжанов, Дж. Джабаев. Советский период породил плеяду таких писателей как Г. Мустафин, С. Мауленов, Ж. Мулдагалиев, М. Ауэзов, А. Нурпеисов, Т. Ахтанов, Д. Досжанов, О. Сулейменов, С. Муканов, М. Каратаев и др. Российские и казахские лингвисты описывали и развивали казахский язык: А. Байтурсунов (внес изменения в арабский алфавит, описал казахскую грамматику), Н. А. Баскаков (классифицировал тюркские языки, развивал новый алфавит на основе латинской графики), С. А. Аманжолова (разработал казахский алфавит на кирилловской графике), М. Б. Балакаев, С. К. Кенесбаев и др. [4].

Взаимное влияние русского и других языков, входящих в евразийскую зону, породило тесные исторические связи между ними, вербально-понятийные и структурные сходства. Долговременные взаимные влияния лингвокультур вызвали появление общей идентичности составляющих их национальностей [6, 3]. Р. Якобсон называл евразийское объединение языков евразийским языковым союзом, О. Трубачёв — русским, В. Топоров — центрально-азиатским. Это особый тип ареальной исторической общности языков, возникший на протяжении веков внутри обширной евразийской границы. Евразийский лингвокультурный союз сформировался еще в составе Российской Империи, в СССР и обновляется в СНГ при посредстве русского языка [6]. Отмечается тесная связь развития языков и литератур евразийского языкового союза, общие формы общественного, правового, философского, научного, религиозного, этического и эстетического сознания его народов. При этом интернационалистическая идеология революции 1917 года не ослабила, но укрепила ду-

ховные узы евразийской цивилизации; евразийские писатели, поэты и мыслители в своем творчестве объединили национальные / цивилизационные и социалистические эгалитарные идеи и тем самым достигли вершин гуманистического отражения мира. Вмешательство в евразийское лингвокультурное развитие на равных английского языка и культуры, закрепивших иные цивилизационные коды, идеологию, приоритеты и ценности (индивидуализм, конкурентность, элитаризм, потребительство), может быть чревато культурной дезинтеграцией и социальной дезорганизацией Евразии.

Разумеется, суверенизация казахской лингвокультуры и ее переход от статуса миноритарной и заимствующей по отношению к русской лингвокультуре в СССР к статусу мажоритарной и дающей в независимом государстве Казахстан связаны со значительными сложностями. Однако этот постепенный процесс неизбежен. Желательно, чтобы в ходе этого процесса взаимное обогащение и интеграция казахской и русской лингвокультур продолжались, чтобы евразийский языковой союз сохранял самобытность и цивилизационную особость. Англоязычное трехязычие, на наш взгляд, этому не будет способствовать, но лишь нивелирует языковое пространство Казахстана под глобальный монополярный стандарт. Тот резон, обосновывающий трехязычие, что, поскольку английский в результате экспансии распространился в качестве *lingua franca* на большинство сфер международного общения, следует его сделать обязательным для изучения во всех странах, не представляется нам убедительным. Вопрос универсального языка международного общения или, по Э. Сепиру, международного вспомогательного языка (IAL) для мировой коммуникации, слишком сложен, чтобы решать его, во-первых, практикой закрепления английского языка в качестве второго / третьего, а во-вторых, фактом навязывания его *by fiat*.

В качестве примера проблем, связанных с трехязычием, опишем языковую ситуацию в одной из стран, где англоязычное трехязычие имеет место уже давно — Индии. Наряду с государственным языком, языком национального большинства — хинди — и родным языком, разным для разных этносов, английский язык выполняет в Индии роль второго языка и обслуживает «высокие» функциональные сферы социальной коммуникации. В современной Индии английский язык является одним из 23 государственных языков, граждане должны изучать и знать его как основной язык межэтнического общения.

Трехязычие сложилось в этой стране исторически, оно обусловлено рядом факторов, изначально — колониальным прошлым Индии, использованием в ней английского как языка взаимодействия колонии и метрополии, британской политикой распространения английского для межэтнического взаимодействия народов Индии. Англоязычное лобби использовало давление и принцип «разделяй и властвуй», чтобы английский язык стал лингва франка, т. е. общим средством коммуникации для носителей различных первых языков (сначала между англичанами и индийцами, а позже между самими индийцами) [11. С. 163].

После обретения Индией независимости в 1947 г. проводилась коренизация и национальное языковое строительство, касающееся хинди и других индийских языков; 14 сентября 1947 г. хинди был провозглашен государственным языком прежней британской колонии, был определён 21 официальный язык, на которых говорит значительная часть населения или которые имеют классический статус. Конституция Индии, принятая в 1950 году, предусматривала хинди в качестве единственного официального языка государства Индии, а английский язык смог получить статус официального языка спустя 15 лет, когда южные штаты выступили против хинди. В результате компромисса английский был принят в качестве официального языка (закреплено парламентским актом 1963 г.), и были даны заверения в том, что английский будет по-прежнему являться лингва франка. До конца 1980-х хинди не удалось закрепить в качестве общего языка нации, в то время как английский отвоевывал утраченные позиции.

С 1990-х, после краха СССР и выдвижения США как монополярного глобального центра, английский язык начал быстро распространяться в качестве второго языка Индии. С одной стороны, шла интеграция государства в глобальный рынок с англоязычным центром, и Индия испытывала потребность в квалифицированных специалистах в различных сферах деятельности, что побуждало изучать английский язык для получения необходимого опыта зарубежных экспертов [10]. С другой стороны, культивируемая извне мода, престижность, статусность английского языка, пропаганда того, что знание его обеспечит возможность учиться в лучших университетах и продвигаться в карьере, позиционирование английского как «нейтрального» в полиэтничном государстве, рекламирование его как «обещания свободы», «языка усиления» ('emancipatory promise' [20]; 'language

of power / empowerment' [21]), языка социальной мобильности в неравноправном кастовом обществе обусловили спрос на английский со стороны населения.

Трёхязычная формула предполагает изучение трех разных языков родной или/ и региональный, государственный (хинди), второй или иностранный (английский в подавляющем большинстве случаев). Более подробно сочетания языковых курсов (composite courses) обозначены в [13]. Более 90% учебных заведений на начальной и средней ступенях дают знания на английском [20]. По числу носителей, согласно переписи, языки распределяются так: хинди (422 милл.), бенгальский (83 милл.), телугу (75 милл.), маратхи (71 милл.), тамильский (60 милл.), урду (51 милл.), гуджарати (46 милл.) и пенджаби (29 милл.) [8]. По сферам функционирования в настоящее время в Индии сложилась другая иерархия языков, упрощенно:

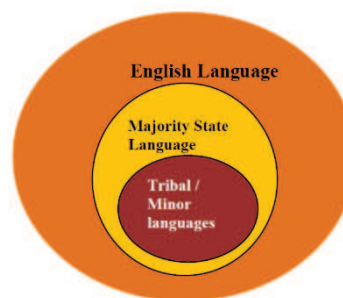

Рис. 1. Language Hierarchy in India [13].

Государственные школы предоставляют, наряду с языковым образованием на государственном / региональном и родном языках, обучение английскому языку. Кроме того, в последнее десятилетие в Индии появилось значительное количество частных английских школ в городах и особенно в сельской местности, которые обещают студентам поступление в престижные высшие учебные заведения и получение рабочих мест в частных и государственных организациях, где требуется знание английского языка. Так, в 2012 году, почти 30% детей в Индии были зачислены в частные школы, к 2018 г. их число увеличилось [7. С. 47]. Тем не менее, отмечается ряд трудноразрешимых проблем, связанных с англоязычным образованием.

Во-первых, реальность такова, что, хотя преподавание английского языка и является повсеместным, в большинстве штатов и для большинства индийцев оно ведется на недостаточно продвинутом уровне, и практически всегда абитуриенты при поступлении в высшие учебные заведения сталкиваются с языковой проблемой. Сторонники

англизации в образовании требуют привлечения компетентных преподавателей со знанием «правильного» иностранного языка и дорогостоящей учебной литературы. Среди методик они предпочитают прямой метод, т. е. «погружение» в культуру изучаемого языка. Вместе с тем предложение услуг англоязычных (британских / американских) преподавателей английского в качестве иностранного в Индии ограничено, потому что большинство школ, несмотря на поддержку правительства, финансово не могут позволить себе нанимать квалифицированных носителей английского языка для обучения детей. Существующее положение не может компенсировать и деятельность агентств, таких как NCERT, SCERT, EFLU (ранее CIEFL, т. е. Центральный институт английского и иностранного языков), RIE (региональные институты английского языка), университетских департаментов образования и НПО, которые проводят обучающие и ориентационные программы для национальных учителей и методистов. Внедряемые ими программы и методики зачастую не адекватны культурным и возрастным особенностям учащихся [13. С. 62].

Статистика показывает, что знание английского языка у большинства граждан оставляет желать лучшего. По оценкам социологов, лишь около 2—5 % (по оптимистическим подсчетам, 8—11 %) жителей Индии являются англоговорящими [11; 14]. Индийские студенты приходят в высшее образование и на рабочие места с неадекватными навыками английского языка, а, как упоминалось выше, «высокие» функциональные сферы коммуникации обслуживаются практически исключительно английским. Ведущие университеты и индийские компании выдвигают в качестве требования претендентам хороший уровень владения этим языком, понимания речи и текстов на нем. Но этот уровень невысок, и лишь один из пяти учащихся после 10 лет обучения в средней школе поступает в колледж [26]. До 92—93 % претендентов на управляющие должности и 65—75 % на инженерные и медицинские должности отвергаются из-за плохого английского [17]. Очевидно, что эти цифры не дают достаточных оснований для суждения о благополучной ситуации с английским языком в Индии. Как видно, английский язык вносит в эту область дополнительные сложности, которых не существовало бы, если бы высшее образование велось преимущественно на хинди и / или региональном языке, принятом в том или ином штате.

Во-вторых, далеко не очевидно, что англоязычное образование способствует лучшему усвоению

специализированных предметов, особенно точных и естественных наук. Напротив, ряд исследований показывает, что как раннее обучение английскому языку, так и преподавание большого количества предметов на нем не дает хороших результатов, т. к. ведет к запоминанию большей части информации без понимания и творческого использования знаний по специализированным предметам [19; 20]. Например, учащиеся, которые поступили в частные школы английского языка, демонстрировали худшие результаты по математике по сравнению с теми, кто поступил в частные школы с обучением на телугу [20]. Непродуманное трехязычие, предполагающее почти одновременное обучение на трех языках, еще более усложняет проблему. Знания большинства учащихся поверхностны, многие из них не справляются с учебной программой.

В-третьих, английский язык преподается субтрактивно, т. е. человек при этом не получает систематизированных знаний о родной культуре и языке. Лучшим же типом дву- и многоязычного обучения в настоящее время считается аддитивный, т. е. когда изучение второго и третьего (иностранного) языка происходит на основе родного [20]. Англоязычное образование отчуждает представителей этнических меньшинств и «низших» каст как от исторически близкого хинди, установленного в качестве государственного, так и от собственных лингвокультур, меняя культурный код их носителей, способствуя глобальной политике англоязычной гегемонии. Двойственность положения этнических и социальных меньшинств (например, касты далитов), состоит в том, что, с одной стороны, для них образование на английском как «языке власти» (language of power) становится синонимом усиления (empowerment), а с другой, многие их представители понимают, что английский язык подрывает национальный дух индийцев, вторгаясь в ниши, выполняемые в суверенных государствах исконными языками: администрирования, массовой информации, образования, политических отношений и гражданского общества, литературы — и занимая их [23].

В-четвертых, английский язык не устраняет, а закрепляет неравноправие и неравенство. С одной стороны, это касается неравенства языков, языковой иерархии (см. схему выше), связанного с экспансивностью английского языка, разработанностью социальных технологий его продвижения и закрепления в «высоких» сферах управления, бизнеса, образования, культуры и т. д. С другой стороны, это касается закрепления социального неравен-

ства. Действительно, представители индийского высшего и среднего класса имеют более легкий доступ к английскому языку, закрепляя за собой принадлежность к «внутреннему кругу» англофонов, к «внутреннему кругу власти и привилегий» [18]. Одновременно, для подавляющего большинства индийских студентов английский становится источником социального разделения и изоляции [19; 20]. Обещание социальной мобильности, которую знание английского языка якобы обеспечивает представителям этнических меньшинств и «низших» каст, оказывается ложным, большинство населения не достигает уровня, достаточного для получения высшего образования и квалифицированных рабочих мест. Таким образом, несмотря на огромные ресурсы, направленные на преподавание английского языка и двуязычие, больше людей, чем когда-либо, не могут приобрести необходимые им языковые навыки для того, чтобы добиться успеха в школе, получить удовлетворительную работу и участвовать в политической жизни общества и своих общин. «Лингвистический парадокс нашего времени состоит в том, что общества, которые выделяют огромные ресурсы для преподавания и обучения языкам, не смогли или не захотели устранить мощные лингвистические препятствия на пути полного участия населения в основных институтах современного общества» [25. С. 7].

В-пятых, как говорилось выше, англоязычное образование в средней и высшей школе закрепляет стагнацию коренных языков, в т. ч. замедляет или останавливает в них развитие подязыков, жанров и стилей науки, профессиональной коммуникации, литературы, публицистики на исконном языковом материале.

Сторонники нелиберальной глобализации сетуют, что уровень образования в Индии является низким (например, [27]). При этом проблемы образования, политической жизни и экономической ситуации увязываются со слишком большим участием центральной государственной власти, недостаточной автономизацией штатов, недостаточной приватизацией, низким владением английским языком. Утверждается, что меры по изменению системы языкового обучения в сторону увеличения англоязычного обучения способны улучшить как качество образования, так и экономическую ситуацию в стране. Это означает, что глобальные структуры в лице ряда англоязычных стран («international education hubs such as the UK, US, Canada and Australia») готовы вкладываться в образование, экономику отдельных индийских

штатов и выстраивать с ними благоприятные отношения при условии закрепления английского языка в качестве *lingua franca*, англоцентричной глобализации и глобальной интеграции индийского высшего образования и науки. Эту линию выражает Британский совет по образованию [24], заявляющий об активном формировании глубоких связей с индийскими институтами, в т. ч. через исследовательские и обменные программы. Однако, в свете обозначенных выше данных возникают сомнения, что англоизация образования и науки реально способствуют повышению их качества, постколониальный опыт Индии этого однозначно не подтверждает.

В настоящее время в отношении английского языка в Индии происходят изменения. С одной стороны, до недавнего времени государство нуждалось в квалифицированных специалистах со знанием английского языка, исходя из приоритетности экономического и дипломатического сотрудничества с англоязычными мировыми державами как фактора дальнейшего экономического и культурного развития. С другой стороны, тенденции последних лет показывают, что однополярный мир с англоязычным доминированием уходит в прошлое. И, несмотря на популярность изучения и статус мирового языка, английский начинает терять свои позиции. В последнее время предпринимаются более систематические усилия по укреплению индийских языков как языков знаний. В 2012 году был создан Центр индийских языков в области высшего образования, который стремится создавать программы и материалы на индийских языках и внедрять их в учебные планы. В рамках деятельности этого центра пишутся учебники и междисциплинарные хрестоматии, делаются переводы с других индийских языков и английского, аудио и видео материалы, создаются цифровые ресурсы [16]. Одновременно изучаются стратегии двуязычной и многоязычной педагогики, лоббируются университетские гранты и повышение зарплаты для преподавателей, продвигающих индийские языки в системе образования, университеты (напр., Азима Премджи) создают механизмы, позволяющие отойти от английского как единственного языка обучения в высшей школе [19; 20]. В свете последних шагов национально-ориентированного правительства Нарендры Моди в области языковой политики, есть вероятность, что произойдет ограничение английского языка за счет более широкого изучения коренных языков, прежде всего, хинди. Так, в 2017 г. изучение

хинди стало обязательным для учеников с 1 по 10 класс государственных школ, аффилированных с центральным советом по делам среднего образования [22]. В 2014 г. премьер-министром Моди был подписан законопроект, ограничивающий использование государственными служащими английского в блогах и социальных сетях Google, Facebook, Twitter. Предпочтение необходимо отдавать хинди, учитывая его историческую и культурную ценность, либо включать в свою речь лексику английского и хинди. Мотивацией для чиновников должно служить денежное вознаграждение в размере 2 тыс. рупий ежедневно. Такое решение вызвало поддерживаемую сторонниками англоизации протестную кампанию среди носителей других коренных языков, утверждающих, что граждане говорят на 100 различных языках, при этом количество носителей хинди составляет лишь около 40% населения. Правительство заняло компромиссную позицию и, согласно последним изменениям, внесенным в законопроект, реформа коснется только северных регионов [1].

Суммируем некоторые проблемы, связанные с английским языком в Индии: 1) хотя преподавание английского языка повсеместно, только около 2—5% индийцев владеют этим языком на достаточно хорошем уровне, 92—93% претендентов на руководящие должности и 65—75% на инженерные и медицинские должности отклоняются из-за плохого английского; 2) англоязычное обра-

зование не способствует лучшему усвоению специализированных предметов, особенно точных и естественных наук; 3) английский преподают субтрактивно, то есть человек не получает систематизированных знаний о своей родной культуре и языке; 4) английский не устраняет, а усиливает неравенство; 5) обучение на английском языке в средней и высшей школе усиливает стагнацию языков коренных народов, замедляет или останавливает развитие подязыков, стиля / жанров науки, профессионального общения, литературы, журналистики на материале оригинального языка.

В качестве заключения отметим, что на распространение в стране неродного языка влияет языковая политика в глобальном и национальном масштабе. Тенденции лингвокультурной интеграции / суверенизации и языковой политики говорят о том, что влияние английского языка уменьшится до уровня межкультурного коммуникационного кода, также он должен перестать быть инструментом социальной дифференциации и внедрения концептов англоязычной культуры. Представляется, что в будущем обучение в учебных заведениях Индии будет проводиться на хинди и языках национальных меньшинств. Английский язык, по-видимому, останется частью многоязычной лингвистической экологии страны, но в качестве вспомогательного языка межнациональной коммуникации и науки, т. е. языка, очищенного от культурной информации стран «внутреннего круга» [20].

Список литературы

1. Власти Индии решили отказаться от английского языка / Росбалт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2014/08/11/1302622.html> (дата обращения: 20.04.2018).
2. Гришаева, Е. Б. Типология языковых политик и языкового планирования в полиэтническом и мультикультурном пространстве (функциональный аспект). Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Е. Б. Гришаева. — Красноярск, 2007.
3. Дианова, Л. П. Русский язык в речевой культуре билингов. Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. П. Дианова. — М.: РУДН, 2011.
4. Казахская Советская Социалистическая Республика // БСЭ — Большая советская энциклопедия (3-е изд., 1969—1978). — Том 11. — М.: Сов. энциклопедия, 1973. — С. 445—511.
5. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / В. Н. Комиссаров. — М.: Высш. шк., 1990. — 253 с.
6. Шапошников, А. К. Академик О. Н. Трубочев о роли русского языка в СССР и СНГ / А. К. Шапошников // Русский язык как язык межкультурного и делового сотрудничества в полилингвальном контексте Евразии: Материалы 2-го международного конгресса / Отв. ред. Н. Ж. Шаймерденова. — Астана: ИД «Сарыарка», 2009. — С. 71.
7. *ASER (Annual Status of Education Reports 2014 and earlier)*. New Delhi: ASER Centre. URL: <http://www.asercentre.org>.
8. Aula, Sahith. The Problem with the English Language in India / Sahith Aula / Forbes, Nov 6, 2014. URL: <https://www.forbes.com/sites/realspin/2014/11/06/the-problem-with-the-english-language-in-india/#51f6a2b8403e>.

9. Bilingual Education in India Education. URL: <https://www.ukessays.com/essays/education/bilingual-education-in-india-education-essay.php>.
10. English language education in India. URL: <https://saundz.com/english-language-education-in-india/>.
11. Gupta-Basu, A. The Trap of English as Universal Medium in Colonial and Postcolonial Discourse on India. A Historical Review of Attitudes towards English in India. Inauguraldissertation zur Erlangung des Grades eines Doktors der Philosophie im Fachbereich Erziehungswissenschaften der Johann-Wolfgang-Goethe-Universität zu Frankfurt am Main / A. Gupta-Basu. — Frankfurt-am-Main: University of Frankfurt, 1999.
12. McCallen, B. English: A World Commodity. The International Market for Training in English as a Foreign Language. Special Report 1166 / B. McCallen. — London: The Economist Intelligence Unit, 1989.
13. Meganathan, R. English Language Education Situation in India: Pedagogical Perspectives / R. Meganathan // *The Journal of English as an International Language*. — 2015, 10 (1). — P. 48—66.
14. Montaut, A. English in India: the role of the elite in the national project / A. Montaut // *Problematising Language Studies, Cultural, Theoretical and Applied Perspectives, Essays in Honor of Rama Kant Agnihotri*. I. Hasnain & S. Chaudhary. New-Delhi, Inde: Aakar Books. — P. 83—116.
15. Muralidharan, K., Sundararaman, V. The Aggregate Effect of School Choice: Evidence from a two-stage experiment in India / K. Muralidharan, V. Sundararaman // *Quarterly Journal of Economics* 130 (3), 2010. — P. 1011—1066.
16. Niranjana, T. Indian languages in Indian higher education / T. Niranjana // *Economic and Political Weekly*, 48 (12). 23 March, 14—19, 2013. URL: http://download.tiss.edu/School_of_Education/CILHE/EPW_report_Indian_Languages_in_Indian_Higher_Education.pdf.
17. Puri, A. English Speaking Curse / A. Puri // *Outlook*. 24, March 2008. URL: <http://www.outlookindia.com/article/English-Speaking-Curse/237015>.
18. Ramanathan, V. 'English is here to stay': A critical look at institutional and educational practices in India / V. Ramanathan // *TESOL Quarterly*. — 33(2), 1999. — P. 211—231.
19. Rao, A. Giridhar. The foreign medium: English and other non-mother tongues in India / Giridhar A. Rao // *The Gandhian Idea*. — December 2015. URL: <http://www.teacherplus.org/2015/december-2015/the-foreign-medium-english-and-other-non-mother-tongues-in-india> (Accessed: 24.03.2018).
20. Rao, A. Giridhar. The (Illusory) Promise of English in India / Giridhar A. Rao // *Why English? Confronting the Hydra* / P. Bunce, R. Phillipson, V. Rapatahana and R. Tupas (eds.). — Bristol: Multilingual Matters, 2016. — P. 197—207.
21. Sharifian, F. English as an International Language: An Overview / F. Sharifian // *English as an International Language Perspectives and Pedagogical Issues* / Edited by Farzad Sharifi. — Bristol: Multilingual Matters, 2009. P. 1—10.
22. Studying Hindi to become mandatory for Class 10 students of KV, CBSE affiliated schools / *India Today*. 18 April 2017. URL: <https://www.indiatoday.in/education-today/news/story/cbse-972061—2017—04—18> (Accessed: 18.03.2018).
23. Tharakeshwar, V. B. Caste and Language: The Debate on English in India // *English in Dalit Context* / Ed. Alladi Uma, Suneetha Rani and Murali Manohar. — Orient Blackswan, 2014. URL: <https://ru.scribd.com/document/223479650/Caste-and-Language> (Accessed: 20.09.2019).
24. The Indian States Opportunities for International Higher Education Collaboration (January 2015). URL: www.britishcouncil.org/education/ihe
25. Tollefson, J. W. Planning Language, Planning Inequality: Language Policy in the Community / J. W. Tollefson. — London: Longman, 1991. — 234 p.
26. UIS (UNESCO Institute of Statistics), Education: Gross enrolment ratio by level of education — India. (2015). URL: <http://data.uis.unesco.org/>
27. Why the world's biggest school system is failing its pupils / *Economist*. — June 8th, 2017.

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 10 (432). Philology Sciences. Iss. 118. Pp. 205—215.

PROBLEMS OF BILINGUALISM AND TRILINGUALISM (EXEMPLIFIED BY THE LANGUAGE SITUATION IN INDIA)

Elena V. Shelestyuk

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia; shelestiuk@yandex.ru

The article describes the features of the spread of English as a second / third language in the countries of the “outer” and “expanding” circles. As an example of trilingualism, the linguistic situation in India is discussed. Some problems associated with English are specified: 1) although teaching English is ubiquitous, only about 2-5% of Indians are English-speaking, 92-93% of applicants for management positions and 65-75% for engineering and medical positions are rejected due to poor English; 2) English-language education does not contribute to a better mastery of specialized subjects, especially sciences; 3) English is taught subtractively, i.e. a person does not receive systematized knowledge about his native culture and language; 4) English does not eliminate, but reinforces inequality; 5) English-language education in middle and high school reinforces the stagnation of indigenous languages, slows down or stops the development of sublanguages, genres/styles of science, professional communication, literature, journalism on the original language material. The importance of purposeful language policy on a global and national scale is emphasized. Trends in linguocultural integration / sovereignty and language policy suggest that the influence of English will diminish to the level of a cross-cultural communication code, rather than an Anglo-culture-inculcating tool.

Keywords: *English, lingua franca, Hindi, bilingualism, trilingualism.*

References:

1. Vlasti Indii reshili otkazat'sya ot angliyskogo yazyka [The authorities of India decided to abandon the English language]. *Rosbalt* [Electronic resource]. URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2014/08/11/1302622.html> (accessed: 04/20/2017). (In Russ.).
2. Grishaeva E.B. *Tipologiya yazykovykh politik i yazykovogo planirovaniya v polietnicheskom i mul'tikul'turnom prostranstve (funktsional'nyy aspekt)* [Typology of language policies and language planning in a multi-ethnic and multicultural space (functional aspect)]. Abstract of Dis. Dr. Phil. Krasnoyarsk, 2007. (In Russ.).
3. Dianova L.P. *Russkiy yazyk v rechevoy kul'ture bilingvov* [Russian language in the bilingual speech culture]. Abstract of Dis. Cand. Phil. Moscow, RUDN, 2011. (In Russ.).
4. The Kazakh Soviet Socialist Republic. *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [The Great Soviet Encyclopedia] (3rd ed.). Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1969-1978, Volume 11, pp. 445–511. (In Russ.).
5. Komissarov V.N. *Teoriya perevoda (lingvisticheskiye aspekty)* [Theory of Translation (linguistic aspects)]: Textbook for institutes and faculties of foreign languages, Moscow, High School, 1990. 253 p. (In Russ.).
6. Shaposhnikov A.K. Akademik O.N. Trubachev o roli russkogo yazyka v SSSR i SNG [Academician O.N. Trubachev on the role of the Russian language in the USSR and the CIS] // *Russkiy yazyk kak yazyk mezhkul'turnogo i delovogo sotrudnichestva v polilingval'nom kontekste Yevrazii* [Russian as the language of intercultural and business cooperation in a multilingual context of Eurasia]: Proceedings of the 2nd International Congress, ed. N.Zh. Shaymerdenova, Astana, Saryarka Publishing House, 2009. P. 71. (In Russ.).
7. *ASER (Annual Status of Education Reports 2014 and earlier)*, New Delhi: ASER Centre. URL: <http://www.asercentre.org> (Accessed: 25.09.2019)
8. Aula Sahith. The Problem with the English Language in India. *Forbes*, Nov 6, 2014. URL: <https://www.forbes.com/sites/realspin/2014/11/06/the-problem-with-the-english-language-in-india/#51f6a2b8403e> (Accessed: 14.04.2018).
9. *Bilingual Education in India Education*. URL: <https://www.ukessays.com/essays/education/bilingual-education-in-india-education-essay.php> (Accessed: 18.02.2018).
10. *English language education in India*. URL: <https://saundz.com/english-language-education-in-india/> (Accessed: 25.02.2018).

11. Gupta-Basu A. *The Trap of English as Universal Medium in Colonial and Postcolonial Discourse on India. A Historical Review of Attitudes towards English in India*. Inauguraldissertation zur Erlangung des Grades eines Doktors der Philosophie im Fachbereich Erziehungswissenschaften der Johann-Wolfgang-Goethe-Universität zu Frankfurt am Main, Frankfurt am Main: University of Frankfurt, 1999.
12. McCallen B. English: A World Commodity. *The International Market for Training in English as a Foreign Language. Special Report 1166*, London: The Economist Intelligence Unit, 1989, pp. 1–25.
13. Meganathan R. English Language Education Situation in India: Pedagogical Perspectives // *The Journal of English as an International Language*. 2015, 10 (1), pp. 48–66.
14. Montaut A. English in India: the role of the elite in the national project // *Problematizing Language Studies, Cultural, Theoretical and Applied Perspectives, Essays in Honor of Rama Kant Agnihotri*. I. Hasnain & S. Chaudhary. New-Delhi, Inde, Aakar Books, 2010, pp. 83–116.
15. Muralidharan K., Sundararaman V. The Aggregate Effect of School Choice: Evidence from a two-stage experiment in India. *Quarterly Journal of Economics*, 130 (3), pp. 1011–1066.
16. Niranjana T. Indian languages in Indian higher education. *Economic and Political Weekly*, 48 (12), 23 March 2013, pp. 14–19. URL: http://download.tiss.edu/School_of_Education/CILHE/EPW_report_Indian_Languages_in_Indian_Higher_Education.pdf (Accessed: 20.02.2018)
17. Puri, A. English Speaking Curse. *Outlook*, 24 March 2008. URL: <http://www.outlookindia.com/article/English-Speaking-Curse/237015> (Accessed: 05.03.2018).
18. Ramanathan, V. 'English is here to stay': A critical look at institutional and educational practices in India. *TESOL Quarterly* 33(2), 1999, pp. 211–231 (Accessed: 20.02.2018).
19. Rao, A. Giridhar. The foreign medium: English and other non-mother tongues in India. *The Gandhian Idea* December 2015 URL: <http://www.teacherplus.org/2015/december-2015/the-foreign-medium-english-and-other-non-mother-tongues-in-india> (Accessed: 22.02.2018).
20. Rao, A. Giridhar. The (Illusory) Promise of English in India // *Why English? Confronting the Hydra*. P. Bunce, R. Phillipson, V. Rapatahana and R. Tupas (eds.) Bristol, Multilingual Matters, 2016, pp. 197–207.
21. Sharifian, F. English as an International Language: An Overview // *English as an International Language Perspectives and Pedagogical Issues*. Edited by Farzad Sharifi. Bristol, Multilingual Matters, 2009, pp. 1–10.
22. Studying Hindi to become mandatory for Class 10 students of KV, CBSE affiliated schools / *India Today*. URL: <https://www.indiatoday.in/education-today/news/story/cbse-972061-2017-04-18> . (Accessed: 18.02.2018)
23. Tharakeshwar, V. B. *Caste and Language: The Debate on English in India in English in Dalit Context*, Ed. Alladi Uma, Suneetha Rani and Murali Manohar. Orient Blackswan, 2014.
24. *The Indian States Opportunities for International Higher Education Collaboration*, January, 2015. URL: www.britishcouncil.org/education/ihe (Accessed: 18.02.2018).
25. Tollefson, J.W. *Planning Language, Planning Inequality: Language Policy in the Community*. London: Longman, 1991.
26. *UIS (UNESCO Institute of Statistics), Education: Gross enrolment ratio by level of education – India*, 2015. URL: <http://data.uis.unesco.org/> (Accessed: 20.02.2018).
27. Why the world's biggest school system is failing its pupils. *Economist*, 8th June, 2017.

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ СУБСТАНТИВОВ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБОРОТАХ КАК СПОСОБ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КОННОТАЦИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РОССИЙСКИХ СМИ)

Яньян Ли

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

В данной работе на материале контекстов, извлеченных из современных российских СМИ, рассматривается коннотация в результате преобразования имен существительных во фразеологизмах. Цель исследования состоит в том, чтобы анализировать варьирование именных слов или словосочетаний в ФЕ, выявить специфику коннотативных сем фразеологических единиц и особенности коннотаций субстантивов в преобразованных фразеологических единицах.

Ключевые слова: фразеологизм, субстантив, коннотация, преобразование, русский язык.

1.1. Воспроизводимость языкового знака.

По мнению Фердинанда де Соссюра, между языковыми элементами существуют два типа отношений — синтагматические и ассоциативные [11. С. 50—54]. При этом ассоциативный план играет особенно важную роль в процессе приращения смысла, добавления вторичного значения к первичной номинации. Р. Барт считал, что «ассоциативный план теснейшим образом связан с языком как системой» [3. С. 139—140], поэтому он предложил такое понятие, как «коннотативная система», «план выражения которой сам является знаковой системой» [3. С. 157]. Коннотация представляет собой сложное, многогранное явление в лингвистике — это специфическая семантическая категория, включающая в себя стилистическую окраску, а также эмотивный, экспрессивный и оценочный компоненты. Коннотация может проявиться в единицах всех языковых уровней, но прежде всего в области лексики и фразеологии.

Язык есть средство познания мира. По мнению Ю. М. Лотмана, «язык — это код плюс его история» [9. С. 13]. Языковой знак как вместилище исторических событий бессознательно вызывает у человека соответствующее представление об окружающем его мире, национальной культуре и т. п., то есть слово обладает воспроизводимостью. В. Н. Телия считала, что воспроизводимость слова — «особый феномен языка, явно контрастирующий с общим для дискурсивных практик законом свободного выбора и комбинации языковых структур» [14. С. 4] Свойство воспроизводимости слова дает основание для реализации значений слов и приращения смысла (порождения пере-

носных значений). Такая особенность языкового знака проявляется прежде всего во фразеологических единицах.

1.2. Особенности фразеологизмов. Фразеологизмы — квинтэссенция мудрости носителей языкового коллектива, представление национальной культуры, традиций, народного быта и мировосприятия и т. д. Помимо воспроизводимости, фразеологизмы характеризуются также устойчивостью, содержательностью, экспрессивностью, эмоциональностью и оценочностью. При этом под устойчивостью фразеологизма подразумевается не неизменность его значения, а соблюдение принципа экономии языка и сохранность его значения на более долгое время по сравнению со свободными словосочетаниями. Фразеологизм, особенно имя существительное в нем, представляет собой феномен изменчивый, соотносимый с когнитивными возможностями науки на определенном этапе ее развития [15. С. 174]. По мнению В. Г. Костомарова, «во фразеологии проявляется и общее стремление к вербальному обновлению, в частности и к изменению формы многих традиционных обозначений» [6. С. 142]. Фразеологизмы, как любые другие явления в мире, находятся в динамическом состоянии, хотя эти изменения могут быть не очень заметными в настоящее время. Варианты фразеологизма проявляются 1) в форме, например: *гнуть в дугу (в три дуги), куда метнул (хватил), голова (сердце, дума) горит, не по летам (по годам), ни гроша (за душой), сесть на своего (любимого) конька* и др.; 2) в содержании, например: *на ногах* (прежнее значение: «очень занятой человек»; новое значение: «здоровый человек»), за-

дать тон (прежнее значение: 'играть важную роль в каком-то деле'; новое значение: 'занимать место лидера'), *бить челом* (прежнее значение: 'кланяться, выражая уважение к кому-либо'; новое значение: 'жаловаться на кого-либо') и др.

Н. М. Шанский отметил, что «фразеологизмы не создаются в процессе общения, а воспроизводятся как готовые целостные единицы» [17. С. 24]. По мнению ученого, фразеологизмы включают в себя крылатые слова, пословицы и поговорки, идиомы и др. Фразеологические единицы (ФЕ) в большинстве случаев обладают дополнительными значениями, которые помогают интерпретировать национальную культуру, духовный или исторический опыт. В. В. Виноградов выделил три типа ФЕ: фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания. Фразеологические сращения являются непроизводными и немотивированными и представляют собой «семантическую единицу, однородную со словом, лишенным внутренней формы» [4. С. 126]. У фразеологических сращений сильна семантическая слитность, а у фразеологических единств — способность порождения переносного значения, поэтому многозначный фразеологизм есть фразеологическое единство. В. В. Виноградов указывал, что «фразеологическое единство исторически изменчиво и не нуждается в соответствиях подлинной этимологии образа» [Там же]. Значение фразеологического единства вытекает из значения его компонентов, поэтому оно обладает мотивированностью. Фразеологические сочетания представляют собой фразеологически связанные, устойчивые сочетания, которые употребляются в качестве готовых фразеологических единиц, они воспроизводимые, а не вновь организуемые в процессе речи [4. С. 160], например, *держат руку на пульсе*, *бить баклуши*.

1.3. Коннотативные семы фразеологизма.

Фразеологизмы занимают особое место в языке, выполняя его познавательную функцию и в то же время рассматривая объект в коннотативном аспекте. Основная цель употребления фразеологизма в речи заключается не только в наименовании предмета высказывания, но и в передаче рациональной (интеллектуальной) или эмоциональной оценки адресату, выражении общекатегориальных или индивидуальных отношений к описанному делу. Видно, что достижение такой цели тесно связано с использованием коннотативных компонентов. Ю. Д. Апресян отметил, что коннотации материализуются в переносных значениях, мета-

форах и сравнениях, производных словах, фразеологических единицах [1. С. 163]. Денотативные и коннотативные семы фразеологического оборота составляют его содержание, образуя целостное значение.

В. Н. Телия дает следующее определение термину «культурная коннотация»: «это в самом общем виде интерпретация денотативного или образно мотивированного, квазиденотативного, аспектов значения в категориях культуры» [13. С. 214]. Выявление коннотаций фразеологизмов способствует более глубокой интерпретации языковых единиц, которые обладают национально-культурной спецификой. Так, в китайской культуре слово ЛИЦО является многозначным, не только обозначая переднюю часть головы человека, переднюю сторону предмета, но и символизируя достоинство, статус в обществе. Данное слово встречается в достаточном большом количестве фразеологизмов, например: *потерять лицо*, *нет лица*, *большое лицо*, *цвет лица*, *красное лицо*, *зеленое лицо*, *белое лицо*, *тыкать в лицо* и т. д. Следует отметить разницу в значениях фразеологического сочетания *нет лица* в русской и китайской культурах. В русском языке сочетание *нет лица* означает заметное изменение облика человека, вызванное потрясением, волнением или болезнью, а в китайском языке это словосочетание является серьезным оскорблением, обозначая человека, который не имеет стыда и совести. Это сочетание используется редко, и интеллигенция обычно не употребляет его. Если в процессе коммуникации люди из разных стран не обращают внимание на разницу между культурами, не учитывают коннотативные значения слов или словосочетаний, язык может стать яблоком раздора вместо самого эффективного инструмента общения.

В. Н. Телия рассматривает коннотации как «макрокомпонент значения, который включает в себя наряду с образно-ассоциативным комплексом ... эмотивную модальность и стилистическую маркированность» [12. С. 199]. Возникновение коннотаций (переносного значения) во фразеологизме основывается на его первичном значении, используется метафорический и ассоциативный способ, способ образного переосмысления и др. Коннотативный аспект — это «стилистическая окраска фразеологических единиц, их эмоционально-экспрессивная сторона» [8. С. 310]. Таким образом, коннотация связана не только с семантикой слова, но и с эмотивной модальностью и стилистической окрашенностью. В коннотативных компонентах

фразеологизмов уделяется внимание отношению носителя языка к внеязыковым сущностям, поэтому усиливается эффективность языкового воздействия. Коннотация используется для указания на менее фиксированные и, следовательно, более условные и изменяемые ассоциативные значения, которые варьируются от примера к примеру и тем самым зависят от конкретного человека. На коннотативном уровне знака изменяются ситуативные системы взглядов и идей коммуникантов, что ведет к трансформации смыслов. Текст в качестве готового продукта речи «открывает доступ к моделированию стратегий и тактик говорящего» [16. С. 171]. Когда коннотативное значение ФЕ реализуется в текстах, особенно в текстах СМИ, то выявляет ее скрытую коннотацию (семантический потенциал).

2.1. Преобразование субстантивов ФЕ. Коннотативный компонент произведен от номинативного. В процессе изучения коннотативного значения какого-либо слова нельзя целиком отделить его от сути (этимологического значения) этого слова, они неразрывны. Фразеологизм как языковая единица также обладает планом выражения и планом содержания, последний включает в себя три компонента: денотативный, сигнификативный и коннотативный. Денотативный компонент значения предполагает типовое представление предметов и явлений внеязыковой действительности, которые существуют в материальном пространстве. Сигнификативный компонент значения соотносится с комплексом признаков, которые непосредственно составляют содержание понятия, существуют в идеологическом (абстрактном, ассоциативном) пространстве. Коннотация рассматривается как совокупность семантических иерархий, как дополнительная информация по отношению к сигнификативно-денотативному значению. Коннотация способна указать на социокультурные и персональные ассоциации (идеологические, эмоциональные и т. д.) денотативного значения.

Ядро (центр) коннотативной насыщенности фразеологизма расположено в субстантивных фразеологических единицах. По мнению О. С. Ахмановой, субстантивное словосочетание — «словосочетание с именем существительным в роли главного слова» [2. С. 460], субстантивные фразеологические единицы представляют собой фразеологизмы, где существительное функционирует в качестве главного члена, т. е. именное слово здесь используется как стержневой компонент выражения. Большинство ФЕ происходит из застывших частей пословиц, по-

говорок, а также из метонимии, метафоры и сравнения. Субстантивные ФЕ представляют собой особые устойчивые словосочетания, обладающие многозначностью и вариативностью, такие особенности субстантивных ФЕ четко проявляются в текстах СМИ. Корреспонденты нередко изменяют или добавляют компоненты ФЕ (в большинстве случаев изменяются субстантивные фразеологические единицы: *Будет лень* — *будет пицца*, *Старость* — *не гласность*) в своих статьях, чтобы привлечь внимание читателей, описать ситуацию и выразить свою точку зрения интересно, содержательно, иронично. Например, *С Кореей* — *поскорее*. *Пхеньян и Сеул не откладывают мир в долгий ящик* (РИА Новости, 28.04.2018). В словарях фразеологизмов русского языка фразеологизм *откладывать / отложить в долгий ящик* обозначает 'откладывать / отложить исполнение какого-нибудь дела на неопределенное время' и обычно обладает отрицательными коннотациями. По мнению В. В. Виноградова, данное фразеологическое единство звучит как каламбур, потому что «в современном русском языке *долгий*, раскрывая основное значение этой фразы, воспринимается в связи с *ящик* как иронически двусмысленный образ» [4. С. 129]. Добавляя существительное *мир* в данный фразеологический оборот, автор статьи имеет в виду, что Южная Корея и КНДР наконец-то сделали первые шаги для реализации нормальных дипломатических отношений между двумя странами, и при этом подчеркивает, что серьезный конфликт между государствами оставался неразрешенным в течение многих лет. Употребление фразеологизма и добавление к нему существительного придает новости особую экспрессивность и помогает в полной мере раскрыть авторский замысел.

2.2. Особенности коннотаций субстантивов во фразеологических единицах. Причина многогранности и сложности семантики ФЕ заключается в том, что они не только называют (описывают) объект, реальную действительность, но и выражают отношение, оценку говорящего к ним. Субстантив во фразеологических единицах является интенсификатором, который выполняет функцию наименования и сохранения дополнительного скрытого значения, то есть коннотации. Значение фразеологизма нельзя полностью отождествлять с лексическим значением слова, т. к. в структуре значения фразеологизма определяется гораздо больше сем, или семантических компонентов. Коннотация субстантивных ФЕ имеет ту же сущность, что и коннотация слова, и аналогичные

составляющие компоненты: оценочный, эмоциональный, экспрессивный и стилистический.

Оценочный компонент коннотации субстантивных ФЕ выражает точку зрения говорящего на отрицательные, нейтральные и положительные свойства обозначаемого или описанного в целом. Оценка соответствует узуальным нормам ценностной картины мира человека, сформировавшейся на основе его жизненного опыта, сложившейся в определенном языковом коллективе под влиянием национальной истории, философии и культуры. Оценочность является базовым элементом в изучении коннотативного значения ФЕ. Оценка принадлежит прагматической части ФЕ и является центром в иерархической структуре коннотативного компонента значения ФЕ, которая разделяется на интеллектуальную и эмоциональную оценочность.

Интеллектуальная оценка ФЕ содержится в таких субстантивах, в которых указывается специфика обозначаемого объекта или действительности. Рассмотрим заголовок статьи: *УМА ПОТОЛОК. Человечество становится глупее, потому что «стареет»*, — с такими сенсационными заголовками вышли на днях западные СМИ (Огонек, № 37, 18.09.2017. С. 4). Фразеологизм *ума палата* обозначает, что человек обладает блестящим интеллектом, широким кругозором, глубокими познаниями разного характера. В представленном заголовке заменили существительное ПАЛАТА на ПОТОЛОК, использование вариантного фразеологизма подчеркивает, что IQ человечества больше не растет так, как раньше, и в то же время дается соответствующая интеллектуальная оценка — отрицательная.

Эмоциональная оценка дается на основе чувств, опыта и эмоций, вызываемых описанными предметами и действиями, а не на общелогических критериях, например: *Сам себе режиссер. Американские санкции американцам не помеха. США, которые придумали антироссийские санкции и заставили присоединиться к запретам Европу, сами их не соблюдают* (РИА Новости, 07.09.2018). В данном контексте наблюдается вариативное употребление фразеологизма *счет дружбе не помеха*, где субстантив СЧЕТ заменяется на словосочетание *американские санкции*, благодаря чему выражается ироничное отношение автора к политике Соединенных Штатов: они установили правила, но сами их не соблюдают.

Оценочные нормы и шкала оценок, существующие в ценностной картине мира общества в целом

и отдельно взятого индивидуума, подвергаются влиянию с разных сторон и непрерывно изменяются. Так, существительное ЖАБА в китайском языке обладает положительными коннотациями, поскольку в китайской культуре жаба является символом богатства. В других языках это существительное обычно обладает отрицательными коннотациями, так как жаба воспринимается как нечто внешне отвратительное. Также и слово ДРАКОН: в традиционной национальной культуре Китая дракон символизирует волшебную, неведомую силу, является воплощением верховного божества, а также символом императора в древнем Китае. В большинстве случаев в китайской культуре дракон — это поборник справедливости и правды, поэтому существительное ДРАКОН обладает положительными коннотациями, а в западной культуре дракон воспринимается как демоническая сущность.

Фразеологизм — это произведение народного творчества, квинтэссенция народной мудрости. В художественных произведениях, публицистических текстах и устной речи он нередко подвергается различным изменениям, причем внесенные поправки являются значимыми для носителей данного языкового коллектива. Поэтому варианты фразеологических единиц как нельзя лучше указывают на скрытые коннотации.

Эмотивный компонент коннотации ФЕ обычно связан с компонентом, имеющим оценочную окраску. Соответственно, эмотивный компонент выражает отношение и чувство говорящего к действию или предмету: радость, недовольство, негодование и др. А. В. Кунин рассматривал эмоциональность в языковом преломлении как «чувственную оценку объекта, выражение языковыми или речевыми средствами чувств, настроений, переживаний человека» [8. С. 52]. Эмоции испытываются, демонстрируются и отражаются в языке адресанта, который сознательно показывает адресату свои чувства и отношение к описываемому. Устный или письменный чувственно воспринимаемый знак используется как «проекция возможной ситуации» [5. С. 23]. Эмоциональный компонент — это результат отражения эмоций в слове или словосочетании в процессе их словесного описания и семантизации, с помощью которой субстантивные ФЕ вербализируются и семантизируются, приобретают дополнительное смысловое значение.

Экспрессивный компонент коннотации зависит от образности ФЕ, которая помогает усиливать характеристику обозначаемого, в результате

чего и проявляется экспрессивность коннотации. Основными средствами усиления образности коннотации являются метафорический и метонимический перенос, добавление прилагательного в соответствии с требованиями контекста. Если в семантике преобладают экспрессивные оценочные семы, то они являются основой формирования эмоционально оценочного фона. Например, заголовок одной из новостей в газете «Профиль»: **Трудовые резервы по осени считают. Пенсионная реформа призвана снизить дефицит кадров в экономике, однако побочным эффектом может стать рост безработицы** (Профиль, 25.06.2018). Исходное выражение звучит так: *Цыплят по осени считают*. В этой новости заменили «симпатичное», обладающее положительными коннотациями существительное ЦЫПЛЯТА на «холодное» словосочетание *трудовые резервы*, читатели бессознательно ощущают подобный контраст, что вызывает у них волнение по поводу новой пенсионной реформы. Видно, что экспрессивность, образность коннотативного компонента ФЕ дополняют его оценочность.

Экспрессивность языка предполагает определенное воздействие на читателей или слушателей. При этом если одно слово или словосочетание выполняет прагматическую функцию, то можно сказать, что оно обладает экспрессивностью, например: *Делу — время, киловаттом — в темя. В Литве и Латвии подорожает ток* (РИА Новости, 24.11.2018). Фразеологизм *Делу время, потехе час* подчеркивает то, что нужно и делом заниматься, и отдыху уделять внимание, а преобразование второй части данного фразеологизма иронически указывает на тот факт, что тариф на электроэнергию превысил разумные пределы для граждан этой территории. Безусловно, измененный фразеологизм обладает отрицательными коннотациями, но при этом новый образ и новая оценочность фразеологизма приносят адресату свежесть и интерес. Поэтому можно сказать, что главная задача слова или словосочетания заключается не в наименовании того или иного объекта окружающей действительности, а в воздействии на собеседника [7. С. 53]. В соответствии с данной концепцией все ФЕ обладают свойством экспрессивности.

Стилистический компонент коннотации фразеологизма обычно определяется в зависимости

от стиля языка: книжный (*лик, очи, клич*), нейтральный (*лицо, глаза, крик*), разговорный (*морда, мигалки, галдеж*). О. Г. Ревзина считает, что «понимание стилистических значений как коннотативных позволило собрать воедино явления, относящиеся к разным сторонам устройства языка: фонетике, лексике и др.» [10. С. 439]. Например, **Война войной, а инвестиции по расписанию** — как *Киев живет на деньги России* (РИА Новости, 30.08.2018). Исходный фразеологизм *Война войной, а обед по расписанию* обозначает следующее: «никакие сторонние события, проблемы не должны сказываться на привычном ритме жизни человека». В заголовке заменили субстантив ОБЕД с нейтральной стилистической окраской на слово ИНВЕСТИЦИЯ, относящееся к книжному стилю речи, что повышает экспрессивность выражения данной информации. Дополнительно подчеркивается тот факт, что, несмотря на негативное отношение Украины к России, Россия не перестает оказывать ей финансовую поддержку.

Выводы. В. В. Виноградов писал, что «языковое творчество состоит в изменении и перегруппировке фразеологических связей слов, в формировании новых контекстов их употребления» [4. С. 136]. Фразеотворчество переплетается с развитием семантики языковых единиц: их актуализация, выявление скрытых семантических и словообразовательных потенциалов активизирует новые сочетания, которые превращаются во фразы разной устойчивости [6. С. 152]. Тексты СМИ предоставляют ФЕ большую платформу для воплощения самых разных оттенков их значений. И форма, и значение ФЕ изменяются по мере развития науки, культуры и других сторон общественной жизни, причем подобные преобразования касаются прежде всего имен существительных в составе фразеологизмов.

Семантическую структуру фразеологических единиц можно представить как микросистему, все элементы которой тесно связаны и взаимодействуют между собой. Существительные особенно активно участвуют в процессе образования коннотативных значений, именно поэтому преобразование субстантивных фразеологических единиц относится к одним из самых продуктивных способов образования коннотаций в языке, составляет определенный фон культуры и знания данного социума.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды / Ю. Д. Апресян. — Том 2. — М.: Языки русской культуры, 1995. — 767 с.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — М.: Советская энциклопедия, 1966. — 608 с.
3. Барт Р. Основы семиологии / Р. Барт // Структурализм: «за» и «против». — М.: Прогресс, 1975. — С. 114—163.
4. Виноградов В. В. Лексикология и лексикография / В. В. Виноградов. — М.: Наука, 1977. — 310 с.
5. Витгенштейн Л. Логико-философский тракт / Л. Витгенштейн. — М.: АСТ, 2018. — 160 с.
6. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи / В. Г. Костомаров. — М.: Педагогика-Пресс, 1994. — 248 с.
7. Кругликова Л. Е. Структура лексического и фразеологического значения / Л. Е. Кругликова. — М.: Изд-во МГПУ, 1988. — 86 с.
8. Кунин А. В. Фразеология современного английского языка (опыт систематизированного осмысления) / А. В. Кунин. — М.: Международные отношения, 1972. — 289 с.
9. Лотман Ю. М. Культура и взрыв / Ю. М. Лотман. — М.: Гнозис; Прогресс, 1992. — 272 с.
10. Ревзина О. Г. О понятии коннотации / О. Г. Ревзина // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве: сборник научных статей к 80-летию профессора Клавдии Васильевны Горшковой. — М.: Изд-во МГУ, 2001. — С. 436—446.
11. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики / Ф. Соссюр // Введение в языковедение. — М.: Аспект Пресс, 2000. — С. 5—54.
12. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В. Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. — М.: Наука, 1988. — С. 173—204.
13. Телия В. Н. Русская фразеология / В. Н. Телия. — М.: Языки русской культуры, 1996. — 288 с.
14. Телия В. Н. Язык и общество / В. Н. Телия. — М.: МАКС Пресс, 2005. — 260 с.
15. Чернейко Л. О. Внутренняя форма слова и ее типология / Л. О. Чернейко // Исследования по семантике: Межвузовский научный сборник. Посвящается юбилею профессора Р. М. Гайсиной. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. — С. 174—189.
16. Чернейко Л. О. Новые объекты и инструменты лингвистики в свете старых понятий / Л. О. Чернейко // Лингвистическая полифония: Сборник статей в честь Р. К. Потаповой. — М.: Языки славянских культур, 2007. С. 150—183.
17. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. — СПб: Специальная литература, 1996. — 192 с.

Сведения об авторе

Яньян Ли — аспирантка филологических наук кафедры русского языка филологического факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. Москва, Россия, selina.li2007@yandex.ru.

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 10 (432). *Philology Sciences. Iss. 118. Pp. 216—222.*

THE TRANSFORMATION OF THE SUBSTANTIVES IN THE IDIOMS AS A WAY OF CONNOTATIONS' OCCURRENCE (BASED ON THE RUSSIAN MEDIA)

Yanyan Li

Lomonosov Moscow state University, Moscow, Russia. selina.li2007@yandex.ru

The article considers the connotation as a result of the transformation of nouns in phraseological units on the material of contexts, which were extracted from modern Russian media. The core (center) of phraseological connotative saturation is located in substantive phraseological units. The noun in phraseological units is an intensifier that performs the function of naming and preserving its additional hidden meaning — connotation. The connotation of the noun in an idiom has the same essence as the word's connotation, and

it has similar components: evaluative, emotional, expressive and stylistic. The media texts provide a great platform for nouns in idioms to embody a variety of shades of their meanings. The purpose of the study is to analyze the variation of nominal nouns in idiomatic units by the example of media materials, to identify the specificity of connotative semes in phraseological units and the peculiarities of substantive connotations in the transformed phraseological units.

Key words: *idiom, substantive, connotation, transformation, Russian language.*

References

1. Apresyan, Yu. D. *Izbrannyye trudy* [Selected Works]. V. 2., M.: YAzyki russkoy kul'tury, 1995. (In Russ.). 767 p. (In Russ.)
2. Akhmanova O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1966. 608 p. (In Russ.).
3. Bart R. [Barthes R.] *Osnovy semiologii* [The basics of semiology]. *Strukturalizm: «za» i «protiv»* [Structuralism: “for” and “against”], M.: Progress, 1975, pp. 114-163. (In Russ.).
4. Vinogradov V. V. *Leksikologiya i leksikografiya* [Lexicology and lexicography]. M.: Nauka, 1977. 310 p. (In Russ.).
5. Wittgenstein L. *Logiko-filosofskiy traktat*. [Tractatus Logico-Philosophicus]. M.: AST, 2018. 160 c. (In Russ.).
6. Kostomarov V.G. *Yazykovoy vkus epokhi* [The language taste of the era]. M.: Pedagogika-Press, 1994. 248 c. (In Russ.).
7. Kruglikova, L.E. *Struktura leksicheskogo i frazeologicheskogo znacheniya* [The structure of the lexical and phraseological meanings]. M.: Izd-vo MGPU, 1988. 86 c. (In Russ.).
8. Kunin A.V. *Frazeologiya sovremennogo angliyskogo yazyka (opyt sistematizirovannogo osmysleniya)* [The phraseology of the modern English language (the experience of systematized comprehension)]. M.: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 1972. 289 c. (In Russ.).
9. Lotman Yu.M. *Kul'tura i vzryv* [Culture and explosion]. M.: Gnozis; Progress, 1992. 272 c. (In Russ.).
10. Revzina O.G. *O ponyatii konnotatsii* [On the notion of connotation]. *Yazykovaya sistema i yeyo razvitiye vo vremeni i prostranstve: Sb. nauchnykh statey k 80-letiyu prof. K. V. Gorshkovoy* [The language system and its development in time and space: Sat. scientific articles on the 80th anniversary of prof. K.V. Gorshkova]. M.: Izd-vo MSU, 2001. pp. 436-446. (In Russ.).
11. Saussure F. *Kurs obshchey lingvistiki* [Introduction to linguistics]. *Vvedeniye v yazykovedeniye* [Course in General linguistics]. M.: Aspekt Press, 2000, pp. 5-54. (In Russ.).
12. Telia V.N. *Metaforizatsiya i yeyo rol' v sozdanii yazykovoy kartiny mira* [Metaphorization and its role in creating a linguistic picture of the world]. *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira* [The role of the human factor in language: Language and picture of the world]. M.: Nauka, 1988. pp. 173-204. (In Russ.).
13. Telia V.N. *Russkaya frazeologiya* [Russian phraseology]. M.: YAzyki russkoy kul'tury, 1996. 288 c. (In Russ.).
14. Telia V.N. *Yazyk i obshchestvo* [Language and society]. M.: MAKS Press, 2005. 260 c. (In Russ.).
15. Cherneyko L.O. *Vnutrennyaya forma slova i yeye tipologiya* [The internal form of the word and its typology]. *Issledovaniya po semantike: Mezhdvuzovskiy nauchnyy sbornik. Posvyashchayetsya yubileyu professora R.M. Gaisinoy* [Research on semantics: Interuniversity scientific collection. Dedicated to the jubilee of Professor R.M. Gaisina]. M.: RIC BashSU, 2013. pp.174-189. (In Russ.).
16. Cherneyko L.O. *Novyye ob'yekty i instrumenty lingvistiki v svete starykh ponyatiy* [New objects and tools of linguistics in the light of old concepts]. *Lingvisticheskaya polifoniya: Sbornik statey v chest' R.K. Potapovoy* [Linguistic polyphony: Collection of articles in honor of R.K. Potapova]. M.: YAzyki slavyanskikh kul'tur, 2007. pp. 150-183. (In Russ.).
17. Shansky N.M. *Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka* [The phraseology of the modern Russian language]. SPb.: Spetsial'naya literatura, 1996. 192 c. (In Russ.).

ANTHROPOMORPHISM IN LANGUAGE STUDIED THROUGH THE PRISM OF EMBODIMENT*

S. A. Pesina^{1,2}, L. G. Yusupova³, I. R. Pulekha⁴

¹ St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions

² St. Petersburg State University

³ Ural State Mining University

⁴ Magnitogorsk State Technical University named after G. I. Nosov

Cognitive linguistics emphasises the importance of studying the phenomenon of “embodiment” (corporeity) through the prism investigating the central role of the human body (its structure and functioning). The idea of embodiment is employed to describe a social and cultural context in which the human body functions, cognition is materialised and language developed. The present paper verifies a hypothesis stating that the human body largely determines vital aspects of our experience and existence in general.

Key words: *cognitive linguistics, embodiment, metaphor, semantic structure of the word, concept, consciousness.*

The nature of our biological morphology (including the structure and functioning of our body), together with that of the physical environment with which we interact, determines almost all aspects of our experience and existence in general. Spheres of concepts that form in our cognitive domains and the nature of the reality that we think and speak about interact with our body: what we can perceive and understand often stems from our embodied experience.

From the point of view of linguistic-cognitive aspects of our approach, the matter in arm will have relevance to native speakers’ ensuring continuity of linguistic thinking by means of traditionally formed categories that reflect information about their way of life and daily practice, etc. In this regard, we are interested in the degree of the anthropomorphism of language lexemes which are the most commonly used in daily life and in how anthropomorphism is involved in the formation of semantic structures of polysemants, and therefore, in the shaping of the linguistic picture of the world [6; 7].

*Перевод статьи: Песина С. А., Юсупова Л. Г., Пулеха И. Р. Антропоморфизм в языке сквозь призму воплощения // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 1 (423). Филологические науки. Вып. 115. С. 106—112.

The article was originally published in Russian as: Pesina S. A., Yusupova L. G., Pulekha I. R. Anthropomorphism v jazike skvoz prizmu voplotschenia [Anthropomorphism in language studied through the prism of embodiment] // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologicheskiye nauki [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology]. 2019, No. 1 (423), pp. 106-112.

A semantic space studied in this paper is connected with the anthropomorphic reflection of reality as a distinctive feature of one of the most significant segments of the conceptual and linguistic picture of the world. In general, such knowledge consists in the accumulation of cognitive attainments and ideas about the surrounding reality that are the most well-established in a linguistic community and imprinted in the structure of polysemantic words nominating both the human body and objects that make up man’s immediate environment. Accordingly, this is of interest to cognitive linguistics because it is a question of the structuring and further storage of entire layers of information together with corresponding cognitive mechanisms necessary for extracting a particular meaning in the process of their actualisation. Since similar mechanisms involve the functioning of such semantic elementary items as invariants, the matter will concern an invariant method of studying semantic fields taken for an analysis.

With the anthropomorphic approach, the principle of language development is employed in a close connection with man’s existence, when it is a human that becomes a centre of linguistic and conceptual pictures of the world and a measure of spiritual and material values. Considering themselves as a centre of reality, an individual perceives everything around themselves as a reflection of their existence. In this respect, a search for a systemically important basis of specifically figurative and emotional-sensual anthropomorphic nature in the content-related organisation of language lexemes led us to a semantic analysis of vocabulary. The given

insight presents the system-based approach to nominative anthropomorphism in language through the prism of embodiment processes, involving the identification of national-specific features of native speakers' anthropomorphic picture of the world.

Broadly defined, the hypothesis of embodiment (corporeality) is connected with a statement that man's physical, cognitive and social niches specify our conceptual and linguistic systems. From this point of view, the human mind should bear an imprint of embodied experience (in traditional linguistics — anthropocentrism: a house stands on a hill).

In a physiological sense, the term “embodiment” refers to changes in development, which the human body experiences, while transforming from a zygote to a fetus or from a child to an adult individual. Thus, the equally important meaning of the term “embodiment” correlates with evolutionary changes which the human body undergoes in the course of its genetic history.

In a neurophysiological sense, the term “embodiment” refers us to certain neuron structures and areas that correlate with functions such as the metaphorical projection and integration of image schemes oriented at a spectator in a visual system, etc. Such neuron structures and regions may be also perceived as models of activity at the conceptual and psychological level of processing.

Embodiment has also a phenomenological meaning in which it can refer us to associations between our body and acts of conscious and thought-out reflection on various structures of our experience. Many features of cognition are “embodied”, i.e. they deeply depend on characteristics of the physical body.

In this sense, it is logical that R. Descartes opposed the idea of the embodiment of knowledge, therefore “embodiment” is also used as a concise term for the Cartesian philosophical relationship of the mind and the body. Thus, employing the exemplary interpretation of the term “triangle”, Descartes came to the conclusion that knowledge is unembodied, that is to say the latter fundamentally does not depend on any particular bodily sensation.

Finally, now the term “the embodiedness of knowledge” is also widely used in cognitive robot engineering. A variant of the implementation of schematic images is often associated with projects of humanoid robots, particularly where work that is performed by robots depends on specific morphological characteristics of a robot's body (morphology is used here in a biological rather than linguistic sense).

The above-mentioned ideas have led to today's confusion regarding what the term “embodiment” means in cognitive linguistics. Thus, some theorists argue

that this term is associated with a linguocultural theory of embodiment and with studies in the field of the schematism of mental processes, whereas other scientific schools persist in attempts made to connect embodiment with the study of physiological and nervous sensations of man.

This confusion in the use of the term “embodiment” in cognitive linguistics is also associated with the original formulation of G. Lakoff and M. Johnson's hypothesis concerning the structuring of metaphors. In particular, the authors maintained that we usually and quite predictably (i.e. according to certain algorithms) project figurative and schematic models of scholastic attainments from a more embodied source domain to a less understandable target domain for the purpose of better understanding [9]. In other words, every reflection between elements of a source and elements of a target is of a unidirectional kind: a reflection scheme is projected from a source to a target, rather than from a target to a source.

Yet modern formulations of embodiment hypotheses are based on a fact that theories in cognitive linguistics have certain neuron and physiological orientation. We absolutely agree that man's corporal embodiment is extremely essential for the study of their conceptual structures. In this regard, the following statement may be cited: “advocates of the disembodied mind will, of course, say that conceptual structure must have a neural *realisation* in the brain, which just *happens* to reside in a body. But they deny that anything about the body is essential for characterising what concepts are” [9. P. 46]. Studies in cognitive science confirm the existence of the interdependence of conceptual and perceptual processes, on the one hand, and physiological and neurophysiological ones — on the other.

Returning to the problems related to studies of embodied consciousness in linguistics, we may state a fact that one and the same neuron system involved in the comprehension of how our body is structured and how it functions plays a central role in processes of the conceptualisation and, further on, verbalisation of formed concepts. That is, the most important argument for the embodiment hypothesis is a fact that the same neuron mechanisms causing the activity of the lower level, such as perception and movement, are considered to be the most essential for the development of cognitive abilities of the higher level, namely, the causality of our actions, deductions and conceptualisation in general. So, according to G. Lakoff and M. Johnson's opinion, “the very properties of concepts are created as a result of the way the brain and body are structured and the way they function in interpersonal relations and in the physical world” [9. P. 37]. Obviously, in the future, neu-

rolinguistics will be destined to study processes of the interaction of specific neuronical and physiological processes for a more detailed study of man's conceptual activity in different environments and cultures.

As far as cognitive linguistics is concerned, the embodiment theory may provide an explanation for the so-called problem of "complex metaphors" which are classified as conceptual metaphors (G. Lakoff). Their logical abstract essence is understood as part of the physical world which reflects objects of varying degrees of importance.

Our task includes finding and reconstructing an integral, though somewhat customary (naive), view of the world, inherent in language. It is a kind of collective philosophy which is imposed upon all native speakers, being obligatory to them. In this regard, an emphasis is placed on an anthropomorphic holistic lingual picture of the world. Proceeding from this, it is also necessary to distinguish the anthropomorphic picture of the world as a fragment of a holistic lingual picture of the world, described and presented by means of metaphors, metonymies and fixed phrases as the main types of figures of speech. Turned out to be in the linguocultural environment of a particular language within a respective language content and assimilating relevant realities, an individual lands in a synergetically developing cultural and lingual space.

Within the framework of this paper and using a material of specific semantic structures of words, we will demonstrate a fact that our body (or rather its structure and functioning) determines important aspects of our thinking and existence. The description of the functioning of the human body is absolutely projected both on objects surrounding us and abstract concepts which are in many cases difficult to comprehend.

Thus, the major meaning of the English noun *arm* may be interpreted as "the upper limb of the human body, reaching from the shoulder to the wrist", i.e. '*manus*'. Some metaphors presented below reflect a comparison of various objects and artifacts with the appearance and function of the human arm. This part of the study aims at demonstrating what is an initial base in the formation and decoding of metaphorical meanings.

Thus, the metaphor *arm* — 'a narrow strip of water or land projecting from a larger body' is based on the comparison of a narrow strip of water/land with the human arm which is an extension (projection) of the human body to the same extent as a narrow strait/shallow/sandbank appears in the form of part of a landscape, which protrudes from a larger plot of land. The semantic components (*strip of water/land projecting from a larger part; narrow*) form the basis of this meaning.

The meaning '*arm of a company/organisation*' is based upon the comparison of a branch of an organisation with the human arm which functions independently, but which is part of the body (the components '*a division of a company/organisation, a smaller part of it*' underlie the basis of this meaning).

In the above-adduced and subsequent meanings, the anthropomorphic principle is realised of the conceptualisation and, further on, nomination of objects and phenomena of the environment where a person, while placing themselves in the centre, becomes the main orienting point, a reference point and a personification of all surrounding objects and phenomena to which they attribute their own characteristics [1; 2; 3]. These objects become embodied, being likened to the appearance, structure and functioning of the human body as the closest of all tangible objects. Since these objects and phenomena look and "behave" in the same way as human beings, there occurs "the translucence" or "oscillation" of the semantics and/or visualised background conceptualisation of a corresponding part of the human body through the semantics of these embodied objects.

Thus, the metaphorical meaning '*arm of angles*' (any of the usually two parts of a chromosome lateral to the centromere) is based on the schematic representation of a beam (in geometry) passing through one point and forming the sides of an angle. In this respect, human arms, raised at an angle, may quite resemble such a geometric figure as a combination of two semi-linear beams with a common point. It is possible to single out the following components in the basis of the semantics of this meaning: *combination of two half-lines/beams; with a common endpoint*.

Such are the metaphors *arm of an anchor* (based on the comparison of part of an anchor, reaching from "the top to the palm", with the reached-out arms of a man), as well as *arm of a chromosome* (any of the usually two parts of a chromosome lateral to the centromere). The latter represents any of the usually two lateral parts of a chromosome, which is likened to the human arm (components *one of the two threadlike structures of nuclear acids; carrying genetic information; lateral*).

The following meaning is of interest because it fully confirms a fact that this polysemantic word (*arm*) conveys a conception of any object the appearance and function, the position or form of which are related to the human arm: *arm* is a thing comparable to an arm in a form or function; anything considered to resume an arm in appearance, position, or function: an arm of a counterweight/completed machine/cables/stabiliser/cultivators/bridge/tractor/robotic/landing/sea/record player etc.

Thus, man thinks anthropocentrically (man is a centre of the universe) and anthropomorphically (everything around functions according to the image and similarity of how the human body is arranged and functions, and, conversely, the properties of objects which are the most important for a human being are transferred to humans themselves). In this regard, the anthropocentric/anthropomorphic way of the conceptualisation and verbalisation of the reality is both universal and nationally specific.

This approach gives priority to a systematic view of the meaning of words, which is considered as a reflection of an amount of knowledge that is contained in a corresponding cognitive structure. Searches for a basis of the naive anthropomorphic imaginative foundation in the content-related organisation of language gave an impulse to an invariant semantic analysis of vocabulary.

Apart from this specific feature of the above-analysed polysemant, there exists another important question connected with the semantic identity of a polysemantic word: what exactly ties up all meanings of a word, preventing it from breaking up into homonyms. This problem can be solved by admitting a non-contextual invariant meaning which is of general kind and which is formed on the basis of the functioning of a word at the level of a language system.

An empirically carried-out component analysis of some metaphorical meanings made it possible to identify the most frequent semantic components of all redefined meanings. Such components as *something long/narrow, lateral, projects from a larger structure; and a smaller division of a company/organisation* reflect an anthropomorphic worldview of an average native speaker that *the arm* is the most important functional constituent part of the main object which is much more complex and significant in size and structure, and this part, as it were, protrudes from a larger structure. The analysis led to the objective formulation of such an abstract informative core of a polysemant (its lexical invariant).

In this connection, our thinking is quite predictable and it projects figurative and schematic models of knowledge, according to certain algorithms, from a more embodied source domain on a less understandable target domain for the purpose of the better handling of concepts.

The revealed abstract schematic construct makes it possible to fix man's stereotypical anthropomorphic reflection of objects and phenomena corresponding to both naive and scientific (*arm of angles in maths*) worldviews, which is the refracted human reflection of reality as a certain stage in the development of man's consciousness.

Thus, in the context of this paper, we have demonstrated based on the material of the specific semantic structure of the word (*arm*) that our body (or rather its struc-

ture and functioning) determines vital aspects of our thinking, verbalisation and, in general, existence. The description of the functioning of the human body is absolutely projected both on surrounding objects and abstract concepts which are often difficult to comprehend [7].

In view of the fact that the lexeme (*arm*) contains some found-out anthropocentric components connected with the human body that is capable of generating new associations, it may be assumed that the analysed polysemant (*arm*) will continue its anthropocentric development in the direction of a lexical invariant [4; 5; 10]. The functioning of the chosen lexical construct in consciousness follows from the fact that human consciousness memorises situations when these figurative components were implemented in semantic structures of assertions.

In summary, the above-presented fragment of the analysis of commonly occurring lexical units of anthropomorphic nature has demonstrated our view of the surrounding reality through the prism of embodied consciousness. In this case, the perceived reality is in many ways based on the nature of our unique human embodiment. It is safe to say that language does not reflect the world around us directly: it mirrors our unique human interpretation of the understanding of the world. In this context, we view our world through the prism of our own embodiment.

This does not mean that cognitive linguists deny the existence of the objective physical world independent of humans. They are now becoming increasingly aware that parts of the external reality, to which we have a conceptual access, are largely limited both by our own ecological niche to which we have adapted and by the nature of our embodiment. Such a view of the reality drew its name as experimentalism or empirical realism. Experimental realism admits that there exists the external reality that is reflected in concepts and language. This reality is mediated by our unique human experience which imposes limitations on the nature of this reality. Due to the fact that we are adapted to a specific ecological niche that has a certain shape and configuration, our bodies and consciousness imperatively ensure some unique attitude to the world or a way of seeing it among many possible perspectives.

The fact that our experience is embodied, i.e. to some extent structured depending on physiological parameters and features of the functioning of our body and our nervous system, has significant bearing on the course of cognition processes and their further emergence in language. An important consequence of studying processes of conceptualisation and mechanisms of the structuring and storage of accumulated information, including language information, is the circumstance that this knowledge lifts the veil on a secrecy regarding what our idea of what reality is.

References

1. Druzhinin A.S., Pesina S.A. Figura nabljudatelya kak klyuchevoi faktor semanticheskoi interpretatsii vremen v obuchenii grammatike angliyskogo yazyka [The figure of an observer as a key factor in the semantic interpretation of tense in teaching the grammar of the English language]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Theory and Practice]. No. 11. 2017. Pp. 194—197.
2. Nazarova O.L., Pesina S.A. Social'nyi kharakter yazyka kak sovokupnost' kollektivnykh tipizirovannykh znakovykh situatsiy [The social character of language as a set of collective typified sign situations]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics]. No. 3. 2016. Pp. 134—140.
3. Pesina S.A. Metodika opredeleniya soderzhatel'nogo yadra mnogoznachnogo sushchestvitel'nogo sovremennogo angliyskogo yazyka [A procedure of determining the contentive core of a polysemous noun in modern English]. *Izvestiya Rossiyskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta imeni A. I. Gercena: Obshchestvennyye i gumanitarnyye nauki* [The Bulletin of State Pedagogical University named after A. I. Gertsen: Social and Human Sciences]. No. 5 (11). 2005. Pp. 51—59.
4. Pesina S.A. Ot invarianta mnogoznachnogo slova k leksicheskomu prototipu [Proceeding from the invariant of a polysemous word to a lexical prototype]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki: Materialy mezhdunarodnoi konferentsii* [Issues of Cognitive Linguistics: Proceedings of International Conference]. No. 2. Tambov, 2006. Pp. 53—61.
5. Pesina S.A. Funktsionirovaniye polisemantov v mekhanizmaxh rechevroizvodstva [The functioning of polysemants in mechanisms of speech production]. *Frazeologicheskiye chteniya pamyati professora V. A. Lebedinskoi* [Phraseological readings in memory of Professor V. A. Lebedinskaya]. Issue 4. Kurgan, 2008. Pp. 113—115.
6. Pesina S.A. Funktsionirovanie slova v protsessakh myshleniya i kommunikatsii. Kognitivnyye issledovaniya yazyka [The functioning of a word in processes of thinking and communication. Cognitive Studies of Language]. Issue VIII. *Problemy yazykovogo soznaniya* [Problems of Linguistic Consciousness]. Moscow, Tambov, 2011. Pp. 79—81.
7. Pesina S.A. Kognitivnyye mekhanizmy profilirovaniya professional'nogo znaniya: formirovaniye ponyatiy [Cognitive mechanisms of profiling professional knowledge: the formation of concepts] // *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya i iskusstvovedeniye* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology and Art Criticism], Issue 57, No. 24 (239). 2011. - Pp. 43—45.
8. Pesina S.A. *Invariantnost' v kognitivnoi lingvistike i filosofii yazyka* [Invariance in Cognitive Linguistics and the Philosophy of Language]. Moscow, 2014.
9. Lakoff G., Johnson M. *Philosophy in the flesh: The embodied mind and its challenge to Western thought*. New York, 1999.
10. Novikov D.N., Pesina S.A. Biosemiotics and Prototype Semantics in Understanding Lexical Polysemy: Implications for Applied Linguistics // *The magic of innovation. New techniques and technologies in teaching foreign languages* / Edited by Dmitry A. Kryachkov, Elena B. Yastrebova, Olga A. Kravtsova. Newcastle-upon-Tyne, 2015. - Pp. 275—294.

Information about the authors

Svetlana Andreyevna Pesina — Doctor of Philology, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the English Language Chair of St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, Professor of the Chair of English Philology and Cultural Linguistics of St. Petersburg State University. spesina@bk.ru

Lyalya Gainullova Yusupova — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Chair of Foreign Languages and Business Communication, Ural State Mining University. lyalyax@bk.ru

Irina Rudolfovna Pulekha — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Magnitogorsk State Technical University named after G. I. Nosov. irinapulekha@mail.ru

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ Н. В. ГЛУХИХ
«ДЕЛОВОЙ ЭПИСТОЛЯРИЙ КОНЦА XVIII — НАЧАЛА XIX В.
НА ЮЖНОМ УРАЛЕ: ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА»
(МОСКВА: ФЛИНТА, 2018. 2-Е ИЗД. 169 С.)**

А. А. Миронова

Южно-Уральский государственный педагогический университет, Челябинск, Россия

Монография доктора филологических наук, доцента Н. В. Глухих посвящена исследованию текста делового эпистолярия конца XVIII — начала XIX в., выполнена на материале памятников деловой письменности, хранящихся в Объединенном государственном архиве Челябинской области. Автор опирается на большой, репрезентативный материал пяти исторических фондов архива (более 15000 архивных скорописных страниц).

В монографии рассматривается место делового эпистолярия в системе русского литературного языка, специфические черты, типологические признаки, отношение к формирующейся норме русского литературного языка и русского национального общения. Применяется интегрированный подход к анализу региональных скорописных памятников заводского документооборота: источниковедческие методики в сочетании с коммуникативно-стилистическими позволяют разносторонне и полно представить коммуникативную природу и типологическую характеристику делового эпистолярия. Главное достоинство монографии — в современной интерпретации исторического текста, в результате которой определена система типологических признаков (текстовых категорий) делового эпистолярного текста конца XVIII — начала XIX в., исследованы маркированные единицы разных языковых уровней, обусловленные коммуникативными интенциями авторов.

В монографии представлено авторское видение процесса деловой коммуникации конца XVIII — начала XIX в. на Южном Урале. Авторская классификация деловых эпистолярных текстов основана на комплексе классификационных признаков: тематического, функционального, векторного, социолингвистического. Анализ проблемы квалификации и виды эпистолярных текстов в заводском делопроизводстве конца XVIII — начала XIX вв. содержится в I главе монографии. Тематический признак определяет содержание текста письма (монотематического или политематического), функци-

ональный — влияет на назначение письма и характер воздействия на адресата (например, письма-рапорты, письма-предписания, письма-подтверждения и т. п.), векторный признак указывает направление коммуникации (вертикальная и горизонтальная), социолингвистический отражает социальный статус коммуникантов (заводчики, приказчики, управляющие и т. п.).

Автор убедительно и последовательно доказывает, что исследуемый эпистолярный характеризуется профессионально-производственной специфичностью, этикетностью, многотемностью, личностной ориентированностью, согласованностью на основе общих фоновых знаний респондентов, диалогичностью в составе общего процесса коммуникации, в языковом плане — присутствием разностильных элементов. Лингвистическая характеристика текстов писем многоаспектна, сопровождается ярким иллюстративным материалом.

Во второй главе представлена система типологических признаков (текстовых категорий) делового эпистолярия конца XVIII — начала XIX вв.: категории информативности, диалогичности, времени и пространства, текстового хронотопа, текстовой модальности (тональности), цельности и связности. Выявлены и систематизированы текстообразующие языковые средства их реализации в исследуемых текстах. Описывается речевое поведение коммуникантов, обусловленное социальной ролью и соответствующей интенцией. Убедительно показано, что коммуниканты деловой переписки представлены системой целенаправленных речевых действий: реакции, иллюкуции, служение этикету; коммуникативные смыслы и намерения реализуются на всех уровнях текста: высказывание, структурные части, языковое оформление, содержание; на формирование номенклатуры высказываний и арсенала языковых текстообразующих средств существенное влияние оказывают производственная деятельность и социальная роль. Документы данной эпохи с этих позиций ранее

(до исследования Н. В. Глухих) с таких позиций не рассматривались. Поэтому выводы представляют особый интерес для дальнейших научных изысканий.

В целом в монографии доказано заявленное в начале положение о том, что деловой эпистолярный текст — это эпистолярная форма речевого произведения, имеющего специфические функциональные и формально-содержательные показатели, использующего языковые единицы, соответствующие речевой ситуации, отражающего дистантный тип коммуникации — монолог.

В Приложениях к монографии содержатся образцы исследованных транслитерированных текстов — письмо заводчика Н. Н. Демидова приказчикам кыштымских заводов, рапорт, ордер, запрос и объяснение, несколько фотокопий документов. Такое приложение позволяет современному читателю зрительно представить исторический документ, а транслитерированные письма подтверждают достоверность приведенного анализа.

Второе издание монографии актуализировано, расширено, дополнено аналитическим и иллюстративным материалом, включено в электронные библиотечные системы («Лань», «Библиоклуб.ру», ЭБС ЮУрГГПУ).

Монография Н. В. Глухих обобщает многолетнюю исследовательскую работу с архивными документами конца XVIII — начала XIX вв., вносит важный вклад в исследование эволюции делового письма в истории русского языка. В теоретическом плане ценным является разработка функциональной исторической стилистики; определение жанровой типологии деловой речи в соответствии с целевой структурой делового эпистолярного дискурса; в представлении на принципиально новых основаниях системы текстовых категорий исторического текста делового характера. Монография может быть практически использована при изучении истории русского языка, лингвистического краеведения, коммуникативно-стилистического анализа текста, истории делопроизводства.

Сведения об авторе

Миронова Александра Анатольевна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и методики обучения русскому языку, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет. Челябинск, Россия. amiron_rus@mail.ru

REVIEW OF N.V. GLUKHIKH'S MONOGRAPH "BUSINESS EPISTOLARY IN THE SOUTH URALS IN THE LATE 18TH — EARLY 19TH CENTURIES: TEXT LINGUISTICS"

A. A. Mironova

South Ural State Humanitarian Pedagogical University Chelyabinsk, Russia. amiron_rus@mail.ru

Вестник Челябинского государственного университета.
2019. № 10 (432). Филологические науки. Вып. 118. С. 230—231.

DOI 10.24411/1994-2796-2019-11033

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ Ю. П. ФЕОКТИСТОВОЙ
«ПОЭТИКА ПРОЗАИЧЕСКИХ МИКРОЦИКЛОВ
В РУССКОЙ МАЛОЙ ПРОЗЕ 20-Х ГОДОВ XX ВЕКА»
(ЧЕЛЯБИНСК: ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР ЮУРГУ, 2019. 167 С.)**

Л. С. Яницкий

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

Монография кандидата филологических наук Ю. П. Феоктистовой посвящена актуальной в современном литературоведении проблеме прозаического микроцикла. Автору удается убедительно показать значимость процессов циклизации в малой прозе и важность циклообразования в переломные моменты историко-литературного развития.

Автором проведен развернутый и детальный обзор научной литературы по теме исследования, включая как отечественные, так и зарубежные источники. Используемый в монографии понятийный аппарат определило то, что поэтика микроциклов рассматривается Ю. П. Феоктистовой с позиции генезиса и динамики изучаемых текстов, а также структурных моделей, разработанных писателями. В поле зрения исследователя попали не только широко известные работы по циклизации, но и исследования, опубликованные несколько десятилетий назад в региональных издательствах и в настоящее время редко упоминаемые. Обзор сам по себе обладает высокой научной ценностью и может быть использован при исследовании данной проблематики другими специалистами. Список использованной литературы состоит из более чем 200 художественных, научных и критических источников на русском и иностранных языках. С учетом выбранных подходов к материалу исследования, монографию Ю. П. Феоктистовой можно отнести к работам, выполненным в русле научной школы Н. Л. Лейдермана, к тому же, она продолжает развивать уже обозначенные и апробированные его учениками идеи циклостроения и циклообразования (труды Н. Л. Лейдермана, Е. В. Пономаревой, Л. Д. Гутриной, А. В. Тагильцева).

Ю. П. Феоктистова с пристальным вниманием к деталям анализирует несколько десятков (более 60) произведений русских писателей, показывая глубокий уровень понимания художественного материала и несомненную филологическую эрудицию. Анализ текстов произведений выполнен

на высоком профессиональном литературоведческом уровне. При этом среди проанализированных циклов есть как созданные известными писателями, так и теми авторами, к творчеству которых редко обращались и обращаются литературоведы. Многие тексты впервые вводятся в научный оборот. Рассматривая прозаические микроциклы 20-х годов XX века, автор, помимо прочего, создает свой целостный образ этой переломной эпохи в русской литературе.

Исследование Ю. П. Феоктистовой характеризуется весьма серьезной теоретической основой: в монографии рассматриваются ключевые проблемы поэтики микроцикла, такие как символика числовой структуры, заголовочно-финальный комплекс, композиция микроциклических единств и т. п. Подробнейшее внимание уделяется типологии прозаических микроциклов. Необходимость объяснить причину функционирования микроциклов в литературе 1920-х годов, особенности их жанровой природы, а также внутреннее строение и отношения между компонентами микроциклических единств побудила Ю. П. Феоктистову в двух первых главах монографии систематизировать и обобщить выработанные наукой знания о прозаических циклах и микроциклах. Результатом первой части монографии можно считать систематизацию имеющегося в науке представления о типологии микроциклов, введение в научный оборот художественных текстов, написанных в 1920-е годы и укладывающихся в эту типологию, а также сформулированное определение микроцикла.

В двух последних главах монографии Ю. П. Феоктистова в полной мере раскрывает свои аналитические навыки, исследуя типы двухкомпонентных и трехкомпонентных микроциклов в литературе 1920-х годов. Поэтому данная часть монографии вызывает наибольший интерес и указывает на качество исследовательского зрения автора. В этих главах убедительно демонстрируется,

как в двух- и трехкомпонентных микроциклах соотносятся элементы художественной системы. Демонстрация процесса жанрообразовательной динамики в литературном процессе 20-х годов XX века также представляется важным итогом второй части работы. Чтобы более полно показать, как из двух и трех компонентов строится целостность художественной системы, автор осуществляет анализ микроциклов на уровне тематики и системы образов, а также на уровнях принципов организации повествования, композиционном, ритмико-интонационном, числовой семантики и т. д.

Можно с уверенностью утверждать, что на дан-

ный момент монография Ю. П. Феоктистовой является самым глубоким и развернутым исследованием прозаических микроциклов в отечественном литературоведении.

Монография обладает не только несомненной научной ценностью, но и методической значимостью, поскольку ее материал может широко использоваться при разработке и преподавании учебных дисциплин на уровнях бакалавриата и магистратуры, а также может применяться учителями средней школы при подготовке и проведении занятий.

Сведения об авторе

Яницкий Леонид Сергеевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры социологических наук Кемеровского государственного университета.

**REVIEW OF YU.P. FEOKTISTOVA'S MONOGRAPH
"POETICS OF PROSAIC MICROCYCLES IN RUSSIAN SMALL PROSE
OF THE 20S OF THE 20 CENTURY"
(CHELYABINSK: PUBLISHING CENTER OF SUSU, 2019. 167 P.)**

L. S. Yanitsky

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia